

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

13

центр/ downtown

Спонсоры номера

Группа компаний
«Деметра»
тел.: 3952-258-235
факс: 3952-258-235
www.demetra.ru

события	
Пленум Правления Союза архитекторов в Ставрополе.....	2
ДВ ЗОДЧЕСТВО - 2007.....	3
Выездное заседание Президиума Правления Союза архитекторов России.....	5
Якутия – далекая и близкая.....	5
интернет-дайджест.....	11
трибуна	
С огромной «Двойкой» в дневнике.....	12
Скверы, которые мы потеряли.....	16
выставки	
Негромкий голос человека.....	18
дизайн	
Визуальные коммуникации Иркутска. Загадки щитовой рекламы.....	20
Вывеска – фасад: кто кого?.....	24
Поиск образа города.....	26
новостройки	
Пекарня для обслуживания автомобилистов.....	30
Реконструкция начальной школы со спортивным залом.....	31
квартирный вопрос	
Мы – в подготовительном классе рынка жилья.....	32
Аскеты и атлеты, Фуру и Темаскаль.....	33
агломерация	
О природе и возможностях процесса агломерирования.....	38
Зачем России нужны агломерации?.....	38
Некоторые суждения об Иркутской агломерации и проблемах ее развития.....	42
SOS	
Архиерейская Дача в Иркутске.....	43
эксперт	
Жилой дом по улице Володарского, № 3 в Иркутске.....	44
Постройки иркутского архитектора В.А. Рассушина.....	48
русский восток	
Русские архитекторы в Китае.....	53
фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2007»	
Хроника фестиваля.....	62
Что может стать брендом Иркутска.....	64
Дом «на ногах».....	66
ГРАДСОВЕТ «Проблемы архитектурного развития прибайкальской туристической зоны».....	70
Каталог.....	76
город шамана	
Хроника фестиваля.....	87
Каталог участников.....	92

Издательская группа
выражает благодарность
за помощь и поддержку в
создании журнала главному
редактору журнала проект
россия Барту Голдхоорну и
издательству А-Фонд

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40

e-mail: sar@irk.ru

главный редактор
Владимир Бух
координатор проекта
Елена Григорьева
редактор раздела
«События»
Хадича Дулатова
редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Наташа Шкедова
редактор раздела
«Русский Восток»
Николай Крадин
редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов

верстка
Жанна Измайлова
корректор Галина Костина
отдел рекламы
Ольга Павлова
Ирина Бакшеева
Ольга Афанасьева

Выражаем благодарность за
участие в подготовке номера
Татьяне Анненковой
Ольге Анисиной
Алле Бородиной
Денису Шульгину
Инне Дружининой
Руслану Хотулеву

печать
ОАО «Иркутская областная
типография № 1»
им. В.М. Посохина
Тираж 999 экз.
Подписано в печать 06.09.07'

периодичность
4 раза в год
Использование текстовых и
фотоматериалов, опублико-
ванных в настоящем издании,
допускается только с письмен-
ного разрешения редакции.
За содержание рекламной
информации редакция ответс-

твенности не несет. Мнение
редакции не всегда совпадает
с мнением авторов

фото на обложке
Андрея Ляпина,
Светланы Середенкиной

На стр. 100 ПБ 12 В. Бух оши-
бочно включен в авторский
коллектив генерального плана
жилого комплекса на берегу
Чертугеевского залива. В разра-
ботке принятого варианта генп-
лана архитектор В. Бух участия
не принимал.

Пленум Правления Союза архитекторов в Ставрополе

1 и 2 июня 2007 года в Ставрополе состоялся VI Пленум Правления Союза архитекторов России и VII Форум архитекторов Юга России. Место проведения – ДК «Ставрополь» и Ставропольский Дом архитектора.

В рамках Пленума состоялись круглые столы: «Градостроительные и юридические проблемы реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» на Юге России» (ведущий Рысин Ю.В., председатель Краснодарской организации СА России, главный архитектор Краснодарского края); «Архитектура и типология социального жилья» (ведущий Воронцов А.Р., первый вице-президент СА России); «Нормативно-правовое обеспечение профессиональной деятельности архитекторов» (ведущий Логвинов В.Н., президент Союза Московских архитекторов, вице-президент СА России).

Ведущие российские архитекторы Рейнберг М.А. (Санкт-Петербург) и Рыбин Ю.В. (Анапа) прочитали лекции о своем творчестве. Были организованы выставки: об архитектуре Ставрополя, о реали-

зации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» в ЮФО, состоялся Смотр архитектурных произведений Юга России и прием в члены Союза архитекторов.

Была выполнена также большая экскурсионная программа: по историческому и современному Ставрополю и в Домбай.

Темы, обсуждавшиеся на Пленуме:

1. Участие организаций СА России в разработке архитектуры и типологии жилья в рамках реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» в Южном федеральном округе.

На Пленуме в Ставрополе рассмотрен ход реализации этого проекта в Южном федеральном округе. Уже сегодня можно прогнозировать возникающие сложности, которые в ближайшем будущем будут иметь продолжение. Это выделение и подготовка участков территорий под реализацию проекта, острая недостаточность документов территориального планирования и правил землепользования и застройки, кадров градостроителей различных специальностей.

Необходимо пересмотреть расценки на разработку градостроительных проектов. До сих пор нет структуры доступного жилья как по назначению, так и по характеру собственности. Пленум рекомендовал активно проводить конкурсы на доступное жилье, чтобы определиться с номенклатурой проектов, отражающих особенности того или иного региона.

2. О реализации решений V Пленума Правления СА России и введении квалификационной аттестации архитекторов на право осуществления самостоятельной профессиональной деятельности на территории Российской Федерации.

Пленум продолжил рассмотрение пакета документов, разработанных в связи с преобразованием Союза архитекторов в саморегулируемую организацию. В соответствии с решением VI Съезда Союза архитекторов России о необходимости обретения Союзом статуса общероссийской саморегулируемой организации, ответственной перед обществом за качество предоставляемых услуг в сфере градостроительства и архитектуры,

решением VI пленума Правления СА России и в соответствии с п. 2.1. Устава СА России предлагается ввести квалификационную аттестацию архитекторов на право осуществления самостоятельной профессиональной деятельности на территории Российской Федерации.

Такое решение необходимо для защиты потребителей от непрофессиональных проектных и строительных решений, для обеспечения безопасности городов и поселений. Мировая практика архитектурной деятельности свидетельствует о необходимости такой меры, будь то лицензирование, которое было у нас отменено, или аттестация, которую намерен проводить Союз архитекторов России. Большинство стран мира проводит такое лицензирование еще и для того, чтобы архитектор-практик постоянно совершенствовал свои знания и опыт в проектировании и строительстве.

Определено, что квалификационный аттестат выдается Центральной квалификационной комиссией Союза архитекторов России на основании предоставляемых организациями СА России сведений о ранее лицензированных архитекторах соответствующих организаций и декларации претендента на получение квалификационного аттестата о своей профессиональной деятельности за период с 2002 по 2007 год по установленной Правлением СА России форме.

Большая работа проделана группой членов Президиума правления СА России по разработке поправок в Градостроительный кодекс РФ, касающихся создания саморегулируемых организаций в области архитектурно-строительного проектирования, основанных на членстве физических лиц, осуществляющих самостоятельную архитектурную и инженерную деятельность при проектировании для строительства. Эта работа должна также получить оценку Правления Союза.

Фото Юрий Сдобнов

ДВ ЗОДЧЕСТВО - 2007

В конце мая 2007 года, в День города, в Хабаровске состоялся очередной, уже 11-й по счету, Дальневосточный архитектурный фестиваль «ДВ ЗОДЧЕСТВО – 2007» имени Заслуженного архитектора России А.С.Ческидова. Известный в России хабаровский архитектор Александр Сергеевич Ческидов, член-корреспондент РААСН, трагически погибший в 2000 году, был инициатором проведения этих фестивалей, и вот уже в седьмой раз они проходят без его участия. Кстати, 5 марта этого года исполнилось бы 70 лет со дня его рождения.

В творческом состязании на фестивале были представлены архитектурные произведения, выполненные архитекторами Республики Саха (Якутия), Приморского и Хабаровского краёв, Амурской, Камчатской и Сахалинской областей. Кроме того, и это тоже традиция, в рамках фестиваля проводился конкурс лучших студенческих архитектурных и дизайнерских работ, в котором приняли участие архитектурные школы Дальнего Востока из городов Благовещенска, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска. Не были забыты и детские художественные школы – они тоже принимали участие в творческом состязании.

Оценка студенческих работ проводилась по двум номинациям: архитектура и урбанистика; дизайн архитектурной среды. За лучшие работы присуждались золотые, серебряные и бронзовые медали, причем золотые медали сопровождалась денежными премиями, вызвавшими в студенческой среде одобрение. По некоторым номинациям, особенно за работы старшекурсников, размер премии значительно превышал размер студенческой стипендии.

За достижение высоких стабильных результатов в деле подготовки архитектурных кадров на Дальнем Востоке малой золотой медалью и дипломом Хабаровской международной ярмарки были награждены ведущие в регионе вузы – Институт

архитектуры, искусства и дизайна ДВГТУ и Институт архитектуры и строительства Тихоокеанского государственного университета. Золотые дипломы и денежные премии за высокие успехи в развитии детского архитектурно-художественного творчества получили детские художественные студии «Хехцирские узоры», «ДОМ» и муниципальное образовательное учреждение «Политехнический лицей».

В течение двух дней главное жюри конкурса рассматривало произведения, выполненные профессиональными архитекторами. В разделе «Постройки» было представлено 38 работ, в разделе «Проекты» – 85 и по разделу «Пропаганда архитектуры» – 4 работы. В первых двух разделах представленные работы были сгруппированы по нескольким номинациям.

Рассматривая ежегодно представляемые разными городами работы, мы видим все те изменения, которые происходят в региональной архитектуре. Сегодня уже ни для кого не секрет, что в российских регионах значительно повышается качественный уровень архитектуры, и она несколько не отстает от центральных регионов. Разве что размах и объемы строительства не те, что в Москве. Красноречивым свидетельством и подтверждением этих изменений в региональной архитектуре являются Государственные премии России в области архитектуры, полученные архитекторами Якутска, Иркутска и Хабаровска в последние годы.

На мой взгляд, стабильно высоко вот уже много лет подряд на Дальневосточном архитектурном фестивале выступают якутские архитекторы. Не стал исключением и нынешний конкурс. Нам, хабаровским педагогам, это особенно приятно, потому что довольно многие якутские архитекторы являются выпускниками именно хабаровской архитектурной школы. Уже три выпускника института архитектуры и строительства ТОГУ стали обладателями государственных премий в области архитектуры.

И в этот раз якутские архитекторы увезли из Хабаровска

несколько главных наград (Золотой диплом) в номинации по реставрации, раздел «Постройки» (Шишигин И.И., Алексеев М.В., Смышляева П.К. – за историко-архитектурный комплекс «Старый город» в Якутске) и два золотых диплома по разделу «Проекты» а номинациях по архитектуре жилых и общественных зданий и комплексов (Андронов И.С., Петров А.П., Холмогоров Ю.И., Алексеев М.В. – за проект «Международный центр «Олонхо» в Якутске») и в номинации реставрация и реконструкция (Карамзин Г.О., Румянцев Н.И., Никифоров С.Г., Алексеев Н.Н. за проект «Воссоздание Якутского кремля XVII в.»). Кроме того, в разделе «Постройки» им достался серебряный диплом за «Жилой дом на 40 квартир с 200 сотрудниками и магазином» (авторы Федоров Н.С., Иванова С.С.), несколько их работ были отмечены также дипломами фестиваля.

Из других лауреатов следует отметить хабаровских архитекторов: А.В. Алещенко, получившего золотой диплом с премией в разделе «Постройки» за «Жилой дом со встроенно-пристроенными магазинами, офисами и подземной автостоянкой по ул. Дзержинского в Хабаровске»; Курносова И.В., получившего золотой диплом и премию за построенный по его проекту «Храм Благовещенья Пресвятой Богородицы в городе Арсеньеве»;

А.А., А.Е., А.В. Мамешиных и С.С. Вялину, удостоенных серебряного диплома и премии за возведенный «Православный храм Святой Великомученицы Елизаветы по ул. Воронежской в Хабаровске», а также семейство Мамешиных и В.В. Бкзручко А.Л., награжденных премией и золотым дипломом за проект «Жилой комплекс с офисами и подземной автостоянкой в Хабаровске»; Алтухова, награжденного серебряным дипломом и премией за объект «Реконструкция Дома быта по ул. Шеронова в Хабаровске».

В номинации «Градостроительство» главные награды достались камчатским и приморским архитекторам за проекты «Архитектурная концепция застройки центра Северного планировочного района г. Петропавловска-Камчатского» (Михайлицкий И.Б., Бруев С.Н., при участии Остачкиной Т.И. Кудрявцевой Е.В.), «Генеральный план островных территорий и полуострова Песчаный Владивостокского городского округа» (группа в составе 10 архитекторов), а также «Научно-образовательный комплекс «Приморский океанариум» в г. Владивостоке» (Вишнякова Н.П., Дзюба В.В., Куйда Е.Н.).

Примечательно, что конкурс привлек внимание горожан и гостей города Хабаровска, его посетили тысячи людей.

Николай Крадин

Выездное заседание Президиума правления Союза архитекторов России

Выездное заседание Президиума правления Союза архитекторов России состоялось 5-6 июля в Якутске. Работу Президиума предварила обзорная экскурсия по архитектурным объектам города, которую провели для гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Хабаровска и Владивостока председатель правления Якутской организации СА Н.Н. Алексеев и авторы проектов. В атриуме гостиницы «Полярная звезда» была торжественно открыта выставка «Национальные приоритетные проекты».

Работу Президиума открыл Президент Союза архитекторов России Ю. П. Гнедовский. С докладами выступили

министр строительства и промышленности строительных материалов Республики Саха (Якутия) С.Я. Дереповский, представители Министерства транспорта, связи и информатики и Министерства экономического развития РС(Я), разработчики схемы территориального планирования РС(Я) ФГУП «РосНИПИ Урбанистики» (Санкт-Петербург). С докладами по территориальному планированию и современной архитектуре Якутии выступили Президент Российской академии архитектуры и строительных наук А.П. Кудрявцев и председатель Северной комиссии СА России А.И. Шипков.

Гости и хозяева посетили Музей мамонта в одном

из корпусов университета. Горячо обсудили итоги недавно прошедшего международного конкурса на Музей мамонта в Якутске.

На следующий день в гостинице на борту парохода «Красноярск» плодотворно прошли сразу три круглых стола по следующим темам: «Современная архитектура РС(Я) в рамках реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Искусственная среда обитания на Севере: расселение, градостроительство, жилище» и «Генеральный план города».

Фото Елена Григорьева

Якутия – далекая и близкая

Мегапроекты для большого рывка

Член Президиума СА России Елена Григорьева поделилась своими впечатлениями о работе выездного заседания Президиума правления Союза архитекторов России и от крупнейшего субъекта Российской Федерации – Республики Саха (Якутия).

Выездной Президиум Союза архитекторов России был приурочен к 375-летию основания города Якутска и присоединения северо-восточных земель к России. Правительство и общественность Республики Саха (Якутия) озабочены разработкой грамотной схемы территориального планирования. Правительство Республики подписало договор с «РосНИПИ Урбанистика» (бывший «Ленгипрогор», основан в 1929 г.) о создании схемы территориального планирования и сразу же собрало у себя Президиум САР и членов РААСН, чтобы ознакомить их с исходным положением дел и предложением экспертного сопровождения процесса разработки проекта. По мнению специалистов, это блестящий ход, дающий возможность обсуждения разных этапов СТП на самом высоком профессиональном уровне.

«РосНИПИ Урбанистика» (г. Санкт-Петербург) разработало СТП для Рязани, Чувашии и Ростовской области. Представители фирмы продемонстрировали участникам заседания матрицу, по которой ими создается СТП для Омской, Томской и Сахалинской областей, Карелии и Красноярского края с учетом градостроительных, рекреационных, природоохранных и других разделов. Они сообщили, что для Республики Саха будут разработаны три варианта схемы территориального планирования: оптимистичный, пессимистичный и стабильный. Члены республиканского правительства, архитекторы и ученые сделали стартовые доклады и поделились своим видением развития территории. Президент Союза архитекторов России Ю.П. Гнедовский привел в пример проектный семинар, устроенный в Сочи для обсуждения проекта Олимпийской заявки, на котором за три дня изменили концепцию Нижнеимеретинской набережной. Иркутской области, которая может быть, стоит последовать примеру мудрых соседей, ведь «РосНИПИ Урбанистика» выиграло тендер и на разработку СТП нашей будущей агломерации.

У якутов можно поучиться еще и тому, что они

приступают к схеме территориального планирования, предварительно приняв согласованную на всех уровнях с федеральными министерствами и инвесторами схему комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики республики до 2020 года. С ее разделами участников заседания ознакомили министр строительства и промышленности строительных материалов С.Я. Дереповский и его коллеги из других министерств. В реализацию мегапроектов до 2020 года планируется вложить 2,5 триллиона рублей.

Государственная программа по транспорту до 2011 года включает строительство железной дороги от Беркажита через Томмот до Якутска, до городов Олекминск и Ленск. Это покроет территорию, на которой проживает 80% населения Республики Саха. В перспективе железная дорога будет протянута до Магадана и порта Уэлен на Чукотке. Запланировано строительство сети автодорог, а также федеральной трассы «Колыма». Будет проводиться пополнение и реновация (обновление) флота, в том числе судами типа «река-море».

В бюджет заложена закупка самолетов для авиакомпа-

Президент СА России Ю.П. Гнедовский, первый вице-президент Б.С. Нелюбин, вице-президент Ю.А. Сдобнов

А.И. Шипков, В.П. Беличенко, С.Б. Киселев, Н.П. Крадин

нии «Якутия». Из 33 существующих республиканских аэропортов 23 передали в федеральную собственность. 2,3 млрд. руб. будет вложено в строительство нового аэровокзального комплекса в Якутске. Развитие дорожной сети позитивно отразится на снижении транспортной составляющей в себестоимости любой продукции, что очень важно для Республики Саха (Якутия).

70% нынешних объемов экономики республики составляют алмазодобыча, золото, строительство, транспорт и связь. Новое перспективное направление – это газодобыча, уголь и нефть. Гидроэнергетический комплекс Южной Якутии за счет строительства новых ГЭС на Алдане и других реках к 2020 г. с нынешних 7 млрд. кВт/час будет увеличен до 84,9 млрд. кВт/час. Каскад якутских ГЭС в перспективе будет объединен с Иркутской и Амурской гидросистемами.

Восточная зона Якутии – это золото и вся инфраструктура, связанная с его добычей. В Республике Саха найдены огромные запасы урана, в несколько раз превышающие запасы всех российских месторождений этого стратегического металла.

15 новых школ каждый год

Республика Саха представляет собой богатейшую сырьевую кладовую планеты, занимает площадь в 3,1 млн. кв. км, являясь самым большим субъектом РФ. Здесь популярна древняя легенда: когда Творец пролетал над Якутией, он держал в охапке несметные сокровища и выронил их, потому что у него замерзли руки. Годовая температурная амплитуда больше 100 градусов: от –70 до +30-40. На гигантской территории проживает всего 950 тыс. человек. 80% населения сосредоточено на юге республики. 60% – городские жители.

Из 18 млн. кв. м жилого фонда 12,5 млн. кв. м составляет ветхое и аварийное жилье. Это типичный результат колониальной политики государства, которое десятилетиями вывозило с территории природные ресурсы и не обращало внимания на социальные нужды людей. Решением накопившихся проблем занялись только в последние годы и уже добились некоторых результатов.

Серьезная проблема в Якутии – это гибель перспективных поселков, которые не сумели вписаться в условия рыночной экономики.

Правительство Республики работает над тем, чтобы сохранить населенные пункты. По мнению С.Н. Назарова (бывший председатель Правительства Республики Саха, архитектор по образованию), градообразующими элементами в северных поселениях являются школа и клуб. Как только закрывается школа, люди переезжают в районные центры и далее в столицу региона. А клубы для северян являются важным местом общения и сплочения, особенно в условиях активного возрождения национальной культуры. Возможно, в Якутии придут к тому, чтобы строить школы с выделенными клубно-спортивными блоками, которые могли бы стать центром притяжения всего населения поселка или городского района. Иркутские архитекторы еще в конце 70-х годов выиграли Всесоюзный конкурс, разработав проект такой школы.

Е.И. Григорьеву, крупного специалиста по проектированию школ, поразила республиканская программа строительства школ и объектов здравоохранения. При населении в 950 тыс. человек здесь планируется ежегодно строить по 15 школ и не менее 4 объектов здравоохранения.

Города-пирамиды:

от утопии к реальности
В 70-е годы на экраны СССР вышел фильм Сергея Герасимова «Любить человека» об архитекторе, разработавшем проект северного города-пирамиды, который максимально оберегал бы хрупкую природу Севера от воздействия человека, но при этом был бы комфортной средой обитания самих людей. Прототип героя – архитектор А.И. Шипков – в настоящее время является председателем Северной комиссии САР. Он принял участие в работе выездной сессии. В конце 60-х годов проект Шипкова выглядел фантастической утопией, но в начале XXI века можно считать, что его отдельные идеи частично воплощены в приполярном городе Айхал, где соединили закрытыми переходами детские сады, школы и жилье, избавив людей от необходимости выходить на 60-градусный мороз.

По мнению архитекторов, современные технологии позволяют реализовать проекты городов-пирамид. Ставшие популярными атриумные здания представляют собой шаг к реализации шипковской идеи. Современные иркутские школы оснащены атриумами – крытыми площадками, где дети могут размяться на перемене, не выбегая на улицу.

Градостроители, архитекторы и другие участники заседания обсуждали возможность разработки и реализации крупных имиджевых проектов в богатых регионах, управляемых мощными губернаторами.

В своем выступлении председатель Северной комиссии САР, заместитель представителя Академии Северного Форума в Москве архитектор А.И. Шипков приводил изречения Д.И. Менделеева: «Россия должна прекратить вывоз сырьевых ресурсов за рубеж на весь XX век и на следующий»; С.О. Макарова: «Россия своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан»; М.В. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном». Он отметил небывалый расцвет культуры древнего народа саха, его нацеленности на будущее.

Члены Президиума и приглашенные на обзорной экскурсии по городу Якутску

Старый город – заново отстроенные деревянные кварталы

Экскурсия по столице Якутии ярко показала пассивный настрой жителей и руководителей региона. Уже построены великолепные атриумные здания университета на 20 тысяч студентов, с отличными общежитиями. Авторы проекта университета получили Государственную премию. Сданы в эксплуатацию новые атриумные корпуса республиканского Центра материнства и детства, куда входят поликлиника, стационар, с зимними садами и прочим. Построен Центр культуры народов Севера. Активно проектируются и строятся социальные учреждения.

В Якутске недавно состоялся международный конкурс на Музей мамонта, в котором приняли участие итальянцы, американцы и местные архитекторы. Хотя организаторы конкурса выбрали американский проект, по мнению многих специалистов, лучшим был проект музея, разработанный «Якутскпроектом». Он прекрасно вписывается в пейзаж и учитывает дух места. Сторонники якутского проекта надеются, что результаты конкурса будут пересмотрены, поскольку он был проведен с отступлением от международных правил, в том числе и по процентному отношению

архитекторов в составе жюри. Экскурсия по столице региона показала, что местные архитекторы загружены работой, они увлеченно занимаются формотворчеством, активно используют в проектах национальные мотивы и стараются сделать свой город ярче и наряднее.

Жилье для Севера

Одна из самых тяжелых проблем Якутии – это природные катаклизмы, из-за которых страдают стихийные застройки, сделанные без учета местных условий. Отсутствие инженерного обустройства, низкий уровень благоустройства и озелененности, отсутствие достойной среды обитания типичны для сибирских городов и поселков. Эти проблемы являются немаловажными среди причин, вызывающих отток населения из Сибири в западные регионы России.

Главной темой выступления президента РААСН А.П. Кудрявцева стала озабоченность обезлюдиванием Дальнего Востока и Сибири. Россия не должна уходить с этих земель, здесь живут люди, которые нашли свою формулу жизни. Отток населения из Сибири составляет около 4%. По данным рес-

публиканской статистики, в Якутии миграционный процесс остановился, потому что все, кто хотел, уже уехали.

Интересным фактом для гостей стала информация о том, что при общей разрухе в сельском хозяйстве России якутские оленеводы сумели довольно быстро адаптироваться в современных условиях, переведя колхозные стада в родовую собственность. И хотя старики обращаются к начальству с просьбой убрать телевизоры, которые отвращают молодежь от оленеводства, тем не менее, животноводство развивается благодаря частной собственности.

Припомнили градостроительные ошибки прошлых лет, когда в северных поселках ставили относительно благоустроенные двухэтажные дома без учета образа жизни оленеводов, рыбаков и других сельских жителей. В итоге люди были вынуждены рядом с многоквартирными домами ставить чумы и палатки для сушки и выделки шкур, просушки и починки рыбацких сетей и других хозяйственных нужд. В якутских поселках необходимы индивидуальные дома с обширным подворьем, где можно содержать до 10-20 голов скота и другой жив-

ности. Для оленеводов необходимы базовые поселки, куда они время от времени возвращаются за припасами, медицинским обслуживанием и прочим.

С.Н. Назаров беспокоится за северные территории, где требуется новый подход к вахтовым поселкам. В настоящее время там внедряются канадские технологии. Обсуждалась газификация всех населенных пунктов, потому что тепло на Севере – это основа жизни.

По официальным данным, в Якутии нет безработицы, все население занято. Освоение гигантских сумм, заложенных в бюджете на развитие республики, придаст колоссальный толчок экономике региона, что повлечет за собой острую нехватку кадров. Где брать специалистов? Чем привлекать их для жизни и работы в экстремальных условиях северных территорий? Вопросов много – надо искать ответы.

О генпланах и градостроителях

В процессе обсуждения «Закона о местном самоуправлении» участники выездного заседания Союза архитекторов России констатировали, что он факти-

чески превратился в «Закон о самоуправстве мэров». В области архитектуры и градостроительства примеров тому несть числа. По поводу развития всех субъектов страны прозвучала мысль, что «скорость эскадры определяется не флагманом, а последним кораблем».

Специалисты-градостроители считают, что при разработке схем территориального планирования развитие пограничных земель должно решаться комплексно вместе с соседями. Иначе получаются парадоксальные проекты типа схемы территориального развития Московской области, которая представляет собой бублик с пустотой на месте Москвы и земель за пределами области. Процесс создания территориальной схемы обязательно должен идти параллельно с разработкой генпланов городов.

Из 24 тысяч муниципальных образований России только 1/3 имеют разработанные генпланы. Градоначальники остальных надеялись, а некоторые до сих пор, видимо, надеются, что как-нибудь обойдутся и без генпланов, хотя с 1 января 2008 г. в соответствии с Градостроительным кодексом строительство и выделение земель под застройку без наличия этого документа будет запрещено.

Академик А.П. Кудрявцев полагает, что, по самым скромным расчетам, в России необходимы не менее 6 тысяч специалистов по разработке градостроительной документации. Где их взять, если с начала 90-х годов практически все архитекторы-градостроители ушли в объемное проектирование из-за отсутствия работы по специальности? Ничтожная оплата труда градостроителей

также «вымывает» специалистов и убивает профессию. Например, Генплан Ярославля стоил 6 млн. рублей. На разработку Генплана Иркутска со скрипом было выделено 4 млн. рублей, и только впоследствии финансирование этих работ было увеличено. Профессионалы не могут выполнять гигантский объем работы за копейки. В связи с национальными проектами Правительство РФ изменило вектор отношения к градостроительству, вице-премьер Дмитрий Медведев дал указание внести в перечень специальность «Градостроительство» и с 1 сентября начать подготовку градостроителей в МАрХИ.

Хорошей новостью стало утверждение 6 июля Градостроительного кодекса Москвы в дополнение к Федеральному градкодексу. Специалисты считают, что региональные градкодексы необходимо ввести в каждом субъекте РФ с учетом местных условий.

О деревянных постройках
Участники выездной сессии САР побывали на экскурсии в заново восстановленном квартале деревянной застройки в Якутске. Все чистенько, аккуратненько, но этот новодел из калиброванных бревен производит ощущение искусственности. Президенты САР и РААСН, другие специалисты полагают, что при реставрации исторической деревянной застройки нужно все-таки оставлять большую часть подлинных элементов зданий и не надо стесняться того, что многие старинные постройки выглядят не очень хорошо. В исторической среде должно быть больше подлинного и меньше диснейленда.

Президент РААСН А.П. Кудрявцев и президент САР Ю.П. Гнедовский встретились с вице-президентом Якутии Е.И. Савиных и обсудили соглашение между РААСН и Республикой Саха (Якутия). Речь на встрече шла и об охране наследия и проблемах с ветхим жильем.

О климате, фундаментах и лосях

Хрупкая природа Севера живо напоминает сюжет рассказа Рэя Брэдбери «Бабочка», мораль которого

такова: любое неосторожное вмешательство в природу грозит катастрофическими последствиями в будущем. При этом в Якутии не драматизируют проблему глобального потепления. К ней относятся как к естественной циклической перемене климата каждые 10-50 лет, несмотря на то что именно жители северных территорий больше всего страдают от того, что их города протаивают, дома оседают и разрушаются, а колеи от гусеничного транспорта за один год могут превратиться в настоящие озера. В городе угольщиков Нерюнгри, заложенном во времена ГУЛАГа, никогда не было таких озер, как те, что появились в последние годы.

Крупный специалист по основаниям и фундаментам А.Н. Цеева в своем выступлении поделилась проблемами фундаментации северных городов. Там все стоит на сваях, при строительстве нельзя делать выемку грунта, при постройке дорог нельзя срезать горы, все должно строиться на насыпях. Это приводит к серьезному удорожанию строительства.

А.Н. Цеева поделилась своими впечатлениями от знакомства с американским опытом. Она отметила, что американцы предпочитают беречь свои природные ресурсы для будущих поколений и покупают сырье в других странах. Отношение жителей Аляски к природе ярко демонстрирует случай в Анкоридже, где на два небольших самолета набросился забредший из леса лось и покорежил их. На вопрос россиян, почему никто из летчиков не бросился с ружьем на зверя, им ответили, что на этой земле хозяином является лось и трогать его нельзя. Владельцы были спокойны: страховка за самолеты компенсирует затраты на ремонт, а успокоившийся лось ушел в тайгу целым и невредимым.

Главный принцип жизни на Севере – не навредить природе. В Якутии есть замечательное поверье: каждый якут имеет свое озеро и речку, что совсем не удивительно при несметном количестве разных водоемов. А.Н. Цеева считает, что нельзя стремиться к тотальному заселению региона, нужно выявить

земли, пригодные для этого, а большую часть территории сохранить заповедной как источник кислорода для Северного полушария.

«Автомобили, автомобили сегодня все заполнили...»

Автомобили в Якутске – это не просто средства передвижения, но и головная боль для владельцев и муниципальных органов. Количество их на душу населения превышает иркутские параметры. Местные власти насильственно выселили гаражи из города и получили второй город для автомобилей. От этого плохо всем. Сейчас взялись за проектирование зданий с подземными гаражами с вентилируемыми зазорами, чтобы избежать проблемы таяния вечной мерзлоты. (В прошлом номере журнала «Проект Байкал» публиковалась информация о проектах северных домов с неотопливаемыми техническими этажами, которые играют роль изоляционной подушки между мерзлотой и теплыми помещениями.)

Главная задача государства и общества в области градостроительства

В процессе обсуждения многочисленных проблем в области градостроительства

и архитектуры участники заседания пришли к выводу, что в настоящий момент важно научить саму власть соблюдать регламенты. Даже в тех регионах, где разработаны правила землепользования и застройки, где имеется карта зонирования, самыми злостными нарушителями часто оказываются первые лица, отдающие распоряжения по-строить что-то вопреки всем градостроительным регламентам. Надзорные органы, прокуратура и суды вместо того, чтобы действовать по закону, практически закрывают глаза на действия чиновных нарушителей. Для них аргументом является не нарушение градостроительных документов, а разрешение мэра или губернатора.

Участники выездного заседания Президиума САР не могли обойти и такой волнующий всех вопрос – планы ОАО «Газпром» возвести в исторической зоне Санкт-Петербурга офис-небоскреб. Представители российской и международной общественности, включая ЮНЕСКО и МСА, буквально засыпали обращениями Правительство и Президента РФ. Ответа удостоилось лишь сообщество русских эмигрантов, в которое входят наследники

престола Романовы. Это еще раз подчеркивает реальное отношение российской власти к мнению отечественной и международной общественности. Особенно цинично это выглядит на фоне официально декларируемого повышения роли гражданского общества в управлении государства, создания Федеральной общественной палаты в столице, разворачивающейся кампании по созданию региональных Общественных палат и т.д. Тем не менее, А.П. Кудрявцев считает, что общественность все-таки имеет определенную силу, ей удавалось остановить негативные процессы (у всех в памяти идея разворота северных рек, строительство трубы для стоков БЦБК в реку Иркут, строительство нефтепровода по северному берегу Байкала и т.д.) и спасти немало исторических памятников. Органы власти не должны и не смогут сбросить со счетов общественность с ее миссией по охране природы, истории, по защите социальных прав населения.

При обсуждении роли архитекторов припомнили выражение Гюстава Флора: «Архитектор – это человек, который мешает строить». Фраза это

полисемантична, каждый видит в ней свой смысл. Архитекторы, стремящиеся работать в соответствии с законами, часто неудобны властям и нуворишам, препятствуя им сносить памятники, нарушать регламенты и т.д. Было отмечено, что в корпусе главных архитекторов частично произошло перерождение: вместо профессионалов приходят менеджеры, автоматически оформляющие решения мэров или губернаторов.

Выездная сессия Президиума САР и членов РААСН в Якутске получилась чрезвычайно насыщенной и полезной. Участники единодушно отметили гостеприимство хозяев, устроивших великолепный прием. А полет из Якутска в Иркутск на турбовинтовом самолете позволил ощутить масштабы и красоту этого богатейшего края, в котором живут мужественные, талантливые и щедрые люди.

Ведущая рубрики
Хадича Дулатова
Фото Елена Григорьева

28-29 июня 2007 г. в г. Казани состоялся XXIII Совет главных архитекторов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Пленарное заседание Совета прошло 28 июня в Ратуше г. Казани.

Совет рассмотрел следующие вопросы:

- градостроительное законодательство;
- организация службы надзора за соблюдением градостроительного законодательства;
- рассмотрение проблематики исторических городов;
- вопросы Градостроительного кодекса Российской Федерации, касающиеся реставрации памятников истории, культуры и археологии;

– новая редакция Градостроительного кодекса Российской Федерации и закона об охране и сохранении историко-культурного наследия.

В рамках работы пленарного заседания Совета с докладом «Иркутская агломерация: развитие и новое промышленное освоение» выступил главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов.

По результатам работы пленарного заседания сделаны следующие выводы и рекомендации:

- Служба по надзору за соблюдением градостроительной дисциплины (создание которой диктуется Градостроительным кодексом Российской Федерации) в настоящий момент существует только в пяти субъектах Федерации.

– Постоянный мониторинг документов территориального планирования законодательно возможен и не противоречит законодательству Российской Федерации в том случае, когда он подкреплен законами, принятыми на местном уровне (г. Москва, Московская область, Краснодарский край). Необходимые условия – существование государственной проектной организации градостроительной направленности.

– Закон о градостроительной деятельности в субъекте Федерации существует в шестнадцати субъектах Российской Федерации, все остальные находятся только в стадии подготовки.

– Идет активная работа по внесению изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации.

– Настоятельно рекомендуется всем субъектам Федерации создать градостроительные советы при губернаторах субъектов Федерации.

Большинство из рекомендаций Совета в Иркутской области реализованы. Совет главных архитекторов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в лице его руководителя Александра Кузьмина, главного архитектора г. Москвы, выразил желание провести совещание в г. Иркутске в третьей декаде сентября 2007 г.

Губернаторская премия.
Номинант-2007

21 июня состоялось заседание Правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России по выдвижению на соискание премии губернатора Иркутской области в номинации «Архитектура». Из четырех включенных в список объектов подавляющим большинством был выбран объект «Группа жилых домов в историческом центре Иркутска» архитекторов Андрея Макарова, Александра Колесникова, Сергея Карпова – победитель только что закончившегося фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2007» в номинации «Жилые здания» раздела «Постройки». Этот объект публиковался ПБ на разных стадиях реализации (См. ПБ1, ПБ12). Градостроительный проект квартала Чкалова-Марата был отмечен серебром на Российском «Зодчестве» и «Интерархе». Решение Комиссии по губернаторским премиям будет обнародовано в начале октября.

Премия Фонда модернизации и развития «Общество»

По результатам Всероссийского конкурса научных работ Фонда модернизации и развития «Общество» работа профессора кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, доктора исторических наук, кандидата архитектуры Мееровича Марка Григорьевича (г. Иркутск) «Концепция социалистического расселения и современное градостроительное обеспечение национальных программ и проектов» (по направлению «история») удостоена 1-ой премии.

Вручение премии состоялось на Всероссийской научно-практической конференции «Россия XXI века: пути и перспективы развития», прошедшей 24-25 мая 2007 г. в Москве, в Центральном Доме ученых РАН. По итогам конференции издан сборник тезисов конференции и сборник научных работ лауреатов конкурса. Работа профессора М.Г. Мееровича также опубликована в бюллетене Фонда.

Королевский музей Онтарио

Место: Канада, Торонто
Архитектор: Даниэль Либескинд

«Новое сооружение, выступающее из старого неороманского здания музея, названо «Кристалл» – по очевидному сходству его форм с этим геологическим образованием. Но его высота в 37 м и энергия, с которой оно практически вырывается из блока основного комплекса ROM, заставляет вспомнить о других явлениях этой сферы: столкновениях тектонических плит, вулканах и землетрясениях.»

«Геологический феномен» – http://archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=4038&&fl=1&sl=1&tid_1=%25&tid_2=%25&tid_3=%25
официальный сайт автора – www.daniel-libeskind.com

Звуки воды

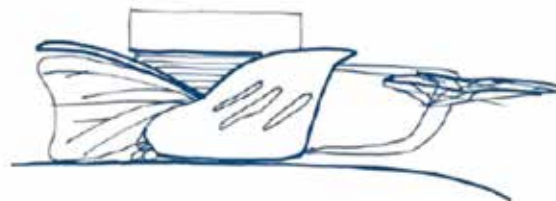

Место: Хорватия
Архитектор: Никола Башич

«Идея совместить отпуск на берегу тёплого моря с органной музыкой может показаться нелепой. И всё же именно благодаря этой странной «добавке» отдых в одном хорватском городке может стать чем-то неземным.»

«Береговой орган добывает морской саундтрек» – <http://www.membrana.ru/articles/global/2007/05/02/191200.html>

Чешуйчатый дом

Место: Хорватия
Архитектор: Никола Башич

«Гармошка или черепаха – вот на что похожа эта постройка. У неё много всяких необычных свойств, но особенно интересно то, что её жилое пространство зависит от времени года и от настроения хозяина. И как ни странно, история этой причудливой выдумки современной архитектуры тянется аж в позапрошлый век.»

«Баян: чешуйчатый дом увеличивается над ручьём» – www.membrana.ru/articles/global/2007/01/18/215000.html
Борис Цайссер (Boris Zeisser) и его супруга Мартье Ламмерс (Maartje Lammers), владельцы голландской фирмы 24H architecture – www.24h-architecture.com

С ОГРОМНОЙ «ДВОЙКОЙ» В ДНЕВНИКЕ имидж города в эпоху рыночной экономики

В июне 1996 года в Стамбуле состоялась Вторая конференция ООН по населенным пунктам (Хабитат II). На конференции были оглашены итоги большой работы, которую финансировали ООН и Всемирный Банк. С 1995 года Центр ООН по изучению поселений человека (UNCHS – Habitat) разрабатывает Всемирную базу данных по индикаторам состояния городов, являющуюся частью программы Habitat. Вот эта система индикаторов:

1. Тип проживания: формальная собственность, аренда, поселенцы, другие

2. Выселения: число семей, выселенных из жилья (с 1993 по 1998), % выселенных из числа поселенцев

3. Соотношение стоимости и аренды жилья к доходам

4. Соотношение стоимости земли к доходам: средняя стоимость кв. метра земли (высокоразработанные земли, среднеразработанные земли, «сырая» земля), средний месячный доход семьи, соотношение стоимости земли к среднему доходу (высокоразработанные земли, среднеразработанные земли, «сырая» земля)

5. Доступ к воде (количество домашних хозяйств с доступом к воде в пределах 200 метров)

6. Подключение домов к сетям: вода, канализация, электричество, телефон, отдельно – вода в неофициальных поселениях

7. Смертность среди детей до пяти лет (мальчики, девочки, в общем)

8. Зарегистрированный уровень преступности: убийства, насилия, кражи на тысячу горожан в год

9. Бедные домашние хозяйства: процент хозяйств ниже локально определенной черты бедности, процент матерей-одиночек, живущих ниже локальной черты бедности

10. Уровень образования (отдельно женщины и мужчины): начальное, среднее, высшее

11. Уровень грамотности: женщины, мужчины

12. Продолжительность жизни при рождении: женщины, мужчины

13. Население центрального города: женщины, мужчины, в целом

14. Население прилегающей агломерации: женщины, мужчины, в общем

15. Городское население страны: женщины, мужчины, в общем

16. Общее население страны: женщины, мужчины, в общем

17. Ежегодный прирост населения в центральном городе, в прилегающей агломерации, среди городского населения страны, в стране в целом: женщины, мужчины, в общем

18. Потребление воды в литрах на одного жителя в день (в официальных поселениях, в неофициальных поселениях)

19. Средняя цена на воду (за кубометр)

20. Водооборот (доля оборотных сточных вод в общем водопотреблении)

21. Обработка твердых отходов: санитарное закапывание, сжигание, открытые свалки, переработка (рисайклинг), сжигание на открытом воздухе, другое, общее количество

22. Время в пути (общее среднее время движения от дома до работы)

23. Способы добираться до работы, соотношение в процентах: частный транспорт, трамвай/электричка, автобус/маршрутное такси, велосипед/пешком, другое

24. Неофициальная занятость: процент женщин, занятых в неформальном секторе занятости, процент мужчин в неформальном секторе, средний процент

25. Городской валовой продукт на одного жителя

26. Безработица: среди женщин, среди мужчин, в целом

27. Доходы и расходы местного органа власти: доходы местных органов власти в расчете на одного жителя, расходы, сальдо (доходы минус расходы)

28. Жилищное право: Конституция или национальные законы включают право на адекватное жилье, Конституция включает защиту от выселения, закон препятствует

женщинам владеть землей, закон препятствует женщинам наследовать землю и недвижимость, закон препятствует женщинам получать залог на свое собственное имя (да, нет)

29. Уровень насилия в городе: есть ли районы, объявленные опасными (или недоступные для полиции), насилие в школе, официальная политика против насилия в семье, политика предотвращения преступлений, политика контроля над оружием, городская программа помощи жертвам преступлений

30. Система предотвращения и уменьшения последствий стихийных бедствий: Строительный кодекс, основанный на оценке уязвимости и опасности зданий, наличие карт опасных районов, страхование общественных и частных зданий от стихийных бедствий

31. Местные программы охраны окружающей среды: существует ли местная экологическая программа, институционализируется ли она, реализуется ли она

32. Общественное частное партнерство: существует ли партнерство последние пять лет, если «да», то сколько предприятий вовлечены в него

33. Уровень децентрализации: центральное правительство может закрыть местный орган власти, центральное правительство может удалить членов местного совета из офиса, местные власти могут контролировать уровень местных налогов, местные власти могут устанавливать обязательные выплаты жителей за услуги, местные власти могут заимствовать фонды, могут выбирать подрядчиков для городских проектов, могут перемещать фонды по предварительному согласованию

34. Вовлеченность граждан в управление городом: гражданское население участвует в обсуждении проектов строительства главных дорог и магистралей, граждане вовлечены в обсуждение зонирования города, граждане вовлечены в обсуждение всех основных проектов

35. Прозрачность и ответственность: регуляр-

ные независимые проверки деятельности муниципалитета, публичное обсуждение контрактов и тендеров, санкции против ошибок государственных служащих, законодательная база для разрешения конфликтов между городской властью и гражданами

36. Международная кооперация: присоединенность к ассоциациям местных властей, вовлеченность в межгородское сотрудничество¹.

Россия – страна специфическая. У нас нет частной собственности на землю, зато сохранились явные остатки крепостнической системы прописки по месту жительства. Роль муниципалитетов и администраций в благоустройстве городской среды у нас очень велика – фактически, хозяевами в российских городах чувствуют себя чиновники. Недвижимость распределена по огромному множеству мелких собственников, особенно – жилой фонд. В результате международная система индикаторов в нашей стране приживается плохо, и каждый крупный город пытается придумать собственную. Например, для Санкт-Петербурга была предложена следующая система индикаторов:

1. Валовой региональный продукт

2. Инвестиционная привлекательность

3. Миграционное сальдо

4. Уровень безработицы

5. Уровень преступности

6. Демографическая нагрузка

7. Демографическая структура

8. Продолжительность жизни

9. Индекс загрязнения атмосферы

10. Индекс загрязнения воды

11-12. Образование отходов и уровень механизированной переработки отходов

13. Уровень шумового загрязнения

14. Уровень озеленения.²

Откуда берутся и как обосновываются индикаторы? На первый взгляд может показаться, что базовый принцип оценки – гуманная забота о здоровье и удобстве жизни

1. GUO Urban Indicators Database. – www.unhabitat.org/programmes/guo/guo_indicators.asp

Хочется верить, что Иркутску удастся исправить «двойку по имиджу» и стать городом, интересным для инвесторов, туристов и собственных жителей

горожан. Однако дело обстоит гораздо приземленнее и реалистичнее. Идеологической основой системы индикаторов качества городской среды служит рыночный, маркетинговый анализ ситуации. Городская среда предстает как товар, который собственники города (администрации и крупные держатели недвижимости) выносят на конкурентный рынок и пытаются продать.

Первый вопрос маркетинга выглядит так: а кто покупатель? Очевидно, городскую среду покупают туристы, мигранты и вообще приезжие. Важную группу покупателей составляют инвесторы – они вкладывают средства в развитие города, получая за это права пользования городской средой.

Но самой многочисленной и необходимой группой покупателей являются жители города. Горожане покупают городскую среду, оплачивая ее своим трудом, налогами, платежами, самим фактом проживания именно здесь. Конкуренция между городами за наибольшую привлекательность для жителей еще только начинает осознаваться в России. Многим градоправителям все еще кажется, что уж

чего-чего, а людей на их век хватит. Между тем демографический кризис продолжается³, а растущая динамика жизни способствует «утеканию населения» из менее комфортных городов – в более приспособленные для жизни.

В первую очередь риск утечки касается трудоспособных горожан с высокой квалификацией – тех самых людей, которых и так мало и всегда не хватает. Энергичные, талантливые, пассионарные люди из Черемхово или Саянска уезжают в Иркутск, из Иркутска – в Москву, а оттуда – в Америку или в крупные города Европы. И совсем не обязательно, чтобы утеkanie жителей приобретало формы массового исхода. Вполне достаточно, чтобы из Иркутска уехали несколько тысяч самых активных и авторитетных горожан – и городу как культурному и экономическому субъекту придет конец.

Именно культурная и деловая элита является той целевой группой (таргет-группой), на которую направлен маркетинг городов. И вот как раз по этому параметру у Иркутска, похоже, дела обстоят совсем неважно.

Об эффекте конкурентного

проигрыша городов и регионов впервые заговорили в начале шестидесятых годов. Массовое жилищное строительство в США, и особенно в Великобритании, столкнулось с неожиданным затруднением: свежестроенные районы становились зонами социальной и криминогенной напряженности, теряли привлекательность для жителей и приобретали неблагоприятный имидж – и в результате их развитие блокировалось. К концу семидесятых – началу восьмидесятых годов подобные тенденции привели к развитию феномена убывающих городов.

Примеры целенаправленного повышения конкурентоспособности городов не очень многочисленны, но производят сильное впечатление. Манчестер и Шеффилд, а особенно Барселона, в течение всего нескольких лет из разряда второстепенных и бесперспективных выдвинулись в передние ряды самых привлекательных и успешных городов мирового масштаба.

«Усиление за последнее десятилетие столичных функций Барселоны началось с решения, казалось бы, косвенной задачи – город поставил

себе цель занять место в числе городов, приспособленных к проведению конгрессов численностью от пяти тысяч участников. Последствия решения этой стратегической задачи разворачиваются в лавинообразной прогрессии – количество конгрессов и выставок, проводимых в городе, превысило 300 в год, из них более двух третей имеют статус международных, в городе в пять раз увеличилось количество краткосрочных (на 1-3 дня) посетителей, под эту категорию развернулась масштабная инфраструктура обслуживания, город выработал устойчивый имидж постоянного прогресса и позитивного обновления, что привлекло беспрецедентные масштабы инвестирования, и теперь город поставлен перед необходимостью (и имеет при этом достаточные способности!) комплексного градостроительного преобразования в размере одной пятой от всей территории».⁴

Пример Барселоны показывает, как точно найденная адресация к авторитетной целевой группе может стимулировать продажи городской среды без каких-либо кардинальных ее преобразований.

2. Индикаторы устойчивого развития для Санкт-Петербурга. Научный редактор А.И.Чистобаев. Санкт-Петербург, 2001
3. Характерное название статьи о демографической ситуации известного эксперта по «русскому вопросу» Падмы Десаи: Русские скоро кончатся. Padma Desai // The Wall Street Journal. – 22 мая 2006. Опубликовано на сайте ИноСМИ.RU <http://www.inosmi.ru/translation/227617.html>
4. Ларина Е., Юсупов Д. Средовая катастрофа и российские города. – Российское экспертное обозрение <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1205&ids=125>

Фрэнк Гери и Владо Милунич. Здание, напоминающее танцующую парочку и поэтому прозванное «Джинджер и Фред». Эмоциональное содержание образа – возмущение, раздражение. Provocative и эпатажный стиль – фирменная марка Фрэнка Гери

5. Из книги J. Fiona Ragheb (editor). Frank Gehry, architect. – Guggenheimmuseum, NY, 2001

Дело в том, чтобы найти «своего» покупателя и убедительно к нему обратиться. Решающую роль в таком образении играет имидж города.

Какой имидж присущ Иркутску? Под каким слоганом наш город может выйти на мировой рынок городов и позиционироваться на нем? Напоминаем: позиционирование должно формулироваться так, чтобы подчеркнуть и выявить уникальные, неповторимые особенности товара (города). В материалах, которыми презентуется Иркутск, пока что обнаруживается только одна такая особенность – близость к Байкалу. Уникальность Байкала сомнений не вызывает, но статус «главного прибайкальского города» для Иркутска явно недостаточен. Туристы, привлеченные великим озером, проезжают Иркутск, не задерживаясь. Инвесторы хотят вкладывать средства в озеро и его берега, а не в город. И самое главное: соседство со «славным морем» никак не

работает в смысле привлечения в город квалифицированной рабочей силы, тех самых «элитных тружеников», которые и являются главными покупателями городской среды. Позиционирование в качестве «прибайкальской прихожей» нельзя считать оптимальным для Иркутска.

Между тем качество жизни в Иркутске не намного ниже, чем в аналогичных городах России и ближнего зарубежья. Объективные критерии оценки качества городской среды говорят: Иркутск мог бы успешно конкурировать по привлекательности и с Новосибирском, и с городами Урала, если бы нашел свой имидж, свою «торговую марку». По всем основным параметрам качества городской среды мы – твердые «троечники» или даже «хорошисты». Что же касается имиджа, то усилия городских властей стремительно приближают наш город к «огромной двойке в дневнике».

Имидж (образ, предьявляемый деловым партнерам) – явление непростое. Как любой образ, он подразделяется на форму и содержание. Форма – это то, что мы воспринимаем глазами, ушами, руками, на вкус и запах (перцептивные атрибуты имиджа). Содержание – это те состояния, мысли и эмоции, которые заложены «внутри» имиджа. Причем основную роль в восприятии торговых марок играют именно эмоции. Разум может сколько угодно протестовать против употребления «Кока-Колы», но точно выбранный цвет, очертания, звук и вкус, которые воспоми-

наются при виде популярной марки, делают свое дело наверняка.

Форма образа и его эмоциональное содержание закономерно связаны между собой. Мы говорим «жгучий интерес» – и обнаруживаем пряный аромат, присущий эмоции интереса. Печаль, очевидно, холодная на ощупь и горько-соленая, как слезы, на вкус. Радость – напряженная и динамичная, а отвращение – вялое и обвисшее. Страх – судорожный, скользкий и острый, а совесть – ритмичная, липкая

на фоне ясного светлого неба. Несмотря на общий холодноватый колорит, фасад выглядит динамично и рельефно, прихотливо изогнутые линии капризно и спонтанно. Сочетание энергичности и яркости общего впечатления с внезапностью и некоторой «беззаконностью» дают в итоге ощущение сильное, но хаотичное. Анализ показывает, что эмоциональным содержанием образа является сдержанная степень эмоции гнева. Такое состояние в русском языке называется «раздражение».

и давящая. Говоря специальным языком, перцептивные атрибуты закономерно коррелируют с эмоциональным содержанием имиджа.

Не будем вдаваться в теоретические глубины психологии восприятия. Скажем сразу, что в течение последних семи лет группа иркутских ученых разработала автоматизированную программу распознавания эмоционального содержания изображений. Программа называется ImageExpert и позволяет с компьютерной точностью измерить, какую эмоцию несет любая картинка. В том числе и виды архитектурных объектов.

Вот, например, знаменитое деконструктивистское здание Фрэнка Гери и Владо Милунича – «Джинджер и Фред». Построено в 1993-94 гг. в Праге, Новое Место, по адресу Разинова набережная, 80. В здании расположены офисы и ресторан. На самой цитируемой фотографии⁵ здание снято в солнечный день

Здание раздражает, эпатажирует – не напрасно в первые годы после постройки вокруг него кипели страсти и раздавалась весьма острая критика. Искрящаяся, дерзкая игра архитектора с плотной исторической средой древнего города вызывает несколько диковатое впечатление и дразнит зрителя – так пряное и жгучее мексиканское блюдо обжигает язык и воспламеняет воображение. Ломкая, падающая пластика здания напоминает трескущее бренчание уличного оркестра. Все это – перцептивные атрибуты гнева и раздражения.

А теперь проанализируем здание, в известном смысле выполняющее в Иркутске роль смыслового центра, – здание областной администрации («Серый дом»). Холодный серый бетон выглядит тускло-мутновато. Плоский, с монотонными рядами окон фасад предельно симметричен, но лишен центра. Доминирующая горизонталь

Дом Шастиных (Энгельса, 21), он же – Кружевной дом, или Дом Европы. Легкий, теплый и веселый образ. Эмоциональное содержание – состояние интереса

Здание областной администрации на площади Кирова. Серый бетон, серый асфальт, монотонный ритм и вялые горизонталы... Образ эмоционального состояния где-то между полным безразличием и презрением

неизбежно кажется провисшей и превращает здание в некую серую полосу, расплывчатую и дряблую. Анализ выдает результат: эмоциональное содержание образа относится к слабой форме эмоции презрения, расположенной близко от полного безразличия и апатии, – это состояние называется «пренебрежение». Здание пренебрежительно смотрит на зрителя. Так и слышится невнятное бормотание «Ходят тут всякие...». Энергетика образа невысокая, вялое и невыразительное по пропорциям здание воспринимается как нечто затхлое, несвежее, неживое. Так переживаются эмоции презрения, отвращения, пренебрежения.

Совершенно иное впечатление производит строение в традиционном сибирском стиле – «Дом Шастиных» (Энгельса, 21). Здание было построено в конце девятнадцатого века и отреставрировано в 1999 году. Теплый колорит потемневшего дерева составляет яркий контраст с синевой иркутского неба и белым кружевом декора. Прихотливый арабеск башенок, карнизов, наличников четко вырисован и полон динамики. Сильная энергетика образа упорядочена и не производит впечатления полной спонтанности (как у «Джинджер и Фреда»). Эмоциональное содержание образа – состояние любопытства, средняя степень выраженности эмоции «интерес-возбуждение». Здание вызывает интерес и возбуждает любопытство, его хочется разглядывать, оно выглядит своеобразно и легко запоминается. Именно такой имидж, такой образ может успешно играть роль «фирменной марки» города.

Несмотря на неказистый и неухоженный вид, традиционные иркутские деревянные домики выглядят доброжелательно и приветливо. Содержание образа – эмоции интереса, любопытства, умиления

Произведения замечательного архитектора Владимира Павлова легко узнаваемы и эмоционально насыщены. Образы этих строений несут эмоциональное содержание в области «радость – гордость». Например, здание Дворца бракосочетаний и прилегающего культурно-развлекательного комплекса при анализе показывает эмоцию «достоинство».

А вот некоторые современные постройки обладают совсем другим эмоциональным наполнением. Так, здание гостиницы «Европа» на улице Байкальской наполнено эмоцией тревоги и настороженности – разнородностью эмоции страха. Помпезные, разукрашенные фасады с лепниной и подсветкой не спасают образ от хаотичности, бессвязности, нелепости случайно нагроможденных деталей. В результате постройка распространяет вокруг себя «ауру» опаски и недоверия.

Деревянные домики, которые городское началь-

И даже тогда, когда постройка доведена до состояния «деревянных руин», в ней сохраняется что-то живое

ство свирело ненавидит и пытается уничтожить любыми средствами, напротив, совсем не агрессивны. Чаще всего анализ образа традиционных для Иркутска бревенчатых построек показывает эмоции «любопытства», «удивления», «восприимчивости» – разнородности эмоционального состояния «интерес-возбуждение». Даже доведенные до состояния руин, эти домики выглядят своеобразно и привлекают интерес. Особенно этот факт замечен в поведении туристов: они равнодушно проходят мимо стеклянных башен «нашего местного Манхэттена» и жадно фотографируют деревянную резьбу и почерневшие бревна вековых избышек. Да оно и понятно: доморожденный «Манхэттен» есть уже в каждом региональном центре. Но если Шанхай или Куала-Лумпур могут поразить приезжего гигантскими масштабами построек, то иркутские потуги быть «не хуже Нью-Йорка» выглядят просто позорно. И вот вместо

развития и укрепления неповторимого, уникального образа города имидж его все более растворяется в усредненной и безликой «гамбургер-архитектуре». Двойка по имиджу грозит Иркутску утратой интереса со стороны инвесторов, туристов и собственных жителей.

Всем нам хочется жить в современном, удобном и комфортном городе с хорошими дорогами, чистым воздухом и низким уровнем преступности. Но кроме того, чтобы быть современным, городу необходимо свое собственное лицо, уникальный имидж и неповторимая «фирменная марка». Не стандартные стеклянные фаллосы, начиненные страхом и жадностью, а доброжелательные, исполненные достоинства образы. И это – не «благие пожелания». Это – категорическое требование рыночной экономики городов.

Константин Лидин
Фото Ольга Тугаринова

Центральный Дворец бракосочетаний и развлекательный комплекс «Панорама». Проект Владимира Павлова. Эмоциональное содержание – достоинство, самоуважение

Скверы, которые мы потеряли

1 Бульвар Строителей.

Проект застройки
«Бульвар Строителей»
(Кучумовский лог)
Старый проект:
«Иркутскгражданпроект»
1960-е годы
Новый проект:
Информация отсутствует

Градостроительный Кодекс утверждает, что в городе существуют территории общего пользования, обозначенные так называемыми «красными линиями». Документация по планировке территории устанавливает те самые красные линии. А также иллюстрирует, как в границах территорий, «которыми беспрепятственно пользуется неограниченный круг лиц», можно благоустроить сквер или бульвар.

Мы не можем и не хотим замечать эти потенциальные, гарантированные законом, скверы и бульвары. Нам проще увидеть заваленный мусором и поросший сорной травой пустырь с лениво протекающим зловонным ручьем. Здесь можно поставить линию гаражных боксов, проложить надземную теплотрассу и, наконец, построить многоквартирный жилой дом.

Что заслуживаем...

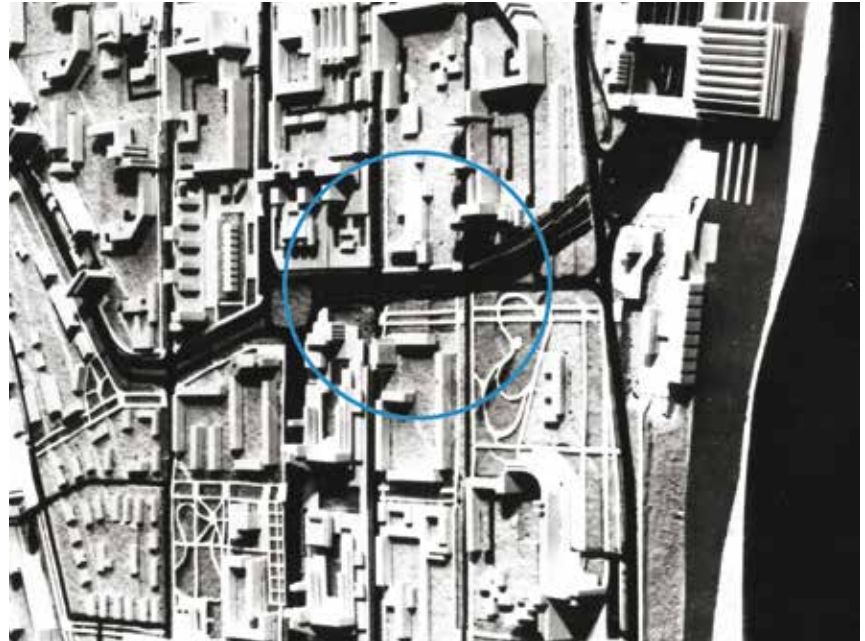
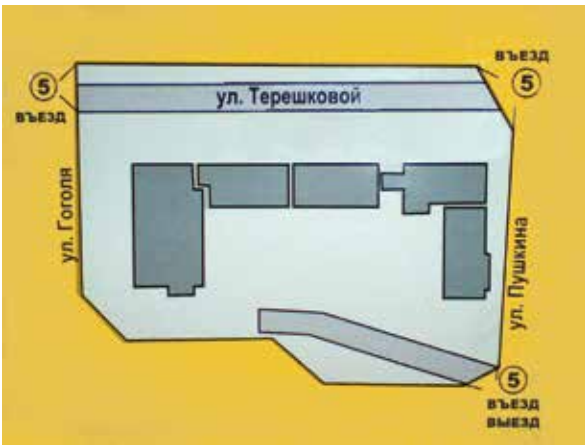

2 Падь Малая Кузьмиха
Проект детальной планировки Свердловского района, «Академгородок».
Старый проект: ЦНИИП Градостроительства,
1975 год
Новый проект:
Генеральный план г. Иркутска
ОАО «Иркутскгражданпроект»
2006 год

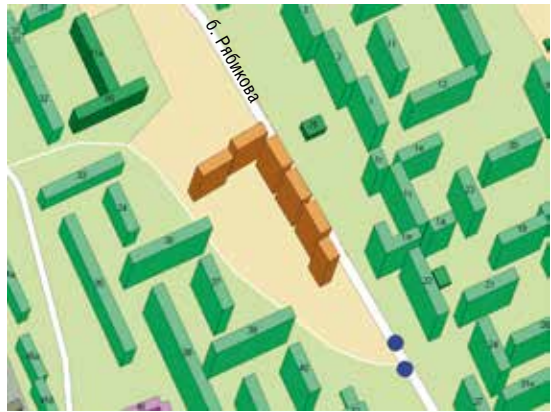

3 Улица Терешковой. Проект детальной планировки Свердловского района, северная часть
 Старый проект: ЦНИИП Градостроительства
 1970-е годы
 Новый проект:
 Группа жилых домов со встроенно-пристроенными нежилыми помещениями и подземными
 автостоянками по ул. Терешковой
 Генподрядчик ООО «ЖСК Востсибстрой»
 Заказчик ООО «Чайка»

4 Бульвар Рябикова. Проект застройки жилого района «Синюшина гора»
 Старый проект: «ИркутскгражданПроект»,
 1960-е годы
 Новый проект:
 Группа жилых домов с административными блоками, объектами инфраструктуры, автостоянками
 по б. Рябикова
 Генподрядчик ООО «ЖСК Востсибстрой»
 Заказчик ООО «СК Востсибстрой»

Негромкий голос человека

«Песня». Холст, масло, 970 x 1220

Спросила Искренность меня
 Когда с садов я шел домой:
 – Редкое
 Какое сочетание
 Ты мог бы произнести
 Мне без лукавства?
 Тут боль моя ответила:
 – Учитель милый мой!

О как в вечернем
 Небосводе
 Остер и резок
 Черный лист!

Х.А.Будаев

Поводом для статьи стала персональная выставка Б. Хадеева в галерее современного искусства при Доме художника. По многим причинам и выставка, и ее автор привлекают внимание. Как могло случиться, что

«Мать и дитя». Бумага, гуашь, 80 x 60

серьезный художник, не один десяток лет стоящий возле мольберта, столь мало известен? Ни выставок, ни разговоров, ни хвалы, ни хвалы... И в частных коллекциях его что-то не видно.

Экспозиция казалась тщательно выверенной и прошедшей жесткую авторскую цензуру; в ней не чувствовалось ничего «проходного», того, что именуется «общими местами». В то же время, сама репрезентация выглядела довольно скромно: сдержанные простые рамки создавали атмосферу приватности, дружеской или семейной беседы в кругу знакомых людей, которым и не требуется особо объяснять, что имел в виду автор. Уже тогда я ощутила некоторое недовольство. Как человек, пишущий о профессионалах, я привыкла полагаться только на непосредственные впечатления от выставки или портфолио. Этот случай был совсем другим.

Само собой разумелось, что картины, предъявленные «на суд взыскательному свету», содержат понятные и знакомые признаки. В первую очередь – признаки профессионального, неповерхностного владения живописной техникой. Они демонстрировали школу, пройденную и впитанную художником, освоение им образцов мирового уровня. В них легко узнавались и элементы фольклора, и горячие краски Ван Гога, и обобщенные приемы Марке, и холодноватые конструкции Сезанна. В интервью возникло имя Дюфи, которого автор ценит за звонкие, праздничные пейзажи. Художник с большим пиететом упоминает своего Учителя, без которого он, возможно, и не состоялся бы, – новосибирца Н. Грицюка. И это не просто жест вежливости: по времени первый период творческой активности Б. Хадеева (шестидесятые – начало семидесятых годов) совпадает с его ученичеством у Н. Грицюка.

Стилистические поиски Б. Хадеева всегда серьезны, мучительны для автора, они лишены иронии, так часто сопровождающей работы сегодняшних авторов. К созданию абстрактных полотен наш герой не тяготеет; его картины традиционны по жанрам и темам. По меркам

сегодняшней художественной жизни, в которой чуть ли не главным требованием является экспериментаторство, он достаточно консервативен. Он скорее скрывает свои художественные пристрастия, чем демонстрирует их, не стараясь удивить зрителя. Можно сказать, что его полотна всегда имеют, почти как того требует классическая теория, «начало, середину и конец»: каждое из них внутренне закончено, композиционно завершено и соразмерно. Но – одновременно – они размашисты и лапидарны.

Слово, всплывавшее в памяти на этой выставке, – «самодосточность». Я столкнулась с тем, что, при всей внешней доступности, картины скрывают намеки, в которых и содержится разгадка их притягательности. То же самое ощущение возникло и после прочтения книг Б. Хадеева: в них все полужашифровано, но знающие и сочувствующие читатели, полагаю, легко узнают и описанные места, и действующих лиц. «Тайное знание» предназначалось «посвященным», а я-то в их число не попадаю... Особенно это заметно в портретах, где, в силу специфики жанра, сталкиваются три мира: модели, художника и зрителя. Наш художник ведет диалог с моделью, он рассказывает ей о ней самой, но зрителю рядом с ними как будто нет места: портреты отгораживаются от «третьего лишнего» то поворотом головы, то отстраняющим жестом руки, то уведением в сторону взглядом. Чувствуется, что модель и художник неравнодушны друг к другу в самом высоком смысле слова: они ЛЮДИ, и их общение насыщено нештучными переживаниями и эмоциональными напряжениями. Но об этом можно только догадываться.

Отдельный круг картин составляют те, которые я условно назвала «праздниками»: свадьбы, концерты, дружеские застолья и даже сбор картошки... Жизнь, увиденная сквозь призму всплеска положительных чувств, высшего единения людей, когда они своими усилиями восстанавливают утраченную цельность и гармонию мира. Эти полотна отличаются особой закончен-

ностью, «закольцованностью» композиции. Она создается разнообразными средствами: то над праздничным столом раскинут полог юрты, то верхнюю границу пространства обозначает крыша (почти что «крыша мира»), то персонажей высвечивает полусфера заходящего солнца. Обобщенный, космический образ мира совмещается с любовью автора к подробностям: конкретным вещам, жестам, узнаваемым ситуациям.

Умение видеть и не упускать детали, делать их частью внутреннего мира произведения создает условия для неспешного, вдумчивого разглядывания и диалога – с живописцем – через картину. Мне постоянно не хватало комментария, объяснений и даже простого взгляда автора. Поэтому было настоящей удачей прочесть его литературные опыты и поговорить с ним. После чтения создалось отчетливое ощущение цельности всех граней жизни этого человека. Я пишу – «жизни», ибо чистым творчеством в привычном смысле назвать увиденное и прочитанное мною вряд ли возможно. В литературных текстах еще больше чувствуется увлечение эпизодами, фрагментами и живыми случаями, создающими поле особого содержания и переживания. Любовь к подробностям в живописи дополняется увлечением плотным колоритом, яркими пятнами красок и странными их сочетаниями, не вызывающими, впрочем, внутреннего протеста; в литературе – философскими поисками и экзистенциальными вопросами, которые автор задает себе и читателю. Показалось необычным сочетание довольно крупного размера большинства картин и очень личной, уютной и интимной их интонации; я бы даже всю выставку назвала «Сцены частной жизни». Только эта жизнь увиденна в увеличительное стекло и приобрела масштабы вселенского круговорота, творящегося под мировым куполом.

Тексты книг тоже странно сочетают поэтическую форму, предполагающую лиризм и краткость, с развернутым повествованием, требующим от литератора «длинного дыхания»: незначительному

по времени эпизоду отдается много страниц, а несколько лет жизни могут уместиться в две-три строчки. Такое «свертывание» и переконструирование смыслового пространства характерно скорее для непрофессионального искусства, именуемого любительским, наивным, примитивным. Хочу оговориться, что этот термин применяется без всякой попытки охаять труд талантливого художника. Речь идет о явлении, обозначающем особое качество творчества и особую нишу, которую оно занимает в общей панораме сегодняшней художественной жизни.

Обычно, в перспективе рассмотрения лишь изобразительного искусства, непрофессиональные художественные поиски и эксперименты выпадают за границы исследовательских интересов. Они втягиваются в поле зрения критиков и искусствоведов лишь в том случае, когда искусство трактуется широко, многомерно, как синтез художественных видов, жанров, менталитетов и способов бытования продуктов художественного труда.

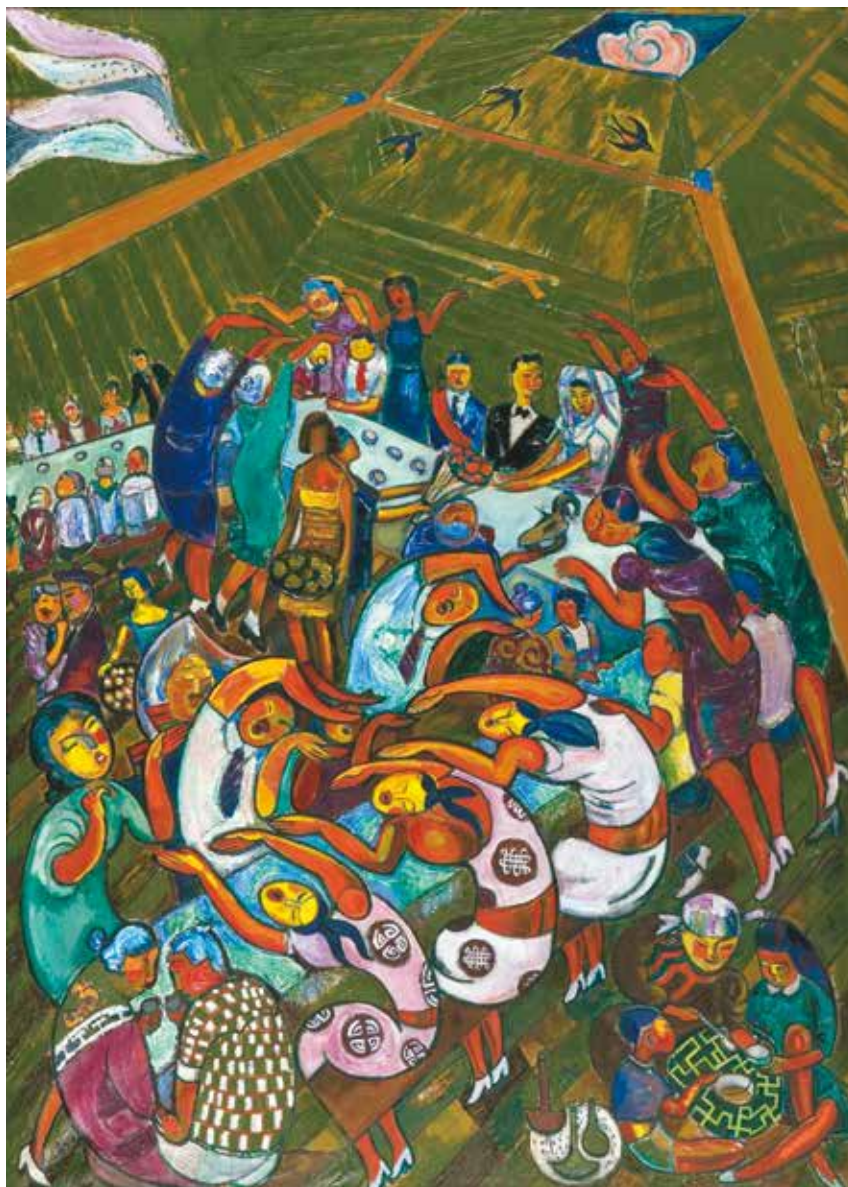
Непрофессиональное, любительское искусство включает те формы художественной деятельности, которая была предпринята самим человеком без оглядки на правила и руководства деятельности, ориентированной на выставочку, музеи, академические проекты и одобрение искусствоведов. Художник-любитель – это человек, который стремится «все делать сам», по внутреннему импульсу. Для большинства таких художников занятия творчеством являются средством сохранения целостности собственной личности; для них художественный опыт – это прежде всего экзистенциальный опыт, который переживается отнюдь не по законам искусства. Они конструируют свой собственный мир, свободно путешествуя во времени и пространстве, используя архаические, символические и родовые образы, всплывающие в воображении. В таком творчестве складывается особое, трепетное отношение к «близкому кругу»: людям, которые не предадут, не сплетничают за спиной, которые понимают стремления и идеалы друг друга и разде-

ляют эти идеалы. А нужда в таком окружении рождается из глубокого недовольства требованиями, которым человек вынужден подчиняться в повседневном существовании. И творчество – поэтическое, скульптурное, живописное или иное – становится способом «выпасть» из связи времен, поддержать «самостоянье человека».

История своего народа, семьи становится еще одной ощутимой опорой для внутренней автономии, устойчивости в сложных перипетиях жизни. В нашем случае, действительно, совершенно очевиден интерес и к прошлому семьи, и к этническим корням, которые автор воспринимает как копилку, ресурс для своих поисков. Образы, визуализированные в картинах, обладают гораздо более мощным потенциалом суггестии, чем факты жизни, которые их породили. «Выводя наружу» свой внутренний мир, художник утверждает свою индивидуальность и значимость. Именно поэтому картины и другие работы становятся «как дети», с которыми невозможно расстаться, – ведь это означает утрату части себя.

Я находила подтверждение почти каждой сформулированной выше идее. Почти – да не совсем. Я видела человека, диапазон поисков и тем которого велик и многообразен. Если портреты, написанные им, имеют все признаки профессиональной живописи, то многофигурные композиции тяготеют к визуальной мифологии, присутствующей в любительской живописи. Б. Хадеев находится на перепутье, на границе: одновременно архитектор, живописец, акварелист, рисовальщик, поэт, прозаик; современный рационалист и наивный романтик... Ключ к более полному пониманию его многообразных проявлений и высказываний дает не столько анализ готовых работ, сколько знание того, чем эти работы были инициированы и на чью реакцию рассчитаны. А это уже совсем другая история.

Марина Ткачева
фото Сергей Мурзин

«Свадьба в юрте». Холст, масло, 1500 x 1000

1195. «Автопортрет». Холст, масло. 80 x 65

Визуальные коммуникации Иркутска. Загадки щитовой рекламы

На сегодняшний день проблемы функционирования, создания и потребления рекламы – чрезвычайно популярная тема для различного рода публикаций и исследований. Реклама стала не только посредником в системе взаимодействия «продавец-потребитель», но и одним из механизмов формирования мировоззрения современного человека, распространения в обществе новых идей и моделей поведения, трансформатором подсознательных желаний человека в вербализированные установки определенного образа жизни. Если ранее в коммерческой деятельности было достаточно информации о товаре или услуге, чтобы их успешно продавать, то на нынешнем этапе реклама стала важной составляющей частью общественной жизни современно-го общества.

Прежде чем рассматривать рекламу Иркутска, необходимо конкретизировать само понятие «реклама». Как это ни парадоксально звучит, точного и всеохватывающего определения нет. Каждая из наук, которая так или иначе исследует этот феномен современной цивилизации, дает свое определение этого явления. Каждый год появляется огромное количество изданий, рассматривающих это явление с позиций разных наук, а также дающих конкретные советы по созданию и размещению ее. И практически в каждом издании есть определение этого понятия, и все эти определения так или иначе различаются.

Естественно, универсальное понятие «реклама» предполагает совмеще-

ние различных подходов. Отметим также, что в последнее десятилетие реклама рассматривается не изолированно, а как часть широкого комплекса каналов и средств продвижения товара от производителя к потребителю.

Если попытаться обобщить и сформулировать понятие, то: реклама – это часть культуры как форма социальной коммуникативной практики, которая использует язык классической образности искусства для передачи оплаченной информации о товарах, услугах, идеях в форме экспрессивно-суггестивных воздействий однонаправленного и неличного характера с целью побудить к нужному рекламодателю выбору и поступку.

Ключевым для дальнейшего изложения является понимание последней части определения. Так как важно различать собственно рекламу и информационное объявление. При этом огромное количество литературы и подходов (например, в 2006 году вышло несколько сотен изданий на эту тему) только затрудняют понимание предмета. Довольно часто у разных авторов, особенно занимающихся исследованием рекламы с точки зрения филологии, эти два понятия выступают почти как синонимы. Это приводит к путанице. На что опираться при проектировании визуального образа рекламы? Ведь создание информационного и рекламного message имеют разные законы и технологии. Принципиальное отличие того от другого, на наш взгляд, в том, что реклама, прежде всего, обяза-

тельно несет в себе стремление побудить потребителя к нужному рекламодателю поступку или решению. Для этого, так или иначе, используются манипулятивные приемы, которые лежат не только в плоскости психологических и смежных наук, но и давно используются в искусстве только для достижения других, не коммерческих целей.

Манипулирование – это вид скрытого сознательного коммуникативного воздействия одного человека на другого с целью изменить его представления, отношение или намерение в нужном для манипулирующего направлении.¹ Реклама – не обязательно обман публики, но обязательно – убеждение и вовлечение, а «значит, необходимость обращения к проверенным и испытанным средствам воздействия на потенциальных потребителей». К таким средствам относится прежде всего весь арсенал приемов визуальных искусств. Именно некоторые приемы, выработанные графическим искусством и дизайном, мы и рассмотрим.

«Изображение, передающее информацию о виде предмета и как бы заменяющее при этом сам предмет, является его визуальной моделью. Такие визуальные модели по своей информационной насыщенности могут быть весьма различными: от условного изображения, зафиксировавшего только один главный признак, до полного воспроизведения всех визуальных свойств объекта.» Соответственно процесс создания этого изображения есть визуальное моделирование. Этот

процесс есть визуализация рефлексированных отношений формы и смысла, конечно, не всегда совпадающих друг с другом, – как текст и подтекст, внешнее и внутреннее, вербальное и визуальное и т.п. Как проецирование и синтез многих точек зрения, среди которых точка зрения художника, дизайнера может присутствовать и вступать в очень разные отношения с другими точками зрения. В рекламе основой этого процесса следует признать задачи, сформулированные с точки зрения функциональной целесообразности и трансляции прогнозируемой эмоции.

Визуальное моделирование как сфера графического дизайна является важнейшей составляющей эмоционального воздействия. Часто встречаются рассуждения, что визуальный ряд – это просто оформленные информации.

Однако, как показывают многочисленные исследования, графика, цвет, текст, заголовок и вся композиция тоже формируют эмоциональное содержание визуального поля. Экран телевизора, формат журнального листа или размер щита, любая двухмерная площадь, ограниченная рамкой, замыкающей площадь нашего зрительного внимания, – является визуальным полем.

Основной процент информации, получаемой человеком, воспринимается зрением (83%), из нее 40% запоминается. По сравнению с 20% информации, запоминаемой от услышанного, этот процент достаточно высок.⁴ Из этого следует, что изображение может нести в себе ничуть

1. Ю.К. Пирогова. К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе, <http://www.dialog-21.ru>
2. Павловская Е. Дизайн рекламы. Поколение NEXТ, СПб. Питер, 2004
3. Соболев Н.А. Общая теория изображений: Учеб. пособие для вузов, М. 2004
4. Варламова Е.Ю. Визуальное моделирование как инструмент психологического воздействия. <http://lib.socio.msu.ru>

не меньше (а иногда даже и больше) информации, чем текст. Но как связать их воедино? Какие приемы заставляют визуальный ряд нести тему и эмоцию подаваемой информации? На этот вопрос мы и постараемся ответить, анализируя некоторые примеры иркутской рекламы.

Реклама никогда не говорит напрямую: «Купи эту вещь». Она увещевает: «Подари себе хорошее настроение, купи себе здоровье, приобрети уверенность в себе, повысь свою сексуальную привлекательность». Реклама осуществляет перенос социального, морального, психологического статуса человека на определенный предмет. Мы покупаем не одежду, парфюм, напитки, автомобили, а свой имидж. Можно сослаться на высказывание классика рекламного дела Дэвида Огилви: «Люди выбирают не виски, а образ виски. Производитель напитков на 90% продает не напиток, а его образ».⁵

И это является принципиальным – реклама всегда осмысленно старается вызвать у аудитории совершенно определенную эмоцию, чаще всего положительную. Создание же информационного объявления прежде всего опирается на приемы и методы типографики, предназначенные для повышения комфортности восприятия. Конечно, типографика применяется и для создания рекламы, но весь ее арсенал служит для достижения главной цели – манипуляция потребителем, а не для облегчения восприятия текста, как в информационном объявлении.

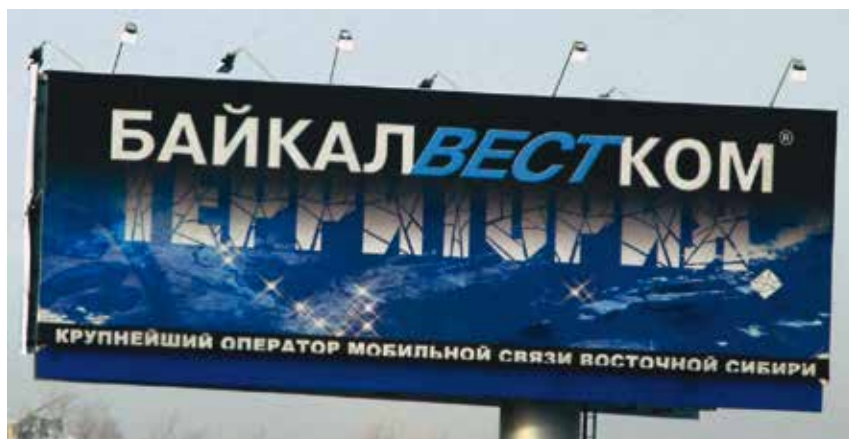
Понимание этой разницы чрезвычайно важно при создании любого рекламного произведения. Это особенно актуально при создании рекламы с укороченным сроком восприятия. К таким примерам можно отнести рекламный щит размером 3х6 м – билборд, который относится к одному из видов наружной рекламы.

Так как время восприятия рекламного поля билборда чрезвычайно ограничено и по разным источникам составляет: пешеходами

– 35 секунд, автомобилистами – 5-12 секунд, далеко не вся реклама, висящая на улицах города, отвечает требованиям читаемости. Матти Ринта-Валкама, директор агентства Ri-Vita DDB, отмечает: «Наружная реклама имеет специфический характер, так как у нее есть всего несколько секунд, чтобы привлечь внимание. Поэтому она должна содержать только одну картинку и максимум 7 слов». Матти Ринта-Валкама считает, что рекламисты в России грешат излишествами, помещая на щит сложные для восприятия изображения и произвольно располагая текст. Например, на плакатах можно встретить текст по кругу, по диагонали, гусеницей и так далее. Текст должен легко читаться, убежден Матти Ринта-Валкама, за плечами которого 25 лет работы в рекламе.⁶

Практика иркутской действительности на примере билбордов особенно ярко демонстрирует удачу и неудачу создателя рекламы. Из 550 билбордов, просмотренных за период с 1.01.2007 по 1.04.2007, больше половины являются информационными объявлениями, часть из которых, в свою очередь, не удовлетворяет требованиям визуального восприятия. Более того, из-за того что в информационном объявлении нет рекламной составляющей, а прочтение информации практически невозможно, эффективность, предполагаемая авторами, гораздо ниже ожидаемой. Подобные примеры подтверждают, что разница между информационным объявлением и рекламой отнюдь не очевидна для некоторых иркутских рекламистов.

Это приводит к ошибкам, которые мы видим на примере. Так получается, может быть, потому что у рекламодателей нет понимания целей, задач и функциональных ограничений щитовой рекламы, а у создателей нет ресурсов для убеждения заказчика в целесообразности того или иного графического и креативного решения. Такого рода «рекламных» щитов

около 20% от рассмотренного общего объема. Так как правила и требования типографики тоже игнорируются, то подобные произведения воспринимаются у аудитории в лучшем случае индифферентно, в худшем – негативно.

Если рассматривать собственно рекламу в Иркутске (размещенную на билбордах), то есть работы дизайнеров, имеющие формальные признаки рекламы, а именно направленные на продуцирование эмоции и манипуляцию, то в первую очередь обращает на себя внимание удивительно большой люфт между тем, что вкладывают производители рекламы (если предполагать, что создание позитивного образа рекламодателя и повышение лояльности потребителя к компании или товару – основная задача любой рекламы) и тем, что реально транслируется потребителю. За примером далеко ходить не надо. БайкалВестКом – один из операторов сотовой связи – постоянно присутствует на рекламном поле Иркутска. Это компания, занимающая

заметное место в сегменте услуг мобильной телефонии и имеющая солидную репутацию. И тем не менее вызывают недоумение тенденции, которые наблюдаются в рекламе этой компании. Если несколько лет назад БайкалВестКом был, безусловно, одним из лидеров иркутского рекламного рынка, и это выражалось прежде всего в том, что реклама этой фирмы была креативна, очень грамотно сделана, и позитивна в восприятии, то теперь все с точностью наоборот.

ОАО «БайкалВестКом» несколько месяцев размещал в разных районах города билборды с надписью, занимающей половину рекламного поля «БайкалВестКом Территория». По всей видимости, эти рекламные щиты выступали как поддержка рекламы в других рекламных носителях, которые и объясняли смысл содержания этой рекламы. Эта, не дошедшая до потребителя информация, образует люфт между вложенным и транслируемым образами. Зритель воспринимает толь-

5. Олигви Д. Олигви о рекламе. М. Эксмо, 2003
 6. http://www.advesti.ru/publish/narujka/111104_prnaru
 7. Цит. По Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета. М.: УРАО, 2000

8. Цит. По: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998
9. Сурина М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. Серия «Школа дизайна». М. ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003
10. Пименов П.А. Грамматика визуального языка, психология восприятия, семиотика, поэтика. М. 2006
11. Герашенко Л. Психология рекламы: учебное пособие. М. АСТ: Астрель; ХРАНИТЕЛЬ. 2006

ко то, что видит: лого, на черном фоне, наложенное на слово «территория», написанное рубленным угловатым шрифтом с эффектом трещин, которые вызывают совершенно определенные ассоциации, как, например, расколотый лед, или трещины в старой покраске (кракелюры), или еще что-то разбитое. Эффект холодности и отстраненности возникает от общей серо-синей гаммы волнующейся воды, переходящей в грязно-черную заливку верхней части. Очевидно, построив ассоциативную цепочку, получим: БайкалВестКом – территория – расколотая на части – лед – холод – вода – бездна. В результате зритель получает сообщение, создающее образ компании, через эмоцию, вызываемую рекламой, как компании отстраненной, холодной и деструктивной. Конечно, необходимо оговориться, что реклама по своей сути должна и вызывает разные ассоциации, но профессионализм создателя и состоит в том, чтобы процент прогнозируемых ассоциаций был как можно выше. При отсутствии высокой прогнозируемости ассоциативно-эмоционального наполнения говорить о манипуляции не представляется возможным. Реклама теряет свою основную функцию, вырождаясь в безликое формотворчество.

Конечно, довольно часто на сложных, детализированных, иногда непонятных изображениях хочется задержать взгляд – зритель интересно «разгадать загадку», и разгадка смысла приносит удовлетворение и положительные эмоции. Такие «шарады» надолго остаются в памяти. Но не многие из них действительно несут тему или

настроение. Большинство похоже на простую мозаику, концентрацию не связанной между собой графической информации. То есть фраза рекламного обращения не может быть дешифрована зрителем, либо попытка ее прочесть дает антирекламный эффект. Оформление в индивидуальных работах может быть любым – это личное дело автора, но еще в 20-е годы прошлого века Г.Г. Шпет отметил, что «Сложные эмоции слагаются из простейших чувствований, мышление – из процессов суждения, суждения – из связи представлений, представления слагаются из ощущений и т.п.»⁷. Эта простая, в сущности, мысль дает ключ к пониманию построения правильного и, главное, понятного зрителю рекламного обращения. Нужно попытаться сформулировать фразу, переведя её из визуального языка в вербальный. Еще Р. Барт отметил, что «... невербальные знаки получают значения только благодаря словесному языку. Вполне возможно, что в переключении различных интерпретаций какого-либо знака словесное определение получает наибольший вес...»⁸. При этом становится ясной ценность и смысл того, что говорится. Безусловно, чтобы правильно построить эту фразу необходимо знать, как и в какой последовательности зритель считывает информацию, как цвет влияет на смысловую окраску, какие архетипы и стереотипы привлечены к смыслообразованию, к кому адресовано обращение и т.д.

Рассмотрим пару рекламных конструктов из Иркутской действительности. Обращает внимание близкая цветовая гамма этих, казалось бы, о разном говорящих рекламных обращений.

Серый в сочетании с черным цветом имеет в русской культуре прямые ассоциации – «черный свет символизирует конец, смерть, т.е. завершение любого явления... Серый цвет издавна означал предметы невысокого качества...»⁹. Теперь посмотрим на каждый из примеров. Реклама «Адель» (кстати, что такое «Адель» – не расшифровывается) имеет явный избыток информации. Вербальное сообщение начинается с многообещающего слогана «Стальная нежность», не связанного по смыслу со следующей фразой, которая композиционно решена как часть кроссворда: «Сейфы (красным по вертикали, остальное по горизонтали), взломостойкие, огнестойкие тайники, шкафы, архивы» (в порядке прочтения) – как видно, предупреждая зрителя: чтобы понять, что хотел сказать автор, – надо потрудиться. И визуальная часть не разочаровывает. Слева – не поддающийся идентификации не специалистом металлический конус, справа – некий белый силуэт на сером фоне, отдаленно напоминающий женский, но лишенный конечностей и головы. Места половой принадлежности обозначены металлическими конусами и треугольником. По всей видимости, это изображение и иллюстрирует сентенцию «стальная нежность». То есть, расчлененное женское тело в металлическом белье и есть то, что иллюстрирует предложение «Адель» своему покупателю. Как видно, соединить в осмысленное рекламное предложение информацию, заложенную в цвете, визуальном образе и вербальном сообщении представляется достаточно проблематичным.

Следующий пример еще

более загадочен. Обращение «Верните детям будущее» воспринимается зрителем первым (см. Л. Герашенко. Психология рекламы) и настраивает зрителя на восприятие иллюстрации этой фразы. Мы можем предположить, что либо нам покажут то, что надо вернуть или что потеряли (насколько это ценное), либо тех, кто этому мешает или украл (какие негодяи), либо тех, у кого украли (как им без этого плохо).

Стереотипно, все видели объявления о пропажах или «их разыскивает...», зритель будет ожидать, что увидит первое. Тогда ангел с воздетыми руками должен был бы выступать как символ святости, сверхценности этого самого «будущего», которое украл, которое надо вернуть, но это не ангел, это кукла – муляж, фальшивка. Возникает диссонанс между пафосом вербального сообщения и ничемностью предмета. Далее зритель различает, что кукла стоит рядом с вывеской, на которой самым крупным шрифтом написано «Городская больница №666», то есть фальшивый ангел в библейской позе стоит на пороге дьявольского заведения (как известно, 666 – число дьявола). Учреждения здравоохранения могут подавать в суд с иском о «Защите чести и достоинства» на авторов этой рекламы. Далее, всмотревшись и прочитав, зритель выяснит, что дьявольское заведение предназначено «для детей наркоманов», причем не понятно, что имеется в виду: дети, рожденные наркоманами, или дети, страдающие этой пагубной зависимостью. Но и тем и другим, судя по вывеске, там не помогут, хотя больница, по определению, это место, где помогают. Фальшивый ангел

около дьявольской больницы – что это? То, что надо вернуть, или тот, который украл? Данный рекламный конструкт относится к так называемой «социальной рекламе», которая от коммерческой отличается только предметом рекламирования. «Социальная реклама есть визуальное отображение идеологии любого государства, основанное на общих архетипах и психологии восприятия»¹⁰. Этот пример отображает идеологию фальши и безысходности (даже больница, и та дьявольская). Чья это идеология? Хочется верить, что не того государства, в котором мы живем.

«Рекламное сообщение может быть не воспринято потребителем просто потому, что в нем присутствуют некоторые несоответствия между информацией, которая предлагается на вербальном и невербальном уровнях. Трудно воспринять также содержание, которое противоречит форме, или выбранные неточные соотношения фигуры и фона»¹¹. Попытка заинтересовать зрителя за счет этого несоответствия приводит довольно часто к «дизайну ради дизайна». Хотя, строго говоря, как прием эпатирования публики или для создания юмористического эффекта несоответствие вербального и визуального смыслов в рекламе используются. Но прием эпатажа тем и сложен в применении, что велика опасность получить результат противоположный главному принципу рекламы: созданию позитивного образа рекламируемого.

В данном случае наблюдается диссонанс между вербальным и визуальным образом. Это и должно

явиться юмористической подоплекой рекламного обращения. Но градус «юмористичности» снижен за счет негативной окраски визуальных образов, которые занимают треть площади рекламного пространства, и, соответственно, прочитываются зрителем первыми. Рекламное сообщение состоит из фразы (в последовательности считывания), визуальный образ – икея – желтая полоса – слоган – адрес.

В одном случае негативен женский персонаж, который показан в момент достаточно интимного действия, в ракурсе, превращающем героиню этой рекламы в уроду с большой головой и маленьким телом. Точка зрения расположена за зеркалом, и мы смотрим как бы из комнаты для подсматривания. А чье это «Отражение мечты»? Кино формулирует стереотипный ответ, показывая много примеров подобных мизансцен, везде, как правило, подсматривает какой-нибудь извращенец или негодяй, на месте которого вынужден находиться зритель этого конструкта. То есть эта реклама, отрицая свое определение, не поднимает зрителя в своей самооценке, а наоборот – опускает его до маргинального уровня.

Во втором случае мужчина, в позе нападения размахивающий бичом и стулом, чрезвычайно агрессивен. Колониальный шлем персонажа говорит о том, что нападает или укрощает он явно кого-то ниже себя по статусу, например рабов. И нападает он на кого-то заведомо мирного – «Мирные цены», что еще более усиливает образ агрессии, причем не спровоцированной.

Кстати, если сравнивать эти два билборда, то явно видны тендерные предпочтения авторов. Женщина демонстрируется в самом непрезентабельном, отрицающем ее женственность образе, мужчина, наоборот, в выигрышном образе этакого мачо.

Исходя из вышесказанного, можно говорить, что негативная окраска образов этих конструктов создает образ компании, воспринимающей своих клиентов как лиц, находящихся в самом низу социальной пирамиды и относящуюся к ним соответственно. Оставим за скобками, известно ли владельцам бренда «Икея» о том, как в Иркутске рекламируют их бренд, но хочется заметить, что, судя по многочисленным рекламным произведениям, показанным на «Эпике» и «Канских львах», рекламная концепция «Икея» в том, что любой человек выше любых обстоятельств, и в этом ему помогает продукция «Икея». То есть шведская «Икея» своих потребителей видит, безусловно, позитивными с большим внутренним потенциалом и чувством собственного достоинства. Иркутская реклама унижает своих потребителей, почему?

Функциональный дизайн билбордов призван реализовать единственную цель – привлечь, заинтересовать и, в итоге, заставить потреблять непосредственно представляемый либо косвенный продукт, и именно по этому показателю можно в итоге судить о его эффективности. Поэтому, в общем случае, для получения успешной оценки закладываемые в дизайне ассоциативные образы должны в определенной мере соответствовать функциональному наполнению продукта и

характеру его целевой аудитории для построения с ней действенной визуальной коммуникации.

Понимание же природы художественно-образного языка, принципов визуализации смысла и способов воздействия на аудиторию позволяет наиболее полно реализовать собственный творческий потенциал специалистов в области графического дизайна и рекламы. И в этом – гарантия того, что message дизайнера как создателя рекламного обращения обязательно дойдет до потребителя. И при этом истолкован он будет с высокой долей прогнозируемости и лояльности.

Средства, затрачиваемые сегодня в мире на разработку и дизайн рекламных концепций, уровень технического обеспечения для их воплощения не сравнимы с затратами ни на одну сферу искусства. Именно поэтому наружные конструкции рекламного назначения должны, в идеале, сравниваться с произведениями современной скульптуры, а билборды должны быть не менее привлекательны и глубоки, чем работы фотохудожников и мастеров живописи, выставленные в галереях искусства. И это то, к чему необходимо стремиться, несмотря на трудности роста и развития. Тогда и в Иркутске реклама из раздражающего фактора превратится в социокультурный феномен, облагораживая среду своеобразными семантическими маяками, по которым потребитель будет ориентироваться во все ускоряющемся потоке информации.

Андрей Шолохов

Иркутская вывеска (реклама) в подавляющем большинстве случаев ломает архитектурный строй зданий. Вместо того, чтобы занимать исключительно только плоские поверхности фасадов (межоконные и межэтажные поверхности, гладкие плоскости торцов), вывеска (реклама) размещается на элементах пластики фасадов: на карнизах, поясных тягах, наличниках, оконных и дверных обрамлениях, порталах входов, на фронтонах, с перекрытием арочных фрамуг окон и т. п. (см. фото), полностью игнорируя и таким образом разрушая архитектуру зданий. Такая вывеска (реклама) выводит себя из категории эстетического и превращается в антикультурную, вандалистскую акцию вроде уличных погромов. Наверно, «за деньги» и такое позволительно в городе, как бы «вполне интеллигентном».

Вывеска – фасад: кто кого?

«Привлекательное оформление фасада здания – необходимое условие создания благоприятного имиджа вашего заведения. Задача будет решена наилучшим образом, если удастся создать гармоничный ансамбль» (из рекламного обращения производителя наружной рекламы). Это, так сказать, декларируемые пожелания, а что происходит на наших улицах на самом деле? Насколько органично вписываются сегодняшние вывески в контекст городской среды,

сформировавшейся большей частью в конце XIX – начале XX века?

Честно говоря, удачных примеров вывесок, сочетающих в себе профессиональный дизайн, грамотное использование технологий и соответствие архитектурно-средовому окружению, не так много. Зато за образцами порой вопиюще грубого и непрофессионального решения рекламно-информационных вопросов на фасадах далеко ходить не надо. Достаточно просто выйти на

улицу и оглянуться вокруг. Можно пройтись по ул. К. Маркса и увидеть массу примеров.

Некоторое время назад нам попался в руки любопытный документ «Архитектурно-художественный регламент «Фасады Санкт-Петербурга».

К сожалению, подобный документ для Иркутска не удалось найти. И возникает вопрос: чем руководствуются создатели и проектировщики вывесок в городе? Хочется надеяться, что подобный документ существует и для Иркутска, только он глубоко законспирирован.

Согласно регламенту Санкт-Петербурга, «под вывесками понимаются носители текстовой и знаковой информации, относящиеся к категории рекламоносителей, размещенные на фасадах зданий для обозначения общественно значимых объектов (учреждений торговли, обслуживания, управления культуры и т.п.)». Это определение позволяет уклониться от разбора всей наружной рекламы, поскольку под наружной рекламой традиционно понимаются все визуальные средства доставки информации, используемые под открытым небом, и рассматривать только вывески. Более того, предметом рассмотрения будет исторический центр Иркутска как наиболее уязвимая визуальная среда, требующая особого отношения. И если в новых районах можно и нужно использовать рекламу как один из приемов формирования среды, обогащающий визуальный облик места, то в исторической среде главным принципом проектирования должен быть принцип «Не навреди».

Таким образом, если иметь в виду эти особенности, становится понятным, что «всякое сообщение наружной рекламы эффективно настолько, насколько содержательно осознана его визуально-

эстетическая вторичность по отношению к той пространственной среде, в которой это сообщение размещено».

В понимании целей и задач подобных рекламных конструкций есть определенные сложности, поскольку «отделить чисто информационные, нейтрально ориентирующие сообщения от мотивирующих, т.е. собственно рекламных, в этом случае чрезвычайно сложно. Самые искренние оповещения о предоставлении соответствующих профессиональных услуг в виде сапога, кренделя или обыкновенной вывески становятся рекламой, как только конкуренция заставляет специально обдумывать и целенаправленно создавать их коммуникативные признаки». Иначе говоря, создатели рекламы ставят перед собой задачу воздействия на аудиторию для нужного рекламодателю эффекта. Информационные или нейтрально ориентирующие сообщения по определению не должны выделяться из контекста, т. к. задача, стоящая перед ними, сугубо утилитарная, вспомогательная. Реклама же имеет прямо противоположные задачи – она должна быть заметна. Понимание этой разницы чрезвычайно важно, поскольку наружная реклама неизбежно находится в непосредственном визуальном коммуникативном контексте той выразительной среды, которой является архитектурное сооружение, само по себе являющееся произведением мощнейшего из искусств. «То, что всякое здание является произведением искусства – независимо от того, учитывается это или не учитывается рекламодателем, ставит визуальное наружное рекламное сообщение на его стенах в положение подчиненного эстетического объекта». Примеров, когда наружная реклама закрывает

фасад здания, в Иркутске достаточно много. Это – случай предельной визуальной экспансии, когда наружная реклама превращается из подчиненной эстетической реальности в доминирующую.

В такой коммуникативно-визуальной ситуации перестает эстетически существовать не только архитектура, важные композиционные, стилистические и прочие признаки которой оказываются недоступны зрителю, реклама становится утомляюще монотонной для зрения. Переставая быть подчиненной, реклама утрачивает и свои основные функции.

По определению, реклама должна привлекать внимание аудитории. Следовательно, визуальное противоречие между архитектурной выразительностью и выразительностью наружной рекламы есть необходимая и нормальная ситуация передачи мотивирующего сообщения. Но такая ситуация приводит к очевидному антагонизму между рекламными коммуникациями и средой, в которой они функционируют. Совершенно ясно, что указанного противоречия не может не быть: для проектировщика наружной рекламы и для ее заказчика актуально определение степени «выпадения» из контекста для того, чтобы рекламное сообщение было не только эстетически существующим, но и эстетически эффективным, следовательно, и оправданным с общемаркетинговой точки зрения.

При внимательном рассмотрении указанной проблемы выделяются два базовых подхода. Первый – когда рекламный конструкт полностью игнорирует архитектурную среду, отчуждаясь от доминирующей визуальной канвы. Второй – когда реклама абсолютно соответствует линейной композиции архитектурного сооружения и адаптирована к ней, становясь элементом фасада. Приемы визуального отчуждения и адаптации рекламного сообщения существенно влияют на характер содержательной психологической реакции зрителей. Конечно, акцентированно отчужденное рекламное сообщение гораздо более заметно, но оно, при характерном для большинства крупных городов перманентном стрессе, способно вызвать реакцию уклонения от излишне сильного раздражителя. Это уклонение будет означать отказ от восприятия сообщения и в результате – отрицательную мотивацию потребительского поведения.

В свою очередь, акцентированно адаптированная реклама в условиях того же перманентного стресса может быть просто не замечена, хотя и негативной реакции не вызовет. Таким образом, выполненное чрезвычайно толерантно рекламное сообщение будет иметь те же результаты, что и его противоположность. Оптимальным следует признать визуально эстетический прием адаптации, но находящийся со своей архитектурной канвой в нюансных отношениях.

Нюанс позволяет рекламному конструкту выделиться ровно в той мере, которая необходима для привлечения внимания; в исторической застройке контрастные отношения будут слишком выделять рекламный конструкт со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Контрастные отношения рекламы и архитектурного окружения лучше всего использовать в новой застройке.

Соответственно, грамотный анализ архитектурной среды должен предшествовать этапу проектирования любой вывески, причем в этот анализ необходимо включать весь фасад, а в случае больших проектов – и анализ архитектурной среды с учетом видовых точек.

Обратимся снова к «Архитектурно-художественному регламенту» Санкт-Петербурга. «Общими требованиями к размещению вывесок на фасадах зданий являются:

- соответствие расположению объекта;
- размещение без ущерба композиции, стилистике, отделке, декоративному убранству фасада, эстетическим качествам городской среды;
- привязка к композиционным осям и ритмической организации фасада, соответствие логике архитектурного решения;
- координация вертикального расположения и высотных габаритов в пределах фасада;

- сомасштабность фасаду и архитектурно-пространственному окружению;
- согласованность в пределах фасада независимо от принадлежности объектов;
- соответствие условиям восприятия (визуальная доступность, читаемость информации);
- приоритет мемориальных объектов (мемориальных и памятных досок, знаков и т.п.);
- безопасность для людей;
- безопасность для физического состояния архитектурных объектов;
- удобство эксплуатации и ремонта».

Как видим, создатели этого документа исходили из прин-

ципов, о которых говорилось выше, и это доказывает, что принцип нюансного отношения рекламы и исторической архитектуры является не только наиболее эффективным, но и общепризнанным. Хочется спросить: «А когда же в Иркутске станут проектировать наружную рекламу, руководствуясь этими очевидными для всех принципами?» Тем более, что такой подход делает эффективность вложений в рекламу несоизмеримо выше, ибо восприятие информации становится более позитивным. А положительная эмоция переносится на рекламируемый товар или услугу.

Андрей Шолохов

Поиск образа города¹

... Между Сциллой и Харибдой,
Между Польшей и Китаем...
Ю. Мориц

Происшествие, которого никто не заметил

Зимой 1995 года в центре города на улице Ленина сгорела часть гостиницы «Сибирь». Эта гостиница представляла собою один из интереснейших образцов советского конструктивизма. Она хорошо организовывала предназначенную для нее часть городского пространства и вполне мирно уживалась с находящимися рядом зданиями, выполненными во второй половине XIX века. Уже более 10 лет огороженное бетонным забором место пожара зарастает травкой. К 340-летию юбилею города (2001 г.) педагоги и учащиеся художественных школ совершили беспрецедентную культурную акцию: бетонный забор был превращен в артефакт редкой выразительности. Дети и их учителя сконструировали образ города, каким он им представлялся тогда, почти 6 лет назад. В этом образе многое восхищало: естественная для возраста исполнителей наивность, интуитивно уловленная особенность городского пространства – его не сводимое к единому месту или символу многообразие и река, которая перетекала с одной плиты на другую, связывая собою храмы, дома, деревья, улицы, мост. Мастерски обгрызались ромбы в центре бетонных плит, но от этого изображение не теряло детской искренности и непосредственности, отличаясь особой

любовью к подробностям, стремлением воссоздать узнаваемый облик отдельных зданий, любимых мест, арки моста, переброшенного через Ангару и увиденного как бы впервые. Пространство города предстало как повествование-путешествие, повествование-прогулка, во время которой неспешно предьявляются для разглядывания знакомые уголки. Я часто ходила возле этого забора, внутренне соглашаясь с тем, как преобразованы привычные городские фрагменты, уже ставшие или еще не ставшие знаковыми.

Шло время. Город привык к этой когда-то новой детали своего оформления, глаз прохожих «замылчился». Краски стали осыпаться, их подновляли (удачно или не совсем). И настал момент, когда с этим образом стало возможным делать все, что угодно: весной 2005 года во время кампании по выборам мэра Иркутска весь забор заклеили листовками, агитирующими за одного из кандидатов. Изображение было безнадежно испорчено. Дальше – больше, и к осени 2006 года, к открытию Байкальского экономического форума, забор закрасили. Привели в порядок. Теперь здесь серо-лиловая пустота, и ничто не мешает пялиться на билборд, расположенный на углу и изрядно перекрывающий обзор памятника неоготики – здания глазной клиники (бывший Базановский воспитательный дом). События не получилось, даже популярная еженедельная «Пятница» никак не отреагировала на эту незначительную потерю.

На моей памяти это был первый случай, когда делалась попытка осознанно отнестись к месту жительства, но как к визуальной ценности. Она напоминала вопрос, оставшийся без ответа: точка столкновения власти и инициативы «снизу», когда власть утверждает не только над территориями, но и над ее границей, обращенной к «публике», горожанам.

Происшествие, которое никто не замечает

Приезжие удивляются, как обильно заполняет пространство города рекламная продукция, продвигающая бренды и образы крупных промышленных и торговых объединений. Зачастую она сконструирована не в Иркутске и тиражирована по модели «Мы что, хуже других?» (Сигареты, пиво, косметика, компьютеры, электроприборы и т.п.) Как и повсюду в других городах, иркутская реклама взаимодействует со стационарными объектами (архитектура, заборы, водоразборные колонки, мусорные контейнеры, временные торговые павильончики), создавая непредвиденные столкновения повседневности и «красивой жизни». В городском ландшафте усиливается эклектичность, появляется привкус абсурдности.

Реклама, выполняя несколько функций, может продвигать не только товары или бренды, но значимые для города идеи или чувства. Однако в городе не был зафиксирован ни один случай создания такой рекламы частными фирмами; она выполняется по заказу городской и областной администрации. «Законы жанра» рекламы требуют постоянного обновления образов, следовательно, мы имеем дело с процессом, в котором можно проследить определенную динамику. Даже на уровне обыденного наблюдения понятно, что материал довольно скуден и сводится к эпизодическим акциям, приуроченным к юбилеям города или событиям местного значения. Как и всегда, рекламные щиты быстро обновляются, постепенно сменяются следующей волной изображений, уходят из центра и застревают где-то в

случайных местах, преимущественно в «спальных» районах города или там, где рекламные места не востребованы. Ритм рекламной деятельности даже в пределах города оказывается неодинаковым, создавая «заповедники», сгущения и разрежения. При опросах обнаружилось достаточно банальное обстоятельство: наружная реклама вообще и интересующий нас ее сегмент по большей части неинтересны ни иркутянам, ни гостям города: их просто не замечают. Висит же и до сегодняшнего дня изрядно выцветший плакат к 345-летию Иркутска, которое отмечалось аж в июне 2006 года, на здании железнодорожного вокзала. Правда, многим запомнился билборд «Приезжайте к нам в Сибирь – позагораем» на въезде в Кировский район города, но он, как и любая реклама, повисел-повисел, да и был заменен; да и не было там никакого Иркутска, скорее, миф о Сибири как таковой плюс довольно популярный анекдот про зеленую и белую зиму.

Типичным образцом рекламной продукции, содержащей образы города в качестве основных, является цикл плакатов «Город, в котором мы живем». К выборам мэра 2006 года было выпущено около десятка плакатов. До сих пор плакаты из этой серии периодически обновляют в разных районах. Содержательным элементом является сам текст, имеющий интонацию повествовательности и прямо обращенный к горожанам: «Город, в котором Мы живем». Визуальный ряд плакатов включает фотографии Белого дома, здания драматического театра, Кружевного дома, нового офиса авиазавода, здания диагностического центра и кинотеатра «Баргузин» со сквериком, детской железной дороги, фрагмента набережной с памятником Александру III, часовни во дворе жилого дома на месте падения самолета, панораму иркутского моста с частью комплекса зданий лицея №43. Это – либо официальные здания, либо открытые пространства. Фотографии «пустыни»: на них почти нет людей, «которые живут». Исключений немного, и на этих фото

1. Идея статьи сформулирована в рамках проекта «Город и деревня Байкальской Сибири в начале XXI века» при поддержке Фонда Форда (московское представительство)

– зоны рекреации (было бы очень странно, если бы и в местах, предназначенных для развлечений, людей бы не оказалось). Панорама изображений дает возможность интерпретировать понятие «жизни»: оно возникает в официальном пространстве контор, театра, библиотеки. Открытые пространства, подразумевающие публичное поведение и отмеченные в реальной жизни города конфликтностью, показаны идеализированно. Облик города, естественно, приукрашен: в нем чисто, деревья зелены, трава и цветы подстрижены; их, кажется, значительно больше, чем в действительности. Незадача случилась и с временами года: в реальности их вполне достаточно, чтобы создать разнообразную панораму, живописно украшающую городскую повседневность. Но ни для повседневности, ни для разнообразия в сессии места нет: здесь везде лето, солнце и зелень. В этом «ассортименте» нет и места для приватной жизни.

Рекламный образ, чтобы выполнить свою роль, должен быть заметен, ярк по колориту. Рекламные щиты соседствуют с другими, и, чтобы быть заметными, они должны выделяться. Интересующая нас серия выглядит довольно блекло, напоминая любительские фотографии, теряется среди авто, дубленок, телефонов на других билбордах. Приезжие (если иметь их в виду как категорию потребителей продукции) не должны обращать (и не обращают) внимание на эти щиты: для них изображенные фрагменты города не выглядят ни культовыми, ни ценными. А для «своих» заснятые места выступают как часть официального текста, не интересного именно в силу своей официальности. Обращает на себя внимание и двусмысленность надписи: «город, в котором мы живем». В веренице заснятых и предъявленных образов нет реального места, в котором живет большинство горожан. И создаетесь скрытый подтекст: дескать, мы-то, заказчики, живем в этом городе, а вот вы...

Еще одно послание было оформлено к празднованию 345-летия города серией плакатов, которые с некоторой долей условности могут быть

обозначены «тостовым» пожеланием «Будьте!»: «Будьте здоровы!», «Будьте счастливы!», «Будьте любимы!», «Будьте богаты!». Надо сказать, что города как такового в этих билбордах не было. Дело ограничилось пожеланием-тостом с фотоизображениями нейтрально-абстрактных типажей (пожилые в обнимку с детьми, молодые в обнимку друг с другом, усатый мужчина с поднятым рогом в руке; все улыбаются – «Cheese!» – в камеру) на ровном пустом цветном фоне. Я бы определила эту серию как официальную риторику представления «народа вообще», лишённого индивидуальных различий и – тем более – какого бы то ни было «местного колорита».

Как случай (а, может, закономерность?) может рассматриваться использование фрагментов городской среды в рекламных изображениях, не имеющих цели конструировать образ города. В них авторы оперируют уже готовыми, известными намеками, обладающими, по многим признакам, свойствами городских мифов, но иронически переосмысленных. Два из них могут быть соотнесены с образцами такого использования: реклама методики лечения импотенции с изображением уже не существующего шпиля на набережной и реклама автозаправочной станции «Энергис». Первая из них была замечена сразу и вызвала волну возмущения: уж слишком известным в городских историях, анекдотах и реальных событиях был предмет изображения и рискованным контекст, в котором он появился. Вторая изображает перелетающий через недостроенный мост автомобиль, напоминающий и культовый фильм Бессона, и не менее культовый старый советский фильм («Парень из нашего города»). Текст добавляет динамики: «Мир принадлежит смелым!» В картинке легко узнать не просто мост, но именно иркутский недострой, который является объектом внимания властей и горожан. Иронически переосмысливается немаловажная примета городской жизни – торчащие в разных местах города недостроенные или брошенные общественные сооружения (Ледовый дворец, университетская библиотека, подземный переход, «дом на

ногах»). Их существование делает городской ландшафт одновременно и изменяющимся, и стабильно незаконченным, и разрушающимся (нет ничего более постоянного, чем временные вещи...).

Можно сказать, что конструирование и продвижение бренда города с помощью средств наружной рекламы не оказывается ни достаточно убедительным, ни целенаправленным, ни впечатляющим. Оно является заказной работой, в которой просматривается вкус заказчика и поле его предпочтений. Закрепляется официозный, административный стереотип понимания города, в котором нет места человеческим лицам и простым делам (вопреки заявленной программе и внешне «народному» тексту). Такая точка зрения рождает избирательность объектов, которые попадают на рекламные изображения, неминуемо приводя к сокращению их числа и сводя их смыслы к официальной символической. А визуальные «каламбуры», используемые в рекламе, придают всему рекламному проекту образа города привкус иронии и гротеска.

Происшествие, которое забыто

Это – акция, организованная «Галереей GS в Иркутске» (куратор – художница Т. Смолькова) «Привет из Иркутска», проведенная в том же 2001 году, что и оформление забора. Такая акция в высокой степени соответствует идее о синтетической природе образа города, выразить который возможно только художественными средствами. Являясь, по словам Д.С. Лихачева, «визитной карточкой времени», демократичные по своей природе открыт-

ки способны выявить скрытые тенденции в кристаллизации образа города.

По словам Т. Смольковой, акция задумывалась по аналогии с другими, передающими «привет» из мировых столиц и проводимых тогда же, на рубеже тысячелетия. Контекст этот как бы подтверждал статус «столичности» Иркутска, выводил из коллективного подсознательного амбиции, восходящие еще ко временам его существования как центра колоссальной территории. В то же время формат конкурса позволял сделать явными очевидные, но не замечаемые в повседневной суете приметы и нового состояния города. А «открыточный» жанр конкурса, демократичный по определению, адресовал его как горожанам (поскольку конкурс проводился именно внутри города), так и вовне (поскольку открытка создается, чтобы ее послать куда-то кому-то с разными целями). Программа акции была достаточно четко сформулирована на рекламной листовке: «Кто мы? Куда и откуда идем? Какими нас знают? И знают ли? Какими мы сами себя ощущаем? У каждого города есть свое лицо». Столь разнообразные направления, заложенные в программе, позволяли реализовать широкий спектр мнений и тем. Конкурс был заявлен как открытый, публичный, что само по себе в Иркутске – достаточная редкость. Жюри состояло из представителей городской общественности; в голосовании мог участвовать любой желающий. Все это позволяет считать акцию попыткой рефлексии иркутяна об особенностях города и о том, что могло бы на тот момент времени быть началом кристаллизации его образа.

В распоряжении автора оказалось около 400 открыток, предназначенных для выставки и размещенных на 8 планшетах. На каждой из них – имитация почтовой печати с надписью «Привет из Иркутска». Они и до сегодняшнего дня время от времени используются музеем «Ледокол «Ангара» в экспозициях, посвященных городу, его истории и юбилеям. Пестрота предложенных изображений дает возможность свободно комбинировать их на планшетах, создавая разнообразие впечатлений от колорита, стилей, жанров и не преследуя цели создать тематическое или типологическое единство работ. Кроме того, открытки были выставлены как анонимные, что до определенной степени нивелировало впечатление от них и позволяло рассуждать не об особенностях художественной манеры, а о смыслах и выборе объектов для презентации.

Перед глазами также была собранная и изданная в 1996 году С.И. Мед-ведевым книга «Иркутск на почтовых открытках». Было с чем сравнить.

Сравнение 1. Каталог «Иркутск на почтовых открытках» создан на основе фотосъемок периода 1899-1917 годов. Для того времени фотооткрытки были жанром сравнительно новым, популярным, модным и в любом случае – общеинтересным. Спустя 100 лет открытка – традиционна, за ее плечами длинная по меркам XX века история, и модной ее назвать вряд ли возможно.

Сравнение 2. В альбоме «Иркутск на открытках» засняты сравнительно новые (для того времени) здания, выстроенные, в основном, после великого пожара 1879 года. Это очевидно хотя бы потому, что знаменитые Кресты (Крестовоздвиженская церковь, великолепный памятник иркутского барокко XVIII века) появляются только однажды, да и то – на втором плане. Даже в надписях этот элемент новизны постоянно подчеркивается: новый собор, новый банк... В «наших» открытках новые сооружения встречаются сравнительно редко, да и заснятых объектов немного (БайкалБизнесЦентр, здание областной администрации с новенькой часовенкой, бывший памятник конструктивизма кинотеатр «Гигант» в новой одежде развлекательного центра «Стратосфера»). По-настоящему новым среди них можно назвать только ББЦ. При этом они не выступают автономно, создавая своеобразный фон для традиционной деревянной архитектуры или провинциального модерна и образуя подчас визуальные мифы (изображение на фоне ББЦ семейства медведей). Исключение – ангарский мост; его съемки разнообразны и по-настоящему красивы. Но ведь и сам мост хорош – технически современен (хотя и ему уже за 70), необходим городу и по-своему элегантен. Настроения ретроспективности, взгляда назад без взгляда вперед усиливаются не только благодаря преобладанию в

съемках архитектурных памятников. Они – лишь часть общего стремления к исторической (цикл передач «Иркутск. Избранное») и идеологической (восстановление памятника императору Александру III, установление памятника Колчаку) реконструкции.

В конкурсных открытках более всего присутствует традиционная архитектура и памятники, находящиеся в центральном районе города. Ее образы используются с разной интонацией – любования и осуждения, но в целом создают настроение, которое японцы назвали бы «моно-но-аварэ» – старина, на которой лежит печать и печаль времени. Это настроение сегодня, спустя уже 6 лет, еще более очевидно: традиционная застройка стареет, не в лучшую сторону необратимо меняется, разрушается, горит – и вполне готова к сносу. Интуиции шестилетней давности становятся реальностью; деревянная архитектура, сворачиваясь, сжимаясь в пространстве, превращается в «ветхую застройку», становится кусочками дерева, обкатанными водой, ветрами и огнем. Логическое завершение смысла «прошлого без будущего» получил в открытке-победительнице «Резервация оптимистов: пессимистам и моральным уродам вход запрещен».

Сравнение 3. Открытки начала XX века довольно густо заселены людьми, повозками, торговцами... Город предстает человекомразмерным, вполне обустроенным, приспособ-

ленным для жизни. «Наши» открытки в большинстве воспроизводят скорее официальный дискурс пустынности, безлюдности и «чистой» архитектуры города без горожан. Если же люди и засняты, то зачастую в ситуации отдыха, развлечения, их трудно идентифицировать именно как иркутян, трудно определить место, в котором сделана съемка: это «люди вообще», чувства вообще, высказывания вообще, город вообще.

Сравнение 4. Открытки начала XX века представляют город, более-менее цельный по облику. Это и неудивительно: великий пожар, о котором я уже упоминала, способствовал конструированию единовременной застройки, в которой очень ощущается «дух времени». Знак нашего времени – эклектика, сочетание разновременного и разностильного, соседствующих в одном пространстве. Эта разноголосица, очаровательная в реальности, в съемках выглядит как фрагментарность: водоразборная колонка; кусок деревянного облупившегося декора; стеклянные современные стены, увиденные как бы сквозь окна деревянных домов. У иркутян эти частности вызывают целые вереницы ассоциаций, восстанавливающих целостность городской среды. Для иногородних, которым (хотя бы в принципе) открытки адресованы, такие съемки – не более чем мимолетное дорожное впечатление. Попытки выразить город через один его фрагмент или символ оказываются несостоятельными.

Подкрепленная ярким текстом песни об Иркутске М. Сергеева, открыточная пестрота становится символом города. Но она содержит и риск «потери», как жаловался в свое время документалист Борис Шунков, считая, что в городе слишком много несоединимого, в котором человек теряется.

За пределами сравнений. Эту особенность открыток 2001 года я условно обозначила «Портрет на фоне «Привета». Среди них множество таких, которые воспроизводят станковые картины, стихи или инсталляции (букеты цветов, натюрморты, материальные подборки). Они созданы художниками и дизайнерами, имеющими узна-

ваемую манеру, хорошо известными в Восточной Сибири. Авторы явно рассчитывали именно на это узнавание, не требующее комментария и объяснений. Несколько утрируя, можно сказать, что это образы по типу «Город – это я». Но смысл можно определить и так: город ценен той инициативой, которая в нем осуществляется, возможностью самовыражения человека вне рамок городской повседневности, вне объективного контекста, а наиболее видимым оно становится в художественных работах.

Похвала забору

Летом 2006 г. по местному телевидению был показан документальный цикл Е. Поддубной «Иркутск. Избранное». В фильме «Два генплана» автор рассказывает, как застраивался центр после пожара 1879 года.

Владельцы участков земли в зоне пожара мгновенно огородили свои наделы и вновь начали строиться как бог на душу положит, не считаясь с генпланом и замыслами губернатора и управы. Для наведения хоть какой-нибудь порядка, соблюдения необходимой регулярности в организации улиц городским властям приходилось даже отпирать куски некоторых домов. Частные интересы и цели с трудом подчинялись логике города.

Деревянная и частная застройка предполагала усадьбу, пространство вокруг дома. Выделение его было бы невозможно без ограды, «заплота». Когда происходило строительство, двор был территорией порядка, обжитым и «своим» для людей местом. Без загорожки и сегодня не обходятся ни территория школы и детского сада, ни самый простенький газон где-нибудь в новом микрорайоне; в противном случае место становится «ничьим». Так создавалась двойная перспектива: изнутри двора – защищенность и безопасность, снаружи – непроницаемость для взглядов и вторжения. Приватное спорило с городским, устанавливало линию «разломов», где традиционное сталкивалось с современным, создавая «телесный» каркас для сегодняшних проблем и сегодняшней жизни Иркутска.

Сегодня выйти за пределы линии уличной застройки весьма трудно: она и так вплотную приблизилась к проезжей части. Но городское пространство возможно «приватизировать» (и подчас весьма успешно). Так, вытесняя пешеходов, уменьшая и без того незначительную территорию доступных публичных мест в городе, появляются штендеры, выносные крылечки, лесенки офисов и магазинов, самовольные парковки на тротуарах.

Одновременно умножается количество глухих заборов, создавая феномен непроницаемости большей части городского пространства, отсутствия возможности необходимой для любого города публичной жизни, усиленная монотонность (термин В. Глазычева) той деятельности, которая в нем осуществляется горожанами.

Организация жизни города и не самый теплый климат предполагают «свертывание» пространства, «утягивание» традиционных форм деятельности внутрь стен. Двор становится «полем битвы» публичного, общедоступного с частным, превращается в буферную зону, обозначенную разнокалиберными заборами. То, что находится вне стен домов, воспринимается как «ничье», там умножается хаос, приходят в негодность надворные постройки, заборчики у палисадников (да и сами палисадники) исчезают... Забор, как и реклама, превращается в способ маскировки этого хаоса.

Но забор – это и временное сооружение для маскировки строящегося объекта, защиты прохожих от случайностей на стройплощадке. Долгострой чреват опривычиванием забора: его поверхность обживается, обклеивается объявлениями разного сорта; вокруг него, опять-таки, копится мусор. Забор ограничивает обзор исторических памятников, скрывает недоделки и разруху. Он становится фокусом того, что я бы назвала «замершим изменением», затянувшимся переходом, очевидным и типичным признаком сегодняшней городской повседневности, в которой старое сосуществоует с новым. И есть такие места, где оно переливается в новое.

Что-то вроде заключения

Тема и длинные рассуждения в связи с ней могут показаться необязательными, а материал – мало кому известным. Мне представляется, что это отнюдь не случайность: попытки рефлексии образа города обозначают этап в состоянии городского сообщества, когда сам город воспринимается как целостный организм, интересы которого не совпадают с интересами составляющих его групп.

«Случай Иркутска» представляет иную ситуацию: частная инициатива и интересы частных групп успешно продвигаются, а редкость инициатив «снизу», касающихся города, натывается на привычное отсутствие интереса городского сообщества, оставаясь на периферии внимания. Так и хочется сказать словами Гиляровского: «Это раньше в городе народ жил, а теперь – публика». Видимым результатом становится сокращение, свертывание городского пространства как соединения разной жизни многих.

Визуальные образы находят «на острие» социальной памяти; они обретают смысл лишь тогда, когда апеллируют к ней. Процесс конструирования образа Иркутска свидетельствует об его идеологизации, формировании разрывов официального и повседневного его представления, о сужении поля «городской памяти».

Марина Ткачева
Фото Марина Ткачева,
Андрей Шолохов

Золотой т.: 23-10-30
 КОНСТРУКЦИИ ИЗ АЛЮМИНИЯ
 г. Иркутск, ул. Баррикад, 51, т.: (3952) 34-75-16, 34-84-84

ЗИМНИЕ САДЫ

КРУПНОФОРМАТНОЕ ФАСАДНОЕ ОСТЕКЛЕНИЕ

Пекарня для обслуживания автомобилистов – реконструкция кафе с подземным пространством

Архитектор
Клаус Лауденбахер

Стремление к мобильности в любых жизненных ситуациях охватило даже наши пекарни. Компания «Гётц Брот КГ» строит еще одно подземное пространство для автомобилистов в одном из пригородов Вюрцбурга. В будущем все смогут покупать булочки, не выходя из автомобиля,

как в ресторанах фаст-фуд. Здание встречает посетителя обширным стеклянным фасадом с металлическими стойками. Задняя часть здания имеет закрытый характер, с глухими бетонно-кирпичными стенами. Границы между кафе, магазином и подземным

пространством расположены бок о бок в отдельных зонах, такое разделение не приводит к взаимному конфликту.

ЛАУДЕНБАХЕН АРШИТЕКТЕН
Margethschheimer Str. 115
97299 Zell am Main /
Würzburg

Тел: 0931 463184
Факс 0931 467137
mail@architekt-
laudenbacher.com

Пекарня для обслуживания
автомобилистов,
Унтерплэйхфельд, пригород
Вюрцбурга

Реконструкция начальной школы со спортивным залом

Старую школу Георг-Ледебур нужно было сносить, поскольку участились случаи болезни, вызванной полихлорированными бифенилами. Начался архитектурный конкурс. Новая школа имеет Х-образную форму. Двухуровневый стеклянный зал является центром, в котором сходятся четыре ответвления. Открытые лестничные пролеты зала помогают

правильно ориентироваться в здании.

Пространства двух школьных дворов, разграниченных двумя ветвями формы Х, открываются наружу. Более 7600 кв.метров рабочей площади предназначено для 700 школьников. Спортивный зал, который можно разделить на два помещения, расположен в цокольной части здания для уменьшения объема

конструкции. Одна сторона зала выходит на нижний двор при помощи великолепно сконструированного наклонного перехода. Этот наружный участок может использоваться для театра под открытым небом или форума для всех студентов. Проектирование и строительство вместе заняли всего два года. Строителем выступил город Нюрнберг.

ЛАУДЕНБАХЕН АРШИТЕКТЕН
Margetshöchheimer Str. 115
97299 Zell am Main /
Würzburg
Тел: 0931 463184
Факс 0931 467137
mail@architekt-laubenbacher.com

Архитекторы:
Ральф Мюллер,
Клаус Лауденбахер

Реконструкция начальной школы со спортивным залом.
Школа Георг-Ледебур, Нюрнберг-Лангвассер

Мы – в подготовительном классе рынка жилья

Интервью с Вячеславом Глазычевым

Вячеслав Глазычев

Вячеслав Леонидович, что такое с вашей точки зрения социальное жилье? Почему жилье, которое сегодня строится, вы не можете назвать социальным?

По-настоящему социальным жильем у нас не занимались. Задача не просто обеспечить людей какой-нибудь крышей над головой, надо их детям дать шанс вырваться из, прямо скажем, малопривлекательных условий, подняться по социальной лестнице.

Требуется обеспечить некий минимум комфорта, чтобы люди чувствовали себя достойно. Тут жизненно важна площадь кладовых, гардеробных, чуланов, вполне сносно можно жить в восьмиметровой спальне, если будет нормальная кухня и трехметровая кладовая для старых вещей, книг, пылесоса. Главное не количество метров в спальне, а число подсобных помещений.

– Удобная квартира помогает приобрести чувство собственного достоинства и дает стимул человеку развиваться?

– Не только. Для меня почти идеалом является закон, который город Торонто принял двадцать с лишним лет назад. Он сводится к одной фразе: каждая социальная квартира имеет отдельный вход.

Своя дверь – это психологическая конструкция огромной важности. Она тоже дает ощущение достоинства. Свою дверь можно красить, холить, лелеять, она ни с кем не поделена, значит ликвидирован подъезд одно из главных криминальных мест.

Не утверждаю, что это единственное решение, но это одно из блестящих решений. За четверть века накоплен опыт, существует огромная статистика, которая свидетельствует: уменьшился вандализм, реже хулиганят, люди стали ухаживать за домом.

– А не дорого ли делать отдельные двери для социального-то жилья?

– Мне кажется, истина лежит где-то между торонтским вариантом и лагутенковским домом первой серии (пятиэтажки К-7). Социальное жилье должно быть дешевым, но пристойным. Где мы можем

сэкономить? Убрать лифты, увеличить плотность, при этом нужна площадь, где дети могли бы играть под присмотром взрослых.

Абсолютный минимум, с которого начинается достойное жилье, – 20 метров общей площади на человека. Размер кухни должен зависеть от того, как встанут серийные шкафы, недорогая ИКЕА, например. Значит, надо просчитать их стандарты. И понять, что каждые необоснованные 3 сантиметра в совокупности вырастут в огромную сумму, а недостающий один сантиметр обернется колоссальным ущербом.

Сделать дешевый и относительно комфортный проект – высший пилотаж. К такой работе надо будет подключать профессионалов и не только отечественных. Опыт строительства социального муниципального жилья есть в Германии, в Греции, в Голландии, в Англии.

– Сколько, по-вашему, нужно строить социального жилья?

– 15-20% социального жилья к общему количеству строящегося вполне достаточно.

– Нужно делать какие-то отдельные «социальные районы» или ставить такие дома внутри обычной застройки?

– Соединение вместе чревато проблемами. Когда в одной школе учатся дети из разных по имущественному статусу семей, это порождает такой ядовитый, агрессивный мирок.

Жесткое разведение тоже малопривлекательно. Запад, как правило, на него идет. Но тогда не решится задача, о которой я говорил: возможность для детей отсюда вырваться. Поэтому в планировочном решении необходимо объединение через особую систему шарниров. Это может быть хороший торговый центр, который имеет градацию от «Копеечки» до «Рамстора». Или хороший каток, который доступен всем. Так создается многослойное публичное пространство, где есть анонимность, где все равны друг другу и, скорее, важно, хорошо ли вы

катаетесь на коньках, чем то, из какой вы семьи.

Я как-то работал в Вашингтоне, была любопытная стажировка по анализу проблем лучшего городского жилья. Нам показывали относительно приличный дом, окруженный двойным рядом колючей проволоки от соседней «наколотой» и криминальной стихии. Но это же не выход – это несчастье.

Так что нет общего решения. Простое соседство порождает агрессию, переживание усиливает агрессию, полное разделение снимает агрессию, но закрепляет отчужденность миров. Только на перекрестке полюсов этого силового поля есть шанс получить лучшее.

– Что еще, кроме катка и магазина, может объединять людей?

– Теоретически самоуправление тоже является таким буфером, но практически до него еще очень далеко, за редчайшими, очень радостными исключениями, когда находятся лидеры, которые в состоянии консолидировать людей. В целом, опыт показывает, что даже в ТСЖ, грубо говоря, идет раскладка «фифти фифти», и даже сложнее: процентов 10 жителей активно готовы выстраивать общее благо, процентов 40 пассивно согласны за ними идти, процентов 50 не считают, что они, купив квартиру, обременены общими хлопотами. И дама в очень приличной норковой шубе может устраивать визг по поводу сорока дополнительных рублей в месяц для консервжки.

– Но ведь именно самоуправление, помогает людям решать насущные проблемы, коммунальные в первую очередь...

– Собственники не ведут себя как собственники, они не привыкли к тому, что собственность – это еще и ответственность. Новый Жилищный кодекс к этому подталкивает, однако без специализированной помощи ощутить себя собственниками трудно. И, на мой взгляд, здесь может пригодиться западный опыт, когда в управляющих компаниях половина сотрудников

социальные работники. Они работают с людьми, объясняют порой, уговаривают, потому что сам житель, просит не в состоянии вникнуть в жилищные дела.

Шаг к формированию подлинного самоуправления лежит через длительный тренинг. Большой труд – подготовить специалистов, платить им деньги. Это ложится на местную власть, а она не приучена работать индивидуально, с малой группой, цементировать, склеивать.

Но не решив этой проблемы, мы получим дорогое обслуживание управляющими компаниями. Дома, где этого не смогут себе позволить, имеют шанс превратиться в трущобы. Какая-нибудь девятиэтажка конца шестидесятых – первый кандидат. Такие дома не выгодны инвестору, не интересны коммерческой управляющей компании, в них тесные, неудобные квартиры. Значит, люди с деньгами отсюда уже выбрались или выберутся завтра, останутся те, у кого нет сил и денег вырваться, со всеми вытекающими последствиями. Есть ли способ этому противостоять? Есть. Это энергия, труд и деньги. Это политика и воля. Без движения вниз, без реальной муниципализации спальных районов решить бытовые проблемы нельзя, по закону больших чисел.

– А как вы относитесь к плану построить в столице много высоток? Делались, кстати, заявления, что часть квартир в этих домах будет предназначена для «социальных жителей». Однако высотки наверняка дороги в эксплуатации...

– Стремление пойти как можно выше естественно, потому как имеется желание «снять» с квадратного метра земли как можно больше. Но в общем это совершенно ненормальная штука. Действительно, высотное жилье в эксплуатации гораздо дороже. Нужно существенно повышать мощность насосов, нельзя делать мусоропровод, потому что брошенная в него бутылка внизу превращается в гранату. Нужно делать грузовые лифты, чтобы спускать мешки с мусором. Нельзя

открывать окна, потому что ветер вещь опасная, значит, обязательно кондиционирование. Общее кондиционирование чревато ростом заболеваемости, значит, понадобится индивидуальное.

Это все довольно существенные осложнения и увеличение стоимости эксплуатации. Разности проживания на разных этажах одного дома не бывает, ее нивелируют системой платежей. Но такие расчеты существуют в среднем за пределами 20 этажей, можно считать, что каждые еще три этажа – это дополнительные 10% к тем 150%, которые уже набегает на 20-м. Эксплуатация дорожает в два раза.

Добавьте проблемы пожаротушения, вспомните, как

недавно горел испанский небоскреб – потушить не смогли. Понятно, что нужен пожарный вертолет. Ему пришлось дать догореть, и надо загнать наверх баки с водой, такие стоят на небоскребах в Манхэттене. Это денег стоит, но от этого не уйти никуда.

Еще проблема – подъезд и выезд, даже если делается подземная автостоянка. Очень интересно, что будет происходить с «Парусом» в Сокольниках: прямо на обресе Стромынки напряженная магистраль. Загнать все машины под землю практически нереально, там проходит метро. Ну, какую-то часть загнали, хорошо, а выезд и выезд? Встроиться в поток, перестроиться из потока там будет очень тяжело.

– А жители высоток сейчас высказывают какие-то претензии?

– Мы пока что не наблюдали, как меняются поколения жильцов в новых домах, и вторичного рынка этого жилья пока нет. Только когда жители «Алых Парусов» начнут покупать другое жилье, мы начнем понимать, в чем их проблема. Неопытность потребителя феноменальна. Планы люди читать не умеют, и только потом обнаруживают, что это совсем не та квартира, что им рисовалась в воображении. Но реальной статистики нет, и поэтому любые оценки недорого стоят, мои тоже

Можем предполагать, что цена эксплуатации будет продолжать расти,

и держать сегодняшние дотации Москвы, вопреки федеральной норме, будет вряд ли возможно. Это как с особняками, люди настроили гигантские дома, и вдруг обнаружили, что на газу, который как бы дешев, они за 10 лет нажигают изрядную сумму, сравнимую со стоимостью дома. То же самое будет происходить и с так называемым элитным высоким жильем, уже скоро. Но правила жизни в экономике рыночного жилья вырабатываются поколениями. Мы еще учимся, мы в подготовительном классе рынка жилья.

Опубликовано в газете
«Квартирный ряд»,
№11 (530),
17 марта 2005 г.

АСКЕТЫ И АТЛЕТЫ, ФУРО И ТЕМАСКАЛЬ (философия аскетизма в интерьере ванной)

Среди функциональных зон аскетического интерьера ванная занимает совершенно особое место, потому что именно здесь данная идеология приносит наиболее странные и парадоксальные плоды.

Греческий глагол («искусно обрабатывать») тесно связан с существительными: («приготовленность к деятельности; упражнение») и («борец, атлет, упражняющийся»), а также с другим глаголом – («упражнять, упражняться, заниматься»). Изначально все эти слова относились к тренировке атлетов. Впоследствии в философии, прежде всего в учении стоиков, они стали применяться к нравственному самосовершенствованию в значении «упражнение в добродетели». Древние греки вкладывали в это понятие довольно широкий смысл – включая широкую образованность, телесное совершенство и высокую мораль.

Христианская традиция заметно сузила понимание аскетизма, придав этому слову смысл «самоограничения». Так автор статьи об аскетизме в Энциклопедии «Британника» Артур Вубас определяет аскетизм как практику отрицания физичес-

ких или психических потребностей с целью достижения духовного идеала или цели. Сходным образом трактуют это понятие и другие справочные издания. Например, в Энциклопедическом словаре, изданном Брокгаузом и Ефроном, аскетизм определен как «учение о воздержании, подавлении потребностей, главным образом, физических, для достижения нравственного совершенства», а в Большой Советской Энциклопедии – как «ограничение и подавление чувственных влечений, желаний («умерщвление плоти»), как средство достижения религиозных или этических целей».

Не слишком продолжительной, современной, эпохе ванной предшествовали века господства бани. Очевидным недоразумением является изображение банных обычаев аскетической культурной традиции как разновидности самоистязания. На самом деле привычка попеременно париться и остужать себя в ледяной воде, возникшая тысячелетия назад, не просто использовалась нашими предками как средство инициации природных способностей тела к обновлению и активизации жизненных сил, но и воспринималась

ими в качестве одной из высших радостей повседневного бытия. «Отец истории» Геродот (около 484–425 гг. до н.э.), побывавший в середине пятого столетия до н.э. на территории нашей страны – в Северном Причерноморье и в устье Днепро-Бугского лимана, свидетельствовал, что скифы «тело очищают

паровой баней), поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни». Геродот также опи-

Баня, несмотря на суровый облик, может приносить эстетическое удовольствие. «Баня – вторая мать». Фото Дмитрий Фирсанов

Японские гейши, принимающие «ванну» о-фуру. Фотография 1880-х годов

сывае растущее в Скифии растение коноплю и обычай скифов брать с собой в баню ее семена. «Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит».

Земли, где позже расположилась Россия, посетил в самом начале нашей эры также и апостол Андрей Первозванный, который странствовал по Восточной Европе, неся слово Христово язычникам. Апостол был глубоко поражен славянскими банными обычаями: «И при-

шел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом коженным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп». Заметим, что рассказ апостола о землях славян целиком и полностью посвящен славянской бане и ничему более, настолько его воображение было поражено увиденным.

Академик А.М. Панченко, комментируя этот апокриф, приводит «банный анекдот» из «Истории Ливонии»

Дионисия Фабрициуса (XVI век). Автор рассказывает о случае, будто бы имевшем место в XIII веке в католической обители в Фалькенау. Местные монахи потребовали у папы увеличить содержание, ссылаясь на свою аскетическую жизнь, на «сверхзаконное», не предусмотренное уставом изнурение плоти. И действительно, посланец, специально прибывший из Рима, стал очевидцем того, как ливонские иноки в страшной жаре хлещут себя прутьями, потом окатываются ледяной водой, и так раз за разом. Итальянец не понял, что это «омовенье», а не «мученье». По докладу нунция папа действительно положил дополнительную плату монастырю в Фалькенау. Так северяне надули южанина, изобразив себя суровыми аскетами.

Спустя еще пять веков, в 1709 г., датский посланник при дворе Петра I Юль Юст запечатлел едва ли не аналогичную скифской картину: «За городом мне случилось видеть, как русские пользуются своими банями. Несмотря на сильный мороз, они выбежали из бани на двор совершенно голые,

красные, как вареные раки, и прыгали в протекавшую поблизости реку. Затем, прохладившись вдоволь, вбежали обратно в баню, но прежде чем одеться, выскатывали еще и долго, играя, бегали нагишом по морозу и ветру. В баню русские приносят березовые веники в листах, скребут и царапают себе тело, чтобы в него лучше проникала теплота и шире отворялись бы поры. В России ото всех болезней <...> первый доктор — это русская баня».

Скифская баня имеет свои не только исторические, но и географические аналоги. Например, в виде традиционной японской бани – о-фуру. Собственно говоря, сама баня представляет собой деревянную бочку, в которую человек погружается по шею. Бочка называется фуру. Префикс о-, означающий почтение («уважаемая бочка»), появляется, когда говорят о банном ритуале в целом. Ритуал начинается с простого умывания всего тела (в фуру нельзя залезать грязным). Затем следует забраться в бочку с горячей – около 50 градусов – водой на десять–пятнадцать минут.

Распарив тело до малиновой красноты, принимают «опилочную ванну», зарываясь в кедровые опилки с добавками ароматических и лечебных трав (еще на 15–20 минут). Затем следует массажная ванна из подогретой морской гальки. Заканчивается все чаепитием, чтобы восполнить потерю влаги. После такой процедуры не страшны ни сквозняки, ни сырость, характерные для традиционного японского жилища.

Необычайно переключка скифской бани с традиционным ритуалом темаскаль. В переводе с языка Науатль (ацтеки), темаскаль – «дом горячих камней». До конкисты темаскаль использовался как домашняя клиника и баня большинством племен Мексики – ацтеками, сапотекками, миштеками, майя. Сюда приводили женщин рожать, здесь лечили и освящали. Темаскаль представляет собой единственный реально доступный ритуал индейцев, который практикуется по сегодняшнему дню, причем и сегодня проводит его специально подготовленный шаман. Приведенные ниже цитаты взяты из текста, который написала русскоязычная жительница Юкатана, прошедшая темаскаль «под руководством» шамана Дона Герардо.

Темаскаль – это маленькое строение, круглое, из красного кирпича, у него круглое окошко сверху (пуерта де ариба – «верхняя дверь») и основной выход восточнее ориентирован на юг (а сур). «Наша дорога (вида – «жизнь») начинается на севере, – говорит шаман, – и направляется на юг, вы проживаете Темаскаль и выходите на юг, таким образом, вы начинаете свой путь, свою жизнь – с севера на юг. Темаскаль – это чрево Матери-Земли, женщины, которая Вас рождает, да и условия здесь не лучше, – смеется шаман, – влажно, жарко, терпеть надо...». Темаскаль нагревается вулканическими камнями, раскаленными в костре снаружи.

«Между каждым вносом камней – около 20 минут, 20 минут постепенного и усиливающегося потения и опьянения от запахов. Акустика в Темаскале – замечательная,

любая мантра (слог, слово, – что угодно) входит с пол оборота в звуковой резонанс, ну а там, где резонанс, – там сила. Мы друг друга не видим (темно, все входы закрыты), но чувствуем исключительно. «Tierra – mi cuerpo, aqua – mi sangre, aire – mi aliento, fuego – mi espíritu» – это все слова самой замечательной песни, которую я слышала в течение моей жизни. «Земля – мое тело, вода – моя кровь, воздух – мой дух, огонь – моя душа.» Оказывается, все умеют петь, мелодия простая, красивая, и после нее все хотят «свою» песню спеть.

Абсолютно сюрреалистическое и очень сильное впечатление – русские песни в Темаскале... Дон Герардо это уже понял, ласково просит у «наших», не у нас... «Es increíble, es por su alma!» «Это удивительно, это из-за вашей души» – все повторяет.

Дальше мякоть свежего алоэ, его сильный запах (у каждого свои ассоциации) – и волосы обмажь, шепчут, чай еле теплый, вкусно... Выходишь, шатаясь к колодезю, ведро воды. «Не охлаждать надолго, сразу завернуться в простыню и лечь» – строго наказывает Дон Герардо. И тут-то и начинается тот самый «полет», о котором мне так много говорил мой друг, на расслаблении. Позже (сколько времени прошло, непонятно): во рту (кто-то подложил) кусочек папайи, на лице – глиняная маска (косметологи бы позавидовали), а ноги растираются маслом (опять запах – терпкий) самим... Доном Герардо».

Стержень рецептуры аскетического ритуала омовения проступает, пройдя сквозь тысячи лет, сотни культур и десятки тысяч километров. Его основа – сочетание противоположностей, резкая контрастность. Жара – холод, теснота – открытость, грязь – чистота, напряжение – расслабление. Отличие истинного аскетизма от самоистязания заключается в точном понимании и соблюдении меры принятия каждой из крайностей. Мексиканский шаман так же внимательно наблюдает за процессами в темаскале, как и опытный банщик следит за тем, чтобы экстремальные переживания

парилки приносили пользу, а не вред. Посещение аскетической бани – тренировка души и тела, приносящая не изнеможение, а здоровье и новые силы.

Упражнение в добродетели при посещении бани заключается в переживании интенсивных и контрастных эмоций. Повседневное восприятие своей наготы (напряжение, смущение, неловкость) переходит в спокойную удовлетворенность и уважение к своему телу. Ощущение собственной телесности, основанные на переживаниях изменения ее состояний, становится основой изживания чувства стыдливости за свое обнаженное тело. Потная, обжигающая и удушливая атмосфера парилки (отвращение, тревога, раздражение) сменяется легкостью и свободой внешней прохлады (радость, восторг, возбуждение) – и так многократно. Настоящая аскетическая баня упражняет душу на экстремальных переживаниях, как любое высокое искусство.

В переживании собственной телесности при посещении ванной наглядно отражается базовый принцип аскетизма – отказ от излишнего ради необходимого. Существует, однако, множество вариантов решения – что считать излишним, а что – необходимым. Аскетическое тело может выглядеть, как обтнутой кожей скелет (если необходимо поддерживать минимум телесной жизни, чтобы только не покинуть этот мир раньше времени). На другом полюсе аскетического отношения к телу – огромные борцы сумо, спорта, требующего жесточайшей самодисциплины и самоограничения.

Большое зеркало в ванной комнате может выглядеть роскошным излишеством, но на самом деле играть вполне аскетическую роль. Разглядывая свои телеса, посетитель ванной проводит вдумчивую ревизию: насколько точно состояние тела соответствует предназначению? Подобно тому, как мастер любит и уважает свой инструмент, заботится о нем и поддерживает в оптимальном работоспособном состоянии, так и истинный аскет не мучает свое тело ненуж-

ными запретами и предписаниями, а заботливо готовит к повседневному исполнению главной задачи. И только характер этой задачи определяет, каким должно быть тело и в каком состоянии его следует поддерживать.

В послереволюционной России стихийные коммуны возникали повсеместно, причиной этого явления были и идеологический романтизм, и желание объединиться для совместного преодоления бытовых трудностей, и решительное стремление порвать с традициями, – например, отказ жить с родителями. Так будущий генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев образовал с тремя товарищами коммуны и поселился в крошечной комнатухе, где общими были «жилье, барахло и шамовка». К курьезным случаям можно отнести, например, коммуны в г. Ростове, члены которой «поселились в ванной комнате какой-то коммунальной квартиры, один спал на подоконнике, двое на полу, а лучшим ложем, занимаемым по очереди, была ванна». Аскетизм «образца военного коммунизма» ставил и решал задачу минимизации тела. Телесность ужималась до предела, чтобы максимально сэкономить наиболее ценную сущность: жилую площадь.

Принцип покомнатно-посемейного заселения нескольких семей в одну квартиру не только резко изменил традиционное для дореволюционного городского жилища отношение к ванной комнате как к месту индивидуального гигиенического туалета, но и трансформировал всю философию жилой среды. В проектах жилых домов для рабочих ванная комната или отсутствовала вовсе, или вырождались в маленькую комнатку, которая (вместе с туалетом) играла роль своеобразного «звукоизоляционного буфера» между шумной лестницей, с одной стороны, и жилыми комнатами, с другой.

Принцип «маленького человека с маленькими потребностями» продолжает главенствовать в отечественном дизайне и полвека спустя. Вынужденный аскетизм советской ванной 1960–1970-х гг. был вызван стремлением к максимальной эко-

нонии материальных предметов – канализационных труб, квадратных метров площади санузла, керамической плитки, краски и проч. Минимальная площадь ванной, в подавляющем большинстве случаев превращавшейся в совмещенный санузел, определялась, исходя из: а) площади, занятой приборами и б) площади, необходимой для пользования ими. В ванной комнате, согласно нормативным требованиям, располагались: а) ванна и б) умывальник. Причем в целях экономии места раковина размещалась с 10-сантиметровым «заходом» на ванну. Минимальные габариты такой комнаты были 172x145 см. В совмещенном варианте ванной-санузла к вышеописанным приборам добавлялся унитаз. Минимальные размеры такой комнаты также нормировались – 195x145 см. Иногда ради экономии ванны заменялись душевыми поддонами. В таких помещениях подчас не хватало места даже для стиральной машинки или хранения грязного белья.

Рекомендации по эксплуатации совмещенного санузла предполагали возможность его эксплуатации одновременно двумя членами семьи (особенно в наиболее загруженные часы суток). Для этого предлагалось устраивать между ванной и остальной частью помещения легкую перегородку или отделять унитаз от остальной части помещения раздвижной занавеской.

Учебник «Интерьер общественных и жилых зданий» так перечисляет функции ванной комнаты образца 1970-х гг.: «Основными функциями ванной комнаты в настоящее время являются мытье и купание, а также хранение необходимых для этого различных предметов». Учебник рассматривает и возможное расширение состава функций ванной комнаты при проектировании в будущем новых типов квартир: «При расширении функциональной нагрузки ванная комната могла бы одновременно служить в качестве: туалетной комнаты, где можно будет причешаться, уложить волосы, побриться, сделать массаж лица и проч.; гардероба, т.е. места пере-

одевания и хранения личного белья, халатов, купальных принадлежностей; места домашней стирки, хранения грязного белья, стиральной машины и средств бытовой химии; одновременно уборной, независимо от наличия уборной в отдельном помещении».

Пространственное размещение ванной в квартире предопределялось также требованиями экономии (упрощения) структуры, в соответствии с которыми ванную рекомендовалось располагать рядом с кухней, чтобы иметь возможность устраивать один общий канализационный стояк.

Развитие технологии крупногабаритной штамповки (отливки) изделий из полимерных масс в сочетании со стремлением экономии трудовых затрат при строительстве ванной и туалетной комнат, а также при монтаже санитарно-технического оборудования привели к возникновению на Западе в 1960-1970 гг. сначала проектов, а потом и экспериментальных образцов санитарно-технических блоков, представляющих собой единый агрегат. Эти проекты не только заменяли процесс строительства на «сборку» дома из готовых крупных элементов, но только многократно ускоряли его, но и утверждали новую философию отношения в жилищу – унифицированное, дешевое, быстро возводимое в любом месте (почти мобильное), сдержанное в декорировании (с готовой отделкой), аскетическое. Подобных принципов западный (особенно американский) массовый дизайн придерживается и сегодня.

Что же может получиться, если современный дизайнер, в условиях предельной экономии ресурсов, поставит перед собой задачу воспроизвести в современном «аскетическом интерьере» древние рецепты традиционной аскетической бани? Что «останется» ему для творческого воспроизведения, если во многих своих аспектах аскетическая баня давно и широко доступна и повсеместно используется сегодняшним горожанином? Например, получение повседневных температурных контрастов вовсе не тре-

бует специального участия дизайнера. Этот эффект легко достигается самыми простыми техническими устройствами: крути себе обычные краны в ванной – и контрастный душ обеспечит любые перепады температуры. Правда, по сравнению с настоящей парной и сила воздействия здесь довольно скромная, потому что для того чтобы пережить «термоудар» в полной мере, к перепадам температуры нужно обязательно добавлять перепады влажности. Так, в финской сауне от сухого жара переходят к прохладе бассейна, а в русской парной – из влажной парилки выскакивают на сухой зимний мороз. В любом случае необходимость принимать в расчет и температуру, и влажность требует участия специалиста, и для того, чтобы достичь тонизирующего эффекта настоящей бани, дизайнер должен придумать и устраивать систему регулировки и перепадов влажности и температуры.

Примером такого, правда, довольно примитивного устройства могут служить популярные сегодня «микросауны» (просто деревянный ящик с подогревом). Усилиями дизайнера они способны открываться в зону, где сеется мелкий прохладный «дождик» (если уж бассейн рядом разместить не удастся). А если в ванной устроено подобие русской парилки с горячей влажной атмосферой, то следует обеспечить переход в зону с холодным и сухим, пусть и кондиционированным воздухом. Важно, чтобы индивидуальный потребитель мог самостоятельно регулировать под себя уровень и тепла, и холода.

Большое значение имеет не только инженерно-техническая сторона вопроса, но и визуально-образное впечатление, которое дизайнер призван сформировать для более сильного и адекватного переживания физической составляющей банного процесса. Так, например, тесная душевая кабинка с матовыми, но прозрачными стенками (это делается для того, чтобы не пугать склонных к клаустрофобии), открывающаяся в широкое пространство ванной комнаты, способна

вызвать впечатление перехода от «тесноты к распахнутости» и отдаленно передать то чувство «полета», о котором пишут посетители темаскаля. Подобный эффект можно поддержать зеркалами на стенах, светлым и прохладным цветовым решением, объемным потоком света, матовым покрытием стен и потолка – всем, что зрительно расширяет пространство комнаты. В любом случае переход из сжатого объема кабинки в раскрытый объем ванной способен иллюзорно восприниматься как «выход в небо»...

В традиционных банях контрастный перепад фактур обеспечивается переходом от гладких досок парной к грубой поверхности земли снаружи. В современной ванной такой же эффект можно легко обеспечить, используя разнородные покрытия пола – от гладкой плитки или коврика в «горячей» зоне к фактурам, имитирующим мелкий камень, жесткую траву или крупный песок. Вполне возможно применение натуральных материалов – гальки, камня, крупнозернистого песка. Колючий и неровный пол стимулирует подошвы ног – сродоточие рефлекторных зон и точек. Расслапленное и расслабленное тело особенно восприимчиво к такому «самомажу».

В современной ванной вполне могли бы возродиться и обычаи скифов использовать древесные опилки в качестве скраба и маски одновременно. Опилки благородных хвойных пород – кедр, лиственницы – в нашем регионе совсем не редкость, а по интенсивности воздействия на тело они абсолютно не уступают импортным, дорогим и капризным, очищающим составам. В аскетической ванной, в условиях экономии средств (без снижения уровня качества) размещение отдельной микрзоны и специального оборудования для «опилочных ванн» весьма уместно.

Важный элемент тактильного переживания бани – переходы от дискомфорта – переходы от склонных к клаустрофобии, открывающаяся в широкое пространство ванной комнаты, способна

жесткая массажная мочалка) к ласковым прикосновениям теплой воды и мягкой ткани. К сожалению, стандартная сантехника плохо приспособлена к смыванию глины или медово-песчаной смеси в количествах, достаточных для обработки всего тела. Если дизайнер заранее не позаботится о фильтрах или отстойниках, любители тактильных контрастов не миновать проблем с засорившимися стоками.

Привычка петь под душем или лежа в ванне сегодня выглядит довольно нелепо – и совершенно напрасно. Ритмизованное, усиленное дыхание, которым сопровождается пение, очень помогает оздоравливающим процессам. Скифы «воли ли от восторга», ацтеки распевали мантры, в русской бане машут веником (что также тесно связано со специфическим дыхательным ритмом). Современный дизайнер вполне может предусмотреть для посетителя аскетической ванной продуманную акустику, хорошую звукоизоляцию (чтобы никого не шокировать непрофессиональным исполнением народных песен) и даже встраивание специальной аудиовизуальной техники для воспроизведения караоке-программ с целью искусственной инициации дыхательных упражнений в парилке.

Очень сильное и самое разнообразное воздействие оказывают в ванной различные запахи. В горячей и влажной атмосфере парилки ароматические вещества воспринимаются не только при дыхании, но всей кожей. Поэтому в оборудовании аскетической ванной обязательно должен входить распылитель для водных и масляных составов – аналог традиционной каменки. Это может быть совсем простое устройство: металлический ящик с электроподогревом, наполненный крупной галькой. Заметим, что такой вариант требует хорошо продуманной системы циркулирования воздуха, чтобы ароматный пар равномерно распространялся по всей необходимой зоне. Выпускаемое многими фирмами сложное оборудование для кондиционирования с ароматизацией стоит дороже, но зато оно и разнообразнее по своим воз-

можностям. Следует помнить и о вентиляции, так как быстрое очищение воздуха после окончания банных процедур необходимо во избежание его застаивания.

Целенаправленное составление «ароматических композиций» из настоев для каменки, притираний для тела и курений (свечей и палочек) является сегодня совершенно нераскрытым и перспективным направлением в обустройстве современной аскетической ванной. Эти «ароматические композиции» могут быть самого широкого спектра воздействия – для расслабления тела и концентрации сознания, для облегчения физических страданий при хронических болезнях и для инициации мыслительных процессов, для энергетической подпитки и «улета» в нирвану. Следует признать, что древние скифы и ацтеки в данном вопросе были значительно более деятельными и сведущими, чем современные «одоро-дизайнеры». А ведь сегодняшняя парфюмерная

промышленность позволяет сочинять целые «ароматические симфонии» для домашней бани – бодрящие или успокаивающие, мобилизующие или расслабляющие. А работа с ними является одним из перспективных направлений междисциплинарного поиска путей обеспечения максимального комфорта и качества жилой среды при минимальных затратах.

Существенный элемент аскетической бани – обязательный чай, чаще всего травяной. После посещения парной обязательно надо много пить, и здесь для дизайнера также обнаруживается целый круг специфических задач. Простейшая из них – обеспечить соответствующий набор предметов и сформировать в ванной комнате микрозону для размещения всего необходимого для чаепития. Чайный столик с термосом в интерьере ванной (с ложем или специальными креслами) или хотя бы легкий и быстрый доступ на кухню (в столовую) помогут про-

странственно не «разрывать» составляющие банной процедуры. Можно представить и некий сценарий прохождения этой процедуры без покидания ванной – дизайнерскую разработку всех аспектов этого ритуала, включая помимо влажностно-температурных и звуковых еще и определенную «симфонию» запахов вместе с вкусовой «мелодией» напитков – чая, кваса, морса...

Аскетический подход к дизайну ванной определяется задачей сбережения важнейшего ресурса: здоровья. Он несет цель формирования равновесия – соматического и душевного, создания атлетической крепости тела и единения его с духом. А древние традиции в сочетании с современной техникой дают в руки дизайнеру мощные инструменты для достижения этой цели и решения названной выше задачи.

Константин Лидин
Марк Меерович

Финская деревенская сауна глазами художника Эско Тирронена (1970-е годы)

О природе и возможностях процесса агломерирования

Агломерационность в процессе урбанизации возникает на определенной стадии зрелости крупнейших городов. На этой стадии «центральность» в теле города, его исторически сложившимся ядре, достигает определенной степени плотности и влияния на окружающие поселения. «Центр» и «периферия» взаимодействуют так интенсивно, что получают право на агломерацию.

На примере агломерации как явления можно говорить о силе действия закономерностей городских процессов, естественности их проявления. В этом плане, процесс агломерирования не является простой производной

от размещения объектов застройки, городских поселений и транспортных коммуникаций. Агломерация — это результат внутреннего развития окружающих крупнейших городских поселений и их взаимодействия.

Бежать впереди прогресса смешно, об этом писали Ильф и Петров, а вот бежать впереди процесса опасно. Нужно вначале исследовать сам процесс агломерирования в этом месте.

Необходимо проанализировать, как ведут себя и в каком состоянии находятся составляющие процесса агломерирования, каково соотношение производственных и социально культурных

функций в процессе взаимодействия Иркутска, Ангарска и Шелехова, насколько сами жители этих городов готовы к взаимодействию и связанным с ним взаимным компромиссам. В частности, это предполагает и терпение взаимного давления, преодоление связанных с этим неудобств.

Надо проводить исследования. Надо помнить о том, что это объективный процесс. Агломерирование — это не желание администрации, специалистов или населения. Это не требование инвесторов, поскольку инвесторы у нас очень часто не понимают, что они одновременно ещё должны быть

и горожанами, гражданами городов. Уроки парижского района последних лет, конфликты в пригородах Парижа свидетельствуют об опасности недооценки разрыхления городской среды на периферии крупнейших агломераций под давлением негородского этноса.

Нужна цивилизационная привлекательность городов, и в первую очередь — укрепление цивилизации, привлекательность Иркутска. Потому что агломерация — это всё-таки моноцентрическое образование.

Леонид Коган,
доктор архитектуры

Зачем России нужны агломерации? (на материале Иркутского региона)¹

Окончание. Начало в ПБ 12

Уровень жизни

Уменьшение населения г. Иркутска подталкивает его к сползанию в статус так называемой «бифуркационной» точки². Из этой точки возможны два пути дальнейшего существования. Один ведет к обретению новых импульсов роста и превращению г. Иркутска в «мегаполис регионального масштаба»³, привлекающий и человеческие ресурсы, и инвестиции. Второй — к ситуации убывающего города. Тенденции и в ту, и в другую сторону отчетливо обнаруживаются в иркутской действительности. Заметим, что даже слабое воздействие на систему в точке бифуркации может повлиять на выбор траектории развития — то есть вызвать «движение в определенном направлении»⁴.

Власти городов, попадающих в точку бифуркации и осознающих шаткость своего положения, как правило, стараются использовать разнообразные приемы и подходы для обретения редкого шанса переломить «убывающие» тенденции. Здесь наука отстает перед проектированием и управлением, предлагая им сконструировать пути и способы

изменения сложившегося положения дел в требуемом направлении и определить систему действий, необходимых для того, чтобы практически реализовать движение по избранному пути. Стремление администрации Иркутской области, не дожидаясь естественного проявления той или иной тенденции, направить благодаря искусственным мерам развитие Иркутска, Ангарска и Шелехова и прилегающих территорий в желательном направлении. Именно трех городов, а не какого-либо одного, потому что в реальности они находятся в прочной функциональной сцепке, имея явные тенденции к формированию единого потребительского рынка, единого инвестиционного поля, общего сектора услуг, к специализации в отношении предоставления доступа к образовательным, культурным и иным услугам.

Сегодняшняя стихийная миграция проявляется в переливе к Транссибу людей, уезжающих с северных территорий области. А той части населения, которая сгруппирована вдоль Транссиба, — дальше на запад. В отношении постоянного населения области агломерация есть попытка

сохранить население в границах региона в условиях деградации окраинных территорий за счет стягивания его в агломерационный центр. Сможет ли формирование агломерации сделать миграцию управляемой; будет ли способствовать разворачиванию структуры рабочих мест, способных принять приезжающее с севера население?

Действительно ли проблема миграции связана с отсутствием рабочих мест? Может быть, причины в отсутствии или дороговизне жилья, или низком уровне заработной платы и, как следствие, жизни, или в неблагоприятной экологической обстановке? Привлечение новых континентов постоянных жителей требует прежде всего наличия жилья. Сможет ли агломерация предложить способы обеспечения приезжих жильем? Как обеспечить их крышей над головой, если жилья хронически не хватает постоянно населению Иркутска, Ангарска и Шелехова, что, в частности, и подталкивает некоторых к отъезду. Для того чтобы соответствовать хотя бы нижнему порогу нормального среднероссийского темпа строительства,

ввод жилой площади в Иркутской области, по данным Ленгипрогора, должен составлять 433 тыс. кв. м в год, т.е. 33% роста от уровня 2006 г., а для обеспечения верхнего порога среднероссийского показателя годовой ввод жилой площади должен составлять 577 тыс. кв. м, т.е. 77% роста от уровня 2006 г.⁵ Следует ли для активизации конкуренции и снижения уровня цен на рынке жилья привлекать в регион крупных застройщиков из других регионов?

Заметим также, что планирование количественного роста услуг и объемов, вводимых в эксплуатацию квадратных метров не имеет непосредственного отношения к изменению стандартов жизни, к улучшению градостроительного качества. Современное отечественное градостроительство дает много примеров того, как новые жилые дома появляются, а качество городской среды снижается, так как новое строительство осуществляется на месте спортивных и детских площадок, заброшенных сквериков. Или примеров того, как возведение нового жилья осуществляется без строительства подземных автостоянок, что также при-

1. Опубликовано: // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. №1. 2007 (переработанный и расширенный вариант)
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: Наука, 1986
3. Лидин К.Л. Семантическая среда как ценное имущество. Город в точке бифуркации // Проект Байкал. 2006 №9
4. Там же.
5. Концепция развития Иркутской агломерации. Ленгипрогор / Центр стратегических разработок Северо-Запад. С-Пб. 2007 — 33 с., С. 15

водит к ухудшению качества среды, так как личный авто-транспорт заполняет любые пригодные для парковки места и т.п.

Экология

Один из ведущих идеологических лозунгов агломерации – повышение уровня жизни населения. Но при увеличении числа новых промышленных предприятий (планируемого, например, в рамках промышленной политики г. Ангарска) вовсе не очевидно автоматическое улучшение условий жизни населения. К улучшению стандартов жизни не приводит также и создание новых рабочих мест. Не приводят к нему ни расширение числа объектов инфраструктуры, ни даже ввод в эксплуатацию новых квадратных метров жилья, которые резко изменяют жилищные условия лишь для тех, у кого до этого не было собственного жилища. Появление новых крупных промышленных предприятий, напротив, способно привести не к улучшению, а к ухудшению условий жизни, так как, по мнению ряда экспертов, усложнит и без того не слишком благоприятную экологическую обстановку. Вообще, идеологический призыв к «благоприятной экологии» имеет своеобразное качество – пока он не касается непосредственно благосостояния населения, все выступают активно «за», но если попробовать объяснить людям, что, например, установка новых фильтров очистки вызовет увеличение стоимости бензина на N% и, соответственно, рост стоимости всей требующей транспортировки цепочки товаров и продуктов питания, то, возможно, количество сторонников «благоприятной экологии» может резко уменьшиться. Способно ли будет формирование агломерации усилить экологический контроль над загрязнением природы, сформировать более жесткие и принципиальные системы коллективной ответственности, которые смогут, например, изменить сложившееся положение дел, когда Иркутск

отравляет воду вниз по течению Ангары так, что ее использование Ангарском становится практически невозможным⁶, а Ангарск «дымит» в сторону Иркутска всякой непотребностью. Или, напротив, формирование агломерации приведет к закреплению в идеологии развития области, прежде всего, индустриальных приоритетов и, как следствие, к появлению административно-управленческой надстройки, которая, отстаивая интересы промышленного производства, лишь усилит позиции тех сил, которые блокируют экологические реформы.

Почему три города, имеющие собственный бюджет, собственные цели развития, собственные перспективы, собственный потенциал, должны сотрудничать? Какие мотивы способны инициировать подобное сотрудничество? Для того чтобы какое-либо сотрудничество было привлекательным, необходимо, чтобы оно позволяло использовать усилия и затраты другого для достижения собственных целей. А если оно будет предполагать необходимость только лишь тратить собственные силы и ресурсы на достижение чужих целей, то вряд ли оно состоится. Совместные проекты должны быть такими, чтобы в определенной мере представлять интерес для всех трех городов. Какие проекты такого рода существуют? Какие проекты интересны для всех участников намечаемого агломерационного процесса? Может ли «промышленная политика» стать основанием сотрудничества, если у каждого муниципального образования она своя? Может ли общим плацдармом стать транспортное строительство – в условиях, когда внутри городов у каждого свои проблемы, а внегородские магистрали – это вопросы федерального уровня? Способна ли, например, экологическая проблематика стать основой сотрудничества, если у каждого из городов свой характер экологических проблем?

Первопричиной своего появления агломерации имели индустриальную

природу, а не натуральную. Чем «агломерации экологическая» должна отличаться от «агломераций индустриальной»? Как сделать Иркутскую агломерацию и наш регион в целом точкой «эколого-сообразного развития территорий», своего рода экспериментальной площадкой отработки экологического подхода к развитию регионов для всей России? За счет каких структур и процессов можно добиться того, чтобы административное образование специфического территориального субъекта – «агломерации» – привело к улучшению контроля над выбросами промпредприятий, а не наоборот – к более централизованному (и, как следствие, более мощному) прикрытию экологических нарушений.

Транспорт

Определенное влияние на проект агломерации способна сыграть глобальная идея формирования базового транзитного транспортно-коммуникационного коридора между Европой и Азией. Евроазиатский транзитный железнодорожный коридор в условиях происходящей замены «узлов» как структурообразующих элементов системы расселения на «траектории» способен превратиться в основной линейный каркас «русла расселения».

Задача формирования Евроазиатского транспортного коридора многопланова. Если именно через Россию проляжет транспортная артерия, способная перетянуть на себя основной поток грузоперевозок, приходящийся сегодня на морской транспорт; если именно она, а не альтернативная трасса, идущая через Казахстан или Южно-Азиатский транспортный коридор, свяжет Азиатско-Тихоокеанский регион с Европой, то Россия имеет шанс занять уникальное «связующее» место в мире. Что в дальнейшем сделает невозможным игнорировать её участие в решении различного рода политических вопросов, так как любые внутрироссийские и межгосударственные конфликты политически могут публич-

но трактоваться с позиции: «а не нанесёт ли это ущерб функционированию коридора»? В этом случае, Транссиб окажется в какой-то мере сопоставим по значению с Суэцким каналом – и, как следствие, положение и неформальный международный статус России станет схож с особым международным положением Египта. Этот статус «страны Евроазиатского коридора», несомненно, повысит авторитет и политический вес России в постсоветских государствах, многие из которых именно через этот коридор будут подключаться к желанным для них связям с Европой⁷. Очевидна также заинтересованность в транспортном коридоре тех макрорегионов мира, которые он соединит, а точнее, ключевых стран этих макрорегионов и их бизнеса⁸. Необходимые для строительства капиталовложения (на уровне 200–600 млрд. долл.) при современном глобальном инвестиционном давлении выглядят вполне реально.

Однако и здесь существует целый комплекс проблем. И глобальных, и локальных. Основная из глобальных проблем заключается в том, чтобы сделать идею транспортного коридора инвестиционно привлекательной и осмысленной для вложения средств международных инвесторов. Главная сложность заключена в факторе «рискованности»⁹. Этим объясняется, почему при явном интересе к строительству Евроазиатского коридора со стороны потенциальных инвесторов он до сих пор не построен. Не секрет, что в отношениях между Россией и Китаем уровень китайско-российского доверия оставляет желать лучшего¹⁰, несмотря на то что эти отношения выглядят относительно благоприятными по сравнению с другими потенциальными участниками совместного инвестирования коридора (Япония, Корея, США), напряжённая атмосфера взаимных претензий и подозрительности между которыми постоянно фиксируется аналитиками на всех уровнях¹¹. Уровень

6. Питьевое водоснабжение Иркутска осуществляется из Ершовского водозабора, но уже ниже по течению р. Ангары ее воды (и притоки в районе Иркутска) загрязняются сточными водами правого и левого бережных очистных сооружений, промышленных, сельскохозяйственных предприятий, отходами частного жилого сектора и садоводств настолько, что в месте водозабора г. Ангарска в исходной воде загрязненность 1 литра кишечными палочками составляет до 200 тысяч при норме 3 единицы, что приводит к необходимости расхода жидкого хлора в количестве 450-500 кг/сутки против обычного 100-110 кг/сутки (Концепция развития Иркутской агломерации. Ленгипрогор / Центр Стратегических исследований Северо-Запад. 2007. – 33 с., С. 21)
7. Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Мегapolis ЧеремБайк // Проект Байкал №9, 2006
8. Некоторые политики ставят данный пункт в основу своей программы: см., например, Томчин Г. О проекте развития транспортной инфраструктуры России // официальный сайт Союза правых сил, <http://www.sps.ru/?id=214718>
9. Фактор «рискованности» проявляется в зависимости инвестиционной активности от уровня доверия и взаимопонимания между партнерами. В ситуации рискованного выбора решающее значение приобретает не столько объективная вероятность успешной реализации инвестиционного проекта, сколько субъективный характер восприятия проекта инвестором (Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. № 47 P. 263-291) Цит. по Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Мегapolis ЧеремБайк // Проект Байкал №9, 2006
10. См., например, Лидин К.Л., Калужнов Н.А., Тимофеев И.А. Международный имидж азиатской России и его роль в построении Транссибирского коридора / Геополитические и социально-экономические проблемы создания международных транспортных коридоров. Коллективная

монография/ Под научн. редакцией Хоменко А.П., Гончаренко С.С., Елисеева С.В., Каштанова Ю.Б., Сольской И.Ю., Якобсона А.Я. – Иркутск: ИрГУПС. – 2004. – Т. 2. – 605 с., С. 96-110

11. В частности, Япония и США китайской стороной воспринимаются в качестве крайне недружественных, враждебных и ненадежных партнеров. (Богатуров А.Д. Корейский полуостров в треугольнике Россия – Китай – Япония // Россия и Корея в меняющемся мире. Материалы научно-практической конференции. М.: Изд-во МГИМО МИД РФ. – 2005)
12. Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Мегалполис ЧеремБайк // Проект Байкал. 2006, №9.
13. Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Трансевроазиатский коридор – новый взгляд на проблему. Представлено в журнале «Проблемы Дальнего Востока».
14. Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Мегалполис ЧеремБайк // Проект Байкал. 2006, №9

взаимного доверия потенциальных инвесторов в Иркутском регионе (и шире – Сибири) недостаточно высок для реализации любого международного проекта объемом в сотни миллионов – миллиарды долларов¹².

Но с учетом этих моментов могут быть предложены и компромиссные программы – в частности, если финансирование проекта Евразийского коридора в полном объеме невозможно, следует искать возможностей для его реализации «по частям»¹³. Разделение общего проекта на несколько этапов, экономически и технически самостоятельных, позволит сократить объем необходимых инвестиционных вложений, риск и сроки их возвращения. Соответственно, необходимый уровень доверия между участниками проекта снижается до более реалистичных значений. Первым шагом к декомпозированию «большого коридора» на «фрагменты» (и соответствующие этапы реализации) могло бы стать выделение участка железнодорожной магистрали, связывающего два крупных логистических центра – один в Китае, а другой в России. Такой участок может быть построен в обозримые сроки, и его рентабельная эксплуатация возможна задолго до завершения строительства коридора в целом. В этом случае протяженность путей может составить несколько сотен километров (на два – три порядка меньше, чем для «большого коридора»), и число участников проекта сокращается до двух стран. Разумеется, и в этом случае неблагоприятный имидж с обеих сторон продолжает снижать субъективную привлекательность проекта, но трудности межкультурных контактов в двустороннем случае на много порядков меньше, чем в многостороннем проекте с участием США, Японии, Кореи и (или) европейских инвесторов.

Первым из таких фрагментов «большого коридора» мог бы стать участок пути Харбин – Иркутск¹⁴. Каждая из двух названных «точек» обладает рядом свойств для того, чтобы

сыграть соответствующую роль. Это мощные транспортно-распределительные и одновременно интеллектуально-организационные центры, причём между каждым из них и государственной границей нет другого центра-конкурента. Очевидно, что г. Иркутск успешнее справится с ролью логистической базы фрагмента транзитного коридора, если осуществлять эту функцию станет совместно с другими городами своей агломерированной системы.

Правда, не совсем понятна в этом процессе роль собственно агломерации, так как, например, строительство автодороги М-53 и железнодорожного обхода г. Иркутска никак не связаны с ее появлением или отсутствием, так как необходимость их появления связана с формированием федеральной транзитной трассы Москва – Владивосток. Способен ли проект агломерации сделать наличие транснациональных и общегосударственных транспортных коридоров источником развития транспортной структуры если не всей области, то хотя бы каких-то ее частей. Локальная проблематика реализации проекта транзитного коридора заключается в том, что вопрос его трассировки на отдельных участках становится предметом столкновения коммерческих интересов. Например, обсуждаемое решение об «обходе» г. Иркутска железнодорожной и автомобильной трассой (М-53) с неизбежностью приведут к потере г. Иркутском своего значения как крупного транспортного (грузового, сортировочного, складского, перевалочного) узла. «Перехват» данной функции Ангарском и Шелеховым приведет к утрате г. Иркутском значительной части финансовых потоков, что при отсутствии «компенсирующих» решений способно вызвать сопротивление принятию подобного решения.

В какой степени проект агломерации сможет усилить роль традиционного для Сибири речного транспорта, способного иметь

особое значение в развитии Иркутского региона? Перспективы этого вида транспорта до сих пор остаются практически не актуализированными, несмотря на то что он способен стать перспективным и доступным для направлений: Иркутск – Листвянка – Байкал – еверобайкальск; Иркутск – Братск – Усть-Илимск; Усть-Кут – Киренск (круглогодичный северный завоз). Речной транспорт может являться не только эффективным грузо-пассажирским транспортным средством, но и стать импульсом для развертывания в регионе судостроительной промышленности перспективного поколения – экспериментальной площадкой для создания экологически щадящего круглогодично эксплуатируемого транспорта – экранопланы, крупнотоннажные суда на воздушной подушке. Круглогодичность эксплуатации речного транспорта особенно важна в условиях замерзающих акваторий Сибири. Подобные виды транспорта способны в перспективе привести к туристическому освоению и развитию северного побережья Байкала, практически недоступного с суши.

Туризм

Еще одним маховиком развития и улучшения условий жизни, наряду с появлением новой промышленности, проект агломерации рассматривает развитие туризма и создание новых рекреационных зон. Но, по мнению некоторых экспертов, развитие туризма способно улучшить качество жизни лишь тупооператоров (в результате увеличения их доходов), а не населения. А для того чтобы изменить стандарты жизни основной массы населения, проживающего в туристическо-рекреационной зоне, нужна разработка и реализации совершенно особого вида туризма – мелкого, персонального, частного. Но как раз им никто и не занимается. Да и формирование новых рекреационных зон – далеко не всеобщий параметр, так как отдельные категории потребителей вполне удовлетворяются

рекреационными зонами в Анталии, Тайланде и Китае, которыми они пользуются, а некоторым хватает 40 соток их собственного участка вокруг их коттеджа. Поэтому «очерчивание» некоторой территории как «рекреационной» не добавляет ей новых качеств, а требует разработки комплекса мероприятий, способных сделать эту территорию привлекательной и конкурентноспособной по отношению к другим подобным территориям.

Мировой туристический рынок давно поделен. Где взять 1,5-2 млн. новых туристов, готовых ехать в Иркутск? Чем привлечь их сюда? В каком направлении должна развиваться туристическая сфера для того, чтобы приманить в наш регион представителей бурно развивающегося китайского туристического потенциала – в Китае растет число состоятельных людей, готовых выезжать за пределы страны с туристическими целями. Они готовы ехать, в том числе, и в Сибирь. Какие у этого туриста мотивации и интересы, претензии к сервису и среде временного обитания, ожидания и представления о должном? В каких типах отелей он хочет жить, что он хочет видеть, что он желает кушать, как предполагает проводить свободное от экскурсий время? Это специфический турист, требующий своего детального изучения, понимания и специального отношения. Готов ли к выполнению этой задачи местный туристический рынок?

Какую следует наметить стратегию сохранения и реставрации исторической среды культурного центра агломерации – г. Иркутска? Сегодняшнее отношение к историческому наследию у руководства города не просто негативное – убийственное в полном смысле этого слова: усилиями мэрии г. Иркутска крепнет тенденция к уничтожению памятников деревянного зодчества за счет ничем не аргументированного признания необоснованным их статуса памятников истории и культуры. Между тем именно власть, прежде

всего, должна быть заинтересована в сохранении центральной части города как исторической. Концепция развития г. Иркутска должна быть в корне изменена – основной интерес крупного строительного бизнеса должен быть переориентирован с центральной части города на окраинные территории.

Заметим, что, например, перенос административного центра нового территориального образования в район Мегета и выделение там же площадок под массовое жилищное строительство способно резко снять остроту инвестиционной привлекательности территории исторического центра г. Иркутска и уберечь от сноса не только деревянные памятники города, но и историческую деревянную рядовую застройку. Рост туристического интереса к г. Иркутску обоснованно считается одним из самых перспективных «локомотивов» развития территорий – поток туристов с точки зрения экономики представляет собой почти идеальный источник доходов, направляемых в том числе и на строительство нового и реконструкцию существующего жилья. Потребляет он только услуги инфраструктуры (абсолютно возобновляемый ресурс), а приносит постоянные и весьма серьезные доходы. Почти все убывающие города использовали это средство для преодоления кризиса – они возводили архитектурно примечательные и очень яркие проекты, которые замысливались и строились как туристические «магниты» (например, музей Гугенхайма в Бильбао и др.). В Иркутске даже строить ничего специально не нужно, достаточно лишь рачительно сохранить имеющееся. Для этого, например, нужно оснастить территорию деревянной исторической рядовой застройки магистральными инженерными коммуникациями и предоставить людям возможность свободного подключения к ним своих домов. А кроме того, наложить реставрационные ограничения на перестройку и реконструкцию домостроений. Этот ресурс, вместе с

наличием гарантий землеустройства и собственности на усадьбы, создаст условия для саморазвития этого типа недвижимости и запустит самостоятельные процессы восстановления деревянной жилой застройки.

Проект агломерации способен разделить фундаментальные городские функции: «культура», «спорт», «образование», «администрация», «производство», «рекреация» и проч. между городами, входящими в ее состав. Подобная функциональная «специализация» городов в рамках агломерации способна вызвать к жизни появление проектов и программ массового сохранения и реанимации исторической застройки г. Иркутска. Благодаря ей в Иркутске может возникнуть новая отрасль строительной индустрии – массовое восстановление малоэтажной исторической деревянной застройки усадебного типа с использованием традиционных приемов зодчества и традиционных технологий заготовки, обработки и использования «кругляка», изготовления столярки, мебели и проч., создание мощного направления реставрационной деятельности, школы реставраторов – с привлечением и трудоустройством молодежи, с распространением этого опыта за рубеж, с разработкой современных технологий «штучного» строительства ручным способом новых объектов (гостиницы, кемпинги, рестораны, офисы и проч.) из кругляка.

Фактически открытым вопросом на сегодня является и отношение к проекту агломерации идеи формирования Свободной экономической зоны туристического типа в поселке Листвянка, который как место наиболее массового привлечения туристического потока находится в тесной функциональной связи с Иркутском. Последний сегодня по отношению к Листвянке выступает в роли транспортного узла и места базового расположения туристического контингента. От качества перевозок, уровня услуг, уровня сервиса, качества культурно-досуговой сферы

Иркутска очень многое зависит в формировании характера восприятия всего последующего маршрута. Если туриста плохо обслужат в иркутском аэропорту, не предложат услуги по транспортировке его вещей по перронам железнодорожного вокзала, невежливо разместят в гостинице, невкусно покормят, то он придет на Байкал с уже омраченным восприятием. Что нового способен принести проект агломерации в эту «неформальную кооперацию»?

Национальные проекты

Реализация национального проекта «Доступное жилье – гражданам России» упирается в Иркутской области, как и во многих других регионах, в отсутствие в городах крупных свободных земельных участков, подходящих для развертывания масштабных мероприятий по поточной застройке. В этих условиях местные власти стремятся найти выход из положения за счет изменения границ городских территорий. Осуществление проекта агломерации способно сдвинуть буксующий в Иркутской области национальный проект – появление новых свободных территорий на большом «пустом» промежутке между Иркутском и Ангарском и программы их комплексного застроечного заполнения могут привести к облегчению жилищной нужды. Подобное «выделение» земель, стратегически благоприятных для массового жилищного строительства, а также объединение технического и кадрового потенциала городов, входящих в агломерацию, благоприятно для того, чтобы «впустить» на строительный рынок организации соседних городов или даже крупные иностранные компании (во всяком случае, снять противостояние «свой-чужой») ¹⁵.

Мечты и действия

Принципы расселения способны формировать структуру сознания. Без разработки и осуществления принципов «нового пространственного освое-

ния» Сибири невозможным становится не только ее развитие, но и мало-малыски достойное текущее существование ее регионов. Станут ли эти новые принципы нового расселения Сибири экологосообразными или останутся промышленно ориентированными, окажутся интеллектуально емкими или еще более закрепят Сибирь в роли сырьевого придатка страны, утвердят исторические ценности в качестве основы гуманизации среды или утратят региональную идентичность, позволят обрести экономическую самостоятельность или лишат возможностей полноценного развития – в определенной степени будет зависеть от действий местных региональных административных, политических, общественных, научных, педагогических и других сил, всего того, что именуется «региональными элитами».

Возможно, надежды на участие региона в процессах государственного развития страны, мечты о его способности занять свое место в геополитике и геэкономике окажутся очередным мифом, но размышляя в этом направлении, обосновывая и разрабатывая конкретные программы, формируя управленческий потенциал, развертывая новые системы знаний, выстраивая иные, нежели прежде, типы отношений с центром власти, выискивая способы разрешения конфликтов между местными административными, политическими, производственными, финансовыми, интеллектуальными, проектными, общественными и иными структурами и задавая новые типы их согласия, принимая решения, направленные не только на обретение личной выгоды, но отягощенные государственным мышлением, осуществляя позитивные и конструктивные действия, можно подманить именно то будущее, которое хочется иметь.

Марк Меерович

15. Сегодня такие препятствия реально существуют, так как местные власти не заинтересованы в предоставлении своего рынка «чужому» застройщику, так как налоговые отчисления уходят в сторонний бюджет и не приносят выгоды «хозяевам».

Некоторые суждения об Иркутской агломерации и проблемах ее развития

Нет единого представления о том, что такое агломерация. Отсюда высказывания о задаче ее создания, строительстве, только о проекте.

В нашем представлении, на основе анализа на этот предмет всей территории страны, в условиях России агломерационные формы расселения в доперестроечный период исторически формировались на базе городов с численностью населения более 350 тыс. чел. при территориальной сближенности поселений, их функциональной дифференциации и тесной взаимосвязанности.

Иркутская агломерация, по нашим представлениям, сформировалась в 50-60-е годы за счет размещения вблизи Иркутска с его ограниченными территориально-экологическими условиями крупных промышленных комплексов на территории современных городов Шелехов и Ангарск.

Существуют различные суждения о составе и размерах Иркутской агломерации. Для делимитации агломерации необходим анализ многоаспектных данных о взаимосвязанности населенных пунктов.

Понятие «агломерация» не просто теоретическое суждение, оно имеет и значимое практическое применение – проблемы пространственного развития отдельных городов, других населенных пунктов, межселенных территорий должны решаться с учетом согласования интересов всех участников градостроительной деятельности в ее пределах.

И этот аспект должен находить отражение и в генеральных планах городов и других населенных пунктов, муниципальных образований.

Численность населения агломерации в ее минимальном территориальном варианте (Иркутск и Иркутский район, Ангарск и Ангарский район, Шелехов и Шелеховский район) составляла на начало 2006 г. 964 тыс. чел., при подключении менее «беспорных» территорий (Усолье-Сибирское и направление на него, направление на Усть-Орду, прибайкальские территории – Слюдянский район) численность ее населения превысит 1 млн. человек.

Это значимое для востока страны урбанизированное социально-экономическое образование, концентрирующее около 40% населения Иркутской области, около 65% ее основных фондов, более 50% инвестиций, более 65% объемов всего строительства и 50% жилищного строительства.

Однако, как и все регионы России, эта территория устойчиво

теряет население. Иркутские власти имеют все основания выступить с инициативой создания союза муниципальных образований, входящих в агломерацию, с последующим научным обоснованием целесообразности выделения такого субъекта как агломерация в практике учета и управления территорией.

О «миллионном заказе» на центр Байкальского (Прибайкальско-Забайкальского) региона. Иркутск является центром этого региона (Иркутская, Читинская области, Республика Бурятия), имеющего численность населения свыше 4,6 млн. человек (на 1.01.06 г.).

По разработкам «ГИПРОгора» (Генеральная схема расселения на территории России, 1994 г. и последующий доклад о развитии расселения по оси «Запад – Восток»), Иркутск рассматривался подцентром Восточно-Сибирского района, роль центра которого отводилась Красноярску.

Последние десятилетия никоим образом не изменили этого представления о соотношении наиболее значимых узловых элементов на территории Восточной Сибири.

Никакой «административный ресурс» не в состоянии увеличить численность населения Иркутска и его агломерации, увеличить концентрацию населения в них в условиях демографического неблагополучия в стране и регионе. Средний прогнозный вариант численности населения России Госкомстата до 2016 г. – 134 млн. человек, до 2050 г. – 101 млн. человек. Минэкономразвития предусматривает ежегодное уменьшение численности населения РФ по 600 тыс. человек. Сибирский Федеральный округ каждые последние пятилетия теряет население, равное или превышающее численность населения такого города, как Иркутск, а Иркутская область – соответственно, такого города, как Усть-Илимск или Усолье-Сибирское.

Возможные направления повышения потенциала Иркутска и его агломерации. При максимально возможной мобилизации всех ресурсов развития для Иркутска представляется предпочтительным развитие «узловой» активности его центральных функций, через более интенсивное включение в обширное пространство в какой-либо из приоритетных сфер деятельности, при ориентации не только на внешний, но и на достаточно емкий внутренний рынок. Здесь имеет важное значение создание современного аэропорта международного класса, а в условиях России – и собственной авиакомпании.

Иркутск исторически сложился как культурная столица Сибири. Проведение «Зодчеств Восточной Сибири» тому пример.

На региональном, областном и локальном агломерационном уровнях также важны координация функций и обеспечение доступа к услугам и сферам деятельности вне мест проживания существенной части населения.

Сочетание «узловых» и локальных функций может стать основой улучшения среды обитания – важного ресурса развития и привлекательности (имиджа) территории.

По нашему мнению, правы те исследователи, которые говорят о значимости средних «городских корней» кризиса, переживаемого Россией. Слабость «центральных ядер» лишает их возможности активного взаимодействия с территорией, лишает периферию существенного потенциала развития.

Другим весьма значимым направлением развития является возможность освоения и рационального использования рекреационных ресурсов региона и прежде всего Байкала.

Громадность пространства России привела к отсутствию внимания к его рациональной организации и осознанию его ценности как основы среды обитания, требующей как градостроительного, так и социокультурного подхода, особенно в районах концентрации жизнедеятельности населения, каковым в рассматриваемом случае является территория Иркутской агломерации.

Русские философы (Ильин, Бердяев и др.) неоднократно говорили о бремене пространства для России, о его влиянии на менталитет населения, имевшим следствием, в частности, преобладание экстенсивных форм использования территории жизнедеятельности.

Весьма непросты проблемы рационального использования пространства агломерации. К ним могут быть отнесены:

- упорядочение, интеграция застройки г. Иркутска;
- сохранение и формирование нового функционального наполнения застройки и среды исторического центра города;
- сохранение природной среды и традиционной застройки зоны Байкала, предотвращение криминальной застройки его берегов без учета особенностей природной среды и природоохранных ограничений;
- разумное, общественно значимое использование ближайшего к городу начала «Байкальского Луча»;

– сохранение от любых видов застройки зеленых разрывов между сложившимися городами, их обособленными районами, прочими поселениями;

– крайне осторожное, экологически обоснованное размещение новых производственных объектов, прежде всего высоких классов санитарной вредности в г. Ангарске, с учетом существующей экологической ситуации и переносов загрязнений по долине Ангары;

– создание общеагломерационной транспортной и инженерной инфраструктуры.

Хотелось бы предостеречь от крайне искусственного проекта выноса административно-делового центра Иркутска (Иркутской агломерации) из его пределов вместо усиления в местах традиционного функционирования общегородских служб.

Предлагаем также рассмотреть вариант отказа от жилой застройки «Чертугеевского полуострова» и использование этой площадки для размещения крупного туристско-развлекательного центра. Этот центр мог бы быть базовым в составе особой туристической зоны, позволил бы выполнять функции распределения туристических потоков, особенно экскурсионного типа, использовать в максимальной степени туристический потенциал Иркутска и агломерации и нивелировать межсезонные периоды обслуживания постоянного населения досуговой частью комплекса.

И последнее. Когда Дэн Сяопину задали вопрос о возможности экспансии на территорию России, он ответил: «Если вы будете сильны, мы будем вас уважать, если слабы – нам будет трудно удержаться от соблазна». Представляется, что следует идти с опережением более вероятного в условиях страны второго варианта. Санкт-Петербург и Москва не побоялись пойти на крупные китайские инвестиционные проекты. Может, следует постараться привлечь китайские инвестиции в строительство нового аэропорта и крупного туристического центра (в составе особой туристической зоны). Связка Иркутск – Харбин могла бы стать значимым направлением в экономическом и туристическом развитии области.

Эмма Вайнберг

Архиерейская Дача в Иркутске

(Лагерный переулок, дом №2)

Река Ушаковка – любимое место отдыха иркутян в начале XX века. Быстрая чистейшая вода и сосновый бор по берегам, тишина и покой. Здесь стоит несколько деревянных домов, окруженных садами, – это архиерейская дача...

Как это все не соответствует ситуации сегодня. Неблагоустроенная улица Красноярская без тротуаров, со сплошным автомобильным потоком, в основном, грузовых машин. Грязь, пыль и невероятный шум, переходящий в сплошной грохот, когда идут на посадку самолеты. Также мало привлекательна и застройка – от развалившихся сараев до «хрущевок». В этом окружении стоит чудом сохранившийся, выделяющийся большими размерами, своеобразным обликом деревянный дом – бывшая Архиерейская дача.

Место под размещение Архиерейской дачи было определено еще в середине XVIII столетия иркутским епископом Софронием, который в последствии был причислен к лику святых. В 1754-м Софроний приобрел у иркутского купца Власова дачное место размером в 18 десятин (~20 га) недалеко от реки Ушаковки, примерно в трех верстах от Иркутска. С тех пор в летнее время епископ проживал на вновь устроенной даче. Народное

предание приписывает Святителю Софронию собственноручную посадку кедра, у которого оригинальное переплетение ветвей было подобно архиерейскому дикирию и трикирию. Тот кедр рос во дворе дачи и сохранился еще в начале XX века.

В 1858 году при преосвященном Евсевии на участке Архиерейской дачи был построен новый крупный загородный особняк для иркутских архиереев, сохранившийся до наших дней. В здании была устроена домовая церковь во имя Иоанна Богослова. Богослужения совершались в летнее время не только по праздникам, но и в будни. На службах присутствовали не только

обитатели Архиерейской дачи, но и проживающие на соседних дачах иркутяне, специально для этого приезжали обыватели города.

Архиерейская дача является уникальным для Восточной Сибири примером загородного особняка середины XIX века, построенного для высших духовных властей и имевшего домовую церковь. Памятник обладает выразительной и своеобразной объемно-пространственной композицией, не имеющей аналогов. Крупное, Г-образное в плане, одноэтажное с антресольным этажом здание решено в формах, свойственных классицизму. Основной объем с антресольным этажом вытянут по красной линии Красноярской улицы.

С северо-восточного фасада к нему примыкает высокий одноэтажный прируб, видимо, постройки 1910-х. С юго-восточной стороны расположено равновысокое основному объему крыло, в котором размещалась домовая церковь (освящена в честь Иоанна Богослова, ее завершие с остатками главы сгорело во время пожара в 1996 г.). С юго-западной стороны к дому когда-то примыкала обширная открытая галерея. Декоративное убранство выполнено с присущей классицизму строгостью и торжественностью. Стены здания обшиты гладкими досками, углы акцентированы огибающими лопатками. Главный фасад симметричен и в уровне кровли выделен двумя боковыми разомкнутыми фронтонами. Крупные прямоугольные оконные проемы имеют ленточные наличники со ставнями и горизонтальными сандриками. В антресольном этаже – небольшие квадратные оконца. Согласно косвенным историческим упоминаниям, во дворе, рядом с домом отдельно стояла деревянная колокольня.

В советское время здание ни разу не ремонтировалось, использовалось под коммунальное жилье, с 1990-х оно неоднократно горело (возможно, поджоги), в связи с чем в настоящее время находится в аварийном состоянии и частично отселено. Согласно существующему законодательству объекты культурного наследия лишь в исключительных случаях могут быть перенесены на другую площадку. Однако в сложившейся ситуации, на наш взгляд, единственным спасением уникального этого конкретного памятника может быть его перенос в родственную ему среду. Какую? Выбор площадки ограничен не только своеобразным назначением объекта – дачный, по сути, загородный особняк, но и желательной исторической преемственностью функционального использования (церковное), что позволит частично компенсировать утрату информационной подлинности исторического объекта, неизбежной при переносе на другое место. Одновременно здание должно быть доступно для обзора и посещения, так как является не только памятником архитектуры, но и истории¹.

Ирина Калинина

1. Может быть, целесообразно рассмотреть вопрос о музеефикации этого объекта культурного наследия с церковным уклоном? – Ред.

Жилой дом по улице Володарского, №3 в Иркутске

Одноэтажный деревянный жилой дом был построен напротив Благовещенской церкви по одноименной улице (ныне Володарского) в 1914 году по проекту В.А. Рассушина¹, разработанному для старшего брата архитектора, Алексея Александровича, который переехал в начале XX века в Иркутск из города Хабаровска. Брат иркутского архитектора А.А. Рассушин был видным общественным деятелем, он дважды избирался городским головой Хабаровска, сделал для города немало добрых дел². В Иркутске оставил о себе добрую память также и второй брат архитектора – Аркадий Александрович Рассушин известный врач-педиатр, бесшумный директор Базановского воспитательного дома, действительный член Попечительства детских приютов и общества врачей Восточной Сибири (проживал в доме, который находится по адресу бульвар Гагарина, 32)

Усадьба с жилым домом по ул. Володарского, 3 является второй от угла главной улицы города – Большой (Карла Маркса). Историческая застройка этой улицы отличается очень плотным, сплошным рядом каменных зданий от одного до четырех этажей. Такой она сохранилась фрагментарно и на участках близости от улицы Володарского (ранее Благовещенской). Перекресток улиц с одной стороны занимает историческая усадьба с каменным двухэтажным зданием, с другой крупное жилое здание ВСЖД, построенное в 1930-е на месте Благовещенской церкви. Застройка по улице Володарского очень неоднородна и разномасштабна. Цельный фрагмент сохранился только на участке четной стороны улицы, наискосок от исследуемой усадьбы №3. Здесь пять исторических усадеб образуют дискретный ряд из одно-, двухэтажных жилых домов по красной линии улицы со вторым и третьим слоем дворовых флигелей, которые участвуют в создании многопланового пространства застройки. В результате исследуемая усадьба, несмотря на соседство справа с современным зданием, поддерживается родственными по параметрам историческими зданиями.

В настоящее время ставится вопрос о возможности

переноса жилого дома на другую площадку. Согласно последним историческим исследованиям³ уточнено, что усадьба по ул. Володарского, 3 имеет мемориальное значение. Памятники истории в отличие от памятников архитектуры не могут быть перенесены на другое место, так как утрачивается информационная подлинность места, связанного с определенным событием или личностью.

С архитектурной точки зрения, сохранение памятника на месте всегда предпочтительней его переноса. Однако иногда особо ценные объекты могут быть рекомендованы к переносу в более хорошо сохранившуюся историческую среду, соответствующую по характеристикам памятнику. Беглый анализ творчества В.А. Рассушина позволил выявить целый ряд сохранившихся исторических домов, не только близких по стилистике, датировке и типологии, но и созданных либо по его проектам, либо «по образцу» или «подобию» его зданий. В настоящее время городская среда, являющаяся оптимальной для предметно-пространственного окружения исследуемой усадьбы, сложилась на улице Бабушкина. Застройка улицы характеризуется выраженной ячеистой пространственной структурой и планировочным масштабом, соответствующим «усадебному модулю»; здания одно-, двухэтажные, преимущественно деревянные конца XIX – начала XX в. Здесь расположена усадьба, возведенная по проекту В.А. Рассушина (ул. Бабушкина, 10) и доходный дом, также предположительно с большой долей вероятности его авторства (ул. Бабушкина, 11). Единственно возможное место для переноса усадьбы – территория перед домом №6 на месте пустующего участка и на месте усадьбы №4 со сносом двухэтажного деревянного здания, не представляющего историкокультурной ценности. Таким образом, может быть создана территория, по своим высоким художественно-архитектурным характеристикам достойная присвоения статуса «заповедной улицы». Однако перемещение памятника допускается лишь в исключительных случаях с разрешения Правительства РФ.⁴

В настоящее время в состав рассматриваемой усадьбы входит жилой дом, небольшой дворовой флигель и ограда. Кроме того, важным составляющим элементом усадьбы является сад, сохранившийся с юго-восточной стороны дома. Жилой дом расположен по красной линии застройки, по середине уличного фронта усадьбы. Слева от дома сохранились веревы ворот, здесь был въезд в усадьбу. Справа – высокая деревянная ограда.

В дореволюционном Иркутске каждая усадьба имела собственную ограду, но к настоящему времени уцелели лишь отдельные фрагменты, чаще каменных столбов и реже деревянных ворот с участками заплотов. Ограда вытянулась по красной линии улицы почти на 8 метров. Это единственный сохранившийся в городе протяженный заплот. Представляет собой столбы квадратного сечения с дощатыми пряслами. Ограда членится по вертикали на три части в соответствии с традициями классицизма: цоколь, стена и фриз. Двухчастный цоколь состоит из горизонтальных досок с выделенным гуртом. Прясла набраны из вертикальных досок со швами, закрытыми вертикальными же брусками. Фриз двухчастный глухой, раскрепован по столбам и фланкирован полочками. Завершает ограду профилированный карниз небольшого выноса под металлической двускатной пологой кровлей. Похожую ограду имел особняк В.А. Рассушина по улице Большой (ныне К. Маркса, 10), но с другим пропорциональным соотношением вертикальных членений и с завершением столбов шарами на постаментах. Возможно, ограда усадьбы по Володарского также имела на столбах венчающие декоративные элементы. Ограда имеет ценность как редкий пример сохранившихся малых архитектурных форм, являющихся ранее важнейшей составной частью уличного фронта застройки исторического города. Особенность ее – профессиональное архитектурное решение, стилистически единое с фасадом жилого дома.

Небольшой дворовой флигель отличается скромным оформлением, подчиненным архитектурному решению глав-

ного дома. В целом используют близкие, но более простые формы: классицистические горизонтальные наличники, профилированный карниз значительного выноса, гладкий фриз. Флигель ценен как составная часть комплекса усадьбы.

В творчестве В.А. Рассушина значительное место занимает произведения ландшафтной архитектуры. Возможно, деревья и кусты, густо растущие сегодня справа от дома, – это заросли изначально существовавшего усадебного сада (или новые посадки, но на месте старых). Как отмечают современники, Иркутск в начале XX века имел много садов при усадьбах, придававших городу особую уютность и камерность. Поэтому важно при реставрации усадьбы уделить особое внимание воссозданию её сада.

Жилой дом состоит из основного объема, расположенного продольным фасадом по красной линии улицы, и равновысокого ему дворового крыла. Основной объем прямоугольный в плане размером 17,8x12,75 м, что соответствует пропорциям «золотого сечения», а дворовое крыло в плане квадратное, причем сторона его равна ширине основного объема. Общие размеры дома также отвечают построенной квадрат-диагонали, где длина основного объема равна стороне квадрата, по диагонали которого выстроена глубина дворового крыла. Геометрически точные формы плана дома свидетельствуют о продуманном проектом решении, основанном на пропорциональных закономерностях, принятых в классицизме.

Внутренняя планировочная структура незначительно изменена, но по планам БТИ 1934 года может быть легко воссоздана. Здание представляет собой пример жилого дома обеспеченного горожанина. В планировке легко считывается соответствующий жизненный уклад. Парадный вход с улицы ведет в небольшой тамбур с одномаршевой лестницей, что позволяет поднять уровень пола дома относительно улицы примерно на один метр. Поперечная капитальная стена выделяет эту часть здания как бытовую, здесь со стороны двора располагался санузел с ванной и туалетом. Остальная

1. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940. – Иркутск. 2003. – С. 270
2. Научно-исследовательская документация «Изучение историкокультурной ценности здания по адресу ул. Володарского, 3». Т.1. Историческая записка / Сост. Н.Г. Бубис
3. Там же
4. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. Утверждена приказом МК СССР от 13.05.1986 № 203, п. 58

часть основного объема – это жилые помещения с небольшим коридором (холлом) в середине. В жилую часть можно попасть и с другого, так называемого «черного» входа, устроенного со стороны двора. Под дворовой частью дома имеется каменный подвал, занимающий примерно четвертую часть общей площади основного прямоугольного объема дома. В подвал ведет отдельный вход с улицы. Значительная четырехметровая высота подвала и наличие освещения через два небольших окна (сейчас заложены и едва просматриваются в цоколе северозападного фасада) предполагают неординарное использование этого помещения, видимо, в зависимости от занятий собственников дома (мастерская, лаборатория, кладовая и др.).

Из комнаты, расположенной с торца дома, был выход в сад. Здесь к торцу примыкало обширное крыльцо размером 3,5x5,1 м, возможно, это была остекленная веранда, как,

пример веранда сохранившегося особняка Рассушина в городе Усолье-Сибирское (ул. Мира, 20). Все дворовое крыло здания занимали кухня и подсобные помещения. Посередине стояла большая печь и плита (общий размер 2,13 x 2,07 м). Небольшие комнаты могли использоваться под прачечную, кладовые, бельевые и др. В одной из этих комнат располагался вход во второй подвал (2,7x7,47 м, высота 2,5 м), где, вероятно, хранились продукты. В кухню вел вход со стороны двора. Рядом располагалось помещение с печью. Интересно, что в жилой части дома не было ни одной печи, вероятно, дом обогревался водяным отоплением с топкой и котлом, которые могли располагаться в этом подсобном помещении.

Памятник обладает выразительной, насыщенной пластикой фасадов. Архитектура выполнена в духе эклектики под влиянием форм классицизма. Композиция всех фаса-

дов при единообразии отдельных элементов различна.

Предполагается, что существующая сегодня обшивка стен горизонтальными досками поздняя. Анализ других деревянных построек Рассушина показал, что автор уделял значительное внимание оформлению гладкой поверхности стены. Дощатые обшивки его зданий отличаются детализацией и почти точной имитацией рустовок, характерных для каменного зодчества. Однако, известен и другой используемый им прием – контрастное сопоставление утонченно проработанных декоративных элементов с массивной бревенчатой пластикой стены. О позднем происхождении обшивки свидетельствует также некачественное примыкание ее вровень к угловым лопаткам.

Главный уличный фасад обладает чертами, характерными для городского жилого дома. Протяженный продольный фасад имеет шесть равно-

мерно расположенных осей проемов. Крайний левый проем – это парадный вход в дом, акцентированный лучковым фронтоном на фигурных кронштейнах. Прием устройства входа на уличном фасаде формировался в городе постепенно и прошел путь от сельского дома с дворовыми сенями и позже входом с крыльцом, переместившимся на боковой фасад, до входной группы с лицевого фасада. Уличные входы иркутских домов имеют несколько модификаций (от входа на галерею через выступ фасадной стены до центрального входа в дом), но в оформлении их используются довольно разнообразные формы. Прием устройства входа в боковой части дома, выделенной внутри поперечной капитальной стеной, как это имеет место в данном случае, довольно распространен в исторической городской застройке и является трансформацией объединения сеней и жилой части в одном объеме.

Особую пространственную выразительность главному входу придает значительно вынесенный вперед козырек, решенный как лучковый фронтон с развитым профилированным карнизом. Поддерживают его очень массивные стилизованные кронштейны, явно заимствованные из арсенала форм каменной архитектуры. Боковые фасады кронштейнов плоские с кантом по внешней стороне, поэтому направление завитков лишь угадывается, причем верхний завиток значительно мельче нижнего, который утяжеляется дополнительно подвесками (подвески, вероятно, заканчивались каплями, которые были утрачены при поздней обшивке). Лицевая грань кронштейнов прорезана вертикальными желобками, еще

более усиливающими сходство с каменной архитектурой.

Уличный фасад разделен лопатками на три прясла с двумя проемами в каждом прясле. Крупные прямоугольные окна расположены по фасаду равномерно. По вертикали дом имеет традиционное членение на три части: цоколь, стены и неполный антаблемент. Цоколь выполнен из бутового камня и кирпича. Он шире стен и сверху его выступ прикрыт доской. Верх стен завершает фриз с рядом кронштейнов, поддерживающих значительно вынесенный подшивной профилированный карниз. Кронштейны расположены по углам дома и точно над боковыми стойками наличников, в результате шаг их не равномерен – чуть более широкий чередуется с узким. Такое расположение кронштейнов свидетельствует о продуманной согласованности отдельных элементов фасадов, что отличает дом от других иркутских построек, где обычно декор фриза имеет метрическое размещение вне зависимости от общей композиции стены.

Все элементы фасада обладают тонкой проработкой деталей. Кронштейны имеют такую же форму и декор, как кронштейны входа, но в уменьшенном варианте. Фриз в простенках между кронштейнами

украшен лежачими филёнками с выпуклым полем. Лопатки разделены по вертикали профилированными поясами на три части, что напоминает стилизованные пилястры. Интересно, что деление лопаток совпадает с вертикальными отметками оконных проемов, что лишний раз подчеркивает продуманность композиции фасада. Основание лопаток решено как пьедестал, поверхность декорирована филёнкой с массивным брильянтовым квадратом в поле. Поверхность средней и верхней частей прорезана желобками, имитирующими каннелюры.

Особенно большое внимание автор уделил проработке наличников. Вообще по рисунку наличников постройки Рассушина становятся легко опознаваемы, так как обычно он использовал в деревянных домах всего два типа наличников: один – ленточный с выступами по углам и замковым камнем, другой – с горизонтальным сандриком. Однако при общей схожести решений ни на одной из построек Рассушина наличники не повторяются. В различных комбинациях применяются их составляющие элементы, изменяются профилировки или пропорции. В исследуемом жилом доме исполнены наличники, стилизо-

ванные в духе классицизма, но с нестандартно массивными горизонтальными сандриками. Верхняя часть наличника, чрезмерно насыщенная мелкими горизонтальными членениями, подчеркивает крупномасштабную пластику бревенчатых стен. Подвышение рельефно раскреповано боковыми стойками, украшенными накладками, которые имитируют триглыфы с каплями. Эти элементы, а также мелкие зубчики в основании сандрика, профили поясков и полукруглые подвески, свидетельствуют о профессиональном стилизаторстве форм каменной архитектуры.

Дворовые фасады оформлены различно. Более скромнен боковой северо-западный фасад, который имеет два окна меньших размеров, чем на лицевом фасаде. Окна смещены влево, и их расположение продиктовано планировкой. Слева имеется еще небольшое квадратное косячатое окно, освещающее бывшую ванную комнату. Размещение окон на втором боковом фасаде также подчинено внутренней структуре дома. На фасаде основного объема они крупные и акцентированы кронштейнами в уровне фриза, а на фасадах объема крыла – более мелкие. На боковых фасадах в уровне цоколя имеются небольшие окна с клинчатой кирпичной перемыч-

кой (на северо-западном фасаде почти полностью скрыты поздними наслоениями).

Боковой юго-восточный фасад незначительно перестроен. Согласно плану БТИ и ресторовому плану 1929 года с юго-восточной стороны первоначально был выход в сад через крыльцо или веранду. Кроме того, здесь имелось двойное окно. Сейчас одно из окон фасада завершается наличником, вероятно, перенесенным с дворового северо-восточного фасада крыла. Остальные перестройки скрыты обшивкой.

Со стороны двора сохранилось крыльцо «черного» входа, ведущего в основной объем. Оно решено как небольшой тамбур под двускатной кровлей на фигурных столбиках. Ограждение выполнено из стилизованных плоских балясин. Крыльцо, ведущее в боковое крыло, зашито досками. Все перестройки незначительны и после снятия обшивки возможно воссоздание первоначального облика.

В интерьере дома сохранились уникальные резные панели. В парадных жилых комнатах, ориентированных на улицу Володарского, на уровне примерно одного метра от пола проходит полоса резного орнамента из растительных завитков. В настоящее время орнамент значительно скрыт под слоем краски. Подобное оформление интерьеров в жилых домах города пока не выявлено, это единственно известный сохранившийся образец с резными панелями. Требуется дополнительные исследования, возможно, поле панелей имело своеобразную раскраску. В интерьере сохранились двухстворчатые филленчатые двери со стеклянными фрамугами и латунными ручками.

В целом жилой дом можно характеризовать как образец сложной и вместе с тем грамотной стилизации форм классицизма в памятнике начала XX века. Кроме того, усадьба также представляет ценность как цельный фрагмент исторической городской застройки, сохранивший все составляющие элементы комплекса.

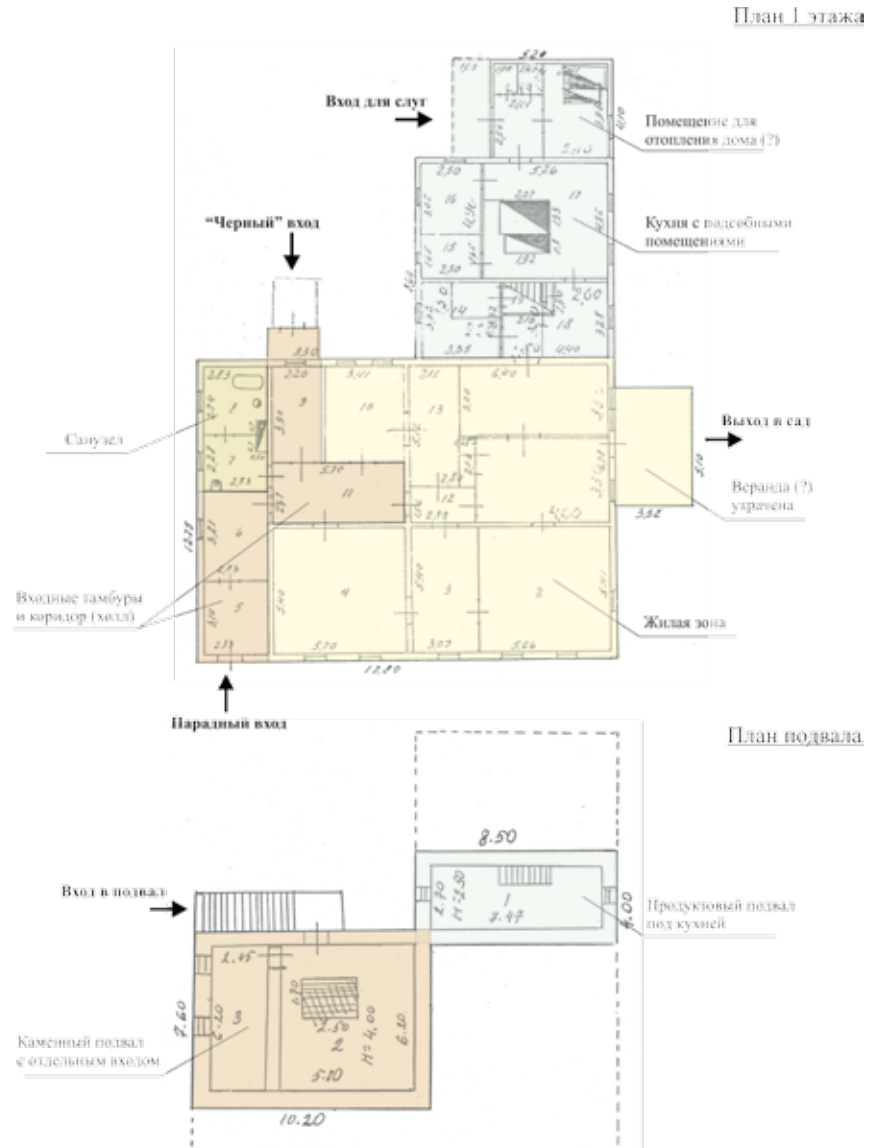
Таким образом, подробно рассмотрев значение архитектурного наследия В.А. Рассушина в Иркутске и проанализировав художественные, научные и исторические характеристики жилого дома по улице Володарского, 3, мы приходим

к очевидному выводу – здание безусловно было обосновано признано в свое время памятником истории и культуры и таковым сегодня остается.

Текст и фото
Ирина Калинина

Действительно, трудно сделать другой вывод. Но, на наш взгляд, это деревянное здание является не только бесспорным памятником истории, культуры, ярким представителем авторской, профессиональной архитектуры. Учитывая мемориальное значение дома, усадьбы в целом, будет целесообразным в дальнейшем решать вопрос о музеефикации всей усадьбы, с организацией в ней тематического филиала одного из иркутских музеев, к примеру, архитектуры или городского быта, или «Дома иркутского врача» (почему бы нет?). Сегодня ОАО «Иркутский Промстройпроект» по заказу городской администрации разрабатывает Проект планировки центра Иркутска, где, учитывая тенденции и реальные перспективы превращения столицы Приангарья в туристический центр большого Байкальского региона, предусматривается развитие музейной сети.

Таких достойных, потенциально музейных объектов, сочетающих в себе необходимые для этого характеристики – мемориальная и историко-архитектурная значимость (в т.ч. усадебность, фасады, планировка, интерьеры, ворота), местоположение, хорошая сохранность главного дома, частично уцелевший усадебный сад (что является редкостью для современного Иркутска), совсем немного в историческом центре. Все это говорит, во-первых, о недопустимости какого-либо перемещения с родного, исконного места дома А.А. Рассушина (при этом почему-то ставится вопрос о переносе только дома, а не усадьбы в целом, а если перенести объекты усадьбы, то, как быть с садом?). И, во-вторых, не может быть и речи, тем более, о каком-то его демонтировании и складировании где-то на задворках АЭМ «Тальцы» (в принципе, не важно – где). Это просто абсурд – взять здоровый дом-памятник, находящийся, кстати, во вполне удовлетворительном состоянии (опять же редкое явление), раскатать по чьей-то прихоти,

утащить куда-то за город. Для чего? С какой целью? Чтобы он там тихонько гнил?

Цель этого очередного акта вандализма понятна – освободить площадку для нового строительства, расширения здания областной прокуратуры. Но ведь очевидно и другое – расширение за счет небольшой территории усадьбы А.А. Рассушина будет только полумерой. Очень скоро понадобится новое расширение. В какую сторону? Опять за счет уничтожения культурного наследия города? Не лучше ли будет сегодня один раз решить вопрос не увеличения площадей существующего, а самого дела небольшого здания прокуратуры, а исправления ошибки (допущенной когда-то при выделении зажатого со всех сторон и не имеющего перспектив развития участка) – то есть, строительства нового

здания на другой площадке? Таким образом можно убить трех зайцев: а) получить отвечающее всем современным требованиям для подобных организаций здание; б) продемонстрировать на деле уважение со стороны властных органов к уникальному иркутскому деревянному наследию; в) и, в связи с этим, лишить активную общественность города удовольствие выплеснуть на эти органы справедливый гнев.

Может, стоит областной прокуратуре не марать мундир, не терять честь в глазах общественности и выполнить свою прямую функцию защиты государственных интересов (какими являются охрана культурного наследия в том числе), а не решать в ущерб этим интересам сиюминутные ведомственные задачи?

Алексей Чертилов

Схема реконструкции зонирования внутреннего пространства жилого дома по ул.Володарского, 3

О нашем прославленном земляке, известном, талантливым и плодотворном иркутском архитекторе Владимире Александровиче Рассушине в последние годы в печати появился ряд статей, достаточно хорошо освещающих его биографию и творческий путь.¹

Поэтому крайне неожиданным и неприятным для культурной общественности и специалистов, архитекторов, историков было возбуждение Иркутской областной прокуратурой протеста по поводу отнесения одного из интереснейших зданий, построенных по проекту В.А. Рассушина, к категории памятников. Речь идет о деревянном жилом доме, расположенном по улице Володарского, №3 в городе Иркутске.

Мы решили еще раз перепроверить, сделав независимую историко-культурную экспертизу, не завышены ли наши оценки творчества Рассушина и столь ли велико его наследие в нашем городе, а также соответствует ли упомянутое здание, вызвавшее споры о своем художественном, научном и историческом значении, статусу памятника, нет ли ошибки в прописанных ранее характеристиках, отражающих требования, предъявляемые к объектам культурного наследия.

Постройки иркутского архитектора В.А. Рассушина

Владимир Александрович Рассушин. Родился 10 сентября 1858 года в Забайкалье, в городе Нерчинске в семье канцелярского служащего. В 1867-м семья Рассушиных переехала в Иркутск. Здесь Володя сначала учился в Губернской мужской гимназии, а затем – в Техническом училище, окончив его в 1881 г. В том же году он поступает в Санкт-Петербургское Строительное училище, которое через год преобразовывается в знаменитый Институт гражданских инженеров, выпускавший в течение нескольких десятилетий высокопрофессиональных архитекторов для всей России.²

За время пятилетнего курса обучения в институте он постоянно получал высокие баллы. Время летних каникул использовал для приобретения практического опыта на стройках. Так, после окончания первого и затем второго курса он работает на постройке Ивангородо-Домбровской железной дороги, где под его наблюдением строятся мосты и станция. На четвертом курсе он уже самостоятельно возводит несколько объектов по Владикавказской железной дороге.

Иркутская Городская дума внимательно следила за обучением Рассушина в Санкт-Петербурге и выплачивала ему стипендию. Имея в виду постоянные похвальные отзывы профессоров института об «очень хороших успехах» студента, а также приобретенный на стройках практический опыт, Городская дума доверила молодому специалисту самую ответственную должность в сфере строительства – городского архитектора.³ Назначение на должность состоялось 1 сентября 1886, сразу же после успешного

окончания Рассушиным Института гражданских инженеров и возвращения его в Иркутск.

Город в этот период начинает восстанавливаться после опустошительного пожара, произошедшего летом 1879 года, когда были крайне востребованы специалисты-строители и в первую очередь – архитекторы, так как сгоревшая почти до основания центральная часть города должна была приобрести новый облик, соответствующий столице Восточной Сибири.

Интересно совпадение некоторых дат. В год поступления Рассушина в Институт гражданских инженеров в Иркутске комплектуется новый состав Думы, и главным избирается известный В.П. Сукачев; в 1885 году Сукачев избирается городской головой и через год своей деятельности назначает Рассушина на должность городского архитектора. Очевидно, что городской глава был высокого мнения о деловых и профессиональных качествах молодого архитектора, который призван был помочь ему поднять город из пепелища. Косвенным подтверждением взаимопонимания между градским главой и городским архитектором служит факт строительства здания Городской думы, осуществленного по проекту Рассушина. А в 1891 году при встрече цесаревича Николая в Иркутске они оба сопровождают наследника российского престола и произносят речи и рапорты о строительстве в городе. Еще: почти одновременно они отстранились от дел: в 1894-м Рассушин подал в отставку с должности городского архитектора и в том же году, несмотря на избрание на третий срок на должность городского главы, Сукачев покинул Иркутск.

Пожар 1879 года истребил лучшую часть города. Центр города превратился в безжизненную пустыню – 75 кварталов было сметено огнем, уничтожено 105 каменных и 3438 деревянных построек, тысячи людей остались без крова и имущества. Сгорела большая часть казенных учреждений, здания Государственного банка и Казначейства, Мужская и Женская гимназии, несколько училищ, Детский сад, приюты, Воспитательный дом, Таможненный двор, Гостиный двор и Мещанские торговые ряды, многочисленные магазины со складами товаров.

Невозможно переоценить вклад В.А. Рассушина в восстановление города после пожара. Городской архитектор ведал вопросами по согласованию отводов участков под строительство, был членом различных комиссий по возведению зданий, решал проблемы благоустройства и многое другое. Впервые были проведены городское освещение, водопровод и канализация на центральных улицах, устроены дамбы и урегулированы берега реки Ушаковки, укреплен берег Ангары, очередной раз выровнены улицы с засыпкой ям, вымощены Ивановская, Ланинская и Мелочного базара.⁴ Большое внимание Рассушин уделяет озеленению города. Это один из немногих городских архитекторов, который занимался, как сегодня говорят, ландшафтным дизайном. В результате его деятельности на посту главного архитектора город не только сумел возродиться, но и стать одним из красивейших и благоустроенных городов Сибири. Особенно лестную оценку Иркутску того времени дал Антон Павлович Чехов, посетивший

город в 1890 году: «Из всех сибирских городов лучший – Иркутск... Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей. Городской сад с музыкой... Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей...».

В 1894 году городской глава В.П. Сукачев на заседании Думы при принятии отставки Рассушина с поста главного архитектора заявил: «Расставаясь с В.А. Рассушиным, я считаю долгом своим засвидетельствовать перед Городскою думою его полезную для города деятельность. Город Иркутск своим украшением во многом обязан Владимиру Александровичу... Труды Владимира Александровича дают мне полное право высказать сожаление об оставлении им службы городу».⁵

Однако большую известность В.А. Рассушину принесла не его деятельность в должности главного архитектора города, еще не оцененная в полной мере, а слава замечательного архитектора-творца, построившего десятки красивейших зданий в Иркутске, Усолье, Минусинске и, возможно, в других городах Сибири. В 1920 году Рассушин эмигрировал в Китай и там на протяжении почти 15 лет продолжал творческую деятельность, одновременно занимая должность городского архитектора Харбина.⁶

Творческое наследие архитектора Рассушина можно условно разделить на несколько видов по типологической принадлежности: инженерные постройки; объекты садово-парковой архитектуры; каменные памятники гражданской архитектуры; деревянные памятники жилой архитектуры.

1. Попова Р. Рассушин в Иркутске // Земля Иркутская. – 2000. – № 13; Крадин Н. Архитектор В.А. Рассушин в Харбине // Земля Иркутская. – 2003. – № 1; Гольдфарб С. Весь Иркутск – Иркутск, 1992
2. Попова Р. Указ. соч. – С. 48-50
3. Крадин Н. Указ. соч. – С. 18-22
4. Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993, с.158, 161, 167, 168, 181, 188, 194, 201, 212, 221, 224, 230, 247, 280, 308, 320, 324
5. Гольдфарб С.И. Указ. соч. – С. 209-210
6. Крадин Н. Указ. соч. – С. 18-22

Инженерные постройки (не сохранились)

Понтонный мост «Цесаревича Николая» через Ангару в Иркутске.

Своеобразное расположение города Иркутска на берегу трех рек – Ангары, Ушаковки и Иркуты и его быстрый рост создали неудобства сообщения между районами города. Поэтому сооружение моста через Ангару стало событием чрезвычайной важности. Его окончание приурочили специально к приезду наследника Николая. Проект моста составил В.А. Рассушин. Его длина составляла 125 саженей (268 метров), ширина – 4,5 саж (9,6 м). Устроен он был на восемнадцати плоскодонных деревянных баржах, соединенных между собой брусьями, закрепленных канатами. Каждый из понтонов имел 22 м в длину, 29,2 м в ширину и 3,5 м в высоту. Подводные части были выполнены из лиственницы, обитой железом. Днища понтонов крепились ко дну реки кокорями-бревнами и якорями на цепях. Мост открыл 1 сентября 1891 г. сам наследник престола Николай.

Деревянный мост через Иркут.

Мост в черте города напротив дачи Бирюля через реку Иркут был сооружен

одновременно с ангарским понтонным мостом. Это был постоянный деревянный на сваях мост, к которому была подведена новая дорога.

Укрепления берега Ангары в Иркутске.

Ввиду частых наводнений укрепления берегов Ангары проводились постоянно. Обычно это были лиственничные сваи с откосами в виде обруба. В 1890 г. берег впервые был укреплен плитами из серовичного камня.

Объекты садово-парковой архитектуры

Сквер (Александровский) возле памятника Александра III, павильон.

Комплекс городского парка в Харбине.

В течение нескольких лет Рассушин занимался созданием большого комплекса городского парка в Харбине. Он разработал ажурную ограду, спланировал систему прудов с искусственными островами, лабиринтами и гротами, построил многочисленные мостики, спроектировал большой фонтан и искусственный водопад, павильоны и другие малые архитектурные формы.

Каменные памятники гражданской архитектуры

Городская публичная библиотека в Иркутске.

По проекту Рассушина в 1887-1888 гг. было перестроено двухэтажное здание бывшей Гауптвахты, сгоревшей в пожаре 1879 г., для размещения иркутской Городской библиотеки. Не сохранилась.

Мастерские Иркутского Промышленного (Технического) училища.

Здание Технического училища было построено в 1882-1884 гг., в проектировании принимали участие архитекторы В.А. Кудельский, Г.В. Розен, Н.И. Дудицкий. По заданию иркутской Городской управы Рассушин составил проект и смету на строительство новых мастерских во дворе училища,⁷ 1888 г., сохранились, но перекрыты обстройками (ул. Сухэ-Батора, 5, Рабочая, ?)

Четыре здания городских начальных училищ в Иркутске.

В 1888 году Городская дума постановила выстроить четыре здания под городские начальные училища, отвечающие современным гигиеническим требованиям. В 1889-м училища, построенные по проекту Рассушина, были сданы в эксплуатацию и получили названия Глазковское, Знаменское, Успенское, Крестовоздвиженское. Здания сохранились до

наших дней по адресам: ул. Николаева, 5; Челнокова, 20; Ленина, 54; Красноказачья, 9.

Каменная ограда Харлампиевской церкви в Иркутске.

Ограда с каменными тумбами и ажурной ковanej решеткой у Харлампиевской церкви была построена в 1889 г. по проекту Рассушина вдоль Харлампиевской и Троицкой улиц (Горького и Пятой Армии). Тумбы ворот завершались копкаками с килевидными шипцами. Решетка отличалась изяществом рисунка с раппортом из утонченных завитков, увенчанных расцветшими крестами вместо обычных пик. Утрачена.

Средняя часть Сиропитательного дома Медведниковой в Иркутске.

Само здание построено в 1837-1840 гг. по проекту А.В. Васильева, в 1880-е к нему по проекту В.А. Кудельского были пристроены боковые крылья. В 1890-м достраивается средняя, главная часть здания, но уже по проекту Рассушина. Им же ведется надзор за строительством, вплоть до окончания в 1892 г.⁸ (ныне ул. Тимирязева, 59).

Здание Краеведческого музея в Минусинске.

В архитектурной композиции здания, возведенного

7. Историческая справка «Здание промышленного училища» / Сост. Ю.С. Душкин; рукопись, архив ЦСН; С.И. Медведев. Иркутск на почтовых открытках. – М., 1996. – С. 416

8. Историческая справка к проекту реставрации зданий Сиропитательного дома Е. Медведниковой / Сост. Н.Г. Торшина, архив ЦСН

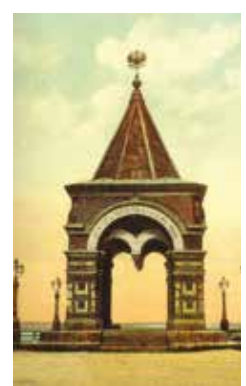
Средняя часть Сиропитательного дома Медведниковой в Иркутске

Сквер (Александровский) возле памятника Александру III, павильон

Триумфальная арка наследника цесаревича Николая в Иркутске

Здание Общественного собрания в Иркутске

Городская публичная библиотека в Иркутске

Здание Иркутской
Городской думы

Перестроенное здание
Городской думы

9. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940. – Иркутск, 2003. – С. 97

в 1890-1891 гг. узнаваемы формы иркутских училищ, возведенных по проекту Рассушина.

Триумфальная арка наследника цесаревича Николая в Иркутске.

Каменная арка для встречи цесаревича Николая была сооружена (1891) на берегу Ангары у Кафедрального Богоявленского собора. Наследник российского престола вошел в город и покинул Иркутск через эту арку. Не сохранилась.

Колокольня Спасской церкви в Усолье.

Первоначально Спасская церковь была возведена без колокольни и только спустя десять лет (1891) к ней присоединили через низкий переход высокую трехъярусную колокольню. Пристроено руководил В.А. Рассушин, вероятно, по собственному проекту. Церковь с колокольней не сохранились.

Здание Общественного собрания в Иркутске.

Первоначально в 1891 году Рассушин поставил корпус нового здания Общественного собрания, вытянув его вдоль улицы Амурской (Ленина). Через десять лет здание увеличили в длину, выстроив центральный ризалит и правое крыло, а также большой зал для проведения собраний. Ризалиты получили выразительные купольные венчания, значительно обогатившие силуэт здания. Все перестройки выполнялись также по проекту Рассушина. (ул. Ленина, 23).

Здание Александро-Мариинского училища в Иркутске.

Объемная композиция и архитектура фасадов здания городского пятиклассного училища подчинены градо-

строительному положению – оно фиксирует перекресток двух главных улиц – Большой (К. Маркса) и Амурской (Ленина, 11). 1892-1895 гг.

Здание Иркутской Городской думы.

Рассушин выполнил проект реконструкции старого здания Городской думы, включив первоначальный одноэтажный объем в общую композицию и создав единое архитектурное фасадное решение. 1894 г., ул. Ленина, 14.

Здания Ивано-Матренинской детской больницы в Иркутске.

Известно, что авторству Рассушина принадлежат сохранившиеся одноэтажный флигель, расположенный в ограде больницы, и двухэтажный жилой дом для врачей на противоположной стороне улицы. (1880-е–1895) – ул. 1-Советская, 57.

Здание электростанции в Усолье.

Расположено на берегу Ангары в отдалении от городской застройки. Несмотря на утилитарное назначение, архитектурному решению постройки уделено достаточное внимание – переменная этажность и фасадное убранство придают постройке запоминающийся облик. 1913 г.

Деревянные памятники жилой архитектуры

Восстановление Иркутска после пожара 1879 г. постепенно набирало темпы и в период с 1885 по 1890 гг. в городе было построено 300 каменных и деревянных домов.⁹ Фактически создавался новый город и В.А. Рассушин как городской архитектор внес значительный вклад в формирование его архитектурного облика. Своими повышенными требо-

ваниями к качеству послепожарной застройки городской архитектор задавал высокий уровень архитектуры, сумев обязать горожан, несмотря на бедственное положение, строить здания только по утвержденным проектам, в создании которых он также принял непосредственное, деятельное участие. Сохранившееся до наших дней наследие массовой деревянной застройки отличается профессионализмом, цельностью и добротностью.

В ниже перечисленных памятниках авторство Рассушина достоверно установлено на основании опубликованных или архивных источников. Для выяснения качественных характеристик, свойственных его творчеству,

приведем беглую оценку памятников деревянной архитектуры.

Улица Бабушкина, №10 – Усадьба Рассушина.

От усадьбы сохранилось три одноэтажных жилых дома, два из них стоят по красной линии улицы, а один в глубине двора (флигель). Архитектура всех зданий выполнена в едином стиле. Отдельные элементы повторяются на каждом из домов, однако главный дом выделяется более качественно отработанной общей композицией фасадов. На лицевом фасаде лопатками выделена средняя часть. Верх стен завершает фриз с фигурными кронштейнами, причем расположены они не равномерно, как это обычно при-

Понтонный мост
«Цесаревича Николая»
через Ангару в Иркутске

Здание Александро-
Мариинского училища в
Иркутске

нято, а с шагом, соответствующим расположению лопаток и окон средней части. Это свидетельствует о намеренном, продуманном решении фасадной плоскости.

Улица Володарского, №3 – Дом жилой.

Памятник отличается профессиональным решением объемно-пространственной композиции и высокохудожественным оформлением фасадов (об этом доме см. отдельный материал в этом же номере журнала).

Улица Гагарина, №32 — Жилой дом А.А. Рассушина, известного иркутского врача.

В скромном облике одноэтажного жилого дома ощущается участие профессионала. Окна продольного фасада сгруппированы попарно и оформлены наличниками с выделенными замковыми камнями. Основная идея основана на контрастном сопоставлении открытого бревенчатого сруба стен, напоминающем о крестьянских избах, и профессионально отработанных элементах декора, свойственного для каменной архитектуры, но выполненного в дереве (кронштейны фриза, пояски, замковые камни).

Бульвар Гагарина, №34 – Усадьба Желейщикова (жилой, доходный дома).

В архитектуре фасадов прослеживаются первые черты модерна – еще нового тогда стиля для Иркутска. Необычно крупное остекление лестничной клетки, заменившей сени, форма и расположение кронштейнов строго в соответствии с оконными проемами, необычная крупномасштабная пластика декора наличников – все эти новаторские приемы и элементы свидетельствуют о многообразии творческого наследия архитектора Рассушина.

Улица Декабрьских Событий, №56 – Дом жилой.

Двухэтажный доходный дом, в архитектурной пластике которого употреблены элементы из палитры мастера: кронштейны, наличники с «ушами», замковые камни и др. В обшивке фасадов использован прием, характерный для построек Рассушина, например в его собственном особняке по ул. К. Маркса, 10. Стены обшиваются досками с имитацией

французского горизонтального руста (чередование широкой и узкой полосы), а лопатки выполнены рустом с имитацией каменных вертикальных цепей.

Улица Желябова, №4 – Жилой дом для начальницы Хаминовского училища.

В архитектуре небольшого деревянного особняка Рассушин сочетает традиционные для периода эклектики орнаментальные геометрические мотивы подзоров и полотенец со своеобразным орнаментом лобани наличников в виде встречающихся сердец с трилистниками в середине. Не обошлось также и без излюбленного мотива – угловых выступов-«ушей», но в данном случае в оформлении дверных проемов.

Улица Карла Маркса, №10 – Особняк В.А. Рассушина.

Один из самых выразительных и ярких памятников Иркутска, принадлежащих к профессиональному направлению развития деревянной архитектуры.

Город Усолье-Сибирское, ул. Мира, №20 – Особняк.

Пример деревянного здания периода эклектики с использованием свободно трактованных форм классицизма.

Кроме вышеперечисленных зданий, существует еще ряд деревянных построек, авторство которых не установлено, но по архитектурно-художественным характеристикам они близки почерку В.А. Рассушина. Возможно, часть этих построек действительно возведена по его проектам. Требуется дополнительные обширные исследования в архивах для точного установления авторства. Здания различны по своим качествам, что позволяет предположить несколько вариантов возможного участия Рассушина в их строительстве.

Во-первых, это повторное применение проекта, или, другими словами, составление им образцовых проектов для массовой застройки города после пожара. О том, что «образцовые» проекты в этот период времени использовались, нет сомнений, об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней здания, обладающие

абсолютно одинаковой объемно-пространственной и фасадной композицией и различающиеся только в отдельных элементах декора. С большой долей вероятности можно предположить, что по проекту Рассушина возведены следующие здания в застройке улиц Иркутска:

Бабушкина, 11 – Дом жилой, флигель;
Декабрьских Событий, 52 – Усадьба Цукасовой (Дьяконова(?), главный дом);
Дзержинского, 15 – Доходный дом.

Это наиболее выразительные постройки, послужившие прообразами для других зданий города. Членение фасадов по горизонтали подоконными с филенками поясами, междуэтажной тягой, фризом и карнизом; обшивка, наличники, кронштейны – все это повторение излюбленных элементов Рассушина, но в различных вариантах. В композиции фасадов все элементы взаимосвязаны, например, кронштейны карниза расположены не с одинаковым шагом, а подчинены размещению оконных проемов, располагаясь строго над осями боковых стоек наличников. Стены обшиты досками со своеобразной калевкой и рустовкой, имитирующей «французский руст» с чередованием широких и узких полос. Лопатки и ризалиты выделены другим рустом с досками, скругленными по продольным сторонам напоподобие квадратной рустовки (или вертикальных цепей) каменных зданий. Далее:

Гагарина, 8 – Доходный дом;
Александра Невского, 3 – Доходный дом Зверева;
Большевицкий переулок, 11 – Дом жилой;
Софьи Перовской, 20 – Доходный дом;
Пролетарская, 3 – Доходный дом;

Рабочая, 12 – Доходный дом;
Седова, 64 – Дом жилой.

Во-первых, эти деревянные здания объединены стилистическими и типологическими признаками. Представляют разнообразие модификаций доходного дома – типа жилища, получившего широкое распространение в Иркутске на рубеже прошлых веков.

Улица Бабушкина, №10. Усадьба Рассушина

Улица Гагарина, №32. Жилой дом А.А. Рассушина, известного иркутского врача

Улица Желябова, №4. Жилой дом для начальницы Хаминовского училища

Бульвар Гагарина, №34. Усадьба Желейщикова (жилой, доходный дома)

Фридриха Энгельса, 19
– Доходный дом.

Декабрьских Событий, 52
– Усадьба Цукасовой

Желябова, 17 – Усадьба
Вязьмина (жилой, доходный
дома);

Дзержинского, 15
– Доходный дом

Во-вторых, это строительство «по подобию» или «образцу» – прием, имеющий давние корни еще в древнерусском зодчестве, когда новое здание возводили, ориентируясь на какой-либо существующий образец. То, что для образца использовались постройки, возведенные по проекту В.А. Рассушина, еще более усиливает его значение в архитектурном наследии города, так как свидетельствует о высоком уровне, достойном подражания, а также о формировании в городе своеобразного «рассушинского» стилистического направления.

Основной характерной особенностью деревянных построек Рассушина является использование в фасадной композиции приемов и форм, возникших и оформившихся в каменном зодчестве. Господствующий в этот период стиль эклектики позволил применять свободно трактованные элементы классицизма и барокко. В более поздних постройках отмечается незначительное влияние модерна.

Деревянные здания, возведенные под влиянием творчества Рассушина:

- Бабушкина, 9 – Доходный дом;
- Декабрьских Событий, 58 – Доходный дом;
- Желябова, 17 – Усадьба Вязьмина (жилой, доходный дома);
- Красных Мадьяр, 54 – Дом жилой;
- Карла Либкнехта, 110 – Жилой дом;
- Петрова, 17 – Особняк Городилова;
- Пискунова, 29 – Дом жилой;
- Степана Разина, 11 – Доходный дом;
- Франк-Каменецкого, 22 – Жилой дом;
- Халтурина, 15 – Доходный дом с оружейной лавкой;
- Фридриха Энгельса, 19 – Доходный дом.

Целью данной работы не является полное описание творческого пути Рассушина, но даже при беглом сопоставлении известных творений архитектора с сохранившимися, еще не атрибутированными сегодня памятниками, очевидно, что наследие его гораздо шире. Например, есть все основания предполагать, что каменные здания Детского приюта

В.П. Сукачева по ул. Челнока, 20 и Еврейского училища по ул. Ямская, 32 построены по проектам Рассушина. Во многих других зданиях Иркутска также прослеживается «рассушинский» почерк.

В конце XIX века профессиональных архитекторов было еще совсем немного, поэтому в основном они работали в крупных центрах, однако это не значит, что в периферийных малых городах отсутствовала проектная застройка. Известно, что иркутские архитекторы выполняли массу заказов по всей Восточной Сибири, особенно часто они строили объекты в Забайкалье. Несомненно, что при углубленном изучении творчества В.А. Рассушина немало ценных памятников архитектуры будет выявлено в восточных от Иркутска регионах.

В заключение отметим, что Владимир Александрович Рассушин как городской архитектор существенно предопределил формирование облика послепожарного Иркутска. Деревянные здания, построенные по его проектам в это время, выделяются из круга массовой застройки города четкой ориентацией архитектур-

ного замысла на образцы классической архитектуры. Композиционные приемы и формы его построек варьируются свободно, но с большим мастерством, что в результате привело к созданию целой группы стилистически единых и в то же время разнообразных памятников деревянной архитектуры. Высокий уровень средовой застройки конца XIX – начала XX века отмечают все исследователи архитектуры. Кроме того, это один из наиболее плодотворно работавших иркутских архитекторов, он оставил значительное количество крупных каменных общественных зданий, которые по праву сегодня причислены к памятникам истории и культуры, в том числе федерального значения. Наследие Рассушина для Иркутска как существенно определяющее лицо города не менее важно, чем наследие Казакова для Москвы или России для Петербурга.

Текст и фото
Ирина Калинина

Русские архитекторы в Китае ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ОН РАБОТАЛ В КИТАЕ

В первой половине XX столетия, в связи с целым рядом исторических обстоятельств деятельность многих русских архитекторов была связана с Маньчжурией. Начиная с 1896 года, русские инженеры занимались сначала изысканиями, а затем и строительством Китайско-Восточной железной дороги, запущенной в эксплуатацию в 1903 году. Наряду с дорогой инженеры и другие специалисты обустроили территорию в пределах полосы отчуждения дороги, возводили пристанционные комплексы, строили здания самого разного назначения, создавали поселения на всем протяжении дороги от Забайкалья до Приморья. Кроме станционных поселков появились и крупные города, среди которых большое значение имели Харбин, Дальний и Порт-Артур, расположенные в наиболее удобных в стратегическом отношении местах. Так, Харбин был основан на пересечении водных, сухопутных и железнодорожных путей, а Порт-Артур и Дальний стали главными пунктами на морском побережье. Все это должно было обеспечить России кратчайший выход к незамерзающим портам Тихоокеанского побережья и наладить торговые отношения с азиатскими странами.

В обустройство поселений вдоль КВЖД огромную лепту внесли российские инженеры и архитекторы. Многие из них работали в Китае с самых первых лет начала строительства этой уникальной дороги, некоторые приехали уже в процессе эксплуатации КВЖД, а большинство оказались в Харбине и других городах Китая по воле судьбы — они попали сюда в качестве эмигрантов, но это уже на следующем этапе, значительно позднее введения дороги в строй. К сожалению, имена многих из них давным-давно забыты, да нам, живущим в России, они, впрочем, и не были известны. Только сегодня стало возможным выявлять эти имена и писать о людях, строивших русский город Харбин. Среди десятков и даже сотен российских инженеров, оказавшихся в

Харбине, найдется немало таких специалистов, кто сделал очень много полезного для строительства этого уникального города. Среди них в первую очередь следует назвать Ю.П. Жданова. Построенные им в Харбине многочисленные здания до сих пор украшают этот город, многие из них поставлены на государственную охрану и официально признаны памятниками архитектуры.

Юлий Петрович Жданов родился 21 ноября 1877 г. в городе Екатеринодаре (ныне Краснодар) Кубанской губернии, где его отец занимал должность городского инженера. После окончания реального училища в Пскове поступил в 1903 г. в Академию художеств, но вскоре перешел в Институт гражданских инженеров имени императора Николая I. В армию призван не был, поскольку был единственным сыном у родителей. Обучаясь в ИГИ, Жданов получал стипендию от Екатеринодарской городской управы. Любопытно, что в институте он учился, будучи уже женатым и имея малолетнюю дочь. В годы его учебы семья жила в Пскове. Сразу же после окончания института Жданова причислили к Министерству иностранных дел и после короткого пребывания в Ростове командировали в том же 1903 г. на Китайско-Восточную железную дорогу, когда её запустили в строй. Срок подобной командировки обычно составлял три года, по окончании которых она неоднократно продлевалась — так поступали многие инженеры. Работа здесь, за границей, достаточно хорошо оплачивалась, поэтому многие специалисты служили на дороге по десять и более лет. Вслед за Юлием Петровичем в 1905 г. в Харбин переехала и его семья (жена и две дочери). Командировка затянулась надолго — до конца жизни Жданов остался на чужбине, ставшей ему второй родиной. В Харбине он прожил 37 лет и похоронен был у построенной им Покровской церкви в 1940 г., рядом со своей супругой Лидией Рудольфовной, умершей

несколькими годами ранее.

Первые три года работы в Харбине у Жданова стали началом его строительной деятельности, в 1903-1906 гг. он находился в штате технического отдела Службы пути. В эти годы ему пришлось заниматься проектированием гражданских сооружений, расчетами и составлением смет. Он заведовал постройкой и эксплуатацией здания Управления КВЖД, занимался строительством здания железнодорожного Собрания в Новом городе, устройством в Харбине водопровода¹. Следует отметить важную работу Ю.П. Жданова по устройству памятников и часовен в честь русских воинов, погибших в русско-японской войне. Ему неоднократно приходилось выезжать в Каюан, Дальний и Мукден с этой целью. Работу по увековечиванию памяти русских воинов возглавлял генерал-майор Добронравов, и Ю.П. Жданов ему в этом помогал, разрабатывая проекты памятников. До настоящего времени в Мукдене сохранился памятник-часовня, сооруженный по проекту и при непосредственном участии Ю.П. Жданова. Осенью 2006 г., будучи в Мукдене и Шеньяне, мне удалось разыскать эту часовню, а еще и памятный крест, расположенный на месте боя русских воинов с японцами в 35 км от города, в местечке Вей-цзя Лоузы. Оба памятника знака сооружены в 1912 г. Работа Жданова по увековечиванию памяти воинов, погибших в Русско-японской войне, была оценена даже японцами. В 1916 г.

Портрет Ю.П. Жданова

на имя начальника службы пути из Общества КВЖД был прислан пакет с сопроводительным письмом, гласившим следующее: «Возвращая при сем грамоту (с переводом на русский язык) на пожалованный начальнику Харбинского городского участка, титулярному советнику Ю.П. Жданову японский орденом Благодарственной Драгоценности 4-го разряда заслуг, канцелярия управления сообщает, что, согласно уведомлению Департамента общих дел МВД, 30 марта сего года воспоследовало Высочайшее соизволение на принятие и ношение названным лицом означенного орде-

1. РГИА, ф.323, оп.9, д.1695, л.18. 22

Доходный дом чаеворговца И.Ф. Чистякова. 1912

Памятный крест на месте боев русских воинов с японцами. 35 км от Шеньяна. 1912

Здание Харбинского отделения Ю-М ж.д. 1925

2. Там же, л.242
3. Там же, л.247
4. Заря, 1925, 1 января
5. РГИА, ф.323, оп.9, д.1695, л.57

на»². Награду эту архитектор, по-видимому, получил за свою необычайно продуктивную организаторскую, проектную и строительную деятельность.

Довольно длительное время Ю.П. Жданов всецело занимался городским строительством, находясь на должности производителя работ и первого помощника заведующего постройкой и эксплуатацией в Харбине. Практически все должностные перемещения Ю.П. Жданова по службе и в дальнейшем были связаны с его основной

специальностью инженера-строителя и архитектора. В 1914 г. правление Общества КВЖД перевело архитектора на должность начальника городского Харбинского участка. Это означало, что в 1914-1921 гг. под его руководством осуществлялось все строительство в Харбине.

Удивительно, но за 14 лет работы Жданов лишь единственный раз воспользовался 40-дневным отпуском, о чем он написал в апреле 1917 г. в своем заявлении, испрашивая отпуск на четыре месяца³. Работа на пределе физических сил в течение многих лет подряд подорвала здоровье, и Ю.П. Жданов в 1921 г. подал заявление об увольнении в отставку по болезни. На самом же деле причиной увольнения послужила не болезнь, а вздорный характер и чрезмерно властные манеры нового начальника Управления КВЖД В. Остроумова, требовавшего от Жданова выполнения заданий, не входивших в его компетенцию как инженера и заведующего благоустройством квартир железнодорожных служащих. Тем не менее и после увольнения со службы Жданов продолжал активно работать, занимаясь проектированием, строительством и общественной деятельностью.

Уволившись в 1921 г. со службы на железной дороге, Ю.П. Жданов пять лет проработал председателем Строительной комиссии в городском управлении Харбина, а последующие пять лет – главным инженером поселкового управле-

ния в Харбине. В харбинской газете «Заря» за 1925 г. мне как-то попалась небольшая заметка с упоминанием фамилии этого архитектора: «Дымит своей неизменной трубкой, похаживая от одной группы к другой, похожий на старого боевого генерала инженер Ю.П. Жданов»⁴. Именно в эти годы Жданов много строил в Харбине, выполняя самые разные заказы. В общей сложности более 35 лет жизни он проработал как инженер и архитектор, очень много и плодотворно, интересно строил. Это был один из самых деятельных русских архитекторов в Харбине.

Работая и проживая в Харбине, Ю.П. Жданов не порывал своих связей с Россией, особенно в первые годы. Так, еще в 1910 г. он принял участие в конкурсе проектов на постройку здания Управления Владикавказской железной дороги в Нахичевани. Сам конкурс проходил в Ростове-на-Дону, и всего на конкурс было представлено 27 проектов. Ю.П. Жданов в соавторстве со своим компаньоном техником Н.С. Нестеровым заняли в этом престижном творческом соревновании первое место и получили премию в 1200 рублей. Из Харбина в том же 1910 г. его направляли в командировку во Владивосток «на постройку пассажирского здания станции Владивосток»⁵. В 1913 г. они в соавторстве с Нестеровым заняли третье место на конкурсе проектов дома генерал-губернатора в Хабаровске.

В 1912 г. по проекту Ю.П.

Жданова в Харбине был построен интересный по архитектуре доходный дом известного на Дальнем Востоке чаеторговца И.Ф. Чистякова. Строил дом подрядчик А.Г. Глебов. Как отмечалось в местной прессе того времени, дом Чистякова являлся самым грандиозным из частных домов в Харбине, и строительство его обошлось без малого в 180 тысяч рублей – сумму по тем временам немалую. Впрочем, к этому времени фирма Чистякова имела уже более чем миллионные годовые обороты. Этот импозантный по архитектурной стилистике дом сохранился до настоящего времени. Занимая угловой участок, он обращен двумя парадными фасадами на Вокзальный проспект и улицу Строительную. По сравнению с другими сохранившимися постройками Ю.П. Жданова дом Чистякова отличается смещением нескольких стилей, с некоторым преобладанием модерна. Многообразие форм и деталей, острроверхих элементов над частями здания – все это выделяет доходный дом среди окружающей застройки, придавая ему сказочный вид.

Расположенное недалеко от владения Чистякова (чуть выше по Вокзальному проспекту) здание харбинского отделения Южно-Маньчжурской железной дороги, тоже построенное по проекту Жданова, отличается гораздо большей стилистической ясностью. В нем однозначно прочтываются признаки ренессанса, стиля,

Часовня в память русских воинов, погибших в русско-японской войне. Шеньян. 1912

которому Жданов в своем творчестве отдавал явное предпочтение. В этом же стиле построено в 1928 г. по проекту архитектора и здание японо-китайского клуба на Нагорном проспекте, тоже сохранившееся до настоящего времени.

Из архивных документов известно, что Ю.П. Жданов слыл очень требовательным к себе и к тем, кто строил по его проектам. Его постройки всегда отличались солидностью и прочностью – он «никогда не соглашался строить дом в одно лето, но давал промерзнуть стенам здания зимой, чтобы не было сырости. Был к подрядчикам требовательным, часто велел переделывать плохое сооружение. В общем, был архитектором дорогим, но домовладелец, в конце концов, был всегда доволен его работой. Одно время он пользовался популярностью среди японцев, обращавшихся к нему с заказами проектов зданий»⁶. Занимаясь проек-

тными делами, Жданов постоянно изучал все новшества в области строительства и архитектуры, много читал специальной литературы. В своих воспоминаниях очевидцы отмечали, что Жданов «был в курсе последних технических достижений по своей специальности и по многим другим техническим познаниям. В своих выступлениях на заседаниях технических комиссий он выступал всегда авторитетно и imponировал своими познаниями, не обнаруживая никаких признаков отсталости в науках»⁷.

В период работы в Службе пути на КВЖД Ю.П. Жданов пользовался большим расположением князя Хилкова, который всегда отмечал его талант в инженерном искусстве и великолепные администраторские способности. Не было, наверное, второго такого человека в Харбине, как Жданов, который чрезвычайно много сделал для благоустройства Харбина, осо-

бенно в Новом городе, где он спланировал улицы и организовал их мощение по усовершенствованной технологии. Причем выполнял эти работы совершенно безвозмездно. Жданов был, пожалуй, одним из самых востребованных архитекторов в Харбине. В результате натурного обследования исторической застройки Харбина мне удалось выявить около 20 крупных зданий, построенных по проектам Жданова, многие из которых сохранились до настоящего времени. Кроме уже названных его работ следует отметить здание библиотеки на Нагорном проспекте, недалеко от его собственного особняка, доходные дома Мееровича и Водянского, дом Мулинского углепромышленного Товарищества, здание Японской гимназии и целый ряд других его построек. Свой доходный дом Меерович сдавал в аренду, в нем в 1921 г. русскими художниками-эмигрантами была открыта

знаменитая не только в Харбине художественная студия «Лотос», здесь же размещался клуб торгового дома Чурина.

Просветительская деятельность русских и тяга к просвещению требовали специальных помещений и зданий. Именно с этой целью по проекту Жданова было построено великолепное здание библиотеки КВЖД, сохранившееся до настоящего времени как музей. В каждом из проектируемых зданий архитектор стремился выразить его характер, связанный с назначением. Особой изысканностью в прорисовке форм и деталей декора отличаются построенные им здания японской гимназии, японо-китайского клуба и здание харбинского отделения Южно-Маньчжурской железной дороги, а также доходный дом Водянского, позднее купленный Мулинским углепромышлен-

Здание японской гимназии. 1922.

Здание библиотеки КВЖД

6. ГАХК, ф.831, оп.2, д.29, л.7
7. Там же, л.8

Здание японо-китайского клуба. 1928

Покровская церковь. 1930

ным Товариществом.

До сих пор еще стоит на Старом кладбище выкопанная из красного кирпича украинская церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Весьма любопытна история этого храма. Когда в 1930 г. украинский приход получил в свое ведение Старое кладбище и решил построить там православную церковь, то вспомнили, что в архиве КВЖД есть проект, выпол-

ненный Ю.П. Ждановым еще в 1905 г. Тогда, 25 лет назад, при строительстве церкви на Новом кладбище были разработаны несколько проектов разными архитекторами, в том числе и Ждановым, однако строительство осуществили не по его проекту. Вот тут-то в 1930 г. и вспомнили о проекте Жданова. Обратившись к нему за разрешением об использовании давнего проекта, прихожане

получили согласие автора. Более того, он даже изъявил желание наблюдать за строительными работами и давать необходимые консультации.

Как один из самых опытных и авторитетных архитекторов, Ю.П. Жданов состоял председателем и членом многочисленных комиссий и советов. Когда в Харбине возник вопрос об устройстве трамвая, к Жданову обратились за консультацией о целесообразности этой идеи с технической и экономической точек зрения.

Находясь на службе в Управлении КВЖД, а затем и на муниципальной работе, Юлий Петрович приобрел репутацию безукоризненно честного и принципиального человека, «резкого времени, но открытого и правдивого, никогда не кривившего душой. У своих подчиненных он пользовался уважением и любовью за свою честность, за всегдашнюю готовность защищать их интересы перед высшим начальством», – так писала одна из харбинских газет. «...Все его друзья и близкие знакомые были прекрасно осведомлены в том, что под напускной суровостью и резкостью Ю.П. Жданова хранил мягкое, доброе сердце, всегда готов был помочь ближним в беде и во всех своих поступках был истинным джентльменом»⁸.

Годы брали свое... Несколькими последними годами Ю.П. Жданов стоически боролся с недугом. Он страдал болезнью почек и диабетом. К тому же в последние годы сильно сдало зрение. Изнуренный физическими страданиями, он умер 19 декабря 1940 г. Смерть такого известного и популярного человека произвела сильное впечатление на жителей Харбина. Практически все местные

газеты опубликовали об этом трагическом событии некрологи. Вот некоторые выдержки из газет: «...Умер один из строителей Харбина инженер Ю.П. Жданов – почетный старожил, крупный общественный деятель, видный инженер КВЖД... С его кончиной ушел из жизни блестящий архитектор и исключительной души человек...».

В день похорон Покровская церковь не могла вместить всех желающих проститься с этим замечательным человеком: «К началу отпевания храм был полон. Налицо была вся «старая гвардия» КВЖД, бывшие сослуживцы покойного по Городской управе, члены Союза инженеров, приходских организаций Покровского храма, друзья и знакомые семьи Ждановых...»⁹.

Уйдя из жизни, Ю.П. Жданов оставил после себя замечательные памятники архитектуры, напоминающие и сегодня о большом вкладе русских архитекторов в строительство города Харбина. Как питомец петербургской архитектурной школы он стал ярким ее представителем в русском зарубежье на северо-востоке Азии. Исследуя сегодня историко-архитектурное наследие Харбина и других поселений в Маньчжурии, мы открываем в нем малоизвестные страницы, связанные с творческой деятельностью российского зодчих, совершенно неизученных и незаслуженно забытых. Среди них и имя Юлия Петровича Жданова, талантливого русского зодчего первой половины XX века. Знакомство с его творчеством позволяет нам открыть новые, неизвестные и забытые страницы творческой деятельности русских зодчих в Зарубежье.

Доходный дом Мееровича. 1921

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

VII

CATALOGUE
КАТАЛОГ

Ç Î Ä × Å Ñ Ò Â Î
Ă Ĩ Ñ Ò Î × Í Î É
Ñ È Á È Ð È

Составы жюри:

Раздел ПОСТРОЙКИ

Председатель	В. Астраханцева заслуженный архитектор России, советник РААСН, Председатель правления Братской организации СА России
Секретарь	И. Дружинина начальник АПМ-2 ОАО «Иркутскгражданпроект»
Члены жюри	А. Буйнов главный архитектор Иркутской области И. Жуковский лауреат премии губернатора Иркутской области А. Пилипенко лауреат Международного фестиваля «Зодчество», Красноярск Б. Руднев председатель Правления Тувинской организации СА России С. Хусаинов лауреат фестиваля «Золотая Капитель», Омск

Раздел ПРОЕКТЫ

Председатель	Д. Фесенко главный редактор журнала «Архитектурный вестник», Москва
Зам. председателя	В. Бух заслуженный архитектор России, советник РААСН
Секретарь	И. Теплякова Иркутск, ГИПРОДОРНИИ, архитектор
Члены жюри	Э. Вайнберг ГИПРОгор, Москва О. Успенская заместитель председателя Правления Красноярской организации СА России А. Чертилов эксперт-консультант, Восточно-Сибирского управления Федеральной Службы

Генеральный спонсор фестиваля:

Корпорация «Главстрой» (ген. директор А.П. Маркарян)

Партнеры:

Иркутскгражданпроект (ген. директор А.Ю. Макаров)

Иркутскжелдорпроект ОАО «РЖДП»
(ген. директор Н.А. Кузаков)

Архитектурное бюро Н.Л. Жуковского

Раздел ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ

Председатель	О. Железняк кандидат искусствоведения, зав. кафедрой ИРГТУ
Секретарь	Н. Носова лауреат премии губернатора Иркутской области
Члены жюри	К. Лидин кандидат технических наук, психолог Д. Ульянов Красноярск, архитектор

Раздел МОЛОДЕЖЬ И СТУДЕНТЫ

Председатель	В. Козлов декан архитектурного факультета ИРГТУ
Секретарь	Я. Макогон Ангарск, преподаватель ИРГТУ
Члены жюри	С. Демков главный архитектор ГИПРОДОРНИИ В. Стегайло заслуженный архитектор России, руководитель Архцентра С. Чумаков главный архитектор проектов «Иркутский Промстройпроект» Я. Сидоренко главный архитектор города Ангарска

Раздел ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ

Председатель	А. Красильников главный архитектор Желдорпроекта
Секретарь	М. Гурьева Иркутск, архитектор
Члены жюри	С. Ананьев главный архитектор Востсибпроекта О. Дементьева архитектор, ведущий методист Красноярской организации СА России А. Хлебников Иркутск, архитектор

Учредители Межрегионального фестиваля
«Зодчество Восточной Сибири»:

Департамент культуры и архивов администрации Иркутской области;
Иркутская организация Союза архитекторов России;
Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Поддержка:

ОАО Иркутский Промстройпроект
(ген. директор А.С. Заиграев)
ИркутскГипродорНИИ (ген. директор А.Я. Косяков)
СибЭкспоЦентр (ген. директор А.Л. Коцарь)
Фортуна (директор Н.А. Чекотова)
Президент Совета директоров ОАО АК «Классик Банк»
Ю.И. Ковалев

Информационное сопровождение:

Журналы «Строим вместе»,
«Проект Байкал»,
«Архитектурный вестник»,
Альтернативная Иркутская Студия телевидения (ТК АИСТ);
Информационное агентство «Байкальская служба новостей»

Клуб Молодых Архитекторов благодарит за помощь
в подготовке и реализации молодежной экспозиции:

Иркутскую региональную организацию
Союза Архитекторов России;
Группу компаний «Деметра»;
Компанию «Байкал Строй Индустрия»

А также компанию «Братья Пилоты»
и Маковева Александра;
компанию «СтройСталь»

Список участников

ПОСТРОЙКИ

ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ

Ашихмина Е.А.
Краковцева Ю.А
Карпов С.Б.
Колесников А.А.
Макаров А.Ю.
Зибров А.П.
Сивушкова И. Е.

«РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ»

Алексеева О.И.
Аносов Г.П.
Бадула О.Б.
Баженова В.А.
Виноградов Д.Н.
Голубев О.А.
Голубев А.Г.
Жуковская Н.В.
Изотова Т.М.
Игнатов П.П.
Зимица К.В.
Карачинский А.А.
Карпов С.
Красильников А.Г.
Красноперова Н.В.
Колесников А.А.
Латышев Л.
Макаров А.Ю.
Максимова Е.Г.
Матвиенко Т.В.
Медведева О.М.
Митрошук О.Н.
Миронов М.Ю.
Нечаева Е.В.
Пашкова И.А.
Проскурин В.А.
Рудник Н.В.
Стегайло В.Б.
Ульянов В.И.
Усова А.
Цибина И.Н.
Чигарев В.И.
Шелковникова Е.
Щукина М.А.

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

Бызов В.А.
Захарова Л.А.
Козлова Т.Р.
Коваленко В.А.
Матвиенко Т.В.
Никитин А.В.
Неудачин А.В.
Проскурин В.А.
Поликарпочкин А.В.
Хомуненко В.И.

«ИНТЕРЬЕРЫ»

Захарова Л.А.
Домазетович Т.
Глебова Н.М.
Неудачин А.В.
Патрушев Е.
Патрушева И.
Поликарпочкин А.В.
Хомуненко В.И.

Хлебникова А.Ю.
Цой Д.Е.

ПРОЕКТЫ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Александров С.А.
Большаков А.Г.
Бызов В.А.
Бобрышев Д.В.
Исаичев В.В.
Кузнецова Т.А.
Коваленко В.А.
Карпов С.Б.
Колесников А.А.
Мамонтова М.В.
Мрыглюд Б.С.
Макаров А.Ю.
Протасова Е.В.
Павлов И.А.
Парфенов М.Г.
Распутин В.В.
Снежко-Блоцкий В.Я.
Собенникова О.А.
Скачилова О.В.
Сенцова Т.Ю.
Сушкова Е.Д.
Смирнов Н.В.
Тиль А.Г.
Ушаков Д.В.

«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

Беляков С.Н.
Буйнов А.Н.
Григорьев М.С.
Красильников А.Г.
Козак И.В.
Золотухин Е.В.
Нечаев А.Г.
Носова Н.А.
Осмакин В.В.
Пилипенко А.А.
Пашкевич И.Е.
Филиппова О.Г.
Хворостина А.Л.
Янов А.Ю.

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

Алексеев С.
Бадула О.Б.
Беспалко М.И.
Бобовский В.В.
Борщенко А.Г.
Васенина Е.А.
Григорьева Е.И.
Гладков С.В.
Гудвил В.Н.
Демков С.Б.
Зенкович И.Я.
Захарова А.С.
Изюрова Н.С.
Крутиков А.А.
Клайс Л.К.

Концевой А.Ю.,
Колесникова О.В.
Колосовский С.И.
Казанцева А.
Клубович Е.М.
Концевой А.Ю.
Константинова Н.А.

Манакова Н.А.
Мулаяров С.В.
Мущенко И.В.
Николаев А.
Нагаева Н.Ф.
Пилипенко А.А.
Петрук Ю.П.
Политов С.Э.
Павлов И.А.
Пархоменко Н.Ю.
Парфенов И.М.
Пылаева М.А.
Пономарева С.Г.
Смалков С.А.
Солнышков В.В.
Стегайло В.Б.
Сухорукова Н.С.
Сергеев А.А.
Седых М.Г.
Ставцев С.В.
Теплякова И.А.
Топорсков А.С.
Успенский А.Г.
Филатов М.Ю.
Хусаинов С.Ш.
Чужикова Е.Н.
Шерешков А.Г.
Щербакова А.В.
Шерстова Н.В.
Шемазашвили К.Д.

«РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ»

Бадула О.Б.
Гладков С.В.
Киненко В.В.
Клайс Л.К.
Крутиков А.А.
Ладейщикова Е.Р.
Михайлик А.В.
Миронов М.Ю.
Борщенко А.Г.
Политов С.Э.
Родионова Д.И.
Стегайло В.Б.
Шумкова В.А.

ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ

Анненкова Т.Б.
Бальцер С.В.
Бальцер С.С.
Бондаренко Т.В.
Васильева И.И.
Галкина Е.В.
Дулатова Х.А.
Давыденко Л.И.
Козлов В.В.
Ляпин А.А.
Малахова И.С.
Трошина Е.А.
Чертилов А.К.
Шелковникова Е.Г.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ

Афанасьева М.
Аплушева Т.
Арутюнян Э.Н.
Акулов В.Н.

Басанова Т.
Балукова Ю.
Бегеза С.
Беломестных С.
Белова А.
Бутакова Е.
Бязырева А.Г.
Баранов Д.Н.
Бувевич М.А.
Басанова Т.
Баженов Н.
Васильев В.О.
Барковская К.
Витковская А.А.
Гришук М.В.
Гущина А.
Гордеева И.
Груздева Е.
Глотов Е.
Дицевич А.Б.
Елшина Л.А.
Емельянов А.Р.
Жушман Е.
Журавский С.Т.
Журавлева Е.
Зыков А.Е.
Зюбр А.В.
Зедгендзов А.
Иванова О.
Исакова А.
Иноземцева Е.В.
Зайченко Н.
Заславский С.
Карнаухова С.В.
Киндерман
Козлова Л.
Кейта
Кошкина Е.П.
Картопольцева С.А.
Копылова П.
Карбан С.Б.
Колесников Р.О.
Кривошеева С.С.
Костюк А.
Косолапова А.Р.
Кашеева А.
Коршунова Е.
Карасик М.
Латышева К.
Кокорин В.Г.
Лор
Ларина О.
Малахова И.
Михалев Ю.В.
Молодило Т.
Москаленко Н.В.
Марк Кайзер
Магали Пугу
Можарова Е.
Низамутдинова К.
Никитенко Н.
Некрасова Ю.С.
Николаас Детрие
Николь Херцог
Некрасова Ю.
Николаева Е.
Обыденнов И.
Олейникова К.
Ольшевич А.
Островров
Пасюта М.
Поцелуйко О.
Писканова Т.Н.
Поздняков П.

Поздникова И.
Потапова А.
Потапова А.В.
Почицаева О.
Радзиевский А.С.
Ри А.
Сафонова А.
Сафонов С.И.
Спешилов М.С.
Скоморохов Д.
Соболевский Я.
Соколов Д.
Седых Р.М.
Слаута Е.В.
Сурамишвили Д.П.
Соболева Е.
Скоморохов Д.В.
Стегайло А.
Темникова Н.
Тюрюмин А.И.
Волосов С.И.
Ульянова А.
Федорова Е.
Хохорина
Сафонов Д.П.
Хабардин С.С.
Хороших А.В.
Хлебников Е.А.
Черемных М.
Черепанов К.
Шаров М.
Шатнева Е.
Шижанов В.С.
Шипилова А.
Юдалевич А.
Юрченко П.В.
Янов А.

ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ

ИрГТУ, УМЦ «Пирамида»
г. Иркутск
Руководитель:
Ремизова Н.В.
Преподаватели:
Бойко М.В.
Иванова Т.В.
Кручинина У.О.
Митюкова О.В.
Потапова А.В.
Шерешкова А.А.

МОУ ДОД ДХШ №4
г. Иркутск
Руководитель:
Баранова Т.В.
Преподаватели:
Баранова Т.В.
Ознобихина Л.С.

Детская студия архитектуры
и дизайна «Белый город»
Руководитель:
Изюрьева И.А.
Преподаватель:
Соколовский И.В.

МОУ ДОД «Барнаулская
детская школа искусств №1»
Преподаватель:
Бондаренко Т.В.
Директор:
Соколов Е.М.

BC-02-86 ПАПУС

Хроника фестиваля

6-го июня в Иркутске стартовал VII Международный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири». В течение вот уже семи лет он играет свою объединяющую роль в архитектурной жизни огромной территории от Алтая до Читинской области. В этом году кроме традиционных регионов и городов в смотрах-конкурсах приняли участие архитекторы из Омска, Барнаула и Москвы, а два мастер-класса и активное участие во всех программных мероприятиях фестиваля голландского архитектора Марка А. Кампо придали ЗВС – 2007 международный статус.

Выставка конкурсных работ по традиции проходила в залах Иркутского художественного музея. В церемонии открытия с приветствием к участникам и гостям обратились представители областной администрации – начальник Службы по охране объектов культурного наследия администрации Иркутской области Вадим Шахеров и главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов.

В этом году официальными гостями фестиваля «Зодчество

Восточной Сибири» были главный редактор московского журнала «Архитектурный вестник» Дмитрий Фесенко и его заместитель Андрей Иванов, известные градостроители из Москвы – доктор архитектуры Леонид Коган (ЦНИИЭП-градо) и канд. географ. наук, главный специалист Эмма Вайнберг (ГИПРОгор), канд. географ. наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН Ольга Вендина, в статусе гостя-хозяина – новоиспеченный директор ЦНИИЭП-градо, кандидат архитектуры Александр Колесников.

АВТОРСКИЙ НАДЗОР. Интерес архитекторов и журналистов вызвала экскурсия по новостройкам Иркутска, проведенная заслуженным архитектором России, главным архитектором ОАО «Архцентр» Владимиром Стегайло и главным архитектором ОАО «Иркутскгражданпроект» Владимиром Распутиным. Как и было обещано, экскурсию по недавно законченному спортокомплексу «Изумруд» провели авторы-архитекторы Андрей

Красильников (реконструкция) и Татьяна Домазетович (интерьеры). Игорь Козак прокомментировал так называемую шведскую деревню на Улан-Баторской возле микрорайона Университетский.

ПРЕСС-КЛУБ сосредоточил внимание сибирских архитекторов на только что закончившейся выставке «АрхМосква». «Архитектурный вестник» в лице главного редактора Дмитрия Фесенко вечером 6 июня прокомментировал свежеснятый видеоряд.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ собрал за круглым столом в Доме архитекторов представителей молодежных клубов ИРО САР и Союза московских архитекторов. Молодежь Иркутска набирает обороты: инсталляция в патио Художественного музея, куда впервые была вынесена экспозиция раздела «Молодежное и студенческое творчество», выдержала испытание ливнем и шквальным ветром. Студенческая композиция во дворе Дома архитекторов, посвященная АГЛОМЕРАЦИИ (Иркутск – энергия, Ангарск

– огонь и Шелехов – металл) пострадала, но была оперативно подтянута авторами. Принято решение участвовать в молодежном белорусском конкурсе «Леонардо».

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ – 2 собрал детские архитектурные и художественные студии. Обсуждались вопросы довузовской подготовки, основные направления работы студий и возможности контактов. Решили следующий конкурс посвящать биоархитектуре.

СПОРТКЛУБ. 7 июня уже во второй раз в рамках архитектурного фестиваля «Зодчество ВС» прошли соревнования по дартсу и боулингу. Победитель в боулинге – Анастасия Хайрутдинова (студентка 5-го курса архитектурного факультета ИргТУ), в дартсе 1-е место занял Артемий Михайлик (Архцентр), Олег Бадула – 2-е (Архцентр), Сергей Ананьев – 3-е (Востсибстрой). Вручены ценные призы.

ПРЕСС-КЛУБ-2. За круглым столом в Доме архитектора состоялась внепрограммная встреча главных редакторов и членов

редколлегий «Проект Байкала» и «Архитектурного вестника», на которой живо прошло обсуждение истории и технологии издания специализированных журналов.

SOS. Архитектурный мир Иркутска продолжил серию акций в защиту «дома на ногах» от незаконного сноса – сбором подписей. Экспозиция с информацией о незавершенном проекте была размещена на главной площади выставочного зала. Иностранец написал по поводу дома обращение, которое публикуется в этом номере «ПБ». Акция продолжилась и после фестиваля – в Доме архитектора.

МАСТЕРСКАЯ. Вечером 7 июня состоялась лекция архитектора Марка А. Кампо из Амстердама. Голландцы довольно регулярно посещают иркутский Дом архитекторов, значащийся в реестре Федеральных памятников под именем «Голландский дом». Первым в 1997 г. был политический советник посольства Нидерландов в России Джон Курт, затем Дом посетил сам господин посол с помощницей, четвертым был главный редактор журнала «Проект Россия» Барт

Голдхоорн. «Лекция голландца №5» о работах возглавляемого им архитектурного бюро не разочаровала.

ГРАДСОВЕТ. 8 июня в рамках фестиваля прошел круглый стол, на котором иркутские и московские архитекторы, представители Фонда регионального развития, чиновники областной администрации, социологи обсудили тему «Агломерация – Центр». Полностью материалы о круглом столе опубликованы на стр. 109.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ. 9 июня были подведены итоги смотров-конкурсов по разделам и вручены награды победителям. Благодарственные дипломы были вручены генеральному спонсору, партнерам и всем, оказавшим поддержку Фестивалю ЗВС-07.

МАСТЕРСКАЯ-2. Приверженность функционализму нашла живой отклик у слушателей-зрителей второго мастер-класса Марка А. Кампо. Сотрудничество голландских и российских архитекторов и урбанистов, как оказалось, имеет давние традиции.

ГРАДСОВЕТ-2. Градостроительный совет «Проблемы архитектурного развития прибайкальской туристической зоны» состоялся суб-

ботным утром в конференц-зале отеля «Маяк» в поселке Листвянка. Открыл встречу презентацией Программы «Архитектура и туризм» II региона Международного Союза архитекторов ее содиректор Андрей Иванов (г. Москва). Представитель администрации поселка Листвянка продемонстрировала проект «Байкал-сити», спровоцировавший горячую дискуссию. Нет ли противоречия в самом названии? Ведь «сити» – антипод «рекреационной территории». Должно ли новое урбанизированное образование располагаться на сверхзатесненной территории Крестовой пади или его следует отнести в Николу, Большую Речку, еще ближе к Иркутску на территории Байкальского Луча? У специалистов нет сомнения, что многократный (с 1,5 до 40–100 тысяч человек) рост населения нанесет непоправимый ущерб ландшафту и Байкалу.

ПЛЕНЭР. Фестивальная неделя закончилась путешествием на катере в Большие Коты. Солнце, холодная чистота Озера, омуль, хариус и черемша, экологическая тропа,

маленький музей, баня и дикий пляж – хороший фон для нормального общения близких по интересам людей из самых разных точек континента. Три заплыва отважных руководителей «Архитектурного вестника» Дмитрия Фесенко и Андрея Иванова не обошлись без «допинга» – такова традиция. От «аборигенов» в заплывах участвовала Марина Ткачева («Проект Байкал»).

Застрявший на маршруте Листвянка – Иркутск автобус вызвал демонстрацию настоящего сибирского духа пассажиров: репертуар от суровых революционных песен и героико-лирического братского цикла Пахмутовой–Добронравова до исконно народной «Пчелочки златой» надолго останется в памяти пленников 37-го километра.

Фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2007» завершился в полночь с 9 на 10 июня. Да здравствует лето! Встретимся в Городе Шамана.

Что может стать брендом Иркутска

Мнение специалиста по градостроительству и туризму

Нынешним летом архитектурный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» приобрел международный статус и порадовал участников мастер-классами архитектора из Голландии Марка А. Кампо и общением с крупными московскими специалистами по градостроительству Л.Б. Коганом (ЦНИИЭП-Град), Э.И. Вайнберг («Гипрогор»), О.И. Вендиной (Институт географии РАН), а также с главным редактором журнала «Архитектурный вестник» Д. Фесенко и его заместителем А. Ивановым. Андрей Владимирович Иванов прибыл на заключительное мероприятие – Градсовет «Проблемы архитектурного развития прибайкальской туристической зоны», семинар рабочей группы Программы «Архитектура и туризм» 2-го региона Международного Союза архитекторов. После завершения фестиваля Андрей Иванов задержался в Иркутске на несколько дней для сбора материалов в специальный выпуск «Архитектурного вестника». За это время он успел ознакомиться с историческим центром нашего города, а также побывать в соседнем Ангарске.

– Андрей, с главным редактором «Архитектурного вестника» Дмитрием Фесенко мы успели пообщаться в неформальной обстановке после его лекции и других мероприятий в Доме архитектора. Он буквально очаровал всех невероятным обаянием и общительностью, охотно делился историей создания журнала, его «экономикой». А как вы попали в «Вестник»? В чем заключаются ваши функции, какова информационная политика журнала?

– В 2005 г. «Архитектурный вестник» получил престижную премию «Золотое сечение» как средство массовой информации об архитектуре. Появилась возможность расширить штат и ввести должность заместителя главного редактора. С Дмитрием Фесенко мы знакомы давно, журнал публиковал несколько моих статей о градостроительстве. Полтора года назад я вернулся в Москву из Голландии, где целый год изучал градостроительство, и Дмитрий пригласил меня на работу в журнал. Помимо рутинных административных обязанностей я веду раздел «Градостроительство». Кроме работы в журнале я занимаюсь международными градостроительными проектами.

– Что это за международные проекты?

– Я участвовал в разработке огромного проекта земельной реформы Республики Кыргызстан, который финансировался Агентством по международному развитию США (USA ID) в рамках договора между двумя независимыми государствами. В Киргизии как раз проводилась национальная земельная реформа, в соответствии с которой там решили волевым образом систематизировать процесс передачи земли в собственность. Эта процедура прошла довольно быстро и более-менее цивилизованно, теперь любая бабушка в далеком аиле получила правовое свидетельство на свой участок и стала легальным собственником земли.

– Неужели в Киргизии действительно удалось решить вопросы с землей в отличие от России, где крестьянам земельные паи вроде бы выделили, но во многих местах председатели и другие ловкие люди тут же их отняли.

– Столицу Бишкек я не беру, там могли быть всякие казусы, но во всех остальных городах, где мы работали, это происходило. Там разработали систему кадастра и бесплатно зарегистрировали все участки. Занимались просвещением населения, чтобы люди понимали, для чего все это нужно. Когда президентом страны был Аскар Акаев, Киргизия считалась самым демократическим государством Средней Азии. На следующем этапе им нужно было понять, что могут делать собственники со своей землей в городах. Для этого мы разработали «Правила землепользования и застройки».

– Кто это «мы»?

– Команда московских консультантов, приглашенная в проект «Земельные реформы Киргизии» для

работы по направлению «Городские земли». Руководил нашей группой Александр Аркадьевич Высоковский. В нее вошли Ольга Васильевна Васина и ваш покорный слуга. К работе над проектом привлекались местные специалисты. Было очень интересно организовать в каком-нибудь городе типа Джалал-Абад группу из местных архитекторов и чиновников из городских архитектур, которые никогда ничего не слышали о правилах землепользования. Мы привозили компьютеры, начинали их учить, рассказывать, провели несколько семинаров. Опыт показал, что архитекторам еще можно что-то объяснить, чиновникам гораздо труднее. В итоге за 3-4 года для 12 городов был сделан и самое главное принят первый легальный документ – «Правила землепользования и застройки». Генплан и у нас и в Киргизии не является легальным документом, который может фигурировать, например, в судебных процессах по земельным конфликтам. Собственник не мог апеллировать в суд по поводу того, что ему не разрешили сделать что-то со своей землей или он может пострадать оттого, что в Генплане по его земле проходит магистраль. Единственный город, в котором нам не удалось сделать правила землепользования – это Бишкек. Там большие деньги, большие и сложные интересы власти. Точно так же в те времена не разрабатывался этот документ и в Москве. Лишь в новом Градостроительном кодексе написано, что в России каждый город должен разработать эти документы до 2010 г.

– То есть, в этом отношении мы отстали от Кыргызстана?

– Немного отстали. Сейчас в спешном порядке российские города занялись разработкой схем территориального планирования и генеральных планов.

Принятие правил землепользования – это настоящая революция. Главное, что у человека, земельный участок которого попадает в определенную территориальную зону, в документе на землю приводится перечень видов использования, в рамках которого он может менять функции своей недвижимости без специальных разрешений. Например, у вас в центре города есть парикмахерская, но дела в ней идут плохо, и вы хотите открыть на ее месте ресторан или отель. Раньше вам нужно было просить разрешение на изменение функций, искать связи, платить взятки и т.д. Правила землепользования и застройки, если они будут работать так, как это записано в Градкодексе, позволяют обойтись

без специальных согласований. Они потребуются только на строительные изменения, для чего вы должны будете сделать проект и согласовать его. Чтобы из парикмахерской сделать отель, разрешения не нужны. Это должно серьезно помочь развитию малого и среднего бизнеса, поддерживать собственников, развязать им руки, избавив от множества административных барьеров.

Самое главное – это окажет мощное влияние на стоимость земли. Например, в какой-нибудь малоэтажной индивидуальной застройке официально разрешен только один вид использования – жилье. На все остальное нужно получать специальные согласования. Буквально на днях наша группа под руководством Высоковского завершила работу над «Правилами землепользования и застройки» в Екатеринбурге и представила их на публичных слушаниях. В них перечислены 39 основных видов разрешенного использования земли. Понятно, что в центре города выгодно иметь участок, он будет стоить дороже, зато эксплуатировать его можно разнообразно.

Екатеринбург третий и пока самый большой город в России, где разработаны такие правила. В Москве они вообще не делаются, в Петербурге работа идет, но до публичных слушаний и утверждений еще не дошли.

– Андрей, получается, что жизнь у градостроителя кочевая?

– Наверное. Недавно я в течение года работал в команде по созданию сложного проекта под названием Integrated area management action plan (IAMAP) для исторического ядра Баку. Я хотел рассказать об этом проекте на Байкале, потому что средневековый центр Баку со старой крепостью площадью 22 га, как и Байкал, входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Республика Азербайджан захотела включить древнюю часть города в список ЮНЕСКО, и в 2000 г. это было сделано. Но уже в 2003 г. из-за продолжающейся хаотичной застройки и разрушения памятников этот объект попал в список ЮНЕСКО «Всемирное наследие под угрозой» Для любой страны это страшный позор. Одно дело, если какой-то объект попадает в этот список из-за природных катастроф, другое – по причине нерадивости управления. Если ситуация с управлением не улучшается, объект исключается из списка Всемирного наследия. Это еще больший позор.

Ситуация в Азербайджане очень сложная. В Киргизии денег мало, поэтому ситуация поддается какому-то

контролю. В Азербайджане денег не меряно, но куда они деваются, визуально непонятно: городская среда в Баку такая же, как в Иркутске, — все криво-косо, нет нормального благоустройства, разбитые дороги и т.д. Кроме того, там идет невероятно активно высотное строительство без всяких разрешений. Видимо, часть нефтяных денег пошла на разрушение и перестройку несчастного малюсенького исторического центра. Доперестраивались до того, что были вынуждены на деньги Всемирного банка заказать и провести тендер на разработку Integrated area management action plan (IAMAP), который выиграла команда, в которую вошли несколько специалистов из Америки, Дании, Литвы и России.

Что я хотел сказать про Байкал... Не дай бог, если он попадет в список ЮНЕСКО «Всемирное наследие под угрозой» из-за всех «замечательных» проектов, которые нам продемонстрировали в Листвянке на Градсовете «Проблемы архитектурного развития прибайкальской туристической зоны» и чрезмерно активного строительства. Это очень плохо. Туда лучше не попадать.

— Андрей, что вы успели увидеть в Иркутске за пару-тройку дней?

— Успел посмотреть исторический центр, который обошел пешком от улицы Декабрьских событий до памятника Александру III, от Цесовской Набережной до улицы Нагорной, парка и Крестовоздвиженской церкви. Много раз проходил по улице Грязнова.

— Ваши впечатления?

— Город выглядит довольно хаотично. Чувствуется, что здесь некоторое время не было внятной градостроительной политики. Благоустройство улиц, тротуаров, состояние малых архитектурных форм далеко не столичного уровня.

— Это обидно, особенно, если знаешь, что Иркутск официально является столицей Восточной Сибири, научным, образовательным, культурным и торговым центром огромной территории.

— Качество городской среды не дотягивает до столичных амбиций. Что в Иркутске интересно, так это огромное количество сохранившихся старинных деревянных зданий.

— Скажите честно, деревянное зодчество Иркутска действительно интересно для вас как профессионального архитектора и градостроителя, или это наш местный миф, с которым носит часть интеллигенции и архитекторов? Многие чиновники городской, да и областной администрации вместе с большей частью обывателей считают, что «деревяшки» надо снести и навсегда избавиться от этой головной боли.

— А что тогда останется? Если Иркутск позиционировать на карте мира, то самое интересное явление

Андрей Иванов и Леонид Коган

здесь — это деревянная архитектура. Насколько я знаю, в областных центрах и городах с населением свыше 500 тыс., такого огромного количества деревянной архитектуры в таком приличном состоянии больше в России нет нигде.

Нижний Новгород славился деревянной архитектурой, но там она была погублена бизнесом и прочим. Осталась только пара-тройка улиц с несколькими рядами домов, которые еще можно было бы сохранить, превратив в какие-то заповедники.

В Екатеринбурге вообще остались единичные деревянные здания. Так что Иркутск, пожалуй, единственный город, располагающий таким богатством. Что это может дать городу? Деревянная архитектура и Байкал

могли бы стать эффектными брендами областного центра. Байкал как уникальное озеро, входящее в список Природного наследия ЮНЕСКО, и научный, образовательный и культурный центр Байкальского региона с уникальной старинной деревянной архитектурой. Такой бренд дает очень много тем городам, которые его выбрали. Я думал об этом, бродя по историческому центру Иркутска. Конечно, множество полуразрушенных деревянных зданий угнетает и меня тоже.

Но я очень люблю старинные деревянные дома в хорошем состоянии. Они так радуют душу, что она просто парит. Такие дома есть в Иркутске, но их очень мало. Как правило, хозяева таких домов рачительные частники или государственные учреждения типа дирекции музея «Тальцы». На улице Грязнова я заметил деревянные здания симпатичной частной гостиницы

и кафе. В некоторых местах можно сказать, что в Иркутске еще сохранилась целостная деревянная среда, чего нигде больше нет. Я специально изучал скандинавский опыт сохранения деревянного зодчества на примере города Ророс. От Осло ночь едешь до крупного северного города Транхейм, затем три часа на автобусе в горы, где расположился городок Ророс с 6 тыс. населения. В былые годы здесь был медно-добывающий рудник, и деревянные дома сохранились с XVII в. В крохотный городок ежегодно приезжают около миллиона в основном иностранных туристов. И едут они в такую даль, чтобы посмотреть на старинные деревянные дома с очень скромной архитектурой, поддерживаемые в хорошем состоянии.

— Ради этого люди едут на край света?

— Да. Потому что это раскрученный бренд, входящий в список ЮНЕСКО, да и где еще современные горожане увидят деревянную жилую среду XVII? Таких феноменов в мире очень мало.

— А в Иркутске недавно сгорел последний деревянный дом, чудом сохранившийся с XVIII в.

— Я видел этот дом Шубина на ул. Лапина, беседовал с соседями. Они считают, что если бы в день пожара был ветер, и рядом не оказалась пожарная часть, мог сгореть весь квартал.

— За несколько недель до пожара я брала интервью у председателя Иркутского областного отделения ВООПИК, профессора Дулова. Он очень беспокоился о том, что без надлежащей охраны памятник

архитектуры XVIII в. могут сжечь, и дом вскоре сгорел. Обидно, что крохотный Ророс на краю света привлекает туристов своими скромными деревянными домами, а мы сидим на золоте и все нищие.

— Чтобы привлечь в Иркутск туристов деревянной архитектурой, нужно просто признать ее одной из важнейших ценностей города и сделать частью городской политики. Вообще этим бизнесом можно заниматься смело, алгоритм сохранения деревянных построек давно разработан, принципы маркетинга и менеджмента всем понятны. Не нужно изобретать велосипед, нужно просто адаптировать чужой опыт к своим условиям. Не надо стремиться снести деревянные дома и заменить их башнями, как это делается на набережной Ангары в историческом центре города. Самое главное — это комплексно сохранить живую целостную среду, приведя в порядок дома, улицы, дороги.

— Андрей, давайте представим, что вдруг вы стали мэром нашего города. Что бы вы сделали в Иркутске в первую очередь?

— Не знаю, но что касается деревянной архитектуры, я бы развеял везде лозунги типа: «Встретим 350-летие Иркутска с сохраненной живой исторической средой», «Сохраним деревянный Иркутск к 350-летию города!»

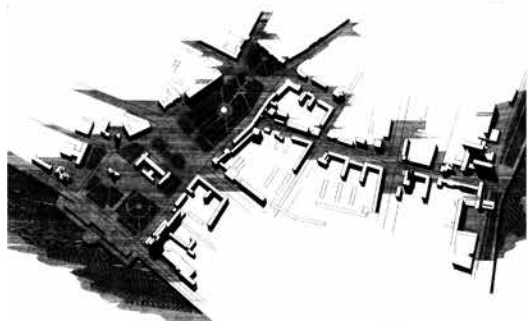
Хадича Дулатова
(Интервью печатается
в сокращенном варианте.
Полный текст см. журнал
«Строим вместе» №7 (63)
август 2007 г.)

ДОМ «НА НОГАХ»

Быть или не быть новостройке и какой ей быть, решается на проектной стадии. Начатое строительством здание обретает неотъемлемое право на жизнь. Снос строящегося объекта — случай чрезвычайный. Необходимо иметь де-юре установленные непреодолимые противопоказания. Таковых у дома «на ногах» нет. Мало того, он олицетворяет собой целый этап развития мировой архитектурной практики. Власть должна умножать архитектуру, а поступает наоборот: Дворец гражданских обрядов обречен, Культурный центр как архитектурный ансамбль гибнет, дом «на ногах» — под снос! На очереди здание областной администрации? Если решится восстановление кафедрального собора, варварски уничтоженного большевиками. Зловещий рецидив. Городская власть дышит тем же разрушительным духом. С теми же последствиями. Культурные ценности принадлежат человечеству. Отдельные люди не властны вершить над ними суд. Берут на себя такую смелость только те, кто не ведает, что творит. У нас остается одно — противостоять им.

Мы протестуем против сноса дома «на ногах»!
И предупреждаем: история запоминана...

Иркутская власть не слышит голоса своих архитекторов, указывающих на антигуманитарный характер ее действий по отношению к дому. Послушайте не иркутских архитекторов о доме, о В. Павлове — авторе проекта этого дома, обратите внимание на опыт других городов в подобных ситуациях.

Андрей Боков о Владимире Павлове

Если идее Рэма Кулхааса сделать выставку и книгу, посвященную русским — советским архитекторам 70-х, суждено сбыться, то ему не обойтись без «иркутской истории», связанной с именем Владимира Павлова. Интерес к хрущевско-брежневскому модернизму вызван не столько числовыми закономерностями, не только всё более быстрым превращением обыденного материала в исторический, но качествами этого самого материала. Сегодня с дистанции в 30 лет, похоже, подтверждается редкая для безвременной эпохи исключительность иркутской архитектуры тех лет. Для Кулхааса и его гипотетической аудитории «иркутский ренессанс» 70-х — ранее никому не известное, экзотическое явление, вдвойне интересное из-за узнаваемости его признаков и родовой принадлежности, из-за несомненной близости самым актуальным настроениям.

Нет сомнения, что эти настроения окрашены в резко модернистские тона — тона третьей волны модернизма — более мягкой, разумной и взвешенной, лишенной радикальной социальной риторики, но не менее энергичной. Модернизм 20-30-х, неомодернизм 70-х и неонемодернизм составляют цель событий, единство которых обозначено именно семидесятыми, в том числе советскими — и иркутскими Семидесятыми. Не пытайтесь переоценивать архитектуру 70-80-х годов, во многом являвшую собой слепок общества тех лет, нельзя не отметить признаки и черты, рельефно проступающие на фоне вялой, слабой, вторичной, лишенной целостности, индоктринированной современности. Всё, что сегодня вызывает законную, естественную зависть и тоску, что являет собой лучшее из принадлежащего второй героической эпохе российско-советской архитектуры, — все это было и есть в иркутской архитектуре 70-х: обращенность в будущее (а не в прошлое), значительность размеров и замыслов, сдержанность, строгость, честность, смелость, упрямство и сила.

Главным признаком 70-х и их иркутской версии является, по сути, то, что крайне привлекательно и почти недостижимо сегодня. Это — проявление безграничной воли и силы, это — размах, обусловленность каждого шага крупным градостроительным замыслом, это, наконец, отношение к природному и градостроительному контексту, построенное не на буквальном его прочтении и обязательном уподоблении, но на следовании существованию и духу места; это способность и умение выстраивать связи не только через покорное следование, но и через отчетливо читаемый контраст.

Открытая и реализованная Павловым формула успеха проста и актуальна по сей день — это самостоятельная и качественная архитектура. Иркутск 70-х, как ни парадоксально, был более близок современному ему миру, чем Иркутск 90-х. Он существовал в одном времени с британскими бруталистами, японскими метаболистами, голландскими структуралистами и великими американцами Л. Каном и П. Рудольфом. Но, живя теми же настроениями, что и известные миру современники, иркутская школа тех лет умудрилась сохранить отчетливо видимую сегодня независимость, оригинальность и специфику, что определяется словом «регионализм».

Иркутский регионализм выстраивался как из материала российского наследия конструктивизма и супрематизма, так и из «бед» вроде сурового климата, официальных требований сборности, модульности и индустриально, скудости матбазы и выразительных средств, которые остроумно трансформировались в достоинства.

Энергетический выброс в Иркутске 70-х во многом напоминал произошедшее двадцать лет спустя в Нижнем Новгороде, что означает отчасти закономерность его исключительности: Харитонов — это Павлов 90-х. Оба сумели создать качественную архитектуру в «одном

отдельно взятом» городе в момент, отнюдь не благоприятствующий расцвету профессии. Практика Иркутска 70-х и Нижнего 90-х – это практика использования каждой возможности с максимальным архитектурным эффектом, при том что самих возможностей бывает не больше, чем в любом другом месте.

Внутри профессионального сообщества Иркутска, а затем Нижнего Новгорода требовательность к качеству решения и заданность высокого его уровня стали неудобным, но жестким правилом. Устойчивость этих правил, продуктивность и длительность их действия – прямое следствие успеха лидера в создании своей школы. Но если нижегородская школа 90-х признавалась и приветствовалась всеми внутри и за пределами города, то признать факт существования иркутской школы в застойные времена было так же невозможно, как и самой школе самоопределиться. И тем не менее в Иркутске 70-х, как, впрочем, и в Нижнем 90-х, было больше возможностей, чем в столицах. Иркутск 70-х оказался в одной архитектурной компании с продвинутой Прибалтикой и Закавказьем, на почти полноценную и вполне живую архитектуру которых с завистью смотрели медленно взрослеющие жители столиц. При этом усилий А. Меерсона, В. Воскресенского, Я. Белопольского и замечательного московского однофамильца Павлова Леонида Николаевича было в те времена явно недостаточно, чтобы вывести столичную архитектуру из устойчиво провинциального состояния.

Опыт Иркутска и Нижнего Новгорода был поставлен молодыми людьми – энергичными, амбициозными, везучими, обаятельными, талантливыми и очень профессиональными. 70-е были героическим, насыщенным и счастливым периодом как биографии В. Павлова, так и иркутской архитектуры, периодом совпадения судеб, не лишенным драм и переживаний, периодом любви, которая завершилась на рубеже 90-х конфликтом и разводом. Развод этот оказался губительным не только для Павлова как лидера иркутской школы и творца иркутского ренессанса 70-х, но и для иркутской архитектуры. Лучшее из того, что было при советской власти, проиграло в споре с худшим, что принесли с собой первые волны демократии: профессионализм, чудом возникший и уцелевший в душные застойные времена, уступил место провинциальной художественной самодеятельности, для которой провинциальность, как говорится, не географическое состояние, а состояние души. Остается надеяться, что уступка эта – временная.

Дмитрий Фесенко

... необходимо указать на креативный всплеск 1970-1980-х гг., отчетливо прослеживающийся в структуре городской застройки, когда современная архитектура Иркутска благодаря творческой активности и напористости В. Павлова и его школы поднялась на всесоюзный, если не международный уровень. Специалисты, впервые очутившиеся в Иркутске, не могут не испытывать профессионального наслаждения, бродя по улицам города и выискивая все новые постройки мастера: всего авторских, не считая принадлежащих его ученикам, – более десятка. Апогей, как кажется, жилой комплекс и банк на Российской улице – да, это взрыв среды, но какой взрыв! Уж кто-кто, а В. Павлов имел право на арт-жест – из нашего исторического далека это очевидно.

Опознаваемость его произведений – едва ли не стопроцентная: диалог честных поверхностей: кирпичная кладка/необработанный бетон, любованье массивом стены, подчеркнутая брутальность, рубленость форм, могучие кряжи-пилоны, пропускающие пространство сквозь себя, скошенные односкатные или плоские кровли, пластическая избыточность, достигаемая сдвигом осей, нарастанием и убыванием масс, и др. У него есть целый ряд излюбленных приемов и мотивов, кочующих из работы в работу, – от стеклянной коробки балкона-веранды с подрезанным верхом до открытых взгляду мегалитических опор, не стесняющихся своего грубо-индустриального – лоу-тековского, как бы мы сегодня сказали, – происхождения.

Александра Павлова

– В Иркутске я пришла в восторг от дома Павлова, который стоит незавершенный на центральной городской площади. Потрясающий дом «на ногах».

– В Иркутске этот дом бранят все кому не лень. Здание не достроено, и никто не понимает, каким оно должно было стать.

– Мне этот дом, напротив, дико понравился, тут я не соглашусь с мнением иркутян, тем более что с Владимиром Азаревичем Павловым мы однофамильцы.

MARK A CAMPO
ARCHITECT
KEEBOERSTRAAT 310
1017 HC AMSTERDAM

IRKUTSK, 9 JUNE 2017

TO WHOM IT MAY CONCERN,

WHILE VISITING THE BEAUTIFUL TOWN OF IRKUTSK, AS AN ARCHITECT PARTICIPATING IN THE INTERNATIONAL FESTIVAL "ZODCHESTVO" OF EASTERN SIBERIA, I WAS INFORMED BY SOME COLLEAGUES THAT A RARE AND UNIQUE EXAMPLE OF MODERN ARCHITECTURE IS ABOUT TO BE DESTROYED IN THE CITY.

IF IS THE "BUILDING OF CITY ADMINISTRATION": A VERY INTERESTING EXAMPLE OF A CERTAIN PERIOD IN ARCHITECTURE.

DESTRUCTION OF THE COMPLEX SEEMS EVEN MORE GRIEVING TO ME SINCE IT WAS NEVER FINISHED - NEVER PROVED ITS VALUE IN A COMPLETE WAY.

IT FEELS LIKE KILLING A CHILD - THAT HAS NOT REACHED ADULTHOOD.

TO MY OPINION IT WOULD SHOW GREAT BRAVERY IF THE CITY WOULD FINISH THIS BUILDING - ESPECIALLY SINCE NOWADAYS ALL ODDS ARE AGAINST IT.

SINCERELY YOURS,

Марк А. Кампо, Архитектор
Нидерланды, Амстердам

Я обращаюсь ко всем, кого затрагивает эта проблема.

Во время моего визита в прекрасный город Иркутск в качестве архитектора – участника Международного архитектурного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2007» я узнал от моих коллег, что в этом городе собираются снести редкий и уникальный пример современной архитектуры.

Это здание городской администрации, очень интересный пример определенного архитектурного периода.

Я считаю, что было бы жестоко разрушить этот комплекс, поскольку он даже не был завершен, не успел доказать своей ценности в полном смысле. Подобный акт похож на убийство ребенка – ребенка, который так и не достиг своей зрелости.

По моему мнению, вопреки сиюминутным обстоятельствам город проявит великое мужество, завершив этот проект.

Искренне Ваш, Марк А. Кампо

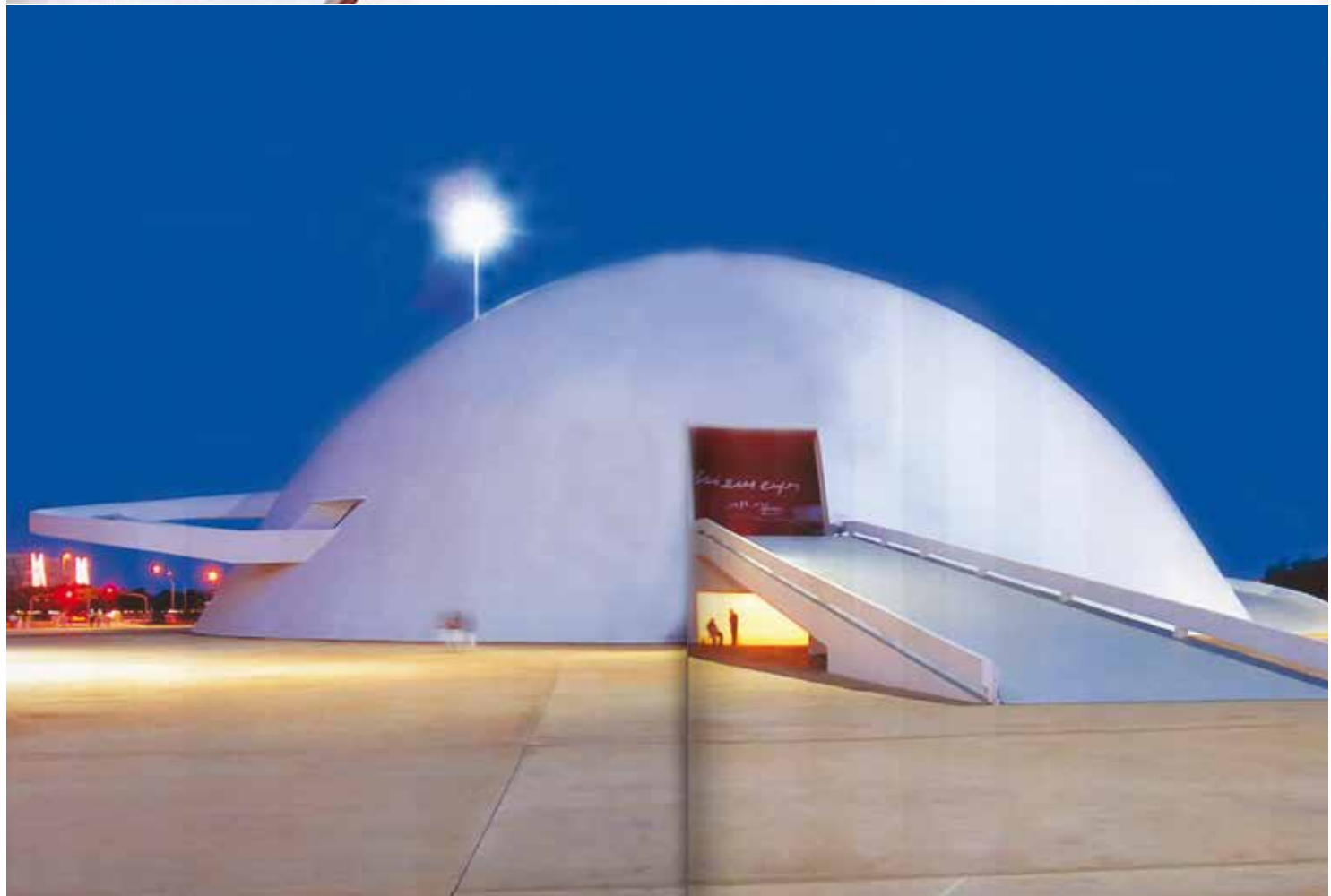
В связи со сносом дома на ногах, читателям нашего журнала будет интересен опубликованные в журнале «Проект классика» № XXI-ММVII «Возвращение к истокам», стр. 31-51 материалы по завершению в 2006 г. строительства церкви в Сен-Пьер в зеленом Фирмини, Франция архитектора Ле Корбюзье, запроектированной им в 1962–1963 гг. начатой строительством в 1970 г. и законсервированной в 1979 г., а также открытого в 2006 г. в г. Бразилиа Национального музея имени Онестино Гимараеша, запроектированного Оскаром Нимейером в 1957–1960 гг.

в мире (см. вынос), где по-прежнему живут «вахтовым» способом по три дня в неделю, отправляясь на «долгий уик-энд» в более приспособленные для жизни Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро (за полторы тысячи километров). В профессиональных изданиях статус Бразилиа несколько испортился из-за, с одной стороны, общего кризиса модернизма в 80-е, а с другой – позиции Оскара Нимейера, который и в свои сто лет не устает повторять, что этот город ужасен, построено совсем не то, что задумано, и только социалистическая революция способна по-настоящему решить проблемы современного урбанизма. И то и другое девальвирует символ. Его следует оживить.

Именно этому и служит воплощение проектов Нимейера. Функционально строительство музея имени Онестино Гимараеша, который должен показать «все лучшее, что есть в современном бразильском искусстве», не слишком оправдано в городе, где люди не проводят свое свободное время. Пока в музее находится выставка самого Оскара Нимейера, и вряд ли она скоро оттуда переедет – это своего рода художественный Пантеон. Что же касается строительства большой новой библиотеки в век интернета, то это сравнительно абсурдное мероприятие – библиотеки сегодня отмирают как жанр. Однако то, что здания строятся по проекту Нимейера, искупает их

нефункциональность. Нимейера в Бразилиа и раньше ругали за то, что его здания фотогеничны, но неудобны в использовании. Но работы Оскара Нимейера – это национальный бренд бразильцев. Два новых здания вновь привлекают к Бразилиа внимание и позволяют бразильцам ощутить себя впереди, в городе XXI века.

Церковь в Фирмини – это сегодня не церковь, это филиал музея современного искусства. Местный епископ в 60-е гг. выступил против строительства здания как не имеющего ничего общего с христианским храмом, а местная католическая община отказалась финансировать стройку – собственно поэтому ее

и не достроили. В 70-е годы мэрия Фирмини сделала ставку на экзуберантискую церковь, но попытка достроить храм силами нескольких конфессий также провалилась. В итоге строительство финансировали культурные фонды, не имеющие отношения к религии, и даже когда здание построили, церковь все равно отказалась его брать себе. Так возник новый центр современного искусства. Если учесть, что прямо напротив этого здания стоит Дом молодежи по проекту того же Ле Корбюзье, имеющий по сути ту же функцию, то станет понятно, насколько эта постройка функционально необходима городу. Но слава здесь главное. Фирмини, который в 50-е годы никто особенно не принимал всерьез,

36-37
Выпуск

сегодня уже утвердился в качестве главного места концентрации наследия Ле Корбюзье в Европе и второго после Чандигарха памятника его градостроительного искусства. К моменту смерти Ле Корбюзье в 1965 году церковь была достроена до уровня основания молельного зала и в течение сорока лет представляла собой страшный брошенный бетонный бункер в самом центре города, что как-то мало соотносилось с местом паломничества к наследию великого архитектора. Ее не могли не достроить, какая бы функция здесь ни предполагалась – ведь строили не для функции, а для славы. Итак, здания по сути дела представляют собой аттракционы, именно в этом качестве важны и для этого

Грандальский центр города Фирмини-Вер. Вид на стадион (архитектор Андре Вогельси) и церковь Сен-Пьер (проект Ле Корбюзье)

и строились. То есть здания Корбюзье и Нимейера встают в ряд не только их произведений. Возвращение к отцам-основателям модернизма произошло в специфическом контексте – контексте конкуренции со «звездной» архитектурой последнего десятилетия, с работами Фрэнка Гери и Захи Хадид, Даниэля Либерскинда, сэра Нормана Фостера. При этом они призваны работать так же, как музей в Бильбао или Еврейский музей в Берлине. Это альтернатива звездной архитектуре рубежа 1990–2000-х гг. Это аттракцион, но это другой его тип. Вместо создания новых произведений предлагается вернуться к истокам. Это ставит перед нами несколько неожиданный вопрос.

ГРАДСОВЕТ «Проблемы архитектурного развития прибайкальской туристической зоны»

Семинар рабочей группы Программы «Архитектура и туризм», II регион Международного Союза Архитекторов

Иркутск – Листвянка, Конференц-зал гостиницы «Маяк»

9 июня 2007 г.

Участники: Надежда Алексеева – помощник главы администрации поселка Листвянка; Андрей Большаков – доктор архитектуры; Эмма Вайнберг – главный специалист-экономист ГИПРОгор (Москва); Ольга Вендина – ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва); Елена Григорьева – член Совета Международного Союза Архитекторов, председатель Правления ИРО СА России, член-корр. РААСН; Андрей Иванов – содиректор Программы «Архитектура и туризм», II регион Международного Союза Архитекторов (Москва); Леонид Коган – доктор архитектуры, ЦНИИП градостроительства (Москва); Марк Меерович – доктор исторических наук, кандидат архитектуры, советник РААСН, член рабочей группы Программы «Архитектура и туризм»; Екатерина Протасова – начальник отдела Генплана ИГП, советник РААСН; Дмитрий Фесенко – профессор МААМ, главный редактор журнала «Архитектурный вестник».

Актуальность обсуждения вопроса о стратегиях развития туризма на Байкале и, в частности, на базе поселка Листвянка обеспечена несколькими причинами:

- общее оживление экономики в Прибайкальском регионе, в том числе ее рекреационной отрасли;

- меры, предпринимаемые администрацией поселка Листвянка для привлечения инвестиций в экономику поселка;

- решение Правительства РФ о создании особой экономической зоны туристско-рекреационного типа на территории Иркутского района, прилегающей к Байкалу. Решение делает район вдвойне привлекательным для частных богатых инвесторов, создавая одновременно и экономические возможности для развития туризма, и риски, связанные с особым характером главного рекреационного ресурса, – Байкала.

Эти факторы делают необходимым обсуждение целого ряда вопросов, касающихся экономической, демографической, социальной, архитектурной составляющих проекта освоения рекреационных ресурсов байкальского побережья. Учитывая, что Байкал входит в число природных объектов, объявленных ЮНЕСКО Всемирным Наследием человечества, анализ всех аспектов, связанных с его освоением, становится особенно острым и своевременным.

Андрей Иванов сказал, что он представляет Международный Союз Архитекторов (МСА) – большую авторитетную организацию, созданную в 1948 г. Работа МСА идет по 21 программе, и одна из них – «Архитектура и туризм» II региона МСА, включающего страны Центральной и Восточной Европы, Россию и Ближний Восток. С 2007 г. он выполняет функции ее содиректора. Кроме Средиземноморья, для которого интерес к туризму является традиционным, другие части II региона МСА ее деятельностью пока не охвачены. Если у иркутских архитекторов есть интерес, им можно было бы войти со своими предложениями в программу «Архитектура и туризм». Инициативы на Байкале имеют перспективу включиться в международные проекты по развитию рекреационной деятельности. Это практически ценно и позволит избежать многих рисков, связанных с освоением Байкала и Листвянки. Круглый стол можно рас-

сматривать как стартовый этап, который на многие десятилетия определит жизнедеятельность региона.

Рабочая группа «Архитектура и туризм» рассматривает соотношение современной архитектуры и ценного природного и культурного ландшафта. Это проблемы очень важные, и в мире они решаются по-разному. Россия в этом отношении сильно отстает, и Байкал – не исключение: зачастую, когда строительство уже проведено, вдруг выясняется, что ландшафт безнадежно испорчен. В Листвянке мы уже видим, что освоение побережья идет именно по такому пути: срывается часть береговой зоны для строительства коттеджей и расширения автомобильной трассы. Пример Байкала и Листвянки дает возможность обсудить важные вопросы по этому освоению; и не просто обсудить, а построить стратегию деятельности рабочей группы из заинтересованных архитекторов стран СНГ. Следующим шагом может быть экспозиция на всероссийском национальном фестивале зодчества в октябре в Москве. А в 2008 году в Турине пройдет Всемирный конгресс МСА, и можно выйти с программой и на этот форум.

А. Иванов подчеркнул, что у Байкала очень высокий туристический потенциал, в развитие которого активно вмешивается крупный бизнес. При этом в международном сообществе даже профессионалы-архитекторы далеко не все знают, что такое Байкал, где он находится и чем интересен. Зачастую от них можно услышать, что Байкал грязный. Пусть это не соответствует истине, но такое мнение есть. Таким образом, надо проводить информационные мероприятия и по продвижению имиджа Байкала. Одновременно здесь должна быть создана благоприятная среда для туризма, в том числе и средствами архитектуры.

Байкал – не единственное место, где потребительская цивилизация создает одновременно и возможности для развития, и риски, связанные с продвижением частных интересов, представляющих определенную угрозу именно для тех ресурсов, которые являются для крупного бизнеса наиболее привлекательными. Озеро Иссык-Куль тоже испытывает сильный прессинг казахского бизнеса, считающего озеро «домашним курортом». На Золотом Кольце России (озеро Неро в Ростове Великом, Плещеево озеро в Переславле-Залесском и др.) – похожая ситуация: туда тоже приходит «чужой» бизнес для того, чтобы заработать.

В качестве альтернативного примера А. Иванов представил осуществляющийся проект курорта Пирогово на берегу Клязьминского водохранилища под Москвой. На территории 80 га, полностью расчищенной от зданий пансионата хрущевского времени, уже построены яхт-офис, ресторан, сервисные здания, строятся (в соответствии с жестким регламентом) деревянные жилые дома разных размеров, гольф-клуб и т.д. При этом не срубается деревья, сохраняются ручьи, соблюдаются все природоохранные и водоохранные требования. Известные московские архитекторы создают здесь своеобразный музей современной деревянной архитектуры, одновременно являющийся элитным, экологически чистым местом отдыха вблизи столицы. Здесь же проводятся амбициозные арт-фестивали и выставки. Да, этот поселок – для богатых людей; песчаный пляж на берегу водохранилища перестал быть общедоступным публичным местом. Но главный урок, который можно извлечь из опыта Пирогова, по мнению А. Иванова, – адекватный менеджмент, который в других случаях может обеспечить возможность гармоничного,

Курорт Пирогово на берегу Клязьминского водохранилища под Москвой

природосообразного отдыха и не очень богатым, и совсем не богатым людям.

Елена Григорьева в качестве примера рекреационного развития рассказала о поселке-коммуне вблизи Великой Китайской стены, менее чем в часе езды от Пекина. Это туристическая деревня, дома в которой сдаются внаем. Атрибутика проекта выдержана в стиле маоистского прошлого Китая: персонал в черной глухой униформе с вытканной красной звездой на груди, одинаковой для мужчин и женщин, рекламные буклеты, схемы и т. д. в той же стилистике. Что касается архитектуры, то это настоящая «частная коллекция современной архитектуры», созданная одновременно в период беспрецедентного социально-экономического рывка

Азии. Проекты особняков, которые, вероятнее всего, будут использоваться как гостиницы, разработаны лучшими архитекторами Азии (авторы одиннадцати домов и клуба – 12 архитекторов Азии: Гэри Чанг (Гонконг, Китай), Шигеру Бан (Япония), Цуй Кай (Китай), Рокко Иим (Гонконг, Китай), Чиев Суе-И (Тайвань), Антонио Очоа (Китай), Кенго Кума (Япония), Каника Р'кул (Таиланд), Кай Нге Тан (Сингапур), Нобиаки Фуруя (Япония), Юнг Хо Чанг (Китай) и Сеунг Н-Санг (Южная Корея). Присутствуют и традиционные примеры фасадов из бамбука. Проект был признан лучшим проектом года по менеджменту и получил Золотого Льва на биеннале в Венеции в 2002 году «за персональную инициативу, акцентирующую роль 12

азиатских архитекторов при строительстве частных домов в современной стилистике».

Надежда Алексеева представила проект туристического комплекса «Байкал-сити». В своем выступлении она подчеркнула, что для представителей Листвянского муниципального образования важны взаимодействие, сотрудничество с профессиональным архитектурным сообществом, которое включает не только технические аспекты деятельности специалистов, но и социальные аспекты развития территории.

Проект «Байкал-сити» разработан коммерческой группой Байкальская Виза, имеющей большие наработки в проектировании туристических

объектов. А Листвянка и прилегающие Ангарские хутора, Большие Коты – это места, единственным ресурсом развития которых является туризм. Предполагается создание рекреационного комплекса всепогодного типа на базе поселка. Проект включает создание гостиничных комплексов разного ценового диапазона, конгресс-отелей, конференц-отелей, аква-парка, горнолыжного курорта. Сюда входят также резиденция Правительства Российской Федерации и стран Дальневосточно-Тихоокеанского региона (Китай, Корея, Япония), для которых другого более привлекательного места для этих целей нет. Будущий комплекс и Листвянка расположены достаточно близко к транспортным узлам, аэропорту

Бамбук, примененный по всему дому в качестве настила, перегородок, наружной отделки, скользящих ставень, солнцезащиты, обеспечивает совершенный переход от созданной человеком структуры к природному ландшафту

Поселок-коммуна вблизи Великой Китайской стены. Клуб включает в себя два ресторана (китайский и европейский), галерею, магазин, менеджмент-центр, бассейн и блок персонала. Ржавая сталь удивительно попадает по колеру и настроению в природное окружение

Макет. Автор генплана – один из азиатской дюжины – Рокко Йим (Гонконг)

Иркутска, одновременно находясь в непосредственной близости от наиболее интересного природного и рекреационного объекта – озера Байкал. Об актуальности этого проекта свидетельствует и решение Правительства РФ (февраль 2007 г.) о создании особой экономической зоны рекреационного типа вблизи поселка Листвянка. Это означает создание преференций хозяйствующим субъектам. Территориально Листвянка и ОЭЗ не пересекаются, но ресурсы для того и другого одни. Экономическая основа частной инициативы и государственной политики совпадают. Проект Байкал-сити может быть экономической основой для развития областной программы по развитию туризма. Объем инвестиций предполагается около 17 млрд. руб. (цифры примерные). Это позволит обеспечить рабочими местами около 9 тыс. человек. Ожидаемая рентабельность – около 20-30 процентов. Результатом может быть повышение уровня жизни и местного населения, и Иркутской области в целом. А создание президентской резиденции повысит

рейтинг Иркутской области, ее инвестиционную привлекательность. Создание рекреационных сооружений повысит туристический поток в Листвянку и привлекающие территории, позволит вписать развитие Иркутского района в планы агломерации региона. Ценна сама идея о совмещении разных видов туризма (от делового до развлекательного), но о конкретном территориальном размещении объектов говорить пока рано. Это потребует укрепления береговой полосы, расширения и усовершенствования дорог. На сегодняшний день проработан генплан поселка Листвянка и поселка Никола (они стали разрабатываться еще до того, как была создана ОЭЗ, но направления их развития совпадают).

Екатерина Протасова сказала, что заказчиком создания генплана выступала администрация Иркутского района, на территории которого находятся Листвянка, Никола и Листвянское муниципальное образование. Территориально сюда не входила ОЭЗ, идеология которой возникла позже. По заданию, численность поселков

Листвянка и Никола – 1800 человек. Задание на разработку генплана включало ориентировку на это количество и максимальное развитие на этой демо-графической основе. На этой территории возникает идея Байкал-сити и ОЭЗ. По самым предварительным подсчетам, они включают 40 тысяч человек обслуживающего персонала только для экономической зоны и 10 тысяч – для Байкал-сити. Это означает, что количество населения будет втрое большим. Емкость территории с учетом всех особенностей местности и повышения этажности поселка Никола (археологические, инженерные, транспортные, береговые полосы, Национальный парк и т.д.) не может быть более 9 тысяч человек. Это число невозможно увеличить по объективным причинам даже до 15 тысяч. Нам кажется, что уже сейчас территория находится на пределе своих возможностей. На конец июня назначены публичные общественные слушания по этому генплану. Очень серьезные претензии к заказчику заключаются в том, что в поселке не остается места для коренного населения; его как бы и вообще нет. Еще одна не решенная проектом проблема – нет территории для школы и детских садов. Мне кажется, что запроектированное в проекте ОЭЗ и Байкал-сити может быть осуществлено едва ли на 10 процентов.

Марк Меерович одобрительно отозвался о решительности и активности администрации в подготовке проекта. Очень хорошо, что администрация берет за решение столь серьезного вопроса, предпринимая активные действия. За расчетами, которые были приведены, нужно, тем не менее, видеть очень сложные реальные проблемы, которые не решаются ни ОЭЗ, ни проектом Байкал-сити. Проект должен обсуждаться как разумный и реальный,

а не в формате утопии и идеологических построений.

Надежда Алексеева сказала, что направление развития определяется экономическим ресурсом. В данном случае – это туризм. Программа-минимум – упорядочение этого ресурса таким образом, чтобы наибольших результатов достичь с наименьшими потерями для природного окружения.

Дмитрий Фесенко обратил внимание на то, что самый привлекательный главный экономический ресурс – это Байкал и его ландшафт. И в экономических интересах всех, кто занимается проектом, его сохранить.

В настоящее время ландшафт искажается, что рано или поздно негативно скажется на привлекательности места. У каждого ландшафта есть емкость, пределы его возможностей. Любая экологическая экспертиза покажет, что освоение, предложенное в проекте, невозможно. Качество архитектуры также вызывает недоумение и обеспокоенную критику.

Эмма Вайнберг сказала, что после 15-тилетнего отсутствия она поражена тем, как используется побережье Байкала. В случае планирования развития нельзя пренебрегать природной «подкладкой» таких территорий: ландшафтным зонированием, природными особенностями и природными ограничениями. Нельзя рассматривать в качестве рекреационной зоны только Листвянку надо рассматривать весь южный берег Байкала. Следует объявить международный конкурс на освоение этой территории. Она имеет огромное количество экологических, водоохранных ограничений. И не учитывать их нельзя, иначе можно потерять Байкал.

Леонид Коган обратил внимание на то, что без связи с сопредельными

Падь Крестовая и пассажирский порт после реконструкции

Вид на поселок Листвянка

Мыс Листвяничный

Научный центр

территориями (Бурятия, другие поселки) проблемы туризма и строительства решать нельзя. Странно звучит и название для проекта на Байкале – «Байкал-сити»; оно напоминает «что-то из Рублевки». Можно задать и вопрос о разумности размещения в пади Крестовой ОЭЗ: Рублевка – это не Байкал, в Подмосковье нет таких ограничений. Слишком много «проходного жанра» и в архитектурных решениях проекта.

Марк Меерович напомнил, что решение о создании свободной экономической зоны уже принято.

Екатерина Протасова сказала, что вопрос о территориальном размещении свободной экономической зоны не решается так однозначно. Представитель Минэкономразвития после посещения территории засомневался в возможности размещения ОЭЗ в данном месте. И на уровне области уже обсуждается территория Большой

Речки, территория вокруг Тальцов, Большое Голоустное. Нельзя не учитывать и высокую сейсмичность зоны.

Эмма Вайнберг предложила рассмотреть вариант рассредоточенной территории экономической зоны, которая может быть и не обязательно приуроченной к одной-единственной пади.

В нынешнем виде проект Байкал-сити предусматривает одновременное пребывание в комфортный сезон свыше ста тысяч туристов. Это для столь малой территории с такими ограничениями просто недопустимо. Ситуация осложнится еще и находящейся рядом ОЭЗ. Возможно, речь должна идти о более широком использовании побережья Байкала, о включении Иркутска в качестве основного места для размещения туристов. Но в любом случае существующие наработки, концепции и все предложения по развитию этого региона (не только генплан) должны быть переосмыслены,

откорректированы, а возможно, и кардинально изменены в соответствии с теми возможностями и ресурсами территории, которые есть фактически.

Марк Меерович отметил, что без крупного бизнеса и «Байкал-Рублевки» любые инициативы обречены на неудачу. Надо искать и найти компромисс между интересами крупного бизнеса и интересами населения, которое сейчас выдавливается из места своего обитания, фактически, из своей жизни. Но идеология освоения этой территории и извлечения прибыли из нее в рамках общего стратегического направления развития туризма может быть и даже должна быть абсолютно другой. Она должна быть соотносена с возможностями ландшафта, со стратегиями существования населения, с экологически гуманным подходом к среде с национальным и местным колоритом. Она должна уберечь нас от превращения Листвянки в захудалый, по европейс-

Кич получил визу на Байкал. Судя по таким проектам – долгосрочную. Если компетентные инстанции промедлят, Листвянка не выберется из мусорной архитектурной ямы

ким меркам, курорт. Пока же очевидно, что авторы проекта стремятся попасть именно в такой стереотип. Но если это так, то проблема гораздо сложнее, чем простое увязывание и координация усилий разных ученых. А тогда и генплан, и стратегию, и саму концепцию, и амбиции лидеров муниципального образования надо кардинально менять.

Андрей Большаков обратил внимание на то, что в предложенном плане привлекательна именно опора на туризм.

Но туризм на Байкале – это туризм в условиях уникального природного объекта, национального и всемирного достояния, относительно которого есть Закон РФ. Ни по какому другому озеру закона нет, а вот по Байкалу есть. И он должен оставаться именно таким объектом. В проекте же есть прямая угроза уничтожения Байкала и байкальского ландшафта. И если этот неблагоприятный прогноз осуществится, то будет подорвана основа привлекательности Байкала, его имидж. Он останется только в воспоминаниях, что, дескать, «когда-то здесь был Байкал». Это можно доказать на ландшафтоведческом материале: вполне возможно спрогнозировать, что будет происходить со склонами, с растительностью при их освоении, водоотведении. Что происходит с образами Байкала, мы видели по представленной презентации: аутентичных образов Сибири и Байкала в проектах просто нет.

Эмма Вайнберг добавила, что, помимо всего, надо моделировать схему функционирования туристического комплекса в разной динамике, в разные сезоны года.

Сто тысяч человек – это не шутка. Кроме того, достаточно велик поток неорганизованных туристов, которые едут на Байкал с разными целями и обязательно проходят через Листвянку. Их передвижение тоже надо координировать. Рядом – территория Национального парка; в любом случае Листвянка – буферная зона Национального парка.

Дмитрий Фесенко подчеркнул, что налицо разрыв и во времени, и в направлении развития генплана и реальных мероприятий и инвестиций. Надо как можно более подробно обсудить этот план и не торопиться с его внедрением, не предлагать уже готовый план.

Ольга Вендина в своей презентации противопоставила «рекреационные ресурсы» и «рекреационную среду».

Если мы хотим развивать «рекреационную среду», то нужно ориенти-

Вид на поселок Ливствянка

Вид на поселок Ливствянка после реконструкции

роваться на поведение людей, а не на рекреационные ресурсы. Если же во главу угла будут поставлены «рекреационные ресурсы», то необходимо учитывать, что это ресурсы наиболее уязвимые и абсолютно невозстановимые: если мы что-то испортим, то уже раз и навсегда.

Она положительно отозвалась об активной позиции местной администрации, ориентированной на привлечение массового туриста и массового инвестора. Но одновременно высказала несогласие с ней. Ведь ни туристы, ни инвесторы, как правило, не озабочены сохранением природного ресурса. Туристы заплатили деньги и хотят получить удовольствие, считая, что имеют на это право, несмотря на все экологические запреты и ограничения. А инвесторы озабочены получением прибыли. Поэтому, инициируя проекты развития особой экономической зоны туристско-рекреационного типа на Байкале, нужно исходить из известного медицинского принципа «не навреди».

Еще до разработки концепции надо ответить на вопросы: 1) Каков будет состав туристического потока и как надолго туристы будут здесь оставаться? 2) Нужны ли массовым туристам те уникальные природные ресурсы, которые будут им предлагаться и которые используются как приманка? 3) Как соотносить значимость прибрежной зоны Байкала как недвижимого имущества, источника прибыли и одновременно, национального и общечеловеческого достояния, занесенного в список ЮНЕСКО? 4) Кто будет инвестором, на кого будет делаться ставка? Однозначных ответов на эти вопросы нет, они зависят от идеологии концепции. Попытаемся разобраться.

Первый вопрос – о структуре туристского потока. Наибольшие надежды возлагаются на «богатых» западных туристов, приезжающих посмотреть Байкал с туго набитыми кошельками и готовых без счета выкладывать денежки за его прелести. Такая категория туристов, конечно, существует, но, к огромному сожалению, она малочисленна. Положим на нее 1,5-3% от общего потока. Основной иностранный турист, приезжающий с Запада, – это «бедный» турист: студенты, средний класс,

пенсионеры. Они не привыкли сорить деньгами, да и больших денег у них нет. К тому же, серьезным ограничителем являются удаленность Байкала и высокая стоимость проезда. Допустим, что данная категория составит еще 5%. Кроме того, говоря об иностранных туристах, почему-то имеют в виду туристов «западных», экологически грамотных и воспитанных в западных нормах поведения. Однако следует ожидать, что основные иностранные туристы придут не с Запада, а с Востока, скорее всего – из Китая, просто в силу географического положения. Несложные арифметические расчеты показывают, что основной туристический поток на Байкал будет внутренним, российским. А отечественный турист не отличается ни высокой платежеспособностью, ни высокой экологической культурой, что означает дополнительную нагрузку на территорию. Следы низкой экологической культуры можно во множестве увидеть уже сейчас. Наконец, бич всех курортов – сезонность. Полтора-два месяца не способны будут окупить никакие затраты на развитие особой рекреационной зоны на Байкале.

Второй вопрос касается рекреационных ресурсов. Прежде всего, что вкладывается в само понятие «ресурс»? Обычно ресурс воспринимается как некий потенциал или капитал территории, способный приносить дивиденды. Но «капитал» не обязательно работает, он превращается в ресурс, когда становится средством для достижения цели. В практике создания рекреационных зон существует два принципиально различающихся подхода – «от рекреационных ресурсов» и «от рекреационного поведения людей». Сегодняшнее обсуждение строится на традиционном подходе – от рекреационного ресурса. О. Вендина напомнила, что еще 25 лет назад сделала вывод о нецелесообразности такого подхода. Ресурс надо максимально беречь. Количество людей, которым реально нужен этот ресурс, ничтожно мало. Это те, кого называют туристами в первоначальном смысле слова, и их требования к отдыху состоят в поддержании максимально нетронутого состояния этого ресурса. Надо исходить из поведения людей: массовый турист едет не столько любоваться Байкалом, сколько развлечься,

поэтому Байкал-сити должен быть расположен вообще не на Байкале. Его надо располагать там, где есть люди, способные его обслужить. А Байкал должен быть в зоне хорошей транспортной доступности. Сюда нужно вывозить в поход, на экскурсию, показывать его малыми дозами. Нужно формировать искусственную рекреационную среду. В мире это – достаточно распространенная практика. Максимум, что в этом случае нужно иметь от Байкала, – это вид на Байкал, само обозначение места, где человек имеет возможность «отметиться». А объекты Байкала должны быть уникальными, исключительными. Самая главная проблема развития подобных рекреационных зон – это кадры. Ни в Ливствянке, ни даже в Иркутске таких кадров нет. Их придется ввозить, может быть, из того же Китая. Это должны быть обученные люди, имеющие культуру сервиса в своем сознании; они не должны обслуживаться воспринимать как «прислуживание», а потребители (туристы) должны получать от этого сервиса максимум удовольствия.

Третий вопрос – о собственности. Конечно, собственность на Байкале – это «чистый шоколад», и богатые инвесторы могут достаточно эффективно лоббировать свои интересы. Хорошо, что такие инвесторы есть, но их энергию нужно направлять на создание искусственной рекреационной среды, а уникальные объекты на Байкале должны находиться в сфере общих интересов. Конечно, у нас есть проблемы с законодательной базой, но на уровне области нужно все-таки добиться принятия жесточайшего законодательства и организации строжайшего общественного контроля (сюда включаются также специальные институты и планировочные учреждения) за его соблюдением.

Наконец, что будет инвестировать в развитие особой рекреационной зоны? До сих пор мы рассматривали только двух инвесторов – частный бизнес и государство. Но есть и третий инвестор – общество. В Англии, например, широко распространена практика так называемого «public trust» – фонда общественного доверия. Практика его деятельности абсолютно прозрачна. Это сообщество мелких инвесторов, которое развивает и конт-

ролирует, с помощью профессиональных менеджеров и профессиональных банков, территории общих интересов и национальное достояние (прибрежные зоны, берега рек, памятники истории и культуры). В России сейчас об этом сложно говорить, но нужно двигаться в этом направлении.

В случае с туризмом на Байкале необходим абсолютно другой подход по сравнению с тем, который был предложен в проекте. Этот подход, между прочим, очень выгоден и учитывает интересы местных участников. В действительности каждое муниципальное образование пока еще действует как маленькое государство, не оглядываясь на соседей и ориентируясь только на свой локальный интерес. Верно сказал Леонид Борисович, что нужно искать баланс интересов не только местных инвесторов и администраций, но и соседних территорий, например Иркутской области с Бурятией. Согласование интересов позволит участвовать в проекте Байкал-сити всем заинтересованным муниципальным образованиям со своими ресурсами, со своей долей участия, со своими интересами. Очень важна еще и грамотная имиджевая политика. Но ее нельзя понимать как политику «приманки», обмана. Настоящая имиджевая политика должна изменять мотивацию поведения людей, она должна им объяснять, что можно получить выгоду и по-другому.

Одной из важнейших предпосылок осуществления любого проекта на Байкале является принцип максимального сохранения, сбережения самого Байкала как уникального природного объекта. Сейчас, после опыта строительства БЦБК, призывы к сохранению Байкала звучат постоянно. Тем не менее установка на реализацию краткосрочных планов подразумевает именно «быстрое», а следовательно, наиболее беспощадное и хищническое использование озера. При этом неважно, что речь идет о вроде бы «безобидном» туризме – в реальности он может оказаться еще более губительным, чем производство целлюлозы.

Материал подготовила
Марина Ткачева

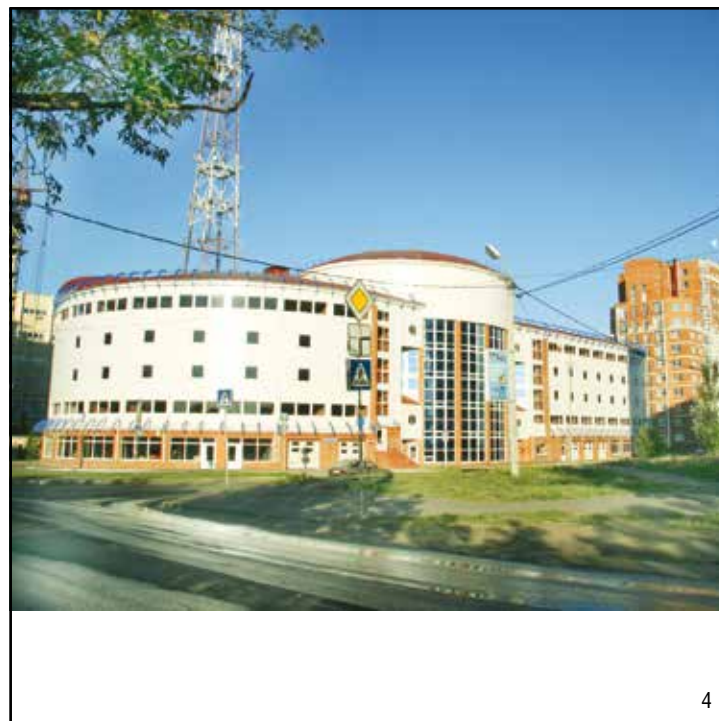
номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Реконструкция квартала в историческом центре ул. Марата-Чкалова
арх. Карпов С.Б., Колесников А.А.,
Макаров А.Ю.

номинация
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

3 Золотой диплом
Встроенно-пристроенная аптека по пр. Мира в г. Красноярске
арх. Ульянов В.И., Красноперова Н.В.

4 Бронзовый диплом
Многоэтажный гараж по ул. Волховстроя в г.Омске
арх. Проскурин В.А., Никитин А.В.,
Козлова Т.Р., Матвиенко Т.В.

2 Поощрительный диплом
Сервисный центр в микрорайоне «Радужный»
арх. Бызов В.А., Коваленко В.А.

1

2

3

номинация
«РЕКОНСТРУКЦИИ
И РЕСТАВРАЦИИ»

1 Серебряный диплом
Реконструкция здания спортивно-оздоровительного комплекса «Изумруд» в г. Иркутске
арх. Красильников А.Г., Щукина М.А., Медведева О.С.

2 Бронзовый диплом
Реконструкция здания по пр. К. Маркса для размещений ГУК «Омский» Государственного Театра куклы, актера и маски «Арлекин» в г. Омске
арх. Проскурин В.А., Алексеева О.И., Баженова В.А., Игнатов П.П., Чигарев В.И., Митрошук О.Н., Максимова Е.Г., Башкова И.А., Голубев О.А., Цибина И.Н., Рудник Н.В. и др.

номинация
«ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ»

3 Бронзовый диплом
общественно-пешеходная зона торгового центра «Фортуна»
арх. Стегайло В.Б., Бадула О.Б., Зимица К.В., Миронов М.Ю.

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

4 Золотой диплом
Клиника центра молекулярной диагностики
арх. Поликарпочкин А.В., Захарова Л.А., Хомуценко В.И., Неудачин А.В.

5 Серебряный диплом
Торгово-выставочный зал магазина «Успех-Вент»
арх. Глебова Н.М., Хлебников А.Ю.

5

номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Блокированные двухэтажные дома
в составе жилого комплекса
на заливе Чертугеевский
Иркутского водохранилища
арх. Буйнов А.Н., Золотухин Е.В.,
Носова Н.А.

2 Серебряный диплом
Сибирская изба «Эффект бабочки»
арх. Пилипенко А.А.

3 Проект группы жилых домов
по ул. Ржанова в микрорайоне
Солнечный г. Иркутска
арх. Сивушкова И.Е., Ашихмина Е.А.,
Краковцева Ю.В.

4 Архитектурный проект жилой
застройки в г. Братске
арх. Сивушкова И.Е., Ашихмина Е.А.,
Краковцева Ю.В.

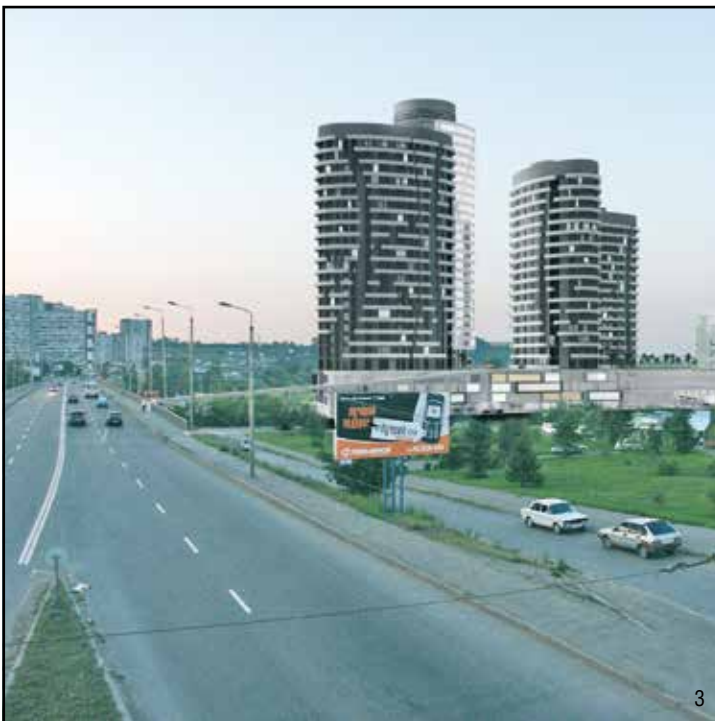

1

2

3

НОМИНАЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Пансионат в п. Кабардинка,
г. Геленджик

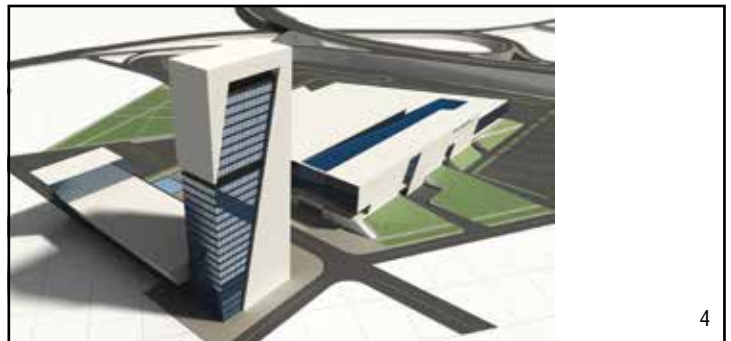
арх. Пилипенко А.А.

2 Серебряный диплом
Автостоянка на 800 мест в составе
Спорткомплекса «Локомотив»,
г. Иркутск
арх. Григорьева Е.И., Константинова Н.А.,
Колосовский С.И., Муллаяров С.В.

3 Бронзовый диплом
Культурно-развлекательный комп-
лекс по ул. Просвещения
в г. Красноярске

арх. Пилипенко А.А.

4 Торгово-развлекательный
комплекс «Continental»
арх. Gladkov S.V.,
Politev S.Z., Borzenko A.G.

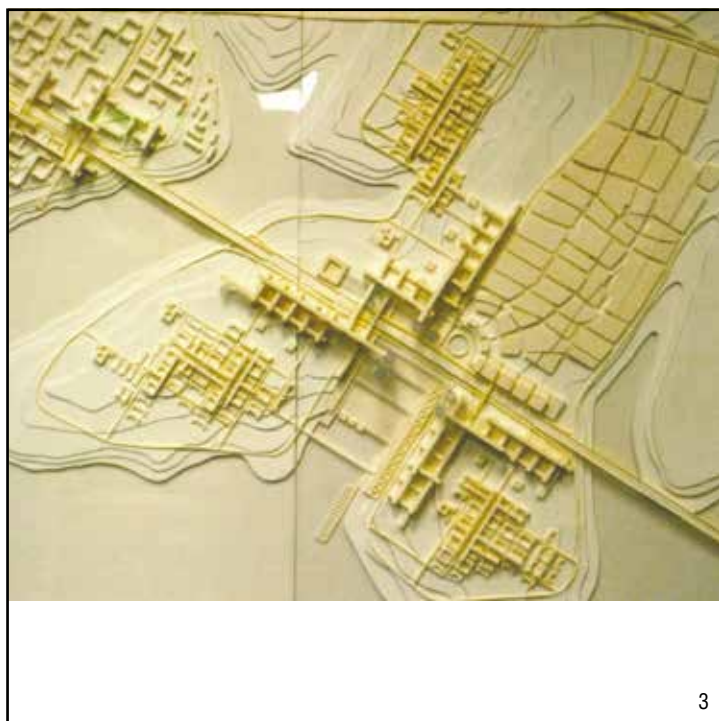
4

1

2

3

номинация
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

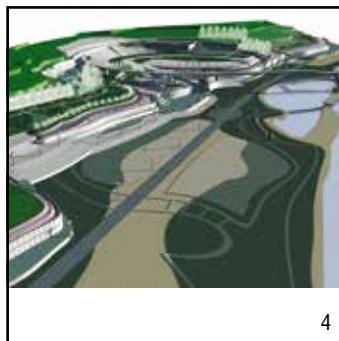
1 Серебряный диплом
Реконструкция производственных
зданий под коммерческо-деловой
комплекс с Автосалоном
в г. Иркутске
арх. Стегайло В.Б., Бадула О.Б.,
Миронов М.Ю., Михайлик А.В.

2. Серебряный диплом
Торгово-развлекательный комплекс
Fortuna City Mall
арх. Стегайло В.Б., Бадула О.Б.,
Петрук Ю.П., Манакова Н.А.

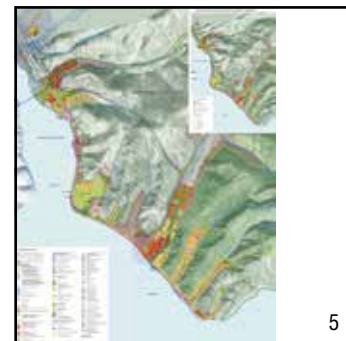
3 Бронзовый диплом
Жилой район Чертугеевский.
Эскиз застройки
арх. Карпов С.Б., Колесников А.А.,
Макаров А.Ю., Распутин В.В.,
при участии Билтуева И.Х., Бызова В.А.

4 Поощрительный диплом
Проект организации набережных
реки Ангары в Центральной рекре-
ационной зоне города Иркутска
арх. Большаков А.Г., Бобрышев Д.В.

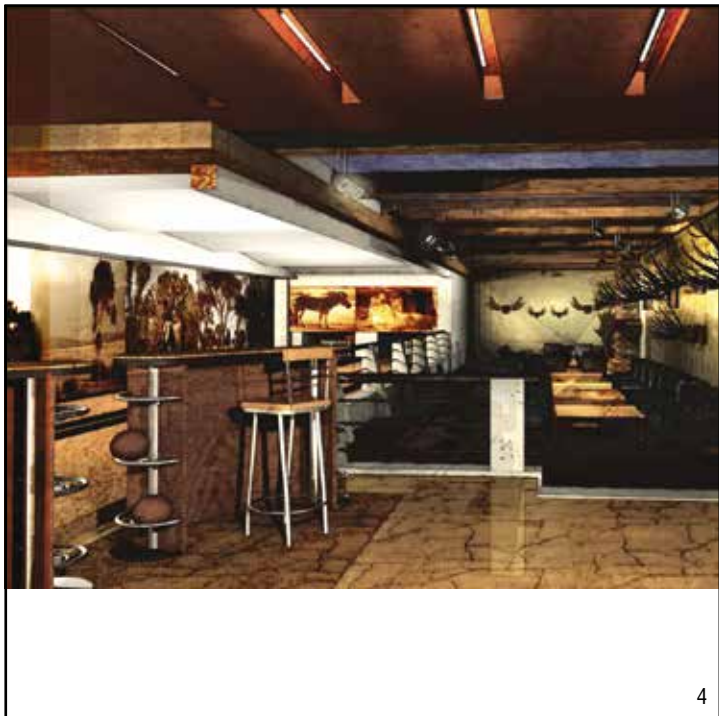
5 Генеральные планы
р.п. Листвянка и п. Никола
арх. Протасова Е.В.,
Снежко-Блоцкий В.Я., Смирнов Н.В.,
Мамонтова М.В., Собенникова О.А.

4

5

номинация
«РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ»

1 Золотой диплом
Проект реставрации Главного дома
усадьбы С.П. Трубецкого
арх. Клайс Л.К., Ладейщикова Е.Р.

2. Золотой диплом
Проект реставрации домов-памят-
ников по ул. Карла Маркса, д. №17,
д. №19 в г. Иркутске
арх. Крутиков А.А., Родионов Д.И.,
Шумкова В.А.

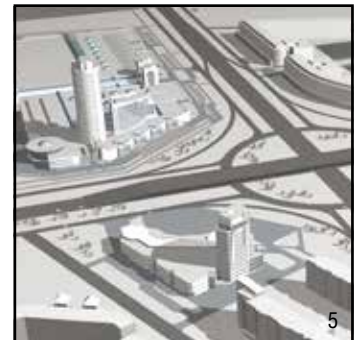
номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ»

3 Поощрительный диплом
Реконструкция здания «Торговый
комплекс»
арх. Борщенко А.Г., Гладков С.В.,
Политов С.Э., Киненко В.В.

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

4 Бронзовый диплом
Боулинг-клуб «Африканское
сафари»
арх. Васенина Е.А., Клубович Е.М.,
Успенский А.Г., Гудвил В.Н.,
Мущенко И.В., Филатов М.Ю.

5 Поощрительный диплом
За активное участие в фестивале
ОАО «ГПИ «Омскгражданпроект»

2

6

**НОМИНАЦИЯ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

1 Серебряный диплом
Серия работ по анализу исторической застройки г. Иркутска
Арх. Шелковникова Е.П., Прокудин А.Н.

2 Серебряный диплом
Энциклопедия Архитектуры Иркутска
Арх. Козлов В.В., Малахова И.С., Васильева И.И.

3 Бронзовый диплом
Монография «Путеводитель по архитектурным ансамблям площадей Барнаула XVIII-XXI в»
Арх. Бондаренко Т.В.

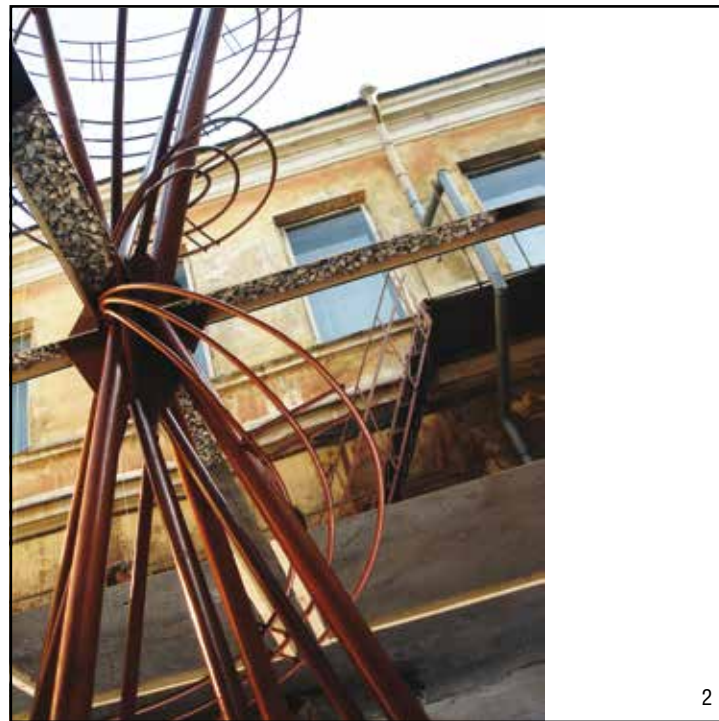
**НОМИНАЦИЯ
«АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

4 Золотой диплом
Цикл статей «Зодчие Земли Иркутской XVII-XVIII в.»
Арх. Чертилов А.К.

5 Серебряный диплом
Серия статей по ландшафтной архитектуре
Арх. Лялин А.А.

6 Бронзовый диплом
Журнал «Строим Вместе»

7 Поощрительный диплом
Издательский проект «Властра»

номинация
«ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ»

1 Золотой диплом
«Загородный дом»
(конкурс «Архопушка»)
Арх. Золотухин Е.В., Пашкевич И.Е.,
Осмакин В.В., Хворостынина А.Л.

2 Серебряный диплом
«Творчество молодых
архитекторов»
Арх. «Клуб молодых архитекторов»

3 Бронзовый диплом
«Интерьеры общественных зданий»
Арх. Макотин П.А.,
Повонский Е.С., Янов А.Ю.
Руководители: Козак И.В., Макотин П.А.

4 Почетный диплом
Проект: «Творческое лицо группы
(портфолио)»
Арх: Золотухин Е.В., Пашкевич И.Е.,
Осмакин В.В., Спасовская Ю.А.

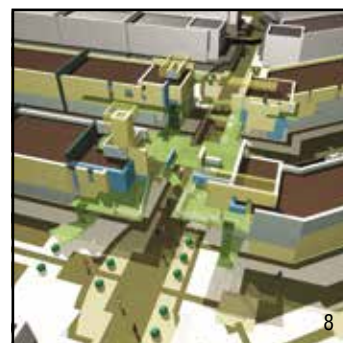
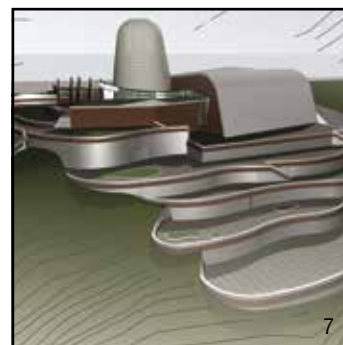
номинация
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

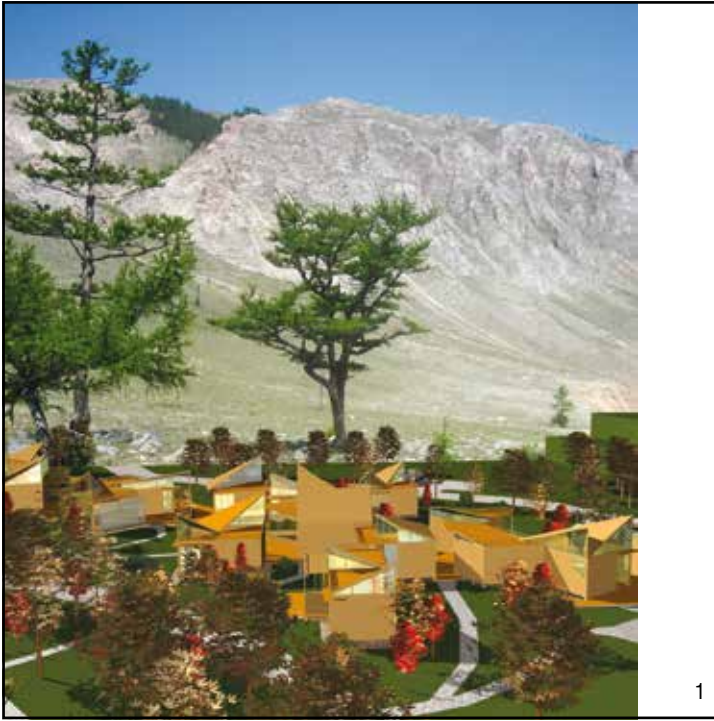
5 Жилой комплекс «УСТРИЦА»
Студенты: Обыденов И., Соболева Е.

6 Визит-центр на Байкале
Студентка: Карнаухова С.В.
Руководитель: Марков В.И.

7 Центр современного искусства
Студент: Карбан С.Б.
Руководитель: Хадеева Б.А.

8 Центр современного искусства
Студенты: Олейникова К., Янов А.
Руководитель: Козак И.В.

1

2

3

4

номинация
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

5 Золотой диплом
«Концепция застройки туристического комплекса в пос. Листвянка –«ECOLIFE»

Студенты: Олейникова К., Хайрутдинова А.
Руководители: Козак И.В., Меерович М.Г.

6 Серебряный диплом
«Гостиничный комплекс на оз. Байкал»

Студентка: Потапова А.В.
Руководитель: Хохрин Е.В.

7 Бронзовый диплом
«Проектирование и строительство ледяного комплекса «Иордань» на Иркутском водохранилище к празднику Богоявления (некоммерческий проект).

Студенты: Журавский С.Т., Седых Р.М., Арутюнян Э.Н., Сурамишвили Д.М., Сафонов Д.П., Хабардин С.С., Островерхов А.В., Колесников Р.О., Тюрюмин А.И., Волосов С.И., Акулов В.Н., Зюбр А.В., Емельянов А.Р., Баранов Д.Н., Михалев Ю.В., Соколов Д., Черепанов К.А., Баженов Н., Радзиевский А.С., Шишканов В.С., Кокорин В.Г., Черемных М., Соболевский Я.Н., Сафонов С.И., Скоморохов Д., Ольшевич А., Хлебников Е.А., Хлебников Е.А., Спешиллов М.С., Исакова А.С., Жушман Е.В., Костюк А.В., Косолапова А.Р.
Руководитель: Кулаков А.И.

8 Поощрительный диплом
«Инсталляция Агломерации»

Студенты: Витковская А., Бегеза С., Заславский С., Потапова А., Корбан С., Иванец В., Стегайло А., Молоцило Т., Низамутдинова К., Балукова Ю., Хлебников Д., Никитенко Н., Соболевский Я., Скоморохов Д., Пасюта М., Басанова Т., Акулов В., Темникова Н.

9 Поощрительный диплом
«Жилой дом средней этажности» (Социальное жилье)

Студентка: Иванкина О.
Руководители: Лашук Г.П., Слабуха А.В.

10 Поощрительный диплом
«Проект гостиничного комплекса»
Студент: Зыков А.Е.
Руководитель: Хадеев Б.А.

5

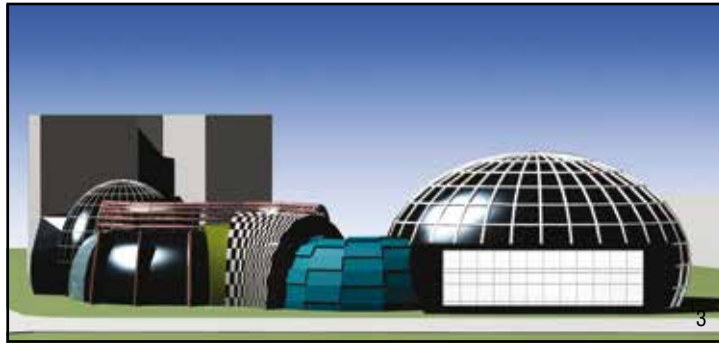

6

номинация
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

1 Поощрительный диплом
«Экологические направления в современной архитектуре и дизайне»
Студенты: Малахова И., Васильева И., Козлова Л.
Руководитель: Ляпин А.А.

2 Поощрительный диплом
«Сады Топиари»
Студент: Васильев В.О.
Руководители: Корзун А.В., Васильева О.М.

номинация
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

3 Центр современного искусства
Студент: Бувеч М.А.
Руководители: Хадеев Б.А.,
Собенникова О.А.

4 Проект реставрации-
реконструкции исторической
застройки в центре г. Иркутска
Студент: Шишканов В.С.
Руководитель: Марков В.И.

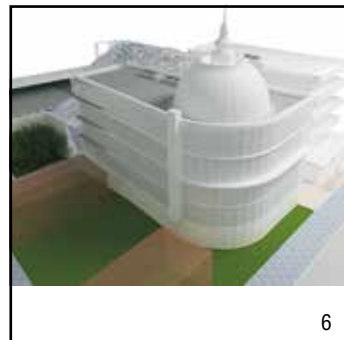
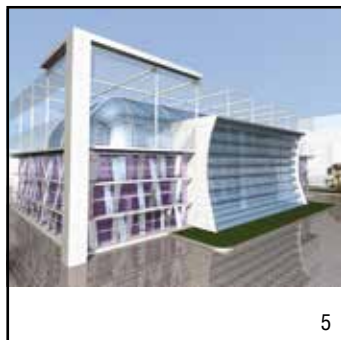
5 Галерея современной
архитектуры и дизайна
Студент: Дицевич А.Б.
Руководители: Хадеев Б.А.,
Собенникова О.А.

6 Торгово-выставочный комплекс
Студент: Елшина Л.А.

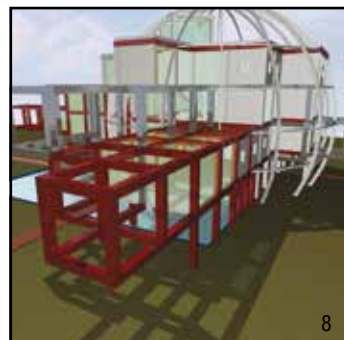
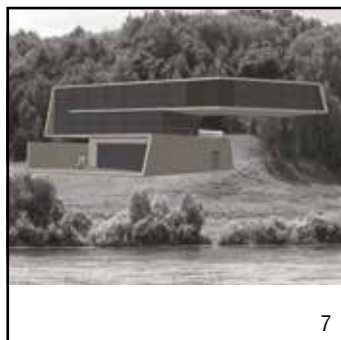
7 Дом для Андрея Кончаловского
Студент: Спешиллов М.С.
Руководитель: Жуковский Н.Л.

8 Индивидуальный жилой дом
для Билла Гейтса
Студент: Юрченко П.В.
Руководитель Марков В.И.

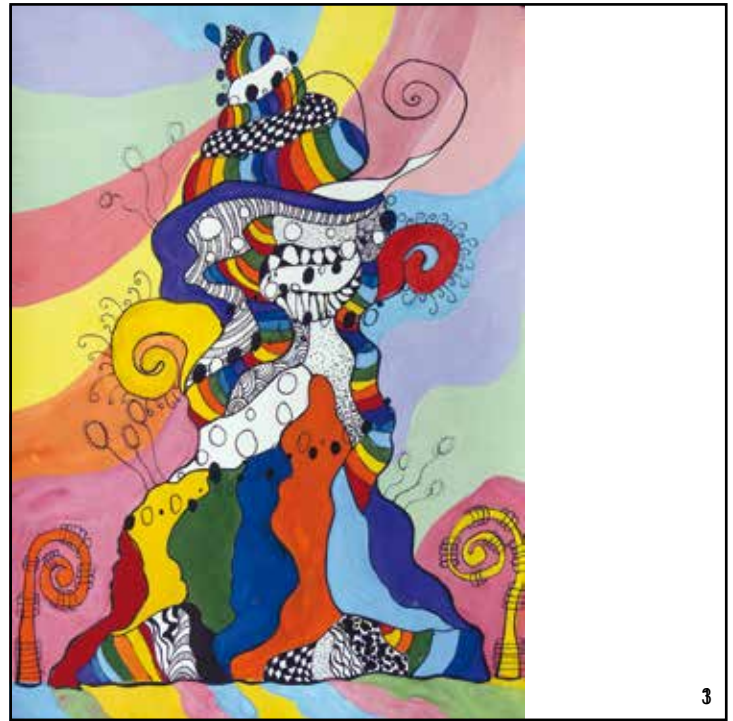
9 Визит-центр на Байкале
Студент: Витковская А. А.

10 Гостинично-выставочный
комплекс
Студенты: Беломестных С.,
Москаленко Н.В.,

1

3

2

номинация
«ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ»

1 Золотой диплом
Детская художественная школа №1
г. Ангарск

Руководитель: Пашнина О.В.

2 Серебряный диплом
Центр детского творчества архитек-
туры и дизайна «Пирамида»,
г. Иркутск

Руководитель: Ремизова Н.В.

3 Бронзовый диплом
МОУ ДОД ДХШ № 4, г. Иркутск.
Преподаватель: Баранова Т.В

номинация
«ЛУЧШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ»

4 Золотой диплом
Кручинина Ульяна Олеговна
Центр детского творчества архитек-
туры и дизайна «Пирамида», г. Иркутск

5 Серебряный диплом
Ремизова Наталья Викторовна
Центр детского творчества архитек-
туры и дизайна «Пирамида», г. Иркутск

6 Бронзовый диплом
Шубникова Светлана
Александровна
Детская художественная школа №1
г. Ангарск

6 Грамота
Межшкольный учебный комбинат
№ 1.

7 Грамота
Школа-студия «Архитектура +
дизайн», г. Красноярск, за созда-
ние выразительных графических
образов

8 Грамота
МОУ ДОД ДХШ Барнаулская
детская школа искусств №1, г.
Барнаул, за многоплановость пред-
ставленных работ

9 Грамота
ЦДОД «МАН» Детская архитектур-
ная студия «Белый город»,
г. Улан-Удэ, за воплощение в жизнь
студийных проектов

8

9

5 МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ "ГОРОДА" - БАЙКАЛ, 14-22 ИЮЛЯ 2007

На пике этого лета 14-го июля из Иркутска в Хужир началось движение архитекторов и студентов: стартовал V фестиваль из цикла «Города». Выбор места для «Города Шамана» – оптимален: в международной тусовке шаманов Байкал считается Оком Земли, а остров Ольхон – Сердцем Земли.

А за несколько дней до 14-го два джипа Приморгражданпроекта пошли из Владивостока в Иркутск. В то же время навстречу им из Москвы в Иркутск направились: своим ходом – «Нива», железной дорогой «Харлей-Дэвидсон» (или таки «Ява»?) Ивана Овчинникова и несколько бортов со студентами и молодыми архитекторами – москвичами, нижегородцами, иркутянами, самаритянами, ярославцами, белорусами, немцами и латышами. На маршруте Иркутск – Хужир грузовик с байками гордо следовал за караваном автобусов с будущим российской и не только архитектуры.

Переправа на подступах к Ольхону далась традиционно не просто.

КРАСОТА невозможная

Круглые сутки. И в сумерки, сопровождая транспортировку дефицитного стройматериала на вершину холма.

ЭКРАН

Его фантастическое явление на холмах с наступлением темноты потрясло аборигенов. Демонстрировались полезные сведения о Краспане, Фронте и прочих и теперь уже навсегда любимых архитекторами производителях, веселые мультики и этническое кино.

ФУТБОЛ

Комментариев не требует, да и счет, в конце концов, фанаткам не важен. Важен процесс – для тех, кто понимает.

ЗВУКИ

Если вы уставали и решили выспаться, погрузившись в глубокую темноту палатки, то имели прекрасную возможность насладиться звуками бубнов. Ребята одной из команд устраивали вечера-ночи шаманской музыки, просто веселясь у костра. А ваше погружение в объятия Морфея становилось еще таинственнее.

СТРОЙКА

Где ещё можно наблюдать такое количество перемазанных краской и с пилами в руках архитекторов? И так три дня подряд они трудились не покладая рук.

КРАСПАН-БОУЛИНГ

Чудно расслабил команды в конце трудового дня. В ролях: кегли – бутылки кока-колы, кед – ... Впрочем, в ход шли не только предложенные «краспаном» кеды, но и собственная обувь. Количество смеха на единицу про-

странства многократно превышало предельно допустимое значение. Выиграла и была покрыта пеной победной кока-колы команда КМА+, Иркутск. Вполне перспективно выступил и занявший второе место «Кола-бок» под девизом «...», уступив лидеру всего три очка.

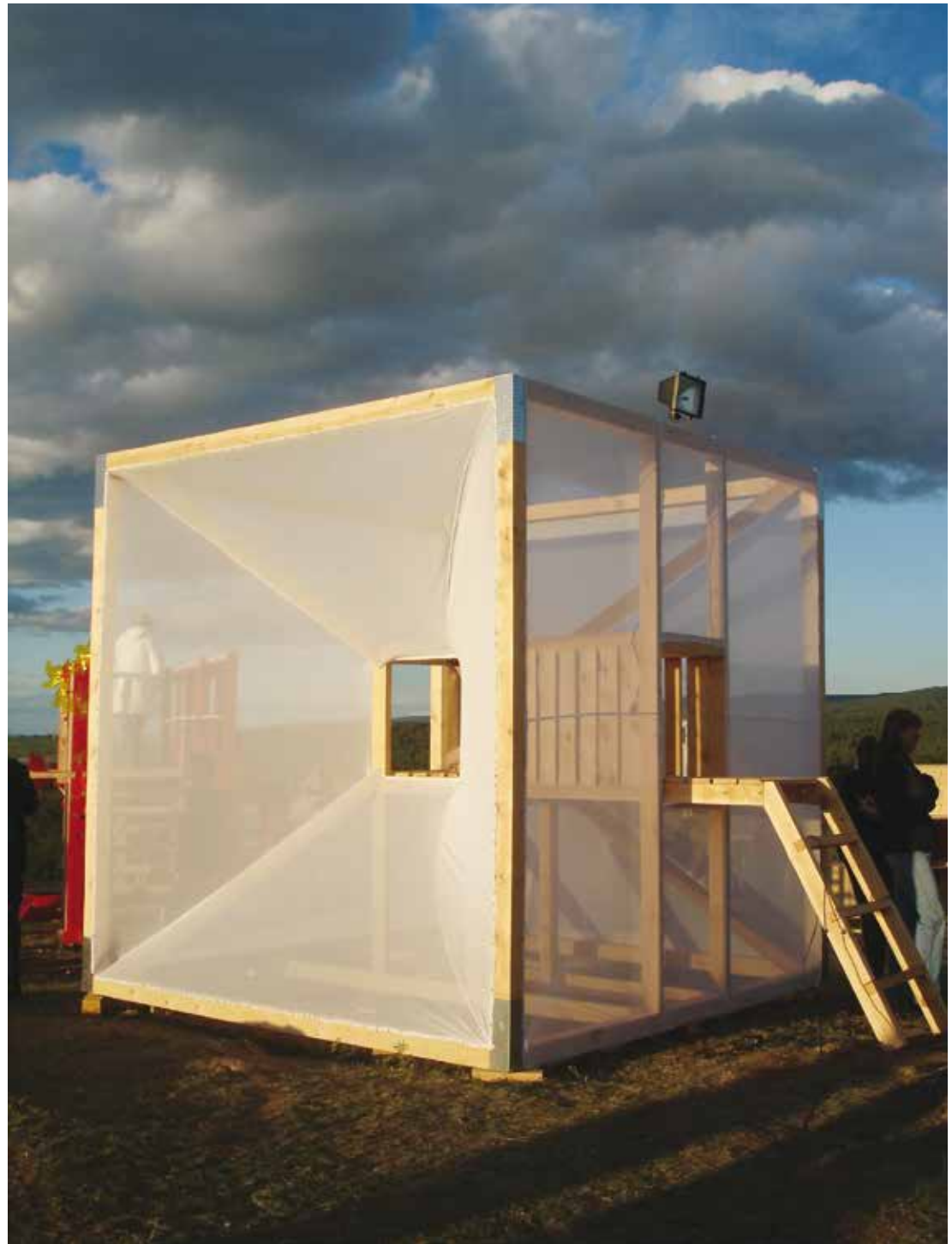
ЦЕРЕМОНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Слонов не раздавали, их запускали в небо. А раздавали дипломы участия всем командам, заодно дав им возможность сформулировать суть своей работы вербально. И еще сухие пайки «ГАПом буду – не забуду».

Шутки шутками, а работы состоялись не шуточные. Вполне достойные аналитики АССов. Пуркуа па?

А В ВОСКРЕСЕНИЕ

21-го на мысе Бурхан у горы Шаманка собрались настоящие шаманы. Из разных стран, они, оказывается, понимают друг друга без переводчика, потому что говорят на одном языке. Как, впрочем, и архитекторы.

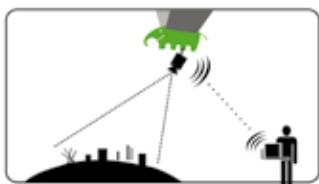

Международный фестиваль молодых архитекторов «Шаман-город» стал пятым в проекте «Города» и первым, когда молодые российские зодчие рискнули забраться в столь отдаленный район. Участникам фестиваля было необходимо возвести различные арх-объекты, пригодные для проживания или медитации. Для строительства можно было использовать только древесину (1 куб. метр), металлические тросы и лак/краску для внешних работ. Всего за 3 дня на Ольхоне возник целый город из 50 объектов. Мы начинаем их публикацию

«Дерево желаний», МарХи-5
Автор идеи – Хорева Алёна.
Команда из 6 человек – студентов Московского архитектурного института (Хорева Алёна, Солоухина Елизавета, Давыдова Екатерина, Мамченко Елена и два помощника не из нашего института Павленко Антон и Никитский Виктор), закончивших 5 курс этим летом. Объект назывался «Дерево желаний». Листочки для него везли из Москвы, где студенты МАРХИ написали свои желания заветные, и не очень, а еще они с АРХ-Москвы 2007, там тоже все желающие могли написать свои хотения. Ну и, естественно, мы приготовили пока еще пустые тогда для жителей Байкала и строителей Шаман-города листочки для мечтаний. Надеемся, что желания воплотятся, чему способствует место.

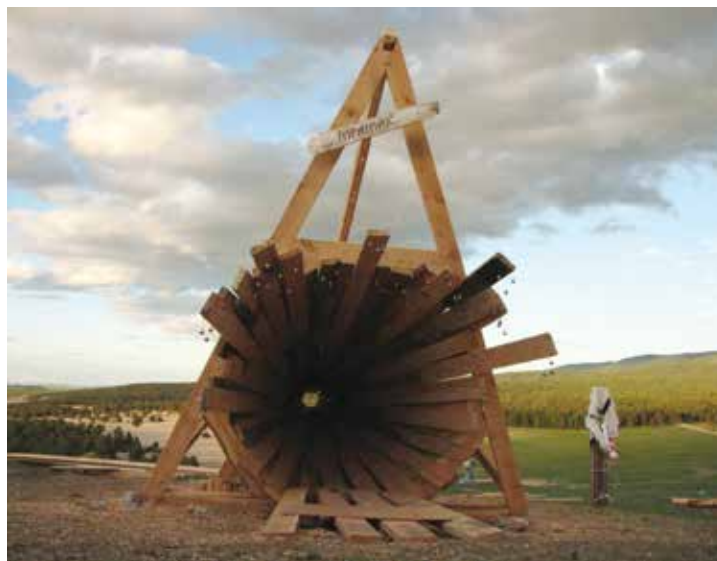

Слоник_слон.
Команда Мастерской архитектора Бавыкина: Наталья Бавыкина, Анастасия Глухова, Григорий Гурьянов, Иван Дубровин, Юлия Савельева
В день презентации «Шаман-города» командой мастерской архитектора Бавыкина был запущен воздушный змей по имени СЛОНИК_СЛОН. У слона две особенности: во-первых, он зеленый, во-вторых – к его ноге прикреплена web-камера на радиосвязи, которая снимала в режиме реального времени все происходящее безобразия.

Тратак – устойчивое, немигающее сосредоточение взгляда на точке или объекте.
 Команда АРХ_иНН, Нижний Новгород, Россия
 Тратак – сооружение, в котором надлежит погружаться в медитацию. В состоянии полного контроля своих мыслей. Конструкция объекта способствует этому. Внимание медитирующего концентрируется на световой точке – срезе узкой части конуса, а индийские колокольчики, колымаемые ветром, являются фокусом слуховых ощущений.

«Анимометр или привет Бернару Чуми». Команда «КМА Иркутск».
 Состав команды:
 Папушева Татьяна,
 Кошкина Елена,
 Шкедова Наталия,
 Носова Наталия,
 Хворостына Анастасия,
 Казак Александра,

Ружников Михаил,
 Золотухин Евгений,
 Сергеев Алексей,
 Александров Сергей,
 Колосовский Сергей.
 Анимометр – прибор для измерения силы ветра. Анимометр – потому что подразумеваемая механика объекта приводится в движение ветром, то есть напрямую зависит от сиюминутности Байкальской погоды. Чуми – потому что парк Ля-вилет нами не забыт.
 Но на самом деле речь идет о природных явлениях и вызываемых ими ассоциациях. Поднявшись по лестнице нашего арт-объекта, можно с капитанского мостика увидеть алую реку, которой нет на карте, и мысленно отправиться по ней в путешествие.

Дом Коан.
 Команда «Картон-Бетон-Батон» (Новосибирск, Калининград, Россия).
 Это дом, архитектурная загадка, дом-парадокс. Соприкасаясь с таким объектом архитектор не может оставаться равнодушным. Это интеллектуальная задача архитекторов, стремление решить которую поможет человеку войти в состояние медитативного транса и в этом состоянии «отстраненного наблюдения» совершить прорыв – выйти на новый уровень духовного развития.

«Камлальня».
Команда «Архитектурная Сборная», Москва
Камлальня – шаманский инструмент вибро-звуковой медитации для входа в контакт с духами помощниками. Собранные в круг бубны продляются коническими деками, из которых складывается некий органический образ. Медитация как внутри Виг-вама, так и снаружи по кругу.

«Место для измены».
Команда «Любовники»
Участники: Ольшевич Артём, Стегайло Анна, Ваганов Иван, Скоморохов Дмитрий, Хлебников Даниил, Хабардин Степан, Иванец Владислав, Акулов Владимир
Нашим видением «места для измены» является: некая условная дорога, на которой мы стоим и балансируем. И наше сознание. Раскачивая дорогу вправо и влево, мы приводим в действие механизм измены. Проникая во внутрь сознания, движение дороги постепенно изменяет его, двигая наши мысли, тем самым доказывает лишь одно – измена внутри нас, измена происходит только тогда, когда мы готовы изменить направление своих мыслей. За дни строительства МДИ мы изменились внутри – значит, всё работает!

«Полет».
Команда «Capitany.any».
Состав авторского коллектива: Спешилов Михаил, Пономарев Илья, Баженов Никита,

Кульчикова Дарья, Костюк Анна, Белик Мария
Концепция: Медитация – это полет для человека, а летать не умеешь, полетай на качели...

«Не буди лихо – house»
Команда «Sugar-free»
Состав команды «Иркутский
Промстройпроект»:
Вырупаев Роман,
Бегеза Михаил,
Кулакова Анна,

Щербакова Анна,
Щербаков Александр,
Купряков Вячеслав,
Кузнецов Антон,
Киненко Виталий,
Лиморенко Павел,
Человек, ищущий контакта с духами, должен знать, что это общение несет в себе множество опасностей – мы не знаем их целей, для чего им общаться с нами. Наш арт-объект – это «дом духов», где каждый (если повезет) может испытать их присутствие. Внешне создается образ упавшей с неба в огромное, просто безграничное пространство, чужеродной, непроницаемой оболочки, таящей в себе нечто потустороннее. Внутри – в кромешной темноте на стенах проявляются светящиеся образы, отражающиеся в воде.

«ON AIR»
Команда Рижского Технического университета.
Архитектура, как перформанс, архитектура, как момент, а не вещь. Перформанс индивидуален так как зависит от места, окружающей среды и времени. Он не может повторяться. Мы хотим использовать время и место, как отправные точки. Медитация как индивидуальный акт возможна в любом месте Байкала, его природа умиротворяет человека, действует на него благотворно. Но существуют групповые медитации направленные на одну цель. Наш арт-объект позволяет обозначить место где можно встретить тех кто ищет гармонию, как и вы. Растущая трава, как знак развития и жизни.

«Место силы».
Команда – Новое измерение проект: «Место силы»
Творческий коллектив
г. Иркутск:
Орлов Сергей, Дворцов Иван,
г. Красноярск:
Бадмаева Нина, Берзан Оксана,
г. Москва:
Черняк Олеся, Алютина Лариса,
Клименкова Ирина
Площадка для магического контакта шамана с энергиями земли и небес. 5 столбов – 5 векторов энергии: ветра, тепла, влажности, сухости, холода. Баланс пяти энергий делает шамана могущественным, позволяет управлять явлениями природы, слышать шелест звезд, вступать в контакт с духами, выравнивать судьбы и помогать людям. Место силы оборудовано мощной ударной установкой, ритм ударов сокращает время перехода в состояние просветленности.

Навесные фасады «КРАСПАН»: продукция сегодняшнего дня

Фасады здания являются его «визитной карточкой» – именно фасад призван произвести нужное впечатление: подчеркнуть солидность и респектабельность банка, современность торгового центра, яркость ночного клуба. Но ничуть не меньше, чем выразительная красота, важны и другие его составляющие: долговечность и надежность, технологичность исполнения и ремонтпригодность, проще говоря – практичность фасада.

Современный навесной фасад – это сложная инженерная система: он не будет качественным, если хотя бы одна из составляющих этой конструкции низкого качества, не просчитана или просто стоит не на своем месте.

Поэтому качественные фасады может предоставить лишь профессиональная строительная компания, имеющая огромный практический опыт. Одной из таких компаний является «КРАСПАН»: она уникальна в своем всестороннем подходе к облицовке и утеплению зданий – компания занимается производством всех составляющих систем навесных вентилируемых фасадов, инженерным проектированием, монтажом, а также оказывает гарантийное и постгарантийное обслуживание.

Секреты успеха

В современных условиях для успешного развития компании-производителя необходимы постоянный поиск новых материалов, подходов, решений, нацеленность на совершенствование продукции, тщательное изучение и анализ рынка. Всему этому «КРАСПАН» уделяет большое внимание: в цехах завода функционируют современные технологические линии, при производстве продукции используется высококачественное сырье. При постоянном поиске инноваций происходит и модернизация уже существующих систем. При этом специалисты компании работают над снижением себестоимости продукции, чтобы сделать ее еще более доступной.

Компанией проводятся постоянные испытания всех составляющих систем: фасадные материалы проходят не только обязательный испытательный минимум для получения Технических Свидетельств, но и дополнительные исследования (устойчивость к ветровым нагрузкам, механическим деформациям, сейсмическим воздействиям и т.д.). Наряду с этим проводится и тщательный мониторинг эксплуатации фасадных систем, в том числе и в тех природных областях, где климатические особенности провоцируют ускоренную амортизацию строительных материалов.

В результате, на сегодняшний день завод «КРАСПАН» предлагает потребителю не просто высококачественную продукцию, но и широкий ассортимент фасадных систем. Заказчик, исходя из своих запросов, может остановиться как на недорогих «бюджетных» фиброцементе, металлопанелях или керамограните, так и на уникальных алюминий-композитных и стеклянных фасадах, фасадах из натурального гранита.

В сочетании с правильным архитектурным и конструктивным решением оптимально подобранный облицовочный материал поможет придать зданию желаемый облик.

Актуальные решения

С конца 2006 года плоские асбоцементные листы под покраску, которые использовались при отделке бюджетных зданий и социальных объектов, заводом «КРАСПАН» решено полностью заменить фасадными панелями из современного фиброцемента производства известной скандинавской компании Mapeit. Это кардинальное решение пришлось принимать в связи с тем, что при ухудшении качества (с постоянным ростом стоимости) исходного цемента с содержанием повышенного количества щелочи пористый асбоцементный лист не может служить стабильной основой под акриловые красители: подобное сочетание приводит к появлению на его внешней поверхности «высолов». Окрасочный слой у таких листов интенсивно разрушается, что влечет за собой осыпание краски. В результате, по прошествии недолгого срока эксплуатации фасад требует ремонта.

Стоит отметить, что в ходе исследований заводом «КРАСПАН» были перепробованы различные фасадные акриловые краски, в том числе и прекрасные зарекомендовавшие себя импортные образцы. Но результат был неизменен. Стало ясно, что проблема асбоцемента может быть решена либо при помощи дорогостоящих материалов (например – смол и полиуретана, но при их применении конечная стоимость продукции возрастает в разы), либо полным отказом от использования окрашенных листов на основе асбоцемента в пользу импортного фиброцемента. И заводом был выбран более рациональный и перспективный второй вариант, дающий по-настоящему высококачественную облицовочную продукцию. Закономерно, что среди Заказчиков это решение вызвало лишь положительные отзывы: при небольшом удорожании стоимости всего фасада потребитель получает продукт более высокого уровня.

Перенимая зарубежный опыт

Алюминий-композитные панели – стильные, легкие, пластичные и способные к любой трансформации – уже давно являются одним из самых дорогих и любимых ведущими мировыми архитекторами отделочных материалов.

На российском рынке последние несколько лет красноярская компания эксклюзивно представляла этот уникальный материал южнокорейского производства под торговой маркой «КраспанHowSol». Успешный опыт работы с импортным алюминий-композитом подтолкнул завод «КРАСПАН» к запуску собственного производства: с осени 2007 года завод самостоятельно начнет производить высококачественные композитные панели, только уже под торговой маркой «КраспанAl». В настоящее время готовится к запуску заводской корпус, отвечающий всем современным требованиям. Мощная и высокопроизводительная линия, которая в нем устанавливается, позволит выдавать продукцию «на-гора» объемами, соответствующими потребностям российского строительного рынка: порядка миллиона квадратных метров в год огнеупорных композитных панелей и полтора миллиона квадратных метров сэндвич-панелей других категорий пожаростойчивости. Можно смело сказать, что «КРАСПАН» – первая российская компания, запустившая производство алюминий-композита на таком уровне.

При производстве композита «КраспанAl» будет применяться только качественное сырье, в отличие от, например, ряда китайских производителей, использующих полиэтилены вторичной переработки и пресованный алюминий. Также особенностью запланированного производства будет выпуск совершенно негорючих композитных панелей, где вместо слоев алюминия будет применена нержавеющая тонкопрокатная сталь, позволяющая, к тому же, крепить фасадные панели «напрямую» на различные виды стальных подконструкций.

Помимо этого, конструкторами компании «КРАСПАН» уже разработаны и внедрены в производство новые усовершенствованные подконструкции для композита с 4 видами крепления фасадных панелей. Их использование сделает монтаж композитной облицовки еще более удобным и быстрым.

Ключ к снижению себестоимости

Наряду с алюминий-композитом наиболее престижным облицовочным материалом является фасадная керамогранитная плитка – непревзойденно прочная и практичная, но в то же время удивительно эстетичная. Не отставая от современных веяний строительной моды, завод «КРАСПАН» начиная с 2005 года представляет своим потребителям фасадный керамогранит под торговой маркой «КраспанКерплит», особенностью которого является глазурованная поверхность (выполненная по технологии запеченного «жидкого стекла»), которая дает несравненный уровень долговечности и устойчивости к атмосферным воздействиям и загрязнениям.

В последнее время заводом-производителем значительно расширена линейка самых востребованных расцветок керамогранита, и на сегодня потребителю предлагается фасадная плитка 14 цветов различных фактур: 8 матовых глазурованных и 6 полированных по самой современной однородной технологии (в отличие от морально устаревшей, на основе использования парафинов, требующих специальной смывки).

Комплексный подход

Оригинальные и актуальные светопрозрачные фасады пользуются сегодня заслуженной популярностью. Но следует учитывать, что в современном строительном мире существует тенденция, которую уже можно назвать правилом: заказчик обычно предпочитает, чтобы все фасадные работы – от проектирования до монтажа всего контура здания – были выполнены комплексно одной и той же компанией-подрядчиком. Это распространяется, в том числе и на стеклянные фасады.

Руководствуясь этим, компанией «КРАСПАН» было принято решение приступить к производству комплектующих для подобных конструкций. «Краспан-монтаж» – отделение компании, занимающееся монтажом навесных фасадов, выходит на строительный рынок со светопрозрачными конструкциями: на заводском производстве идет работа с тремя различными светопрозрачными алюминий-композитными конструкциями, а также налажено производство стеклопластиковых окон на основе профиля Rehau.

Поиск инновационных материалов, открытие новых производств, анализ и исследование потребительского рынка помогли компании «КРАСПАН» стать лидером фасадного рынка. Сегодня завод «КРАСПАН» представляет все виды наиболее перспективных и актуальных отделочных фасадных материалов, приобретая которые, можно быть уверенным в их качестве.

Ольга Николаевна

Владимир Бух	От редактора	97
Константин Лидин	Со стержнем и без	99
	ПБ surney	102
	Круглый стол «Иркутская агломерация: проблемы и стратегии градостроительной политики»	109
Ольга Вендина	Центр города или центр агломерации?	118
Алексей Диевский	Проблемы мегалополисов: планирование градостроения	120
Надежда Красина	Города и горожане	122
Ольга Вендина	Общественные пространства Москвы:	
	отвечает ли московская градостроительная политика интересам москвичей?	124
Руслан Хотулев	Теряем набережную	130
Владимир Бух	Агония культурного центра	132
Надежда Красная	Проект зон охраны объектов культурного наследия Иркутска	133
Алексей Чертилов	Парадоксы «реализации» проекта зон охраны объектов культурного наследия Иркутска	137
Архитектурная студия ЛАБ	Подписи городов	139
	Новый центр	141
	МОНИТОР	
Ирина Теплякова	Дипломный проект «Открытая агломерация»	142
Ирина Теплякова	Проект застройки п. Листвянка с разработкой международного экологического центра	143
Ирина Теплякова	Загородный Дом	144
Анна Григорьева	Summary	150

центр/dountoun

Если в хрущевско-брежневские достаточно индифферентные к городской среде времена повышенной строительной активности созидание и разрушение удавалось держать в относительном равновесии, то с выходом в авангард новорусского бизнеса исторический центр Иркутска поставлен в поистине гамлетовскую оппозицию – быть или не быть. Город, закаленный трехвековым испытанием судьбы, казалось бы, должен уметь дать ответ любым новым вызовам, а нет, опять оказался на распутье. Общественные городские пространства съеживаются, тотальной функцией центра утверждается коммерция, бесценный деревянный фонд изживается на нет, градостроительный смысл деятельности сводится к точечному значению, город как полноценная предметная и социокультурная среда деградирует. Что можно этому противопоставить? Знание, профессионализм, социальный опыт? Волю, целеустремленность, ответственность?

Возымеет ли действие?

Скорее нет, чем да...

Владимир Бух, главный редактор

In Khrushchev-Brezhnev time, which was quite indifferent towards city environment and experienced high building activity, creation and destruction were comparatively balanced. But together with advancement of new Russian business the historical center of Irkutsk was put into Hamlet's position: to be or not to be. Hardened by three centuries of fate trial the city seems to be able to respond to any challenge. On the contrary, it finds itself at the crossroads. Public city spaces shrink, commerce represents the principal downtown function, priceless wooden housing resources are eliminated, town-planning sense of activity comes to point meaning, the city as full-fledged material and social and cultural environment becomes degraded. What can be opposed to it? Knowledge, professionalism, social experience? Will, purposefulness, responsibility?

Will it produce an effect?

Rather no than yes...

Vladimir Bukh, editor-in-chief

Со стержнем и без

центр города как носитель структурного образа

В середине тридцатых годов в советской архитектурной периодике активно обсуждались планы перестройки Москвы – образцового коммунистического города. В статье, посвященной проекту гостиницы «Москва» на площади Свердлова, академик И.В. Жолтовский писал: «Есть города, в которых центром архитектурной статике являются площади. Это — Венеция со своей площадью св. Марка, Виченца с площадью Базилики, Помпея со своей Древней площадью. И есть, наоборот, города, центром архитектурной статике которых является не площадь, а одно какое-нибудь крупное сооружение, объемно и декоративно господствующее над городом, подчиняющее себе все другие сооружения и магистрали. В Риме — это Колизей Трояна, в древних Афинах — Акрополь с Парфеноном, в Ленинграде — здание бывшей Биржи. И есть, наконец, такие города, которые лишены всякого архитектурного стержня. Они не имеют ни статичной площади, ни господствующего сооружения. Таковы — Нью-Йорк, Берлин, Турин, Париж, Лондон».¹

Далее в статье обосновывается структурная роль ансамбля, включающего Большой театр, Малый театр, Московский художественный театр, здание СТО и одиннадцатизэтажное здание гостиницы Моссовета. Площадь Свердлова должна в результате приобрести роль статического центра столицы: «Город должен получить новый архитектурный статический центр, который подчинит себе весь городской ансамбль, господствуя над его отдельными магистралями и районами».²

Откуда, из каких идеологических источников берется убежденность академика в необходимости всеподчиняющего статического центра? Жолтовский нигде напрямую не объявляет базовые принципы своей градостроительной позиции. В нашем распоряжении только косвенные указания и намеки.

Рассмотрим подробнее исторические аналоги, кото-

рые приводит академик, говоря о развитии Москвы. Первой в списке «правильно» организованных городов стоит Венеция.

Ансамбль площадей перед собором Сан-Марко начал формироваться в IX веке.

Камилло Зитте отмечает, что в традиционном итальянском городе есть три основных площади: Соборная (во Флоренции — перед собором Санта-Мария дель Фьоре), Синьории (общественная, отмеченная ратушей) и Рыночная.³ Однако Венеция строилась по иному плану. Уже самые первые очертания пьяццы Сан-Марко были определены как светскими, так и культовыми строениями: старыми церквями Сан-Теодоро и Сан-Джеминьяно, базиликой святого Марка и зданием Дворца Дожей.

Своеобразная культура Венеции на протяжении многих веков демонстрирует тяготение к византийской (а не к римской) традиции. Церкви, дворцы властителей и торговые комплексы здесь мирно уживаются в едином ансамбле. Начиная с эпохи крестовых походов Венеция под управлением хитроумных и коварных дождей достигает все большего процветания и славы. Впрочем, еще в 822 году венецианцы похитили в турецкой Александрии мощи святого покровителя города — евангелиста Марка. Чтобы таможенники не обнаружили святину, ее спрятали в ящике со свиной, и правверным мусульманам не пришло в голову рыться в нечистом мясе.

В X–XIV веках, в эпоху позднего Средневековья Венеция становится инициатором множества войн, крестовых походов и смут, из всего извлекая выгоду для себя. Знаменитый дож Энрико Дандоло, будучи полуслепым девяностолетним старцем, принял участие в крестовом походе и захватил для Венеции город Зару, центр лесной торговли в Далмации, а после этого умудрился повернуть крестовощев на Константинополь, и республика приобрела значительные владения в Греции и на Кипре.

По мере роста влияния и богатства Венеции украсился и совершенствовался ансамбль площади Св. Марка. В XII веке была перенесена церковь Сан-Джеминьяно, вход на Пьяцетту со стороны лагуны был оформлен двумя колоннами, увенчанными бронзовыми изваяниями, а также была возведена башня (архитектор Николо Баратьери) высотой 60 метров, отметившая границу с площадью святого Марка.

Ко второй трети XIII века обе площади получили каменное мощение, в дальнейшем богато декорированное. Параллельно с уточнением плана ансамбля перестраивались здания, его формировавшие, — собор Святого Марка и Дворец Дожей. К середине XIII века собор имел все пять куполов и главный фасад, позднее лишь незначительно дополненный декором и измененный.

Дворец Дожей, перестройка которого со стороны Пьяцетты началась в 1310–1340-х годах, получил фасады в готических формах в XV веке (Ренессанс пришел в Венецию несколько позже). В начале XVI века архитектор Бартоломео Бруно увеличивает высоту колокольни Сан-Марко до 100 метров и центральный ансамбль города приобретает гармоничное решение в контрастном сочетании пятикуполя собора с кубистической массой Дворца и остроколончатой вертикалью колокольни.⁴

Нарядный фасад Дворца Дожей обманчив. Здание не выглядит как крепость, но в действительности является ею. Оно имеет только один коридорообразный вход, который ведет во внутренний двор, где на всякий случай имеется два колодца (их бронзовые обрамления сделаны в середине XVI века). В случае чего можно выдержать осаду.

От Дворца Дожей через узкий канал перекинут знаменитый мост с поэтическим названием Понте Деи Соспири (Мост Вздохов). Однако название происходит вовсе не от романтических вздохов под луной.

Мост соединял дворец с тюрьмой Приджони (тоже, кстати, украшенной роскошным фасадом), и сквозь его зарешеченные окна осужденные в последний раз видели небо.

Светлый фасад дворца, выходящий на Пьяцетту, также имеет мрачную деталь: во втором ярусе девятая и десятая колонны слева сделаны из мрамора более густого красноватого оттенка — между этими колоннами объявляли смертные приговоры.

В XV–XVI веках завершили отделку дворовых фасадов, а в 1554 году на верхней площадке парадной лестницы, ведущей на второй этаж, установили огромные мраморные статуи Марса и Нептуна, созданные Якопо Сансовино, и лестницу стали называть Лестницей Гигантов. Под нею находились тюремные камеры, а на ее верхней площадке совершались торжественные церемонии венчания дождей, а на средней площадке лестницы был обезглавлен один из них, непокорный Марино Фальер (это случилось в 1355 г.).

В XVI веке во Дворце Дожей построили Золотую лестницу, по которой имели право входить во дворец из галереи второго этажа только те венецианцы, чьи имена значились в Золотой книге.⁵

Так причудливо переплетаются в ансамбле Площади Св. Марка мотивы славы, чести и богатства с мотивами горя, коварства и жестокости. История Венеции и образ жизни венецианцев, запечатленный в структуре центра города, — странный сплав высокого творчества с беспринципностью, эгоизмом и корыстолюбием.

В качестве примера крупного строения, господствующего над городской структурой и образующего «статический центр», Жолтовский называет римский Колизей.

Амфитеатр Флавиев, или Колизей (Колоссео), был начат Веспасианом и освящен Титом в 80 г. Он занимал часть места, на котором раньше стоял Золотой Дом Нерона, там, где начали копать большое искусствен-

текст
Константин Лидин

1. Жолтовский И. В. Площадь Свердлова // Архитектура СССР, №2, 1934. — С. 14

2. Там же

3. Furneaux Jordan R. A. concise History of Western Architecture. — London: Thames & Hudson, 1976. — 359 с.

4. История градостроительного искусства: в 2-х т. 2-е изд. — М.: Стройиздат, 1979. — Т.1. Бунин А.В. Градостроительство рабочего места, на котором раньше стоял Золотой Дом Нерона, там, где начали копать большое искусствен-

5. По материалам сайта <http://architekton.a3d.ru>

6. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995. – С.42
7. Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. Ростов-на-Дону, Смоленск: ИНГА, 1998
8. Грант М. Римские императоры / пер. с англ. М. Гитт — М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 1998
9. Корнелий Тацит. Жизнеописание Корнелия Агриколы / Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. М.: Научно-изд. центр Ладомир, 1993
10. Энциклопедия Третьего рейха / Составитель Воропаев С., общая редакция Егзаров А. – М.: ЛОКИД-МИФ, 1996
11. Паперный В. Культура 2. «-е издание. М.: Новое литературное обозрение, 2006

ное озеро для навмахий. Название свое Колизей получил от колоссальной статуи Нерона, стоявшей на этом месте. Заметим, что к императору Траяну Колизей не имеет никакого отношения. Вероятно, упоминаемая это имя, Жолтовский имел в виду другое гигантское строение императорского Рима – Большой цирк (Circus Maximus).

«Мурцийская долина между Палатином и Авентином была как бы предназначена самой природой для цирка. Теперь, когда почти все здания на ней разрушены и она как бы вновь приобрела первоначальный вид, легко себе представить теснившуюся на этой низине толпу людей, которые стояли или сидели на траве в те времена, когда здесь еще не были устроены деревянные подмостки. Эти подмостки были сооружены Тарквинием Древним и впоследствии после пожара снова восстановлены. Первые сараи (сарceres) для колесниц относятся к 330 г. до Р. Х. Юлий Цезарь увеличил цирк, так что он с тех пор мог вместить 150 тысяч зрителей. После пожара 36 года по Р. Х. Клавдий переделал его, так что число мест для зрителей дошло до 250 тысяч. Траян прибавил еще 5 тысяч, и, наконец, в IV веке цирк мог уже вмещать 485 тысяч человек».⁶

Даже на сегодняшний взгляд сооружение, способное вместить без малого полмиллиона человек, выглядит впечатляюще. Величественные образы Колизея и Большого цирка

в исторической перспективе неразрывно связаны с образами великих императоров Рима.

Добросовестные римские историки оставили подробные жизнеописания каждого из императоров, по-римски прямые, жесткие и нелюбимые. Многие из тех, чьи имена вошли в историю архитектуры в связи с огромными и знаменитыми строениями, производят впечатление людей жестоких, безнравственных и прямо безумных. Тиберий с «исковерканной душой, подозрительностью и непомерной жестокостью»⁷. Откровенно сумасшедший Калигула. Нерон, последовательно уничтоживший всех своих родственников и закончивший убийством собственной матери, и так далее.

Даже император Траян (Марк Ульпий Траян, 98–117 гг.), прославленный мужеством военных побед и замечательных построек, прозванный «Optimus» (Лучший), не избежал признаков паранойи: «По-видимому, уже вскоре после вступления на трон Траян предпринял первые шаги по созданию секретной военной службы для защиты своего режима и самого себя. В частности, подразделения frumentarii (агенты по снабжению зерном) создали важную информационную организацию, обосновавшись в «Иностранном» лагере (Castra Peregrinorum) на Целиевом холме в Риме и установив контрольные посты на дорогах далеко за чертой города».⁸ По свидетельству Тацита, времена

Траяна казались современникам благословенной порой свободы и порядка, но только по сравнению с правлением «свирепого принцепса» Домициана: «Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы – такое же поражение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать».⁹

Среди городов, лишенных статического центра, Жолтовский называет Берлин. Однако именно после 1933 года начались процессы активной перестройки Берлина в соответствии с его новой ролью – не только столицы Третьего рейха, но и европейского центра нового порядка.

В июне 1936 Гитлер посылает Шпееру свои проекты перестройки германской столицы и вскоре назначает его главным архитектором по реконструкции Берлина. В качестве стилистической основы нового образа города становится императорский Рим. Строительство должно было завершиться в 1950.

Новый Берлин должны были пересечь две громадные оси в направлении север-юг и запад-восток. Предполагалось построить два огромных вокзала на севере и на юге города. Главную площадь должна была украшать Триумфальная арка, превосходящая наполеоновскую арку в Париже. С ее 85-метровой высоты посетитель мог бы увидеть в конце шестикилометровой перспективы грандиозный купол Народного дома. Величественные бульвары и проспекты тянулись вдоль громадных общественных зданий, таких как штаб-квартира одиннадцати министерств, 500-метровой длины ратуша, новое полицейское управление, Военная академия и Генштаб. Кроме того, предполагалось возвести колоссальный Дворец наций для проведения митингов, 21-этажный отель, новое здание Оперы, концертный зал, три театра, кинотеатр, вмещающий 2000 зрителей, роскошные кафе и

рестораны, варьете и даже крытый плавательный бассейн, выстроенный в виде старинных римских терм с внутренними двориками и колоннадой.¹⁰

В приведенных примерах мы видим признаки, устойчиво сопровождающие «статическое центрирование» структуры города. Первый из них – гигантомания. Здания и сооружения нечеловеческой величины, как бы предназначенные для титанов, улицы и проспекты неимоверной ширины, многокилометровые перспективы – признак, подробно рассмотренный В. Паперным.¹¹

Огромные масштабы решения соотносятся с предельно простой и ясной, упорядоченной градостроительной структурой. Центр города образуется на пересечении двух магистралей, ориентированных по сторонам света. Именно здесь динамика превращается в статику, течение времени замирает и сменяется вечностью. Структура «всего остального» города строится либо на основе прямоугольной сетки, воспроизводящей «декартов ноль» центра, либо как последовательность концентрических окружностей, колец.

Стремление к математической правильности закономерно определяет следующую особенность «статически централизованного» подхода: демонстративную власть над реальностью. Топкая почва ста восемнадцати островов, на которых стоит Венеция, укрепляются двенадцатью миллионами свай из балканской лиственницы. Римские императоры строят акведуки длиной в сотни километров, чтобы насытить водой фонтаны и бани Вечного города. Исторически сложившееся тело городов прорубается прямоугольной сеткой осей, а масштаб искажается новыми строениями гигантских масштабов.

Образы, которые несет принцип «статического центрирования», стягиваются к одному, казалось бы, далекому от архитектуры образу. К образу вождя – носителя и олицетворения той воли, которая побеждает пространство и время.

Латинское слово *dice* (вождь), от которого происходит венецианское «дож» и итальянское «дуче» (официальный титул Бенито Муссолини), и старофранцузское «дюк» (герцог).

Венеция. Уличный оркестр в маленьком дворике. Средневековое величие «царицы моря» осталось в прошлом, но музыканты по-прежнему жизнерадостны

Венеция. Вид с моря на ансамбль площади Св. Марка. Что для нас, сегодняшних, центр Венеции – образец для подражания, или город-музей, памятник великим вождям прошлого? Фотографии А. Якобсон

Венеция. Горбатые мостики изумительно выглядят в закатном освещении, даже облезлые стены, кажется, только прибавляют живописности...

Само слово происходит от латинского глагола *disco*, на редкость многозначного и разнообразного по смыслам. Большой словарь И.Х. Дворецкого приводит двадцать значений этого слова: водить, вести за собой, возглавлять, производить, создавать, сочинять, тянуть, приобретать, получать, складывать...¹² В целом можно сказать так: *disco* – это тот, кто является причиной событий, движения и поступков людей, это движитель всего.

Образ вождя парадоксален. Сам вождь вечен и неподвижен, выключен из потока времени – но именно он, вождь, является причиной всякого движения и прогресса. Вождь выглядит, как обычный, простой человек, у него есть свои привычки и слабости – но в то же время это титаническая фигура, гигантского роста и безграничных возможностей. Вождь полон забот о своем народе, он – воплощение гуманизма, что не мешает проявлению любых, даже самых крайних, жесткостей и коварства. Вождь является источником порядка и законности, именно от него исходят правила и нормы жизни – но сам вождь не подчиняется никаким законам, ни моральным, ни даже физическим. Нести на себе образ вождя и его функции может далеко не всякий. Эта роль требует выдающихся личных способностей – иначе получаются фарсовые фигуры вроде позднего Брежнева.

Амбиции правителей и поиски национального самосознания, национального достоинства приводят к возрождению образа вождя – и, вместе с ним, к росту притягательности идей «статического центрирования» городских структур.

Подобные периоды знали и Берлин, и Париж, и Вена, и Варшава. Проблемы начинаются тогда, когда тяготение к вождизму носит бессознательный, невольный характер, – и центрирование городской структуры превращается в хаотичное стягивание всех функций на ограниченное пространство городского центра. Характерно, что решения о таких изменениях принимаются именно «по-вождистски», волевым, авторитарным путем, но масштабы личностей, принимающих решения, не соответствуют уровню проблемы. Руководитель решает вопросы, связанные с судьбами целого города, не имея ни связанной программы, ни последовательной идеологии, ни даже устойчивой точки зрения на эти самые судьбы. Так произошло с проектами башни Газпрома и реконструкции Мариинского театра в Санкт-Петербурге,¹³ то же самое, но в гораздо больших масштабах, происходит в Москве.¹⁴ Список «проблемных» городов не ограничивается столицами.

Профессор архитектуры Н.Н. Кудряшов говорит о деградации центра Ярославля и предлагает принципиальный выход в децентрализации, разное функций центра в разные районы города.¹⁵ Общественность Красноярска защищает исторический центр города от нашествия офисных зданий («утогов») путем судебных разбирательств,¹⁶ а в Самаре аналогичные тревоги выражают специалисты ТерНИИГражданПроект и СамГАХА.¹⁷ Делаются попытки проанализировать сходные процессы в центре Екатеринбурга¹⁸ и в Новосибирске.¹⁹ Пожалуй, не найти такого современ-

ного российского города, в котором не наблюдались бы негативные аспекты перегрузки центра множеством функций, зачастую взаимоисключающих. Архитекторы выражают тревогу и возмущение, но сделать ничего не могут. Управление развитием города, его структурой практически полностью перешло в руки администраций.

Вероятно, политиков городского масштаба, отнявших у архитекторов право и обязанность формировать облик города, притягивает образ вождя. Большое искушение, наверное, чувствовать себя *disco* (дожем, дюком, дуче, фюрером) и движителем всего. Замкнуть на себя все функции, все потоки, стать в центре мира таким неподвижным и вечным колоссом. Возвыситься над историей, над правом и моралью, даже над физикой и химией...

За последние годы Иркутск заметно преобразился под действием хаотической борьбы вождистского принципа статического центрирования со здоровым смыслом. В документе Министерства культуры под названием «Приложение №4 к Предложениям по созданию в Российской Федерации музеев-заповедников на базе исторических поселений» от 2002 года среди пятидесяти объектов есть только один областной центр – Иркутск. Его историческая ценность охарактеризована так: «Губернский центр, один из главных городов Сибири. Сохранилась деревянная часть старого города, уникальные церкви в стиле «сибирского барокко». Историко-архитектурный музей-заповедник».²⁰ Однако за прошедшие пять лет деревянная часть старого

города заметно сократилась, а градостроительная структура этой части исчезла почти полностью. Зато центр наполнился зданиями предельной по сейсмике этажности, исказившими силуэт города. Зато один за другим растут огромные жилые комплексы. Зато сокращается озелененность, а на месте вырубаемых деревьев появляются бетонно-стеклянные коробки с финтифлюшками на фасадах – в качестве уступки эстетическим претензиям горожан. Перегружены сети и дороги, нечем дышать, негде погулять с ребенком или с собакой – любой вид движения в центре становится все более затруднительным, динамика вытесняется статикой.

Альтернатива центру, умирающему от многолетнего тромбоза, – полицентричность. Полицентрический принцип разводит функции, образуя несколько равноправных и взаимодействующих центров города. Исторический центр – деревянный, сохраняющий пористую структуру дворов и переулков, насыщенный зеленью. Административный – с просторной площадью, величественными зданиями администраций и официальными памятниками. Торговый – динамичный, пронизанный дорогами, шумный, пестрый. Такое разделение уже есть, его можно заметить, оно происходит само по себе, как масло отслаивается от воды. Вот если бы наши вожди городского масштаба не противодействовали, а помогли этим процессам – может быть, тогда и Иркутск оказался бы в одном ряду с городами, «лишенными архитектурного стержня» – с Нью-Йорком, Лондоном, Парижем...

12. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь // 200 тыс. слов. М.: Русский язык. 2002 г.
13. Голдхоорн Б. Газпром – упущенные возможности // Проект Россия, № 43, С. 122-123
14. Бродовицкая А. Благие намерения: история среднего подхода // Проект Россия, № 43, С. 60-72
15. Орлова О. Поклонение NEXT. Интервью с профессором архитектуры Н.Н. Кудряшовым. <http://city-2.narod.ru/o23.html>
16. Бондарев А., Мармышев А. Нашествие утогов // Российская газета (Енисей), 31 мая 2007 г.
17. По материалам сайта <http://www.zodchiy.ru/>
18. Маргушин А.Л. Ансамбль как носитель образа в архитектуре // Известия вузов. Архитектон. №10, 2005, С. 14-18
19. Воронов Ю.П., Заусаев С.А., Смирнов С.А. Концепция пространственного развития города Новосибирска. Материалы предварительной экспертизы ситуации развития г. Новосибирска. Новосибирск: ЗАПСИБНИИПроект, 2005
- 20 http://www.mkmk.ru/fileadmin/template/datadocs/inf_129.doc

ПБ surney

По теме номера ПБ обратился к близким журналу специалистам со следующими вопросами:

1. «Контекст» сходит с доминирующей идеологической предпосылки. Что идет ему на смену?
2. Чтобы снять «перегрузку» исторических центров, от каких функций их нужно освободить?
3. Каково место «звездной» архитектуры в центрах современных городов?
4. Лучшие примеры мировой практики по развитию центров. В чем их суть и новизна?
5. Российская провинция: преодоление инерции – каким образом?

Многие любезно согласились на них ответить, и мы благодарим их за это.

Marc a Campo,
architect,
the Netherlands

1. Существует 3 главных отправных момента, которые воздействуют на развитие в архитектуре:
 - A. Программа (например, поведение человека, желание людей, рынок и т.д.)
 - Б. Контекст (архитектурный и культурный, история и все, что уже существует)
 - В. Форма (автономия «формы», представляемой как «язык»).
 В каждом проекте мы, естественно, используем их в смешанном виде, и они никогда не исчезнут. Только сейчас, как и в начале XX века, а затем и в шестидесятых годах, на эту Программу действует временное «модное» давление. Конечно, как реакция на «Критический Регионализм» (см. Google.com: Kenneth Frampton), «Контекстуализм» и т.д. наш голландский архитектор Рем Кулхаас сейчас является ведущим в этой моде, делая акцент на все большее (см. Google.com: Fuck context).
2. Если вы решите перенести какие-либо функции из исторического центра, автоматически это будет означать, что вы «заморозите» развитие в нем и превратите его в некое подобие «музея». Это также непосредственно будет означать, что вы должны определить другую часть города в качестве нового центра (где «прогресс» и «модернизм» смогут процветать). Итак, прежде всего вы должны решить, стоит ли превращать специальный центр в музей (как, например, центр Амстердама), и если да – то где начать формировать новый центр...
3. «Звездная архитектура», – объекты известных архитекторов очень редко вписываются в существующий контекст. В лучшем случае они соответствуют собственному творчеству автора, хотя в творчестве самой звезды они в большинстве своем представляют собой очень слабые произведения...

Однако, к примеру, какой-нибудь Бильбао Гуггенхайм иногда может положить начало процессу возрождения города...
4. Если говорить о «настоящем модерне» и существующих многообещающих застройках, я бы привел в пример несколько интервенций архитекторов ОМА в различных городах мира. А в категории дерзких «контекстуальных» объектов (ностальгия-Дисней-туризм-торговля) есть несколько недавно построенных проектов в Голландии, которые являются хорошим примером, поскольку они очень популярны среди многих людей и коммерчески очень успешны.
5. Я сам недавно был в Иркутске, и, не смотря на то что это город отдаленный, я не нашел никаких следов инерции в образе мышления и настрое моих коллег, живущих в этом городе.

Если в провинции не все происходит так быстро – нужно не забывать о том благе, что она дает: не нужно «гоняться» за последними модными новинками – и не будет этих безобразных несоответствий с последней модой...

Константин Лидин

Konstantin Lidin,
Irkutsk

1. Фактически контекст уже давно отступил на задний план перед победительным лицом «звездной» архитектуры. Архитектор-звезда превращает контекст городской среды в подтанцовку.

Отрицательно относясь к идее прогнозов, рискну все же предположить появление новой научнообразной системы архитектурного проектирования. Вместо стремления строить оригинально и неповторимо будет нарастать тенденция строить «как надо», математически выверяя симметрию и ритмику по закону равновесия и восприятия. Компьютер станет инструментом архитектора в той мере, на которую они оба способны.

РВ surney

1. «CONTEXT» disappears from the dominating ideological premise. What is going to replace it?
2. What functions should historical centers be released from so that we could relieve these centers of “overload”?
3. What place does the “star” architecture occupy in contemporary downtowns?
4. The best examples of world practice in downtown development. What are their essence and novelty?
5. Russian province – how to overcome inertia?

1. There are 3 basis starting points of inspiration in architecture:
 - a. Program (i.e. human behaviour, what people want, the market, etc)
 - b. Context (architectural and cultural, history, everything that is already there)
 - c. Form (the autonomy of “form” seen as “language”)
 In every projects we use them of course in a mixed way, and they will never “disappear”. Only nowadays, like in the beginning of the 20th century and again in the sixties, there is a temporary “fashionable” stress on Program. Of course as a reaction to “Critical Regionalism” (see Google.com: Kenneth Frampton), “Contextualism”, etc. At the moment our own Dutch Rem Koolhaas is leading in this field of fashion with his emphasis on “Bigness” (see Google.com: “Fuck context”).
2. If you should decide to take away functions from a historical downtown, it means automatically that you “freeze” the development there and turn it into a kind of “museum”. And is also automatically means that you should destine another part of town as a new center (where “progress” and “modernism” can flourish. So first of all you should decide whether a specific center is worth turning it into a museum (like the center of Amsterdam) and if so –where to start the new center...
3. “Star” architecture, i.e. building by famous architects, very rarely fit in the existing context. At best they fit in the context of the author’s own oeuvre, though most of the time they represent very weak products in the stars own production...

Sometimes though a “Bilbao Guggenheim” might start a process of revitalization of the city...
4. For the “true modern”, exciting, promising developments I would refer to some downtown interventions of OMA in different cities around the globe. And in the category of unashamed “contextual” (nostalgia-Disney-tourism-shopping) I would refer to some projects in Holland that recently have been realized, and that are god examples in terms of being very popular for a large number of people, and commercially successful.
5. I myself have visited Irkutsk recently and, though it is a remote city, I did not find any trace of inertia in the spirit of my colleagues there.

If everything is not happening so fast in a province –count its blessings: no need for “gasping” after the latest fashion and no ugly misfits of the latest fashion....

1. In fact context has already faded into the background in the victorious face of the “star” architecture long ago. The star architect turns the city environment context into a back vocal.

I am against the idea of forecasting, but I venture to assume the emergence of a new pseudo-scientific system of architectural engineering. Instead of aspiration to build originally and uniquely, it will be a growing tendency to build “as one ought to”, while mathematically adjusting symmetry and rhythmic according to the laws of balance and perception. Computer will become an instrument for an architect as much as they both are

Не колонны ионического ордера («неоклассицизм»), а метод – ясный, логичный, рассудочный – составит содержание новой волны. Пока что безымянной.

2. У каждого города – своя история. Центр, по определению (если уж он исторический) – носитель и средоточие именно этой, уникальной, неповторимой истории данного конкретного города. Тем и ценен.

Если город исторически сложился как административный центр – в его центре неуместны транспортные магистрали или крупные торговые заведения. Напротив, центром торгового города естественно становится базар, торгово-офисные комплексы. Если же функций несколько, то и центров несколько. Очень плохо, когда эти центры не отделены друг от друга, а конфликтуют и пытаются друг друга подавить. Тогда – хаос (пример – сегодняшняя Москва).

3. Примерно такое же, как у сильнодействующего лекарства – в курсе лечения. «Звездный» объект меняет, прогибает всю структуру городской среды. Последствия такого «прогибания» должны быть осознаны и просчитаны – задача сложнейшая, требующая усилий целой команды экспертов высокой квалификации. Если надежного прогноза нет – объект превращается в авантюру, в опасный эксперимент на живой ткани города.

4. Суть лучших примеров заключается в функциональном подходе к развитию центра. Выделяется основная функция, и структура центра подчиняется именно ей. Второстепенные функции либо выносятся из центра (иногда при этом образуются полицентрические структуры), либо прячутся, маскируются под основную.

Ничего нового в этом нет, так развивались многие европейские города, например, в позднем Средневековье.

5. Провинциальность – понятие не географическое, а социально-психологическое. Комплекс неполноценности по отношению к столице – зависть, приниженность и жалкий гонор в качестве «компенсации».

Единственный способ преодоления комплекса провинциальности – работа с молодежью. Новые идеи никогда не войдут в старые головы. Есть лишь одна надежда – что когда-нибудь нам (тем немногим, кто уже сейчас не подавлен своей провинциальностью) удастся вырастить молодежь, исходно свободную от этого безобразного комплекса.

1. Я не считаю, что ориентиры на «КОНТЕКСТ» в архитектуре теряют лидирующие позиции. Другое дело, что само понятие «СРЕДА» существенно расширилось за последние 20 лет и вобрало в себя не только визуальные характеристики ближайшего окружения нового здания, но также природу, экономический контекст, исторические образы, сохраняемые общественные ценности и стремление к новым. Само понятие КОНТЕКСТ расширилось и изменилось за эти годы, и, может быть, мы не всегда узнаем в современных архитектурных и градостроительных проектах ту ориентацию на сохранение исторического вида старых кварталов, и даже на подчинение им новых объектов, которая была самой обсуждаемой темой 80-х. Сегодня в лучших новых градостроительных проектах ПРИРОДНЫЙ (ЛАНДШАФТНЫЙ) КОНТЕКСТ наряду с ЭКОНОМИЧЕСКИМ КОНТЕКСТОМ по своему формообразующему влиянию, как минимум, уравнялся с ИСТОРИЧЕСКИМ КОНТЕКСТОМ места. Возросшее мастерство архитекторов, передовые технологии, принципиально новый уровень мировой экономики позволяют новым зданиям не вступать в противоречие с существующим ГОРОДСКИМ КОНТЕКСТОМ, а становиться лидерами среди своего окружения, сохраняя с ним органические и плодотворные связи, как функциональные, так и эстетические. Примером тому яркие работы Нормана Фостера.

2. Во второй половине 1960-х годов в советской градостроительной теории развернулась широкая дискуссия об оптимальных размерах советских городских поселений. Ряд экономистов и градостроителей считали, что это город в 250 тысяч человек, другие говорили о цифре в 500 тысяч как самой лучшей, были мнения и о 50-ти, и о том, что нужно признать существующие города-миллионеры как города «правильные». Правительство прислушалось к учёным и даже провело специальную кампанию по ликвидации «неперспективных» поселений в сельской местности по всей стране. Урок этой дискуссии, в которую было вовлечено несколько научных институтов и институтов экспериментального проектирования, состоял в том, что в реальности любой и каждый более или менее самостоятельный город развивался по-своему. Когда же его пытались стандартизировать под «средние по стране» теории, это было либо очень дорого, либо тормозило его развитие.

capable. The matter of a new wave, yet nameless, will be not an Ionic column (neoclassicism), but a clear, logical and rational method.

2. Each city has its own history. According to its definition, a historical downtown is a bearer and a concentration of this unique history of a certain city. It is also the reason of its value.

If a city has historically become an administrative center, main traffic arteries or big trading institutions are inappropriate in its downtown. On the contrary, downtown of a trading city is naturally formed by a bazaar and trade and office complexes. If there are several functions, there should be several centers. It is bad when such centers are not separated from each other, they come into conflict and try to suppress each other. Then comes chaos (today's Moscow is an example).

3. The place of a “star” architecture is about the same as of a strong medicine – in the course of treatment. The “star” object changes and deflects all the structure of city environment. Consequences of such “deflection” should be comprehended and counted. It is the most difficult task, which demands efforts of a real team of highly qualified experts. If there is no reliable forecast, the object turns into an adventure, a risk experiment on a live tissue of the city.

4. The essence of the best examples is in functional approach to downtown development. The principal function is appointed, and it is this function that the downtown structure is subordinated to. Secondary functions are either taken out of the downtown (sometimes polycentric structures appear in this connection), or they conceal themselves disguised as the principal one.

There is nothing new in it. A lot of European cities developed like that, for example, in the late Middle Ages.

5. Provinciality is not a geographical, but a social and psychological concept. Inferiority complex towards the capital means envy, abjection and miserable conceit as “compensation”.

The only way to overcome this provinciality complex is to work with youth. New ideas will never get into old minds. There is only one hope – some time we (a few of us, who are not depressed by their own provinciality) shall manage to grow up the youth initially free from this ugly complex.

1. I do not think that orientation toward “CONTEXT” is losing its leading position in architecture. Another matter is that the concept of “ENVIRONMENT” itself has considerably expanded within the last 20 years. It has included not only visual characteristics of the near environment of a new building, but also nature, economic context, historical aspects, preserved social values and aspiration for new ones. The concept of “CONTEXT” has also widened and changed within these years. Maybe not always we recognize in contemporary architectural and town-planning projects that very orientation toward preservation of historical image of old blocks and even toward subordination of new objects to them, which was the most debatable issue in the 1980-s. In the today's best new town-planning projects the NATURAL (LANDSCAPE) CONTEXT together with ECONOMIC CONTEXT has become at least equal with HISTORICAL CONTEXT of the place according to its form-building influence. Architects' grown skills, advanced technologies, fundamentally new level of world economy enable new buildings not to come into contradiction with the existing CITY CONTEXT, but to become leaders among their surroundings, keeping integral and fruitful functional and aesthetic ties with them. Brilliant works by Norman Foster can serve as an example.

2. In the second half of the 1960-s the soviet town-planning theory evidenced a lot of debate about optimal dimensions of soviet urban settlements. A number of economists and town-planners believed that it was to be a town with 250 thousand people, others figured it as 500 thousands, there were such numbers as 50 thousand people, some people said that the existed cities with more than million people were the “proper” ones. The government considered the scientists' opinion and even conducted a special campaign to liquidate “unpromising” rural settlements all over the country. The lesson from this debate that involved several scientific and experimental design institutes was that in reality every more or less independent town developed in its own way. When they tried to adjust it in accordance with “national average” theories, it was either very expensive or retarding its development.

Андрей Ляпин

Andrey Lyapin, Irkutsk

Эта картина прекрасно показана в статьях Элеоноры Шевченко в журнале «Зодчий. XXI век».

Мне вспомнилась эта история, потому что я считаю, что для каждого конкретного города нужно тщательно рассчитывать и выбирать – какие функции исторического городского центра на этом этапе развития города нужно сохранять, какие функции нужно убирать. Такая программа по преобразованию центров городов сейчас чрезвычайно актуальна по всей стране, но я не верю в эффективность и целесообразность усредненного решения, а потом применения полученного типового решения в городах России.

Конечно, могут быть базовые принципы в процессе преобразования центров городов, но конкретная программа действий и планировочных мероприятий должна создаваться под конкретный уникальный город. Если вести речь об Иркутске, то сейчас самое важное и срочное состоит в выборе целей и ориентиров городского развития, нечто вроде инвентаризации наших целей, возможностей и ориентиров, наших претензий и проблем. Нужно комплексное междисциплинарное исследование Иркутска, подобное тому, какие проводило ЮНЕСКО в городах Европы в 1970-1980-х годах (Барселона, Франкфурт-на-Майне, Рим в Италии, Висбю в Швеции).

После таких широко поставленных исследований гораздо легче выбрать стратегию развития исторического центра Иркутска, да и всего города.

3. Прекрасный вопрос! Архитектура – это искусство, которое принадлежит всем: горожанам, туристам, фотографам, живописцам, поэтам и политикам. Архитекторы-«Звезды» просто необходимы там, где люди хотят улучшить свой город или квартал. Хотят улучшить здесь и сейчас, в настоящий момент, при этой жизни. Архитекторы-«Звезды» обладают этим мастерством. Их творчество может сделать центр города богаче и разнообразнее. Они смотрят на местную ситуацию свежим взглядом и способны либо развить возможности, на которые мы не обращаем внимания, либо привнести в город дыхание эстетических поисков эпохи. В мире это обычная и оправдавшая себя практика преобразования кварталов в исторических центрах. В России недавно начат проект, нацеленный на привлечение Архитекторов-«Звезд». Администрация и инициативные группы в Перми выдвинули идею преобразования деградированных кварталов на берегу реки Камы в новый культурный центр города. Они планируют построить новый Художественный музей и изменить функциональный, экономический и эстетический облик района.

Самое важное в Пермском проекте то, что они понимают – участие крупнейших мастеров мировой архитектуры в Конкурсе на Художественный музей – это вопрос правильной организации конкурса и состава жюри. Для того чтобы «Звезды» могли придумывать и строить, нужно хотеть и уметь проводить конкурсы и вести проектирование по стандартам Международного Союза Архитекторов. Станет ли хуже Иркутск, если мировой стандарт проектирования появится в нашем городе? Иркутск не станет хуже – Иркутск станет лучше.

4. В 1999 году профессор Датской Королевской Академии Изящных Искусств, практикующий архитектор и исследователь городской среды Ян Гель издал в Копенгагене свою очередную книгу на английском языке – «Новые городские пространства». В этой работе он отобрал 9 лучших деловых и исторических центров в городах по всему миру. Выбор Яна Геля утверждает: эти 9 городов или лучшее, или одни из лучших, которые были созданы к концу XX века. Вот некоторые из них – Барселона в Испании, Страсбург и Лион во Франции, Портленд в США, Мельбурн в Австралии, Копенгаген в Дании.

Интересно, что, рассказывая о каждом примере, Ян Гель показывает, как каждый город искал свой путь хорошего центра.

В своей книге Ян Гель утверждает, что нужно возвращать общественные пространства в города: «Если Вы имеете общественные пространства – Вы открыты для всего».

Определенно, что в США для российских планировщиков будет важным и поучительным опыт городов, которые признавались наиболее удобными и дружественными семейной жизни, – Портленд, Питтсбург, Сизтл. Впечатляющий пример достижений демонстрирует небольшая по населению Чаттануга (150 тыс. жителей). Для нас в Иркутске сейчас наиболее подходит опыт развития исторических центров в городах США и странах Скандинавии. И еще нам нужно обратиться в зарубежному опыту 1980–1990-х годов – это было время, когда города в Европе и Америке искали пути качественных, структурных изменений, для того чтобы занять достойное место в мире новой постиндустриальной экономики.

This situation is perfectly depicted in Eleonora Shevchenko's articles for the magazine "Zodchy. XXI century".

I recollect this story because I believe that it is necessary for every certain town to calculate and choose accurately – which functions of historical downtown to preserve at this point, and which functions to remove. This program on transformation of downtowns is now very topical all over the country. But I do not believe in efficiency and practicability of averaged decision as well as further implementation of the received standard decision in Russian towns.

Certainly, the process of transformation of downtowns may contain basic principles, but a certain action program should be created for a certain unique city. As for Irkutsk, today the most important and urgent thing is to choose the goals and guiding lines for city development, something like inventory of our objectives, possibilities and guiding lines, our claims and our problems. It is necessary to make a complex and interdisciplinary research of Irkutsk, like UNESCO did it in European cities in the 1970-1980-s (Barcelona, Frankfurt am Main, Rim in Italy, Visby in Sweden).

After such all-round researches it is much easier to choose a development strategy for Irkutsk downtown and for Irkutsk as a whole.

3. It is a good question! Architecture is art that belongs to everybody: citizens, tourists, photographers, painters, poets and politicians. "Star" architects are just necessary wherever people want to improve their town or a block of buildings. To improve now, at present, inter vivos. "Star" architects possess such skills. Their creation can make downtown richer and more diverse. Their view on local situation is fresh and sound, they are capable to develop possibilities not noticed by us, or to bring the epoch' breath of aesthetic quest to the city. In the world it is a usual experience of blocks transformation in historical downtowns. In Russia they have recently started a project aimed at attracting the "star" architects. Administration and enterprising groups in Perm offered an idea of transforming degraded blocks on the bank of the Kama River into a new cultural center of the city. They plan to build a new Museum of Fine Arts and to change functional, economical and aesthetic image of the district.

The most important thing in Perm project is comprehension that participation of world architecture masters in the competition to build the Museum of Fine Arts needs proper organization of the competition and jury staff. In order to let "the stars" create and build it is necessary to wish and to know how to conduct competitions and make projects according to the International Union of Architects Guidelines. Will Irkutsk become worse if the international design standard appears in our city? Irkutsk will not become worse, it will become better.

4. In 1999 Jan Gehl, Professor of Royal Danish Academy of Fine Arts, practicing architect and researcher of city environment, published in Copenhagen his book written in English – "New City Spaces". In his work he selected 9 best business and historical centers in the cities all over the world. It is reported that these 9 cities are the best, or some of the best created by the end of the XX century. Here are some of them: Barcelona in Spain, Strasbourg and Lion in France, Portland in the USA, Melbourne in Australia, Copenhagen in Denmark.

Speaking about each example, Jan Gehl asserts that it is necessary to return public spaces to cities. "If you have public spaces – you are open to everything".

Definitely, in the USA the experience of the cities assumed as the most comfortable and favorable for a family life – Portland, Pittsburgh, Seattle – will be very important and instructive for Russian planners. Chattanooga, a city with a small number of population (150 thousands), is also a striking example. Here in Irkutsk, it is more suitable for us to consider the experience of historical downtown development in the cities of the USA and Scandinavian countries. We should also refer to foreign experience of the 1980-s and 1990-s. It was the time when in Europe and America they searched for the ways of high-quality structural changes to occupy an adequate place in the world of new postindustrial economy.

1. Нужда в теоретических разработках и практических опытах по учету «архитектурно-градостроительного контекста» возникла в тот момент, когда сообщество (в том числе и архитектурное) осознано, что стремление бизнеса захватить самые привлекательные места для нового строительства грозит уничтожить местную историю и специфический облик европейских городов.

Сегодня «контекст» перестал быть доминирующей теоретической предпосылкой, так как его неумолимые требования стали для любого мало-мальски образованного профессионала очевидными настолько, что исключают уже любые сомнения: проектируешь в исторической среде – сохраняй, берегай и учитывай контекст.

2. От административных, офисных, торговых и всех сопутствующих (например, «тянущейся» к месту приложения бизнеса вынужденной парковки больших массивов транспорта).

3. Что касается Иркутска, то никакого! Никаких шедевров мировой архитектуры здесь не возникнет: мелковат масштаб. Но – что самое важное – и не нужно! Зачем они здесь? Не следует стремиться к превращению Иркутск в Нью-Васюки. Наше достояние заключено в превращении центра в мини-город-музей, причем интенсивно обживаемый и функционирующий – частные гостинички, лавочки, трактирчики, домашние пирожковые, забегаловки с традиционной сибирской пищей, комнаты в деревянных домах для временного обитания студентов и проч. Т.е. всем тем, что способно активизировать финансовую и организационно-предпринимательскую инициативу обитателей этого центра. Даже если в Иркутске и появятся шедевры мировой архитектуры, то смотреть на них никто специально не поедет, следовательно, никому из иркутян никаких доходов они не принесут и способа жизни не обеспечат.

4. На этот вопрос невозможно ответить в заданном формате, так как перечисление наименований не прояснит сути реновационных мероприятий и содержания муниципальных программ, осуществлявшихся в этих странах и городах. Подробное же описание, во-первых, займет много места, а во-вторых, невольно окажется абстрактным академическим знанием, неприменимым полностью к нашей ситуации. Нужно не примеры и преимущества чужой практики перечислять, а вкладывать усилия в спасение своего города.

5. «Разруха не в сортирах. Разруха – в умах». (Михаил Булгаков)

1. Вопрос об отношении новой архитектуры к старой застройке был одним из главных в почти полвека тому назад вышедшей и давно ставшей классикой книге Манфредо Тафури «Теории и история архитектуры». Мысль Тафури сводилась к тому, что история не ограничена историческим контекстом, что история живет в каждом творческом акте и пока архитектор, и архитектурный критик не поймут этого, они не смогут соединить такие разные проявления истории как центры старых городов и новейшие конкурсные проекты, музейное и живое, выставочное и повседневное. Никакие рецепты или радикальные идеи не заменят полноты профессионального мышления, а последнее, по Тафури, немыслимо без сплошной исторической рефлексии. Правда, Тафури полагал, что история уничтожает мифы. Я с этим не вполне согласен. Существуют мифы в виде исторических преданий. Но мифы не исключают мышления. Хотя, чтобы освоить и соединить мифологические и анти-мифологические виды мышления в едином духовном и профессиональном представлении, нужны решимость, энергия, осведомленность и кураж, готовность отказаться от самознания. Что, в совокупности, пока что едва ли нам по силам.

2. Освободить – то их можно от каких-нибудь функций. Но ведь вопрос, который за этим стоит, – а чем заполнить появившиеся вакансии. Стоило бы освободить исторические центры от всей той торгово-бюрократической суеты, которой полнятся наши города как в центрах, так и вне оных. Но чем их заменить, где найти несуетную активность? Мы же прекрасно понимаем, что, повесив на дверях пустых зданий таблички с надписями: «Центр углубленного самопознания», «Общество межкультурных диалогов», «Школа самоанализа и творчества» «Межконфессиональный дискуссионный клуб», «Парадоксы нанотехнологии», «Центр драматической интерпретации половозрастных рефлексий» и т.п. и т.д. мы создадим только

1. The need in theoretical works and practical experiments on taking into account “architectural and town-planning context” appeared when the society (including architectural one) realized that aspiration of business to seize the most attractive places for new building threatens to annihilate the local history and the specific image of European cities.

Today “context” is no longer dominating ideological premise, because its uncompromising demands became obvious for even a slightly educated professional. So these demands exclude any doubts: if you design in historical environment, you should preserve the context and take it into account.

2. Historical downtowns should be released from administrative, office, trading and all accompanying functions (for example, from the forced parking of bulk of transport in the business area).

3. As for Irkutsk, there is no place of the “star” architecture in the downtown! Masterpieces of world architecture do not appear here, for the scale is too small. But, the important thing is that there is even no need! Why should it be here? We should not aspire to turn Irkutsk into New Vasyuki. Our asset is in another thing. It is in transforming the downtown into a small museum city actively inhabited and functioning – private small hotels, shops, inns, snack-bars serving home-cooked patties and traditional Siberian food, rooms in wooden houses providing temporary accommodation for students and so on. That is all that is able to activate financial and organizational entrepreneurial initiative of downtown inhabitants.

Even if some masterpieces of world architecture appear in Irkutsk, nobody would come to see them here on purpose. So their existence would neither bring any profit nor ease the life for Irkutsk citizens.

4. It is impossible to answer this question within the frameworks of the survey, because simple enumeration of the names will never clear up the essence of renovation measures and the contents of municipal programs implemented in the countries and towns. As for detailed description, first it would occupy a lot of space, second it would unintentionally be some abstract academic knowledge not fully applied to this situation. We should devote efforts to saving our city rather than enumerating examples and advantages of other’s practice.

5. “Devastation is not in toilets. It is in minds”. (Mikhail Bulgakov)

1. The problem of modern architecture treating old building was one of the principle issues in “Theories and History of Architecture”, a classical book by Manfredo Tafuri published almost half a century ago. Tafuri believed that history is not limited by historical context – history lives in every creative action. Until an architect and an architectural critic finally realize it, they would not be able to combine such different manifestations of history as downtowns of old cities and new competitive projects, museum and live things, exhibition and everyday objects. Neither recipes nor radical ideas would be a substitute for entirety of professional thought, and professional thought is impossible without continuous historical reflection. But Tafuri supposed that history destroys myths. I do not fully agree with this. There are myths in the form of historical legends. But myths do not exclude thinking. However, to master and combine mythological and antimythological kinds of thinking in a single spiritual and professional idea, it is necessary to have determination, energy, awareness and courage, readiness to abandon self-conceit. Altogether it is probably beyond our strength.

2. Well they can be released from some functions. But the question behind it is what the new vacancies should be filled with. It is worth relieving historical downtowns of all this trade and bureaucratic fuss that our cities are full of both in their downtowns and outside. But what it should be replaced by? Where to find unfussy activity? We understand it quite clearly: when hanging the doorplates on the doors of empty buildings saying “In-Depth Self-Actualization Center”, “Intercultural Dialogues Society”, “Self-Questioning and Creation School”, “Interconfessional Debating Club”, “Paradoxes of Nanotechnology”, “Center for Dramatic Interpretation of Age Reflections” and so on, we shall create one more parody

Марк Меерович

Mark Meerovich

Александр Паннапорт

Alexander Rappaport,
Latvia

еще одну карикатуру на Утопию. Города и архитектура таковы, каковы люди. Если людям нечего сказать друг другу и онидохнут от тоски, то архитектурой их не оживишь, а уж тем более манипуляциями с функциями.

3. Это риторический вопрос. «Звездная архитектура» есть либо нечто неуместное, либо приемлемое всегда и везде в силу своей звездности. Чтобы найти чему-то место, нужно уяснить, в какой системе это место ищется. А «звездная» архитектура – явление принципиально анти-системное, в отличие, скажем, от помоек, которые, как правило, системны, но и помойки могут стать универсалиями, заменяющими систему целиком. Таковы и звезды – это антиподы помоек.

4. Наверное, пока еще Санкт-Петербург и Нью-Йорк. Хотя и тот, и другой грозят утратить это преимущество.

5. Только методом барона Мюнхгаузена, то есть вытаскиванием себя из болота за волосы или за уши. Но, если серьезно, то мы живем в счастливое время, когда понятие провинции уже не работает ни в России, ни на острове Пасхи, ни на Манхэттене. Провинция и как центр, могут быть повсюду, где есть люди, живущие глобальными проблемами и локальным достоинством. Интернет, спутниковое ТВ, мобильная телефонная связь полностью уравнивают возможности жителя Елисейских полей и перулка Космонавтов в Шепетовке. На вопрос – что нужно иметь, чтобы написать «Критику чистого разума»? теперь следует отвечать: две вещи – бумагу и чернила.

Дмитрий Фесенко

Dmitry Fesenko, editor-in-chief of magazine "Architecturny Vestnik", Moscow

1. В западной архитектурной критике со второй половины 1990-х гг. понятие «контекст» обретает расширительные толкования – помимо чисто географического ему вменяются временные, личностные и пр. содержания. Что идет ему на смену? Арт-жест как самоценная репрезентация авторского видения, по возможности – «звездного». В российских условиях, где любая тенденция имеет обыкновение доводиться до крайности, до своего экстремума, это чревато подавлением культурной идентичности и структурно-функциональной вменяемости города.

2. Прежде всего от офисной (но, разумеется, опять же не до «отказа») и крупноформатной торговли (супермаркеты). Первая должна по возможности компактно размещаться за пределами исторического центра города на специально отведенных территориях с соответствующей транспортной доступностью, инженерной обеспеченностью и пр., вторая – концентрироваться на вылетных магистралях, при въезде в город.

3. «Звездная» архитектура могла бы выполнять роль магнита – фокусов как внутригородской, так и туристической активности. В любом случае лучше, чтобы это были единичные объекты культурного профиля, расположенные в тщательно просчитанных, выверенных точках городского плана.

4. В мире существуют две основные модели совмещения/разведения исторического ядра города и административно-делового центра: парижская (щадящая) и лондонская (не взирающая на...). Все остальные располагаются в пространстве между этими полюсами. Остается сделать выбор в пользу одной из них...

5. Некампанейская, кропотливая работа по стимулированию и поддержанию местных инициатив (из чего не следует игнорирование внешних инвестиций). В Иркутске имеются позитивные примеры такого рода – та же гостиничка/кафе «У Егорова» в историческом деревянном доме на улице Грязнова. Все упирается в государственное благоволение к малому бизнесу (в его деятельной, неформальной разновидности) и целенаправленное выращивание многострадального среднего класса.

Алексей Чертилов

Alexey Chertilov, Irkutsk

1. Если рассматривать контекст в широком смысле (не стиль же), то он уже, надеюсь, никуда не денется. Потому что именно это архитектурное движение может и дальше способствовать регулированию процессов (если мы к этому стремимся), обеспечивающих целостность городской среды и комфортность проживания, то есть элементарную защиту гражданских, конституционных прав россиян. К сожалению, сегодня взамен этого направления (пусто место не бывает) в массе, как плесень, плодится вневстилевая, если угодно – нестилевая архитектура, а значит – никакая, значит – не Архитектура (как искусство), а строительный утиль, что является зловещим, но временным явлением, ее сменит опять какой-нибудь Нью-Стиль. Пугает новое дьявольское

of Utopia. Cities and architecture are like people. If people have nothing to say to each other, being bored to death, they cannot be livened up by means of architecture, especially of manipulations with functions.

3. It is a rhetorical question. "Star architecture" is either something inappropriate or something acceptable always and everywhere owing to its stardom. In order to find a place for something, one should clear up in what system he looks for this place. But "star" architecture is fundamentally antisystemic phenomenon, in contrast to garbage dumps, for example, which are usually systemic. However, garbage dumps can become universal, taking the place of the system as a whole. Such are the stars – they are antipodes of garbage dumps.

4. Probably, for the time being, Saint Petersburg and New York. Both threaten to lose this advantage though.

5. Only by Baron Munchausen's method, that is by pulling oneself out of marsh holding one's hair or ears. To be serious, we live in a happy time, when concept of province works already neither in Russia, nor on Easter Island and Manhattan. Province, like center, can be wherever you find people's life absorbed in global problems and local dignity. Internet, satellite TV and mobile telephony fully equalize possibilities of a dweller of Champs-Élysées and one of Cosmonauts Lane in Shepetovka. When asked what you need to write "Criticism of Pure Mind" now you should answer: "only two things – paper and ink".

1. Since the second half of 1990-s in western architectural critique "context" has been acquiring broad interpretations. Except being purely geographical, it is regarded as temporal, personal and other. What is going to replace it? Art-gesture as self-valuable representation of an author's vision, where possible – a "star" vision. In Russian conditions, where every tendency is usually carried to an extreme, it is fraught with suppression of cultural identity, as well as of structural and functional sanity of a city.

2. First of all, they should be released from an office function (of course, also not to an extreme) and from large-format trading (supermarkets). The first function should be compactly placed outside the historical downtown, on specially assigned territories with appropriate transport availability, engineering provision and so on. The second function should be centered on outgoing main lines, at the entrance to the city.

3. "Star" architecture could serve as a magnet – a focus for both intercity and tourist activities. Anyway, it is better to offer single objects of cultural type placed in carefully counted and adjusted points of city layout.

4. There are two principal models of superposition / separation of city historical core and administrative-business center: in Paris (a sparing model) and in London (without regard to...). All other models are located in the space between these two poles. It remains only to choose in favor of one of them...

5. Well-planned careful work on stimulation and support of local initiatives (it does not follow from this that one should ignore external investments).

There are some positive examples in Irkutsk: a small hotel/café "U Egorova" in a historical wooden house on Gryasnov Street. Everything turns on state benevolence towards small business (in its active informal variant) and purposeful raising of this long-suffering middle class.

1. Considering context in the broad sense (not as a style), I believe it will not disappear now. For this very architectural movement can further promote regulation of processes (if we aim at it) that provide integrity of city environment and comfort of dwelling, that is common protection of civil and constitutional rights of Russian people. Unfortunately today, instead of this course (nature abhors a vacuum), out-of-style or unstylish architecture propagates like mould. It means it is not an Architecture (as an art), but a building junk, which is though sinister but a temporary phenomenon. It will be replaced again by some New-Style. What frightens much is a new devilish invention, like "facade design". For example, in some cities the chief architects

изобретение вроде «дизайна фасадов» – например, в ряде городов их главные архитекторы выдают, наравне с понятными АПЗ, еще «Архитектурно-художественные задания» (АХЗ).

2. Для этого сначала необходимо определять функциональные приоритеты, сохраняя и развивая функциональное разнообразие городских центров. Это особенно актуально для поселений, «перегруженных» исторически ценной застройкой, где помимо бесспорно устойчивых и полезных, а значит «невыносимых» административных, жилых и коммерческих зон, возможно, сохранились традиционные для конкретного города, только ему присущие производственно-промышленные, складские, другие специфические зоны, которые могут быть интересны и доходны тому же турбизнесу. А поэтому такие проблемные на первый взгляд в современных условиях исторические комплексы, объекты могут (должны) оставаться в центрах и использоваться по первоначальному назначению. Наиболее острую транспортную проблему необходимо решать путем ликвидации и недопущения произвольного распространения функций, которые являются притяжением лишнего для центра транспорта – крупной и оптовой торговли, административно-банковской, спортивно-массовой, объектов высшего образования. Еще одна вредная функция – транзитная, когда через центр пропускаются значительные нерегулируемые потоки транспорта, несвязанные с его жизнедеятельностью.

3. «Звездной» архитектуре – «звездное» место. Иначе и быть не может. Это визуальные и смысловые реперы, маяки, композиционные и градостроительные акценты, доминанты. Без них не будет своеобразия, привлекательности городов. Существует только два пути формирования архитектурно-звездными объектами центров городов. Или «звезды» будут появляться осмысленно в «правильных» местах, выявленных и утвержденных какой-то композиционной схемой, градооформлением, учитывающей исторические тенденции развития города, его ценные планировочные, градостроительные, ландшафтные параметры. Или это будет отдано на откуп «естественного», хаотичного хода развития, то есть на усмотрение строительного бизнеса, потакающего интересам инвесторов, частного капитала, но не интересам горожан в целом, на перспективу. Что сегодня в России практически повсеместно и происходит.

4. Могут сказать только про родную Восточную Сибирь и Забайкалье. Их столицы – Иркутск, Улан-Удэ, Чита и города иже с ними – к таким практикам (и теориям) явно не относятся.

5. А). Совершенствование налогового законодательства. Во-первых, оставлять больше средств в региональных и муниципальных бюджетах; во-вторых, концентрация налоговых отчислений организаций, фирм должна осуществляться не по месту их регистрации, а по месту их непосредственной деятельности, строительной в частности. В противном случае, Москва будет пухнуть от нагрябленного и архитектурно жиреть, а провинциальные города и городишки – пухнуть от финансового голода, являющегося, в том числе, причиной их архитектурно-градостроительной отсталости.

Б). Принятие типа градСНиПов как на федеральном, так и на региональном, муниципальном уровнях.

В). Создание нормативно-градостроительной, правовой базы, в частности – подробных и прозрачных правил землепользования (зонирования) и застройки, градостроительных регламентов.

Г). Совершенствование методики и форсирование разработки проектно-градостроительной документации, которая бы отвечала современным требованиям бурной, быстро меняющейся жизни.

Д). Преодоление чувства ревностного чванства и местничества по отношению к заезжим мастерам-архитекторам.

Е). Развитие центров городов, реконструкция застройки, строительство объектов в знаковых, культовых местах, в сложившихся градостроительных ансамблях, площадях, на магистралях должна осуществляться на конкурсной основе, с привлечением лучших отечественных и зарубежных планировщиков и архитекторов, с исключением кулуарности согласования проектов и предвзятости отдельно взятого должностного лица, чиновника от архитектуры.

Ж). Провоцирование любыми способами поддержания и развития замечательной российской традиции (где-то – создания ее заново) провинциальной самобытности провинциальных городов, «нестоличности» их архитектуры (в том числе столиц регионов).

issue “architectural art assignment”, together with comprehensive architectural planning assignment.

2. First it is necessary to determine functional priorities, while preserving and developing functional diversity of downtowns. It is especially topical for the cities “overloaded” with historically valuable buildings. Here, except undoubtedly steady and useful, that is “intolerable”, administrative, residential and commercial areas, there are peculiar industrial, storage and other specific areas traditional for the certain city, which may be interesting and profitable for tourist industry, for example. That is why, such historical complexes and objects, at first sight having problems in current conditions, may (they ought to) remain in downtowns and be used as they are primarily assigned to. The most critical transport problem should be solved by liquidating and debarring from voluntary distribution of functions, which attract excess transport: large-scale and wholesale trading, administrative, banking and sports functions and objects of higher education. One more harmful function is a transit one, when considerable unregulated traffic currents not bound with downtown life go through this downtown.

3. “Star” architecture should occupy a “star” place. It cannot be otherwise. It is visual and semantic reference points, beacons, compositional and town-planning emphasis and dominants. Cities could not be peculiar and attractive without it. There are only two ways of forming downtowns with the help of “star” architecture objects. Either “stars” will appear in deliberately “proper” places determined and approved by a compositional layout and town-planning documentation taking into account historical tendencies of city development, its valuable town-planning and landscape parameters. Or it will be handed over to “natural”, chaotic progress, that is to building business, while indulging concern of investors, private capital, but not citizens’ interests on the whole, not to prospects. Today this situation can be observed everywhere in Russia.

4. I can say only about Eastern Siberia and Zabaikalye. Their capitals – Irkutsk, Ulan-Ude, Chita and others of that ilk – do not belong to such practices (and theories).

5. А) Improvement of tax legislation. First to leave more money in regional and municipal budgets; second to concentrate tax proceeds from organizations and firms not according to their registration, but to the place of their actual activities, building ones in particular. Otherwise Moscow will swell with loot and grow architecturally fat, and provincial towns will swell with financial hunger, which is a reason of their architectural and urban backwardness as well.

Б) Adoption of urban building regulations both on federal and regional, municipal levels.

В) Creation of standard urban legal foundation, particularly detailed and transparent land-utilization (zoning) and building rules, town-planning regulations.

Г) Improvement of techniques and enforcement of working out of project urban documentation, which could meet present-day requirements of the rapidly changing life.

Д) Overcoming the sense of zealous arrogance and regionalism towards newly arrived skilled architects.

Е) Development of downtowns, reconstruction of development, building objects in significant places, formed urban ensembles, squares and highways should be based on competition, attracting the best domestic and foreign planners and architects, excluding approval of projects behind the scenes and bias of an individual, an architectural official.

Ж) Intensively provoking support and development of a wonderful Russian tradition (or somewhere creating it anew) of provincial uniqueness of country towns and “uncapital” features of their architecture (including those of regional capitals).

Марк Элленберг перевел наши вопросы в удобную для него форму, и мы их повторяем в его интерпретации.

1. Доминирующая идеологическая предпосылка

100 лет назад главным условием в деле застройки города была гарантия ежедневного снабжения населения едой, то есть наличие ферм, рынков и транспортной сети. С 1950 г. в этом вопросе стала доминировать только проблема транспортных сетей, а продукты могли уже поступать из все более дальних регионов, со всего мира. Наряду с этой эволюцией основное влияние на проектирование зданий, их использование и размеры оказывала экономика. За последние 20 лет кризис окружающей среды, включая загрязнение воздуха и воды, добавил шума в городах, а кризис социальной изоляции, охватывающий пожилых, бедных людей и инвалидов, привел к концепции устойчивого развития, применяемой к городу.

Но «устойчивое развитие» объединяет в себе слишком много элементов, что не позволяет определить его в качестве управляющей концепции. Не односложно и практически невозможно удовлетворить все его запросы в случае с локализованным проектом. Вы можете только апостериори проверить, соответствует ли проект этой «устойчивости», но вы не можете использовать проект априори, чтобы определить его главные направления.

В наше время на местном уровне, по всей видимости, необходимо определить зону действия проекта. Горожане в качестве главной задачи выражают желание быть в безопасности, иметь хорошее здоровье и уют. Руководство добавляет к этому экономии энергии и избавление от парникового эффекта.

Большое влияние на жизнь в городе все это время оказывало пользование личными автомобилями. Не сложно предсказать, что через 50 лет на передний план вернется роль пеших прогулок и велосипедов, а также роль зданий с чистым производством энергии для собственных нужд.

2. Перегрузка исторических центров

У меня нет полной уверенности в том, что исторические центры перегружены, исключая, разве что, автомобильный транспорт. На самом деле мы обеспокоены тем, что жители все больше предпочитают уезжать из центра, чтобы поселиться за городом. Но есть ли необходимость исключить какие-либо виды деятельности, которые сейчас существуют в городском центре? Разумеется, загрязняющие отрасли промышленности уже удалены из центров городов, и это правильно. Большие деловые и административные офисы могут располагаться на окраинах при условии, что надлежащий общественный транспорт будет связывать эти офисы со всеми районами города. Необходимо сохранить разнообразие использования исторических центров. Лучше всего было бы обратить внимание на развитие средних по размеру городов, нежели исключать какие-либо функции из больших центров.

3. Звездная архитектура

Жизнь внутри шедевра культурного наследия – это роскошь, для большинства горожан недостижимая. Жизнь вблизи такого шедевра играет выдающуюся роль в деле образования людей. И если унаследованных шедевров пока не существует, создать такие шедевры – это наш долг.

4. Лучшие примеры мировой практики

Повторное освоение речных берегов – источник нового взгляда на городские центры. Большинство городов были основаны вдоль рек. В тех случаях, когда реки не были засыпаны или преобразованы в элементы дренажной системы, многие прибрежные полосы были превращены в автомагистрали, стоянки или просто оставлены как есть. Сейчас они должны стать отправной точкой для новых честолюбивых замыслов. Первоочередной задачей является улучшение качества воды и возможность сделать ее позитивной составляющей проекта развития. Создание пешеходных дорожек, зеленых участков и всей сети зеленых насаждений, проникающих в город, берет свое начало у реки. Затем представляйте себе новые здания, появляющиеся в симбиозе с рекой.

Разделение общественного пространства: здесь должно быть только два вида улиц. Первый вид – где безопасно сосуществуют все участники движения: пешеходы, велосипедисты, автомобили, автобусы, а значит и скорость здесь не должна превышать 30 км/ч. И улицы, где разделенные части поверхности предназначены определенному участнику: велосипедные дорожки, автобусные полосы и т.д. . .

Соединение застройки с региональной железнодорожной сетью: сейчас крупные жилые комплексы, коммерческая и деловая застройка должны располагаться в пределах 500 метров от железнодорожной станции. И если существующая сеть недостаточна, для нового района нужно спланировать новый железнодорожный путь.

Marc Ellenberg expressed our questions in a form more convenient for him, so we repeat these questions in his interpretation

1) The dominating ideological premises

100 years ago the main obligation for the development of a city was to guarantee that the population can be daily provided with food : existence of farms, markets and transport network. Since the year 1950 the only question of transport networks dominated the subject, allowing products to come from farther and farther regions all over the world. Together with this evolution the economy ruled the way of designing the buildings, their use, their dimensions. For the last 20 years the crisis of environment, with air and water pollution added to the noise of the city, and the crisis of social exclusion, for elderly and disabled and poor people, lead to the concept of sustainable development applied to the city.

But “sustainable development” incorporate too much elements to be defined as a steering concept. It is multiple and almost impossible to satisfy on all of its components for a localised project. You can only check a-posteriori that a project complies with “sustainability”, but you can not use it a-priori to determine the main lines of a project.

The local debate and local concertation seem nowadays needed to define the envelope of a project. Main objectives expressed by citizens are : be safe, healthy, comfortable. The leaders add spare energy and avoid greenhouse effect.

Life in the city has been progressively dominated by the use of personal cars. It is predictable that in the next 50 years the role of walking and cycling will come back at the front stage, together with buildings producing their own and clean energy.

2) Overload of historical centers

It is not sure that historical centers are overloaded, except with car traffic. In fact we are worried to see the residents progressively choosing to leave the center for extra-urban locations. But is there a need to exclude some types of activities that we see today in downtowns ? Certainly polluting industries no more exist already in the centers and that's good. Large offices of business and administrations could be installed in the outskirts, only if efficient public transports can be provided to link them with all the districts of the town. The diversity of the use of historic downtowns must be preserved and it is better to think about the development on mid-sized towns than to exclude some activities of large ones.

3) Star architecture

Living inside a masterpiece of cultural inheritance is a luxury, unreachable for the majority of the citizens. Living near such a masterpiece is a prominent value for the education of people. And if inherited masterpieces don't exist, it is our duty to create them.

4) Best practice

The re-conquest of river banks : the seeds of a new vision of city centers. Most of the cities were established along rivers. When rivers were not covered or transformed in elements of the drainage system, many riversides have been transformed in motorways, in parkings, or abandoned. Now they must be the starting point of new ambitions. The initial challenge is to improve the quality of the waters and give the possibility of making them a positive element of a development project. Creating footpaths, green strips, and a full network of greenery penetrating the city take their roots at the river. Then imagine the new buildings in symbiosis with the river.

Share the public space : there should be only two types of streets: those where all kind of users are safely mixed : pedestrians, bicycles, cars, busses, which implies that the speed is limited under 30 km/h, and those where delimited parts of the surface are specifically devoted to different types of users : cycle lanes, bus lane, etc. . .

Link the development of buildings with the regional rail network: major housing, commercial and business development need now to be designed within 500 meters of a railway station. And if the existing network is scarce, then plan a new railway track for the new district.

Круглый стол «Иркутская агломерация: проблемы и стратегии градостроительной политики»

8 июня в рамках VII Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири - 2007» по программе «ГРАДСОВЕТ» в Доме архитекторов прошел Круглый стол «Иркутская агломерация: проблемы и стратегии градостроительной политики».

В нем приняли участие: Буйнов Алексей Николаевич – главный архитектор Иркутской области; Вайнберг Эмма Ильинична – к.геогр.н.; главный специалист «Гипрогор» (Москва); Вендина Ольга Ивановна – к.геогр.н., ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований, Институт географии РАН (Москва); Григорьева Елена Ивановна – председатель Правления ИРО СА России, член-корреспондент РААСН; Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, ЦНИИП градостроительства (Москва); Колесников Александр Альбертович – директор ЦНИИП градостроительства, канд. архитектуры, советник РААСН (Москва); Лидин Константин Львович – к.т.н., доцент ИргУПС; Ляпин Андрей Александрович – доцент ИргТУ; Макаров Андрей Юрьевич – генеральный директор ОАО «Иркутскгражданпроект»; Нечитайло Владимир Константинович – доцент ИргТУ; Протасова Екатерина Васильевна – начальница отдела Генплана ОАО «Иркутскгражданпроект», советник РААСН; Рожанский Михаил Яковлевич – к.филос.н., научный директор Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск); Савельев Дмитрий Сергеевич – директор Департамента экономического развития Фонда регионального развития Иркутской области; Фесенко Дмитрий Евгеньевич – профессор МААМ, главный редактор журнала «Архитектурный вестник» (Москва); Чертилов Алексей Константинович – эксперт-консультант Вост.-Сиб. управления Федеральной службы, Росохранкультура, член ИКОМОС, доцент ИргТУ; Шахеров Владимир Петрович – к.и.н., председатель Комитета по охране объектов культурного наследия.

Ведущий – Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, канд. архитектуры, профессор, советник РААСН.

Публикуется с сокращениями (только заглавные выступления участников). Мы также предоставили возможность О. Вендиной и А. Колесникову возразить Д. Савельеву, который своим выступлением поставил под вопрос смысл проведения настоящего Круглого стола.

Полный текст хранится в архиве ПБ.

Марк Меерович. Иркутская организация Союза архитекторов России и Оргкомитет фестиваля ставят своей задачей создание дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем проекта агломерации, которая рассматривается как способ удержания катастрофически убывающего населения территории Иркутской области. Качество среды создаваемого нового города-миллионника также оказывается важной позицией проекта.

Судьба исторического центра Иркутска, который испытывает жесткий натиск крупного строительного бизнеса, поддерживаемого городскими властями, – один из ключевых моментов кардинального изменения ситуации в регионе. Является ли историческая застройка Иркутска – не только памятники, а рядовая застройка, сложившаяся среда, – шансом обрести новый импульс для развития? Вот вопросы сегодняшнего обсуждения.

Алексей Буйнов. Алексей Буйнов. Во многих странах сегодня возникают агломерации, которые осуществляются на различных основах. Мы сами уже год разбираемся с этим термином, открывая все новые грани его содержания. Это термин градостроительный, экономический, но, к сожалению, не юридический. Попытка ввести этот термин в российский градкодекс пока не удалась. Тем не менее, работа над проектом иркутской агломерации идет, ее завершение планируется к середине следующего года. И сейчас есть возможность внести в нее определенные коррективы.

Мне кажется, что неперенными составляющими агломерации являются всемерное повышение привлекательности территории Иркутска, повышение уровня и качества жизни людей, проживающих здесь. О необходимости создания инвестиционных проектов говорят все, но привлечь инвесторов пока не получается. При этом их интересуют «сумасшедшие» проекты (вроде строительства самой дорогой в мире гостиницы), которые привлекают массу инвесторов. В Иркутске надо придумать нечто похожее, по крайней мере, достаточно своеобразное и «безумное»: такую идею, которая для всех станет привлекательной и знаковой. Именно такой результат нужен.

Константин Лидин. Моноцентричность – полицентричность в мировом и отечественном градостроительном опыте. В 1998 году по заказу ООН на деньги Всемирного банка реконструкции и развития большая международная группа экспертов построила комплексную систему оценки качества городской среды. Была проведена оценка качества городской среды примерно 240 городов мира, в том числе одиннадцати городов России. Результаты занесены в международные документы и уже много лет активно используются при экономическом моделировании. Примерно треть из шести десятков параметров относится не к самому городу, а к агломерации вокруг него. Полицентричность городов заложена в образ жизни, по крайней мере, некоторых европейских государств, которые на сегодняшний день никаких проблем с оттоком населения не испытывают; скорее, наоборот, – можно говорить о расцвете этих европейских регионов. Но в той же Европе можно наблюдать и примеры тяготения к моноцентричности: такие тенденции демонстрируют Франция, Великобритания.

Марк Меерович,
Алексей Буйнов,
Эмма Вайнберг

Эмма Вайнберг,
Алексей Чертилов,
Леонид Коган,
Владимир Нечитайло

Сопоставляя тенденции развития городов к объединению в одном центре или разрастания за счет появления множества центров, любопытно «пересечь» эти тенденции с социально-психологическими факторами: удовлетворенностью жителей, привлекательностью для инвесторов. Современная экономическая наука утверждает, что инвесторы, вплоть до самых крупных инвестиционных проектов, принимают решения чаще всего под влиянием чисто человеческих мотивов: нравится или не нравится, вызывает доверие проект или нет. «Доверие» оказывается ключевым словом при анализе экономических и социальных процессов. Связь полицентричности – моноцентричности и доверия очевидна. Чем меньше доверяет правительство своему народу, тем больше это правительство старается подчинить единому контролю все стороны социальной жизни. Этот путь, ведущий к максимальной централизации, тоталитаризму, связан с минимальным уровнем доверия к социуму. Полицентричность же связана с повышением уровня доверия; тогда полномочия делегируются локальным центрам и распределяются гораздо равномернее. Результаты опроса показывают, что противники и сторонники агломерации тоже делятся по этому признаку. Опасения, что Иркутск подавит другие локальные центры агломерации, в первую очередь – Шелехов и Ангарск мотивируются высоким уровнем недоверия к иркутскому правительству. Оно само приложило много усилий к тому, чтобы ему не верили; действительно, о чем ни заговорит мэр, он начинает выглядеть как враг своего города. Противоположная точка зрения, которая говорит о привлекательности агломерации, апеллирует к повышению доверия: давайте все-таки будем верить друг другу, верить в добрую волю. И если возобладает эта тенденция, то инвестиционные потоки сюда направятся. Я повторяю то, что мне кажется очень важным: инвестиционная активность напрямую и очень жестко связана с уровнем доверия инвестора к инвестиционному проекту. Анализируя причины непривлекательности Восточно-Сибирского региона для инвесторов, мы обычно пренебрегаем социально-психологическим фактором. В результате удивляемся: где же инвестиционные потоки? Но не сами ли мы делаем так много, чтобы нам никто не верил?

Политические решения, которые принимаются на региональном уровне, почти не обсуждаются в печати. Об агломерации мало кто знает. Большинство жителей региона вообще не понимают, что это слово, собственно, обозначает? Люди связывают ее с каким-то конкретным проектом: строительством моста, приличной дороги до Усолья... Пока степень информированности останется на таком бытовом уровне, агломерация в глазах людей будет только политической игрой, которую и поддерживать незачем, и доверять ей ни к чему. Пока нет прозрачности, нет и сотрудничества.

Владимир Нечитайло. Система центров иркутской агломерации. Я проинформирую собравшихся о результатах восьмой сессии Байкальского Зимнего градостроительного университета, темой которого была иркутская агломерация. Здесь представлены результаты двухнедельной работы четырех международных групп. Даже при очень скромном уровне информативности, который мы смогли обеспечить, полученный результат представляет некоторый интерес. Материалы переданы в фонд регионального развития, но работа с ними еще продолжается. Главный вопрос, который мы ставили на сессии – о взаимосвязи городов Иркутск-Ангарск-Шелехов. Не учитывалось взаимодействие «город-район», что внесет очень серьезные коррективы в общую схему.

В работах отчетливо видны две тенденции: усиление роли коммуникаций и переход к полицентрическим структурам. Использовалась самая свежая информация, демонстрирующая расчлененность и некоторую полицентричность Иркутска на данный момент. Две озаначенные тенденции характеризуют процессы и межгородского, и общегородского характера; эти процессы взаимосвязаны. Какие сопутствующие факторы имеются в нашем случае? Наличие очень больших пространств, занятых природным ландшафтом разного качества – это один фактор, он усиливает полицентричность. Второй фактор – это экологические соображения: определенный состав и плотность застройки, ее высота тоже ограничивает и расчленяет плотный городской организм. В этом генерализированном материале все четыре варианта планировочных схем можно охарактеризовать как полицентричные в рамках межгородского пространства. В них прослеживаются общие особенности. Во-первых, это укрупнение масштаба планировки: абсолютно все авторы оперируют более крупными планировочными ареалами, чем традиционные планировочные схемы. Группа С выделяет 3 планировочных сектора: зону аэропорта, центральную рекреационную зону и транспортно-плани-

ровочный коридор, объединяющий территории трех городов. Во-вторых, авторы вводят новый принцип планировочного подхода к пространству: это не только компактные планировочные зоны, но и планировочные направления. Этот принцип довольно отчетливо прослеживается практически в любой схеме. В-третьих (что нам кажется очень важным), авторы отошли от традиционного функционально-планировочного расчленения территории, и их метод можно охарактеризовать как ландшафтно-планировочный, т.е. ландшафтный фактор является существенным добавлением к принципу членения территорий. Это видно в зеленых коридорах, разделяющих единое пространство агломерации, при выделении зеленого «ядра», которое объединяет его, или в сочетании того и другого. Ландшафтно-планировочный подход очень актуален. За пределами обсуждения остался вопрос взаимодействия транспорта межгородского и внутригородского – так называемая проблема входных «узлов» в города. Этот вопрос, к сожалению, остался открытым. И последнее. В проекте группы А есть очень любопытный подход к концепции центра Иркутска. Он не сводится к выделению территории исторического центра. Авторы намечают более крупный сектор, который включает часть левого берега Ангары, северное направление (район Жилкино, захватывая и часть предместья Марата). Это пространство объединяется новой системой транспортных вводов, уже существующих и проектируемых. Таким образом, понятие центра существенно изменяется и функционально, и планировочно, и композиционно. При этом открываются дополнительные возможности сохранения исторического центра города.

Леонид Коган. Качество среды – качество горожанина. Многие проблемы, возникающие в связи с иркутской и другими агломерациями, до сих пор не то что не решаются, но и не осознаются. Агломерационность в процессе урбанизации – это проявление закономерностей, которые не зависят ни отдельно от воли населения, ни от воли администрации, ни от воли инвесторов, которые должны понимать, что они не только инвесторы, но и граждане, горожане, а сам бизнес немислим без города и горожан. Процесс урбанизации старше и феодализма, и капитализма, у него свои закономерности, своя динамика взаимоотношений между центральным и периферийным, срединной и другими частями, которые не выводятся ни из экономики, ни из медицины, ни из чего. Они существуют именно внутри процесса урбанизации. Я думаю, что проблема иркутской агломерации – это проблема пропорций, динамики соотношений между тем, что является центральным сегодня, и тем, что может явиться центральным завтра. Я имею в виду не только центры городов, но и городскую культуру, сознание горожан. Сегодня большие города, которые раньше могли рас-

считывать на предварительную «фильтрацию» своего населения, испытывают сильное давление деревенских мигрантов. Но это предполагает взаимную уступчивость и взаимную терпимость и того, кто приезжает, и того, кто является коренным жителем. Пока еще эта проблема концентрируется вокруг этноса, который начинает влиять на городские взаимодействия и городскую культуру. Равновесие между центром, периферией и срединным слоем городской структуры разрушается. Больше всего страдает от этого «срединный элемент» урбанизации. В Сибири можно оказаться перед угрозой большого бизнеса без малого и среднего: именно те слои, которые должны работать на бизнес, оказываются вне игры. Агломерация превращается в инструмент давления крупного бизнеса на власть и на средний слой. Для того чтобы этого не произошло здесь, надо проводить обследования. Тогда многие вопросы прояснились бы, стало бы понятно, как соотносятся взаимные давления и взаимные претензии Шелехова, Иркутска и Ангарска.

Еще в 1847 г. в книге «Россия и русские», изданной в Париже на французском языке, Н.И. Тургенев писал, что у России нет выхода: она или должна примкнуть к европейской цивилизации, или примириться с поражением. Другого способа жить у нее нет. Но отсюда вытекает необходимость активизировать внутригородские процессы. И пока Иркутск, Ангарск, Шелехов и другие города не станут полноценными городами в цивилизационном смысле слова, эффективное объединение проблематично.

Михаил Рожанский. Центр Иркутска как публичное пространство. Иркутск находится в ситуации контрапункта своего развития. Десятилетия и столетия он был в определенном смысле центром экономической активности, культурной и общественной жизни. Но он попал в ту же ловушку своеобразия, что и другие исторические сибирские города, уже давно обретшие свою «уездную судьбу»: Тобольск, Енисейск, Кяхта, Олекминск. Историческое и культурное наследие в этих случаях воспринимается как несомненная ценность, как ресурс, безусловно обеспечивающий внимание внешнего мира, но при этом мы не умеем им распоряжаться именно как ресурсом. Мы не умеем разбираться в нем как в условии своего развития, в результате возникает противопоставление развития и наследия. И нас ставят перед выбором: или развиваться, или сохранять наследие. Какие бы интересы ни стояли за идеей агломерации, она дает историческому центру определенный шанс вписаться в развитие, для которого идея полицентризма очень важна. Развитие исторического центра Иркутска – не уничтожение, а именно развитие – может стать инвестиционным проектом или площадкой для инвестиционных проектов. Возможно, не масштабных, не крупных, но в совокупности они начнут работать на развитие города как открытого пространства. Я хочу сказать о двух вещах.

1. Атмосфера центра города. Решающий вопрос – может ли воздействовать социально-психологическая атмосфера центра города на публичное пространство? Уже несколько лет иностран-

ные и отечественные туристы, посещающие Иркутск, дают ему негативную оценку. Речь идет не только о сервисе, но и об агрессивном настроении, о беспорядке на улицах, о запущенности центра. Это решающий вопрос и для туризма, и для людей, которые делают выбор между отъездом или жизнью в нашем городе. Сложилось так, что центр города наполнен офисными, в ряде случаев – жилыми зданиями, которые не предполагают активной публичной жизни. Никакие развлекательные учреждения эту общую атмосферу не переломят. Вот первый вопрос, который может решаться совместными усилиями и не требует больших инвестиций. Есть поразительный для иркутяна факт: в последние два года люди сравнивают Иркутск и Улан-Удэ не в пользу Иркутска. Лет пять назад это невозможно было себе представить. Что же произошло? В Улан-Удэ небольшие фрагменты центра, создающие его атмосферу вечером и днем, зажили активной публичной жизнью. Маршруты фланера проходят по площадкам, на которых происходит что-то интересное и безопасное. У нас фрагменты такой интересной безопасной жизни появляются, но создание публичного пространства необходимо стимулировать. И для этого требуется меньше средств, чем для устройства массовых праздников, которые адресованы толпе, массе, а не ориентированы на создание такой жизни.

2. Деревянный центр, кварталы и участки деревянной застройки исторического центра должны работать на позитивную атмосферу города. А это вопрос и о собственности, заинтересованном собственнике, и о «комьюнити» – объединении, когда у людей обнаруживаются общая заинтересованность в привлекательном облике территории вокруг его дома. Это инвестиционный проект, связанный с развитием и поддержкой малого бизнеса. В Иркутске примеры этого чрезвычайно фрагментарные, они не вписываются в общую политику.

Андрей Ляпин. У процесса агломерации есть частные аспекты. К ним относится уже назревшая для Иркутска, Ангарска и Шелехова потребность в создании трех технически организационных систем, которые, при решении их в рамках агломерации, приобретают новые качества и дают новый результат. Наша агломерация уже созрела для создания общей транспортной системы. Нужно, чтобы транспортная система трех городов изменилась, приобрела более гибкий характер и включила новые виды транспорта, рассчитанные на экономию времени. Вторая система, потребность в которой есть и которая уже может быть создана для всей агломерации, – это система рекреационных территорий, природных парков, исторических монументов. Этот аспект связан с ценностями, в частности, с отсутствующей атмосферой доверия, которая важна для жителей. Сегодня в Иркутске никто не знает, когда вырубят и застроят ближайший парк. То же самое касается и пригорода. Масса жителей Ангарска и Иркутска отдыхают в шелеховском районе. Нужна единая система парков для развития общей зеленой зоны, проект которой разрабатывался для Иркутска, Ангарска,

Владимир Нечитайло,
Александр Прокудин,
Андрей Ляпин,
Ольга Вендина,
Дмитрий Савельев

Шелехова, Усолья-Сибирского в 1986 г. Третья система связана с утилизацией мусора. Как в любом городе, мусора много, но даже на начальной стадии вопрос о сортировке мусора по видам, о создании мусороперерабатывающего завода мы не поднимаем.

Владимир Шахеров. Исторически любая городская среда всегда шире городских границ, и влияние города ощущается постоянно. Иркутск тоже задумывался как Большой Иркутск; города, которые возникли около него как города-спутники, так или иначе, были в орбите Иркутска. Для Иркутска агломерационный подход – шанс, позволяющий совместить наследие с развитием, ибо ситуация с наследием в городе не просто серьезная – катастрофическая. На сегодняшний день нет никакой общей стратегии, программы, ни финансовых обоснований по реконструкции, сохранению наследия. В этом сказывалась инерция областных и городских властей, которая и сейчас с трудом преодолевается. Но если Иркутск в рамках агломерации начинает приобретать значение именно как город исторический, то нам просто никуда не уйти от реальных конкретных шагов по сохранению наследия. Можно и нужно сохранять традиционный облик Иркутска, его исторической части в контексте его модернизации и развития. Город – не музей, он не может быть полностью законсервирован и восстановлен, но при этом есть немало образцов удачного сочетания новой и старой застройки в других регионах и странах. Прежде всего – это проблема для архитекторов, строителей, но у нас просто нет другого пути, мы должны идти в этом направлении. Я думаю, что и проект агломерации, разрабатываемый по инициативе администрации, и юбилей Иркутска через 5 лет – это последние шансы вывести город на действительно современный уровень в сохранении наследия. Есть очень много отдельных предложений о подходе к сохранению наследия и к выбору тех площадок, которые в первую очередь должны быть восстановлены.

Дмитрий Фесенко

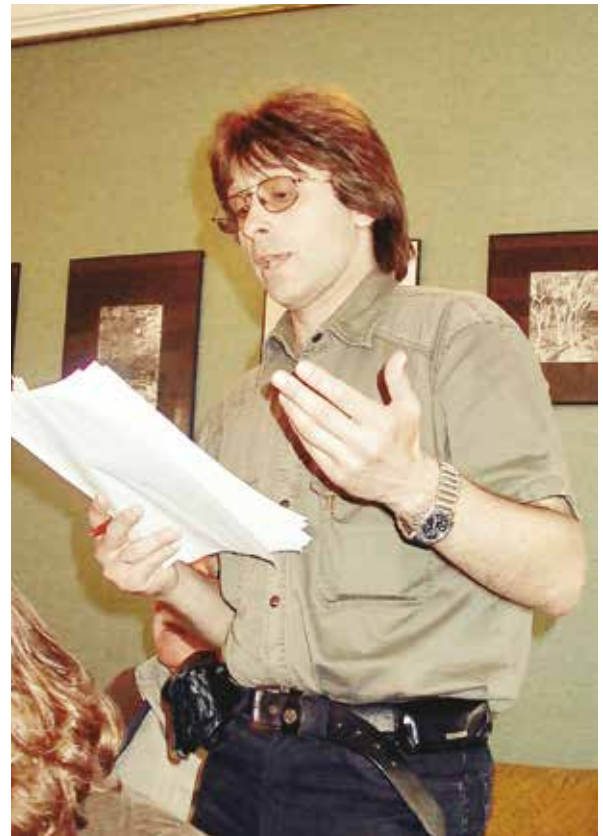
Дмитрий Фесенко. Особенности планировочной структуры и застройки Иркутска позволяют говорить об исторически сложившемся градостроительном и средовом потенциале, который нуждается в сохранении и преемственном развитии, безотносительно к политико-экономической основательности агломерационной перспективы. Обозначим эти специфические черты, составляющие местную городскую идентичность.

Прежде всего, это потенциальный полицентризм Иркутска как следствие территориально-пространственной дискретности структуры поселения, разбросанности составляющих город планировочных единиц по площади га. Понятно, недостатки такого положения суть продолжение достоинств: среди них – дефицит связности, в том числе визуально-пространственной, а также постоянная опасность возникновения новых градостроительных ошибок, которые, надо сказать, обнаруживают себя с завидной последовательностью: из недавних упомянем жилой дом с куполами на улице Лапина, Госуниверситет путей сообщения и строящийся жилой дом «Зеон» в Свердловском районе.

Следующее неоспоримое достоинство Иркутска – наличие реки, исполняющей роль планировочного и композиционного стержня, удивительная распахнутость речных панорам, обилие набережных, остро нуждающихся в дообустройстве и реорганизации (протяженность благоустроенных набережных не превышает всего 2-х км!), множество островов и кос, придающих своеобразную живописность ландшафтно-градостроительному целому.

Важнейшую роль в формировании лица Иркутска играет пара пересекающихся планировочных осей, задающих пространственный каркас исторического ядра города: это улицы Ленина и Карла Маркса, кардо и декуманус, впрочем, сходящиеся не совсем под прямым углом. Их застройка четко маркирует центральность того или иного фрагмента городской ткани, дистанцированность от сердца города с его сосредоточением и переплетением административных, общественных, культурных, образовательных и рекреационных функций. Площадь Кирова с ее дивным сквером с фонтаном по центру и легкой кривизной очертаний (в настоящий момент реконструируется) – яркий аккорд на завершении одной из этих осей – улицы Ленина.

В ткани города с очевидностью представлена множественность сохранившихся исторических слоев застройки, начиная от классицизма и деревянной вестилевой архитектуры XVIII в. и заканчивая конструктивизмом (к сожалению, его не так много и датирован он не 1920-ми, а 1930-ми годами – в соответствии со здешним всегдашним запаздыванием) и позднесоветским модернизмом, образуя палимпсест, о чем могут только мечтать многие города (особенно – в европейской части страны) в специфических российских условиях, характеризующихся прерывностью

исторического развития и склонностью к периодическому переписыванию истории набело.

Иркутск обладает едва ли не градообразующим слоем деревянной застройки – от фоновой до памятников архитектуры (последний статус, как мы видели, не может служить охранной грамотой – взять тот же дом Шубиных). Эскалация инвестиционного пресинга – опять же безотносительно к перспективе легитимизации агломерационных чаяний – может привести к непоправимым последствиям: об этом свидетельствует опыт исторических городов – как в европейской части страны, так и в самой Сибири.

Наконец, необходимо указать на креативный всплеск 1970-1980-х гг., отчетливо прослеживающийся в структуре городской застройки, когда современная архитектура Иркутска благодаря творческой активности и напористости В.Павлова и его школы поднялась на всесоюзный, если не международный уровень. Специалисты, впервые очутившиеся в Иркутске, не могут не испытывать профессионального наслаждения, бродя по улицам города и выискивая все новые постройки мастера: всего авторских, не считая принадлежащих его ученикам – более десятка. Апогей, как кажется, жилой комплекс и банк на Российской улице – да, это взрыв среды, но какой взрыв! Уж кто-кто, а В. Павлов имел право на арт-жест – из нашего исторического далека это очевидно.

Опознаваемость его произведений – едва ли не стопроцентная: диалог честных поверхносте й: кирпичная кладка/необработанный бетон, любование массивом стены, подчеркнутая брутальность, рубленость форм, могучие кряжи-пилоны, пропускающие пространство сквозь себя, скошенные односкатные или плоские кровли, пластическая избыточность, достигаемая сдвигом осей, нарастанием и убыванием масс и др. У него есть целый ряд излюбленных приемов и мотивов, кочующих из работы в работу – от стеклянной коробки балкона-веранды с подрезанным верхом до открытых взгляду мегалитических опор, не стесняющихся своего грубо-индустриального – лоу-тековского, как бы мы сегодня назвали – происхождения.

Вероятно, обозначенными выше шестью обстоятельствами самобытность Иркутска не исчерпывается. Однако именно они – все вместе и каждое в отдельности – вносят свой вклад в формирование собирательного образа города. Необходимо отдавать себе в этом отчет перед лицом надвигающейся угрозы – и, одновременно, чаемого блага – в виде притока инвестиций.

Алексей Буйнов. Алексей Буйнов. О программе комплексной реконструкции целостных фрагментов исторической среды центра г. Иркутска. Я полностью согласен с Андреем Макаровым,

что надо ставить диагноз. Нужно поставить диагноз, назначить лечение и лечить, а мы вокруг диагноза все ходим... У нас странно получается: и диагноза не ставим, и аспирин глотаем. На наших глазах происходит «умирание от аспирина», вот и дом Шубиных горит уже в который раз... Мы пока опираемся только на созданный инвестиционный фонд, пытающийся собрать под свое крыло всех работающих в рамках идеи агломерации людей. Конструктивные предложения пока исходят только оттуда.

Сохранение памятников, воссоздание среды – часть тех мероприятий, которые вошли в документ территориального планирования (мне кажется, раньше они более правильно назывались – «документ территориального развития»). Московские реставраторы за основу взяли постулат – создание среды и поиск инвестора. Инвестор, как многие считают, – это человек, вкладывающий деньги только ради прибыли. Мне кажется, что инвестору надо объяснить все, что вы считаете нужным, создать условия, чтобы он зарабатывал деньги правильно. Никто же не говорит инвестору, как правильно зарабатывать деньги, поэтому он идет и зарабатывает их как может. Меня очень интересует опыт Барселоны, где были сформулированы сначала цели при наличии жесточайших ограничений, а затем, в рамках этих целей, поставлены задачи. Ошибки есть и в Барселоне, но город, который был практически уничтожен гражданской войной, стал одним из красивейших городов мира. Главное – что там делали дело, и делали его так, что город стал достойнейшим местом проведения многих форумов мирового уровня.

Когда возникает потребность в воссоздании исторической среды – эту потребность надо реализовывать. Сейчас разрабатывается 2-3 проекта, где речь идет именно о воссоздании среды. Мы все субъективны, у каждого из нас свое мнение, и для всех правильно сделать нельзя. Действительно, нужна конкретика. Мы, как консилиум врачей, ставим диагнозы до бесконечности, а в результате потеряем мы деревянный город. Я выскажу, может быть, крамольную мысль: некая дестабилизация все-таки нужна. А то сделали генплан города, сейчас он будет утвержден. В генплане города все хорошо: там, где нет памятников – там, естественно, развитие. А как быть памятниками, от кого и как их охранять – непонятно. Почему в Барселоне люди действуют, а у нас ожидают непонятно чего? То же и с агломерацией: люди ездят из Усолья в Ангарск, из Ангарска в Иркутск. Система мобильной связи одна, инженерные системы уже через 10-15 лет будут общие. Агломерация будет сама по себе развиваться, а мы будем при всем этом обсуждать?

Алексей Чертилов. Агломерация: формирование или сохранение культурного потенциала? Существует два возможных варианта организации центра будущей агломерации: использовать площадку центра города и развить ее в новый административный центр с новым статусом или организовать для нового центра другую площадку. Таким образом можно освободить существующий центр, вынеся имеющуюся административную нагрузку за его пределы. По первому сценарию мы, безусловно, теряем в массе то наследие, о котором уже говорилось; останутся только единичные экземпляры. Второй сценарий позволяет сохранить этот центр как единый организм, несмотря на то что он сегодня очень непривлекательный. Мое мнение – категорически нельзя останавливаться на первом варианте.

Своеобразие центра города, по-моему, включает его историчность, культурность, планировку, ландшафт, деревянное наследие, разнообразие в застройке (даже пласт типовых домов 60-70 гг. тоже придает колорит городу), многофункциональ-

ность. В этом его историческое значение, его и надо сохранять. Подчеркиваю: и жилые массивы усадебной застройки, которые вызывают наибольшую аллергию и у властей, и у жителей, потому что многие из них находятся в аварийном состоянии. Если мы это сохраним, город будет очень интересным.

В эту зону надо включить не только центр города, но и прилегающие территории: например, Нагорную часть, где у нас запланирован многоэтажный жилой микрорайон Парковый. Эту зону нужно оставить в неприкосновенности как малоэтажную, блокированную усадебную застройку. Очень интересной будет композиция малоэтажной традиционной застройки и нового многоэтажного административного центра. Кроме Нагорной части, Рабочее и Знаменское предместья, частично Глазково. Этот круг расширяет понятие исторических границ центра города.

Мне кажется, что по поводу центра города в первую очередь надо создать абсолютно новый и для страны, и для Иркутска документ. В нашем законодательстве есть понятие «предмет охраны памятника» или «предмет охраны объекта культурного наследия». Если мы выполним такой документ об охране исторического центра города как объекта культурного наследия, то получим импульс к созданию механизма сохранения города как целостного, своеобразного и разнообразного. Если мы установим, что главной ценностью исторического Иркутска является деревянная, массовая усадебная застройка, его чудом сохранившаяся планировочная структура, то дальше под этим лозунгом, ради этой цели сможем принимать полезные решения и для жителей, и для приезжающих, туристов. Тогда мы не потеряем город. То, что сегодня творится в строительном бизнесе – распределение площадок как попало и где попало, конечно, продолжаться не может, но, к сожалению, продолжается. В связи с этим в первую очередь надо определить функциональность деревянных зон. Самый консервативный вариант – это музеефикация. Уже разрабатывается (пока в кулуарах) план создания на базе одного, наиболее ценного деревянного квартала музея деревянной архитектуры и городского быта Иркутска. Я думаю, что опыт создания музеев деревянного зодчества под открытым небом, получивший распространение в мире и в Иркутской области, можно применить и для центра города на базе городской застройки. Второе – обязательная передача деревянной застройки малому бизнесу и превращение в гостинично-туристические, коммерческие зоны. Это должны быть целые комплексы, а не единичные объекты и единичные усадьбы. Третье, очень важное именно для центра Иркутска – сохранение жилой функции усадебной застройки. Если мы сможем сохранить сегодняшнее разнообразие, то центр Иркутска будет очень привлекательным. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: очень богатые горожане на окраинах пытаются строить себе коттеджи, без инженерных сетей, без поддержки всякими технологиями – и проваливаются: деньги вкладывают и дальше не живут. В это время в центре строительный бизнес осваивает площадки под социальное жилье, продавая его богатым людям. Все поставлено на голову: в особняках живут бедные, которые не способны их содержать и тем самым уничтожают, а в социальное жилье загоняем миллионеров, которые способны старое жилье реставрировать и содержать. Я уж не говорю про материал стен – дерево, самый комфортный, самый благоприятный для проживания. Чтобы делать то, о чем я говорил, существуют градостроительные нормы, которые приняты Градкодексом, – это проекты планировки.

Эмма Вайнберг. Центр агломерации. Центр Иркутска. В отношении названия и содержания агломерации нет общепринятых точек зрения, в том числе и среди географов, которые в большей степени и занимались этим видом расселения. ГИПРОгор осуществил довольно большой комплекс градостроительных работ по Иркутской области в целом, по отдельным внутрипланировочным работам, по генеральным планам городов, в том числе Братска. Тот коллектив, который я представляю, выполнил последний вариант генерального расселения на территории России. За это (редкий случай!) была получена Государственная премия. И первый раз в таких документах агломерация названа агломерацией. По нашему представлению, в доперестроечное время города свыше 350 тыс. могли сформировать агломерации в силу разных причин: исторически сложившихся особенностей расселения, природных особенностей. В Иркутске мы имеем дело с явной агломерацией. Она сформировалась в связи с тем, что Иркутск, имея экологические и территориальные ограничения, выплеснул из себя в 50-60-х гг. два крупных промышленных комплекса – ангарский и шелеховский. Нельзя сказать, что с экологических позиций рационально было размещать их в долине Ангары, но теперь это неважно – города были созданы. Что такое агломерация в моем представлении? Это группа территориально сближенных поселений, имеющих функциональные различия и тесные взаимосвязи. Мне представляется, что налицо достаточно тесная взаимосвязь между тремя названными городами. Есть разные точки зрения о границах агломерации. Минимальный ее размер – это три города и их районы. Можно говорить о расширительном представлении об агломерации, тогда в нее войдут зоны второго порядка: Усолье-Ангарск, направление в сторону Усть-Орды. Но самое сложное и привлекательное – это направление в сторону Байкала; Иркутский район содержит наиболее привлекательный кусочек его побережья.

Для того чтобы определить границы агломерации, необходимо проводить исследования. У вас достаточный научный потенциал, чтобы это сделать. В проектах, которые я видела как член жюри, под представленные решения не было никаких обоснований, они фрагментарны. Население вашей агломерации, по минимальным подсчетам, уже перевалило за 960 тыс. человек, она концентрирует больше 40% населения области, свыше 50% основных фондов (жилищного строительства и инвестиций). Но агломерация – понятие сугубо практическое: эта территория связана многоаспектными связями, ее нужно так и развивать, так к ней и относиться. Это должно отражаться и в будущих планах управления, и в проектной деятельности. В пределах агломерации нельзя отдельно рассматривать поселение и не учитывать всю сумму взаимосвязей в пределах территорий. Все, что делается в пределах агломерации, должно учитывать интересы всех участников жизнедеятельности. Только в этом случае может быть обеспечен какой-то успех. Нельзя идти на варианты сращения населенных пунктов. Нужно обязательно сохранить уникальные зеленые разрывы. Сам Иркутск, очень аморфное образование; для того

чтобы структурировать его, тоже нужно достаточно много усилий. Для этого нужны объекты, которые могли бы интегрировать пространство. Мне представляется, что иркутские власти могут сделать своим приоритетом союз муниципальных образований, образующих агломерацию. Это законодательством допускается, но, поскольку только что установили границы всех муниципальных образований, нет других форм объединить это пространство.

Теперь о «заказе» на миллионный город. Нельзя административными методами увеличить население какого-то города при том, что Сибирский округ каждые 5 лет теряет население, равное Иркутску, а Иркутская область, соответственно, – равную Усолью или Усть-Илимску. Еще один сложный вопрос – за счет чего развивать Иркутск. Мне кажется, нужно определить приоритетные, узловые функции Иркутска и сконцентрировать внимание на их развитии. В работе по России в целом, которую я упоминала, Иркутск рассматривался как подцентр Восточной Сибири, центр Байкальского региона с населением свыше 4,5 млн. человек. Я думаю, что последние десятилетия не изменили соотношения сил между Красноярском и Иркутском. Традиционно Иркутск был культурным центром Сибири, и проведение фестиваля «Зодчество» об этом свидетельствует. Функции, которые имеют явный потенциал, нужно распространить на более обширное пространство. Влияние выше власти, как говорят китайцы. Но это влияние требует создания коммуникаций, прежде всего аэродрома, что также будет связано с развитием туристских функций. «Ушибленность пространством», о которой говорил Бердяев, проявляется по всей России, в том числе в районе иркутской агломерации. Мы не привыкли рационально его использовать, и в этом колоссальная беда. Создание нормальной среды – это ресурс привлекательности: когда у тебя нет элементарного, то никакие проекты и изюминки тебя не спасут.

Туристский потенциал и вход на Байкал. Мне представляется, что эти территории столь значимые и столь уникальные, что нужно объявлять российский и международные конкурсы и на освоение луча, и на создание туристско-рекреационной зоны.

О Китае. Эта страна с совершенно другим менталитетом, но все-таки она близко. У Китая очень большой экономический потенциал и желание работать в России; Санкт-Петербург не боялся привлечь китайцев для крупного инвестиционного строительства. Они готовы, как я слышала, строить аэропорт.

Судьба аэропорта обсуждается многие десятилетия, и вряд ли что-либо изменится, если не будут использованы какие-то нестандартные методы. Мы теряем время в Транссибирском коридоре, также можем потерять и здесь. Когда к Дэн Сяопину обратились с вопросом об экспансии населения в Россию, он сказал, что если Россия будет сильна – мы будем ее уважать, но если будет слаба, то нам будет трудно удержаться. В среднесрочной перспективе трудно предположить, что у нас будет возможность предохранить себя от экспансии, поэтому лучше добровольно идти на какие-то совместные проекты. Иркутск – Харбин – это очень интересный луч, который может быть использован в туристском отношении.

О центре. У нас нет времени ждать с историческим центром. Деревянные центры всех городов Сибири находятся в сходном положении. В Тобольске ничего не делают – и все разрушается. В Тюмени дали волю строительному бизнесу – и центр потерян. Нужно приходить к консенсусу, как сочетать сохранение с новым делом, но с учетом среды, которая есть.

Екатерина Протасова. Имеются ли в пределах иркутско-ангарско-шелеховской агломерации резервы территории для размещения нового центра? Более точно было бы поставить вопрос по-другому: нужны ли вообще эти резервные территории для размещения нового центра при создании такой агломерации? Иркутскгражданпроект разрабатывал 3 генеральных плана, близких по времени и подходам: для Ангарска (2003-2005 гг.), Шелехова (2002-2004 гг.) и Иркутска (2001-2006 гг.). Каждый из этих городов – самостоятельное образование со своей функциональной специализацией. Иркутск – и многоплановый, и многофункциональный, и многоаспектный город. В схеме агломерации он занимает центральную позицию в планировочном отношении, в своем значении и назначении. Я считаю, что не вынос центра надо сегодня обсуждать и не диагноз, который пятаются ему поставить. Если мы сконцентрируем усилия на конкретных вопросах и определим те приоритеты и точки роста, по которым уже давным-давно есть решения, то давайте вложим туда деньги, которые должны выделить Иркутску в ближайшие два года, чтобы мы привели себя в порядок к своему юбилею. Давайте решим транспортные проблемы, которые существуют сегодня в городе, и рецепты для их решения заложены в генеральном плане, в про-

ектах планировки Кировского и Октябрьского районов. У нас есть более насущные проблемы, чем вынос функций центра. В сентябрь-октябре нам обещают ввести в эксплуатацию новый мост. Но куда он придет, с какими проблемами тогда столкнется Иркутск? Ведь это будет полный коллапс транспорта! У нас есть уникальная градостроительная территория – развязка нового моста. Это высокая часть города, оттуда открываются уникальные панорамы города, она не занята даже средней застройкой, имеющей историческую ценность. Давайте рассматривать эту территорию как ресурс для административного центра.

Мне очень понравилось то, что сказала Эмма Вайнберг: с позиций проектирования, когда просматривается вся картина в целом, действительно, надо говорить о слиянии городов. Даже из экологических соображений Иркутск и Ангарск должны иметь зеленый разрыв, который препятствовал бы негативному экологическому влиянию Ангарска на Иркутск. Отношения между городами должны быть союзом муниципалитетов, направленным на создание благоприятной среды для каждого города. Мы вчера проехали по Ангарску и Шелехову; очень разными были ощущения от городов. Абсолютно ухоженный, красивый зеленый Ангарск, с малыми формами, вылизанными фасадами – прекрасное впечатление. Иркутск – это сплошная транспортная пробка, не видишь ничего, кроме разбросанности, разобщенности и огромного потока транспорта. Шелехов – какой-то провинциально-промышленный город, в котором никому нет дела до среды обитания, которая там налицо.

Александр Колесников. Агломерацию как предмет исследования и проектирования мы все понимаем по-разному, поэтому нужно сформулировать для себя, что это такое – иркутская агломерация, не сводя ее к проблемам Иркутска. На общероссийском уровне уже приняты кое-какие документы, включая Градостроительный кодекс, который позволяет оперировать территориями агломерации, как фрагментами территорий субъектов федерации. К сожалению, этого не делает администрация Иркутска. Она заказала Российскому государственному научно-исследовательскому и проектному институту урбанистики РФ схему территориального планирования Иркутской области в целом, но вряд ли таким образом можно получить четкий ответ о стратегии развития именно иркутской агломерации. Возникают новые вопросы: что, например, делать с северными территориями, с БАМом... Вышел свежий «Терминологический словарь по градостроительству» и появилась «Национальная доктрина градостроительства России». Если мы будем опираться на эти документы, то многое уясним для себя и примем как базу для объединения наших усилий. В определении агломерации как ее признак подчеркивается наличие «общего использования межселенных территорий и ресурсов». С моей точки зрения, это главная проблема в формировании и функционировании агломерации. Безусловно, здесь обсуждались важнейшие вопросы: историко-культурное наследие, транспорт и проблемы власти в муниципальных образованиях. Но главное – это межселенные территории, с этим нужно считаться, и это главное, о чем мы здесь не говорим. Я обращаюсь ко всем, в том числе и работникам фонда территориального развития: давайте, пока мы не разберем эту проблему применительно к Иркутску, не проектировать ничего!

Иркутская агломерация давно существует и работает, в том числе и в историческом центре: в ценности улицы Карла Маркса никто не сомневался, но она была «заткнута» заводом Куйбышева. Ни в одном из предлагаемых проектов прошлого не говорилось, что завод надо вынести, потому что он кончил Ушаковку, кончил интендантские сады... Хотим мы того или нет, город – это саморегулируемая система, которая и без нас будет жить, пусть даже и в уродливом виде. Просто нужно давать рекомендации на основании исследований, а не переносить центры куда-то, чтобы центр Иркутска перестал быть центром целого городского региона. Он будет здесь, хотим мы того или нет. В прежней планировке принимались во внимание, прежде всего, промышленные, экономические приоритеты, ориентированные на обеспечение работы промышленного потенциала территории. Сегодня следует предвидеть усиление гуманитарной и социальной направленности зодчества и градостроительства в противовес экономическим и политико-ведомственным приоритетам. Поэтому на первый план в проектах агломерации, я считаю, выступают вопросы, связанные с Байкалом: Иркутск воспринимается как город на Байкале всеми туристами и многими жителями страны. Жить у Байкала и не использовать этот потенциал с учетом процессов урбанизации, не включить его как градоформирующий потенциал агломерации означает

непонимание процессов, которые происходят. Второе – это, безусловно, потенциал историко-культурного наследия города. В отличие от других городов агломерации, Иркутск никогда не был промышленным центром. Он был центром культурным, политическим, финансовым, научным, но только не промышленным. Ангарск – молодой город, но с точки зрения историко-культурной – это город Победы. И это ценнейшая основа для всех амбиций Ангарска в процессах агломерации.

В России не существует агломерации как объекта управления. В США существует понятие «юридический город» (откуда берутся налоги и т. д.), «фактический город» (он определен на уровне законодательства и является объектом исследований, мониторинга, «плавающей границы» города). А есть еще «ареальный город», еще более крупная система, которая исследуется и является объектом всех статистических данных. На этой статистике делаются прогнозы и проекты тех объектов, которые находятся в зоне этой агломерации. Я думаю, прежде всего, срочно нам нужно заняться именно этим. Не проектированием и даже не прогнозом, а исследованием с точки зрения новой доктрины градостроительства и отведенной политической роли Иркутска как стабильного миллионного центра развития Восточной Сибири. Нужно найти деньги и срочно заняться этим и агломерацию вывести в самостоятельный объект исследования, проектирования и прогнозирования.

Ольга Вендина. Иркутск: центр города или центр агломерации? Почему здесь, в Иркутске, возникает проблема конкуренции городского центра и центра городской агломерации? Потому что развитие агломерации связывают в первую очередь с развитием самого Иркутска. В моем же понимании агломерация – развитие межселенных территорий, того же байкальского луча. Если мы смотрим на развитие агломерации с точки зрения развития Иркутска, то действительно, возникает проблема достаточно жесткой конкуренции центра города и центра агломерации. А почему возникает вопрос о необходимости центра агломерации? Потому что иркутская агломерация хоть и существует, но она слабо структурирована: с очень плохой транспортной связанностью, с практическим отсутствием инфраструктуры совместного использования. Она требует консолидации, скрепления рыхлого, аморфного пространства. Поэтому иркутская агломерация нуждается в своем центре; более того, и сам Иркутск нуждается в крупно-городской среде, которая бы подчеркивала его деловую значимость. Вариантов решения всего два: либо в историческом центре Иркутска, либо вне его. Существует два сценария. Первый я условно назвала «московским» – он соответствует модели моноцентрического развития. Второй соответствует модели полицентрического развития – «стамбульский» сценарий. Почему Стамбул? Во-первых, Стамбул – гигантская 15-тимиллионная агломерация, которая формируется вокруг деревянного города, что очень важно для Иркутска. Оказывается, существование деревянного центра вполне совместимо с многомиллионной агломерацией. Во-вторых, Стамбул – реально полицентричный город.

Каковы выгоды и издержки каждого из этих сценариев? Московский: центр города и центр агломерации совпадают. Первая выгода – мощная концентрация всех инвестиций. В

Константин Лидин,
Дмитрий Савельев,
Екатерина Протасова

результате идет очень быстрое и эффективное развитие: ставка на новое строительство, которое начинает расчищать городские завалы; обновляется не только городская застройка, но и городские коммуникации; в городе очень быстро становится красиво. Все начинают гордиться Москвой. Очень быстро происходит капитализация участков земли, которые тоже становятся доходной базой, в том числе и для муниципалитета. Эти сверхдоходы, с одной стороны, перенаправляются в бизнес. С другой стороны, за счет бюджетных средств решаются и социальные проблемы, и внебюджетные задачи вроде строительства храма Христа Спасителя или еще чего-то, что имеет большую имиджевую значимость. Издержки я бы разделила на три сорта: экономические, социальные и политические. Экономические издержки. Во-первых, потенциал экономического бума центра города исчерпывается, в Москве он уже исчерпан. Возникает сверхконцентрация рабочих мест, как следствие, это ведет к полному транспортному коллапсу. «Перегрев» экономики связан еще и с тем, что Москва сейчас единственный фокус мощного экономического роста нашей страны, и «нефтяные» деньги, кроме московской недвижимости, инвестировать некуда. Во-вторых, несмотря на выгоду быстрой капитализации вложений, еще быстрее растут бюджетные затраты на поддержание инфраструктуры. Мощное развитие центра приводит к тому, что построено третье транспортное кольцо, сейчас строится четвертое кольцо. Но нужно простоять в пробке полтора часа, чтобы попасть в московское Сити. Сверхвыгодность центра приводит к невероятным бюджетным затратам на строительство инфраструктуры. Это плохо. Последняя важная издержка – то, что возникает потребность создания дублирующего центра, что и произошло в Москве (он не очень верно размещен, но тем не менее есть). Политические издержки. Это конкуренция идентичностей; в таком ареале, как Иркутск, это будет дестабилизировать политическую ситуацию, на каждых выборах вы будете иметь конфликт Иркутск-Ангарск-Шелехов и еще плюс 73 населенных пункта. Социальные издержки – резкое расслоение, поляризация населения. Опустынивание центра, ибо центр – сверхпривлекательное для инвестиций место; порядка 40-60% вложений в жилье московского центра – инвестиции в жилье, которое никогда не будет заселено. И, наконец, резкий контраст центр – периферия.

Стамбульский сценарий. Стамбул – город изначально полицентричный, фактически в Стамбуле каждое место имеет свою функцию. На окраине города есть деловой центр с колоссальной многоэтажной застройкой, возле аэропорта такой же мощнейший торгово-выставочно-логистический центр. И есть деревянный туристический центр, в котором реализуется все то, о чем вы рассказали. Все эти три вещи совместимы. Выгоды понятны: первое – нет конкуренции функций, второе – город сохраняет инвестиционную привлекательность и, одновременно, дешевищу

инвестиций. Инвестору интересно туда приходиться потому, что сопутствующие издержки сравнительно невысоки. И сохраняется аутентичная среда, потерю которой мы все так переживаем в Иркутске. Каковы издержки? Первое. Все та же транспортная проблема, ибо развитая система центров требует не менее развитой транспортной системы. Не будет этого – не состоится иркутская агломерация как полюс роста. Второе. Стамбул – город очень контрастный. Но при этом город не стигматизирован бедностью: в каждом районе есть какие-то фокусы роста, достаточно интересная текучая жизнь. Следующий минус – отсутствие быстрых впечатляющих темпов развития и трансформации городской среды, которые мы видим в Москве. Конечно, возобновление и реинвестирование деревянной застройки происходит за счет мелкого и среднего инвестора. Теперь вопрос: кто инвестор? Это не дядя с мешком денег; реальный и наиболее массовый инвестор – население. Собственно, вложение инвестиций в себя – это и есть инвестирование в развитие территорий. В Стамбуле вся деревянная застройка – сплошные гостиницы, магазинчики, торговые улицы, торговые зоны, улицы ресторанов. Рядом существует (в этом тоже шарм) абсолютно ветхая застройка.

Что выбрать во всем этом Иркутску, зависит от того, какие задачи здесь будут решаться. Мне кажется, прежде всего – это задача интеграции и консолидации населения, чтобы не возникло политических проблем. Если центр агломерации будет совпадать с историческим центром Иркутска, эту проблему не удастся решить никогда: всегда будет конфликт идентичностей, и перебороть его будет невозможно. По такому сценарию и транспортная проблема не разрулится тоже. И третье. Историческая среда Иркутска – не только оберегаемое историческое наследие, но и решение проблемы бедности населения, потому что это ресурс развития малого и среднего бизнеса. Восстанавливая среду, можно выстраивать индивидуальные стратегии личного успеха. Не будет этой возможности – вы теряете один из ресурсов развития. Я не думаю, что надо выносить центр Иркутска куда-то за пределы города. Он достаточно разбросанный, чтобы найти компактную площадку для строительства нескольких небоскребов. Но это должно быть ярко, талантливо, в одном месте и вне исторического центра.

Дмитрий Савельев. Новый административный центр – импульс развития межселенных территорий. Задача моего сообщения – подвести промежуточный итог и обозначить позицию фонда регионального развития. Да, исследования необходимы, но есть риск заняться просто процессом, не поставив первоначально каких-то целей. Иркутск, как и любой город, нуждается в искусственно создаваемых импульсах развития. Такими импульсами способно стать любое крупномасштабное строительство, обеспечивающее ускоренную капитализацию земли и недвижимости: строительство нового аэропорта, новые промышленные объекты в специально проектируемых индустриальных парках, крупные жилые массивы, строительство транспортных коммуникаций и культурно-развлекательные, торговые, спортивные, и – что важно – рекреационные сооружения. Одной из таких точек роста является формирование нового административного офисного центра в результате выноса существующих административных функций за пределы нынешнего центра. Это решение способно не только инициировать мощное новое строительство, но и решить проблему сохранения исторического центра. Следует подчеркнуть, что подобное решение невозможно в рамках существующего пространственного территориально-административного деления. Фонд регионального развития в качестве нового административного объекта рассматривает агломерацию, которая способна не только объединить Иркутск-Ангарск-Шелехов, предоставив им возможность ускоренного развития вследствие повышения мобильности населения, но и включить в зону развития новые межселенные территории. Данное организационное решение позволяет расширить территориальные резервы города Иркутска. Например, сегодня существует острая необходимость в массовой, не элитной, максимально сниженной по стоимости застройке жилых массивов. Уже определено, что в рамках существующих границ это сделать невозможно. Новый административный центр способен стать не только связующим элементом между городами, входящими в состав агломерации, но и стать поводом возведения всей сопутствующей инфраструктуры: гостиниц, конференц-залов, офисов и т.д. По данным ИРГТУ, из Ангарска и Шелехова в Иркутск ежедневно прибывают на учебу, работу около 26 тыс. человек. Не все они устремлены в центр Иркутска, но из-за пространственной организации города оказывают влия-

ние на нагрузку транспортной системы. Администрации Иркутска имеет смысл обратить свое внимание на то, что прибывающие трудовые ресурсы никак не компенсируют расходы на поддержание этой инфраструктуры, потому что такого механизма просто нет. В данных условиях выгодно вынести административный деловой центр на нынешнюю периферию. По моим мыслям, это место схождения федеральных трасс, дорога М-53, где организуется обход города Иркутска (как вариант для рассмотрения).

Иркутск стоит на пороге изменения своей структуры независимо от того, говорим мы слово «агломерация» или не говорим, ускоряем мы ее или оставляем идти естественным ходом. В чем заключается это изменение? В возможности бегства из города. Сейчас платежеспособное население строится в пригородных поселках и на этом попадает в ловушку. Но как только они будут снабжены централизованной инфраструктурой, будет проведен водовод и централизованная канализация, платежеспособное население переориентируется на пригород. Это происходило во многих западных городах. Учитывая прошедшие выборы в Иркутском районе и приход новой активной команды из сферы бизнеса, этот сценарий уже начинает реализовываться. В этом случае Иркутск может уничтожить свое историческое наследие и остаться с новым, выстроенным, но никому не нужным центром.

Считаю, что Иркутск имеет шанс на развитие исторического центра, что может выразиться в его туристической привлекательности: Иркутск является воротами для паломников к природным объектам. Я имею в виду не только Байкал, но и Тункинскую долину Республики Бурятия, и другие природные объекты; при правильном организационно-управленческом подходе это станет потенциалом развития Иркутска. Все понимают, что предложение о выносе центра сталкивается с сопротивлением, ясны и причины: высокая капитализация земли и недвижимости в существующем историческом центре Иркутска. Это притягивает, позволяет называть рядовую деревянную историческую застройку «ветхим фондом» – и тотально ее сносить. В заключение хотелось бы сказать, что прозвучало уже достаточно много идей и разных мнений. Главное – что по результатам данной встречи будет сформулирована резолюция, подведены итоги. Я надеюсь, что фонд регионального развития и выступает координирующим органом, и готов полученные результаты вставить в разрабатываемые документы.

Ольга Вендина. Первое. Мне кажется странной идея делать центр на пересечении федеральных дорог: из Москвы, Владивостока, даже Красноярска в Иркутск никто ездить не будет, а будут летать самолетом. В этом смысле было бы логичнее совмещение дороги и аэропорта. Второе: такая крупно-городская среда должна становиться визуальной осью, ориентиром по всему городу. Третье: бизнес очень чувствителен к качеству городской среды. Ему нужны красота и разнообразие; даже от «перекрестка дорог» он будет стремиться к центру, где ему наиболее комфортно. Не совсем правилен прогноз, что средний класс и богатые устремятся в особняки на окраине города. Сейчас в Восточной Германии, например, люди, которые на первой волне после падения стены в Лейпциге и даже Берлине построили себе особняки, интенсивно скупают дома в пустующем, дряхлеющем центре города, хотят жить в городе. Это намного интереснее, чем жить в пригороде, это расширяет социальные возможности, и поэтому обязательно нужно сохранять центр Иркутска как максимально жилой.

Александр Колесников. Мы говорим о разных вещах и не понимаем сути вопроса. Мы предлагаем вынести административно-деловой центр, но не говорим, какой центр: будущий центр агломерации или административно-деловой центр Иркутска? Иркутск занимает лидирующее положение в агломерации и никогда его не отдаст, это противоречит всем градостроительным понятиям. Центр Иркутска – это не исторический центр. Центр Иркутска (и это заложено в генплане) – сеть линейных развитий в разных направлениях основного роста города. Рост города в сторону Ангарска-Мегета и Шелехова ограничен по ряду объективных причин; приоритеты развития города давно обозначены в юго-восточном направлении, и городское население его уже давно осваивает. Не понимать этого – значит, поощрять происходящее сейчас, когда город прирастает не городом, а деревней, затыкая перспективы своего развития и нормальное освоение прибрежных территорий. Поэтому центральные функции города, в том числе и дополнительные функции по управлению агломерацией, направлены скорее всего туда, и новые крупные жилые образования (Чертугеевский полуостров) будут включать в себя

элементы общегородских, общеагломерационных объектов. Ось, которая давно формируется из исторического центра по направлению к Байкалу, будет наполняться этими объектами. Не надо проектировать «с высоты птичьего полета»: тенденции все лежат на поверхности, их нужно систематизировать, обозначить и начать реализовывать.

Елена Григорьева. Сегодня двумя участниками была предложена идеальная схема: необходимо провести исследования, настоящие исследования, прежде чем приступать к проектированию. Мы знаем, как государство сейчас обращается с наукой, но за этим круглым столом всем ясно, что исследования необходимы для правильного выбора пути. Я прошу Фонд регионального развития и генерального спонсора, представители которого здесь присутствуют, обратить внимание на необходимость исследований, их финансирования.

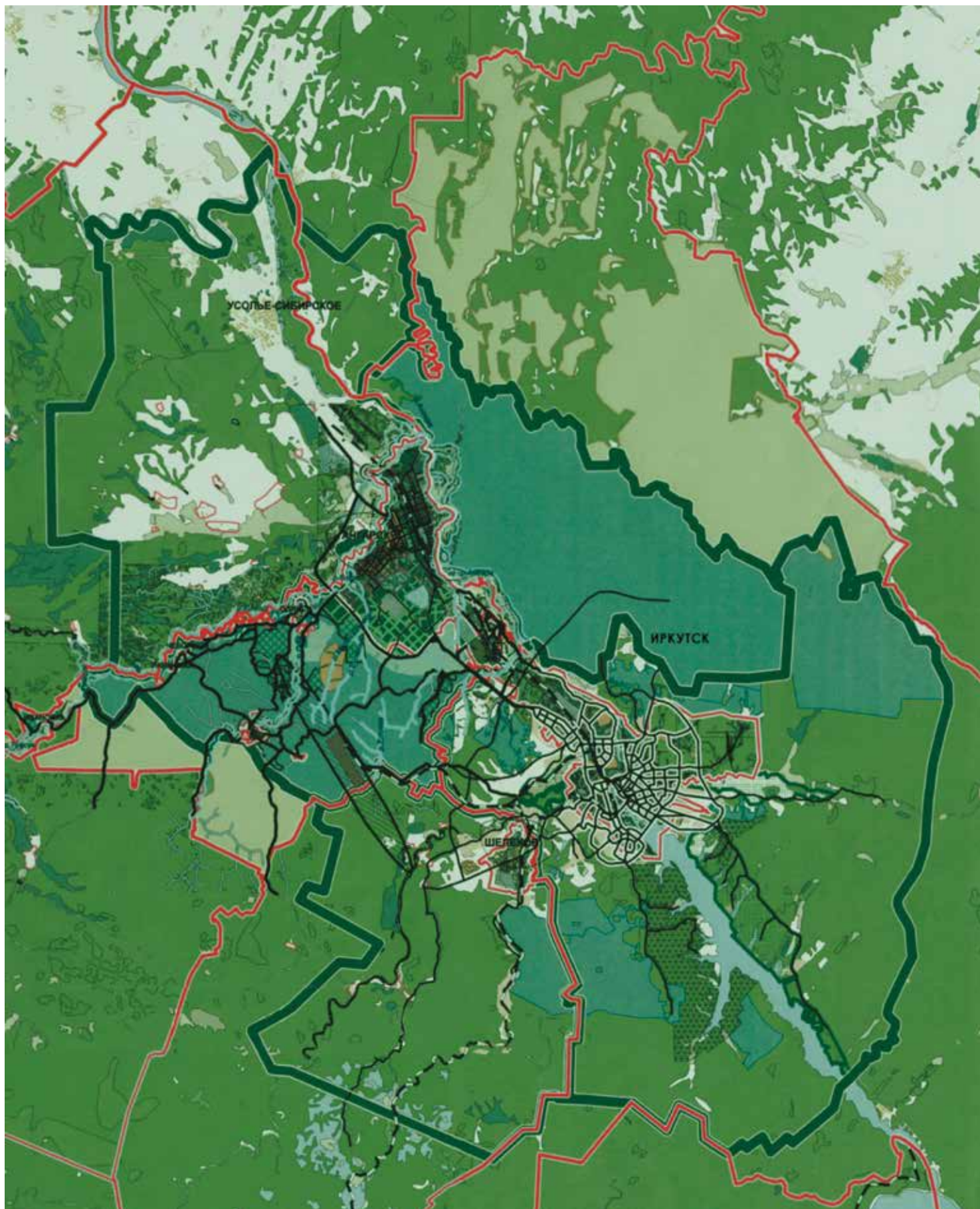
Мы знаем, что происходит в реальности, и нам придется быстро реагировать на некоторые вещи, иначе исторический центр мы потеряем. Мы видим, что происходит в Москве с Пушкинской площадью, вопреки всякой логике, всем имеющимся теориям. В Иркутске надо и исследования заряжать немедленно, и – параллельно – «скорую помощь». Что касается выноса административного центра, то я согласна с Александром Колесниковым: необходимо уточнять, какой центр имеется в виду? Центр города был и будет здесь, а здание или комплекс зданий будущего Совета муниципальных образований Иркутска, Ангарска, Шелехова и других членов агломерации, возможно, сконцентрируется в новом деловом центре. В решение вопроса об административном центре региона могут вмешаться субъективные факторы, например восстановление Кафедрального Собора в сквере Кирова, о котором сейчас начали говорить. Не учитывать эту вероятность нельзя, надо формулировать свою позицию. Вряд ли архитекторы будут возражать против его восстановления, если об этом будет заявлено официально. В 1937 году единственным человеком, который решился открыто выступить против сноса Собора, был главный архитектор города. Его не услышали; увы, архитекторов и сейчас не часто слушают, когда сносят. Если Кафедральный Собор будет все-таки восстановливаться (а это акция скорее политическая, имиджевая, чем какая-либо другая), то для здания областной администрации нужно будет искать место в новом деловом центре.

В дискуссии я не услышала ничего противоречащего идее, что новый деловой центр, в который войдет Совет муниципалитетов и, возможно, комплекс зданий администрации региона, должен быть на территории города Иркутска. У нас по площадкам для этой цели есть ряд предложений, отвечающих критериям, о которых говорила Ольга Вендина: хорошая связь с железной дорогой и будущим аэропортом, визуальный ориентир в масштабах города, привлекательное местоположение – красиво, на берегу реки и прямо напротив нынешнего административного центра. Я думаю, что это было бы хорошей темой нашей спедующей встречи.

Подготовила Марина Ткачева

Владимир Шахеров,
Елена Григорьева

Центр города или центр агломерации?

Любые грандиозные проекты чреваты разрушениями, даже если они реализуются в чистом поле. Начиная проект, его создатели морально готовы нести «жертвы» ради достижения благой цели, решения определенных задач, таких как повышение статуса, создание нового имиджа, упрочение власти и т.д. К тому же создавать «новое», соответствующее вызовам времени, всегда интереснее и прибыльнее, чем заниматься охраной или поддержанием (ремонтом) старого – ни славы, ни денег.

Доводы общестественности о ценности культурного наследия и протесты против сноса памятников или разрушения историко-архитектурного облика городов в процессе их реконструкции и обновления имеют значение лишь в контексте территориального маркетинга, поскольку они работают на известность города и подчеркивают его уникальность. Однако они не способны остановить работающий мотор проектов, особенно если он был запущен властью. Примеров, подтверждающих этих тезис, множество (Москва, Кремль...).

Какие же доводы слушает власть и спаянный с ней бизнес? Во-первых, указания вышестоящей власти. Во-вторых, доводы о выгодности проекта, особенно, если он одновременно работает на улучшение имиджа власти, укрепление ее легитимности за счет растущей популярности. В-третьих, аргументы против реализации проекта как подрывающего стабильность и несущего угрозу потери доверия населения и перспектив сохранения властных рычагов. У бизнеса примерно такая же логика, поскольку он следует в фарватере власти и без ее одобрения не берется за реализацию крупных проектов.

Взглянем с этих позиций на развитие Иркутской агломерации. De facto можно считать, что агломерация сложилась, но... она слабо структурирована территориально и практически лишена инфраструктуры совместного использования. Несмотря на активные миграционные перетоки населения, каждый из городов агломерации по-прежнему ориентируется на собственный центр и сохраняет собственную идентичность, которая определяется через противопоставление себя Иркутску. Это делает задачу функционального скрепления «рыхлого» пространства агломерации чрезвычайно важной. Чтобы агломерация состоялась, необходимо, чтобы у нее появился свой центр, позволяющий перевести конгломерат близко расположенных населенных пунктов в качественно новое состояние.

Крупному городскому образованию, насчитывающему почти миллион жителей, необходима крупногородская среда, отвечающая запросам современного бизнеса, статусу центра макрорегионального влияния (как минимум, Прибайкалье и Забайкалье) и амбициям власти. Но также необходимо, чтобы возникающий новый центр был «признан» населением, чтобы он привлекал жителей, а не был искусственным городом в городе, «вставной челюстью» вроде Нового Арбата в Москве. Только тогда сложится жизнеспособное ядро агломерации, интегрирующее население и скрепляющее территорию.

Вариантов создания нового центра агломерации – два: либо в центре Иркутска, благо деревянный город не сложно снести и аргументы в пользу сноса одряхлевшей застройки легко найти, либо за пределами исторического центра Иркутска или даже, может быть, вне городских границ. Назовем условно эти варианты «московским» и «стамбульским», не столько потому, что они реализовались в этих агломерациях, сколько из-за фундаментальных различий в моделях их формирования и функционирования. Это позволяет лучше понять плюсы и минусы каждого из вариантов.

Московский сценарий. Центр города берет на себя функции центра агломерации. Это классическая моноцентрическая модель, выгоды и издержки которой хорошо известны.

Выгоды состоят в концентрации инвестиций, приоритете нового строительства, которое постепенно «расчищает» городские завалы ветхой застройки и аварийных коммуникаций, и в быстрой трансформации городской среды. В центре делается «красиво». Происходит быстрая капитализация земельных участков, частные, прежде всего финансовые интересы начинают играть первую скрипку при решении вопросов реконструкции центра. Главным аргументом власти в пользу экспансии частных интересов является возможность снижения бюджетных затрат на благоустройство и обслуживание территории, получение дополнительных источников финансирования для решения социальных проблем.

Издержки имеют экономическую, социальную и политическую составляющую. Потенциал экономического бума в центре быстро исчерпывается, поскольку растущая концентрация функций влечет за собой рост числа мест приложения труда, фокусирование транспортных и людских потоков и порождает ситуацию транс-

портного коллапса. Соответственно, экономия на бюджетных издержках при реконструкции исторического центра с помощью частных инвесторов приводит к высоким затратам на реконструкцию дорожно-уличной сети и изменение морфологии города. В конечном итоге возникает проблема формирования дублирующего центра деловой активности.

Социальные издержки связаны с ускорением темпов социального расслоения. Нижние социальные страты вытесняются из центра, численность населения сокращается, возникает опасность так называемого «обезлюдения» центра, растут взаимная неприязнь и подозрительность между разными социальными слоями в обществе, усиливается контраст «центр-периферия».

Политические издержки связаны с ущемлением идентичности жителей меньших городов, входящих в агломерацию. Стабильность социума начинает зависеть от того, насколько успешно удастся подавить проявления местного «патриотического» недовольства. Неформальная локальная идентичность, формулируемая как оппозиция к утверждаемой официально, систематически приводит к расколам в обществе, снижению солидарности, что проявляется всякий раз при проведении местных электоральных кампаний, при принятии решений о крупных проектах и т.д.

Стамбульский сценарий. Стамбул, как известно, город контрастов. Он никогда не был замечен среди городов, выбираемых в качестве моделей для подражания, и никогда не славился своими выдающимися градостроительными решениями или проектами. И все же я выбрала его для примера. Во-первых, Стамбул – это деревянный город, какой когда-то была Москва и каким остается сегодня Иркутск. Уже одно это позволяет утверждать, что деревянная застройка в центре и крупнейшая многомиллионная агломерация, являющаяся главным торгово-экономическим фокусом страны, совместимы. Во-вторых, Стамбульская агломерация – полицентрична. Здесь никогда не было единого городского центра, центральность положения определяли не географические координаты места, а его функция. В результате в Стамбульской агломерации сложилась сложная система центров разного порядка, ориентированных на разные сферы деятельности. Этот принцип сохраняется и сегодня. Так, современный центр деловой активности вырос на городской периферии в Левенте, а торговая-выставочная и логистическая зона вблизи аэропорта.

Плюсы данного сценария развития ясны – нет конкуренции функций, и нет избыточного давления рынка недвижимости на развитие того или иного городского района. Стамбул до сих пор остается «дешевым» городом, привлекательным для инвестиций. Несмотря на реальную трущобность многих кварталов Стамбула, город не стигматизирован бедностью и упадочностью, поскольку везде есть свои точки роста.

Издержки полицентричности – это, опять же, транспортная проблема. Развитая система центров требует и развитой сети транспорта. В Стамбуле, как и во многих городах Европы, развитие сети идет за счет скоростных трамваев.

Другая серьезная проблема – это сохранение исторического наследия, если всякий раз новая функция будет уходить на новое место. Вопрос состоит в поиске инвестора для придания новой жизни старым районам. Деревянный Стамбул восстанавливается и преобразуется за счет мелких и средних инвесторов и развития сферы услуг, ориентированной на туристов, и жилых функций. Темпы этого восстановления, конечно, более медленные, чем в случае моноцентрического развития, но именно эта аутентичная среда и привлекает в Стамбул людей.

Что выбрать Иркутску? Ответ на этот вопрос зависит от задач, которые предстоит решить центру Иркутской агломерации. Во-первых, это задача интеграции территории и консолидации населения. Совмещение центра Иркутска и центра агломерации работает против этой цели. И Шелехов, и Ангарск хотят себя чувствовать партнерами Иркутска (без них не будет никакой агломерации, Иркутск не способен их поглотить), а не субординированной периферией региональной столицы. Во-вторых, центр агломерации должен улучшать пространственную организацию территории, «развязывать» транспортные проблемы и способствовать ветвлению транспортной сети. Возможностей центра Иркутска для этого не достаточно. В-третьих, масштабное строительство в центре Иркутска лишает его важнейшего ресурса развития туризма. Дело не только в том, что приезжие никогда не увидят старинного русского города глазами декабристов – изюминка Иркутска но и в сужении поля деятельности малого и среднего бизнеса как важнейшего источника выстраивания индивидуальных стратегий личного успеха иркутян.

Проблемы мегалополисов: планирование градостроения

Интервью с Вячеславом Глазычевым

текст
Алексей Диевский

– В развитии городов, наверное, есть своя логика. В Москве сначала появился Кремль, затем обустроилось пространство в пределах нынешнего Бульварного кольца, и так далее. В итоге мы получили тот город, в котором живем, имея при этом массу проблем. Вас устраивает эта логика или ее следовало сломать?

– Это вопрос очень сложный. Нарушить эту логику всегда трудно. Просто город живет, и Москва не уникальна в этом отношении. Та же Вена имеет свой аналог московского Бульварного кольца, в точности повторяющего прежние укрепления.

Однако о необходимости нарушения этой логики в Москве думали давно. И еще в 60-е годы была разработана довольно разумная концепция хордовых соединений, отсекающих целые куски этого, условно говоря, круга Москвы, потому что перемещение между радиусами по мере их расширения превращается во все большую проблему. Если уже сегодня поездка по кольцевой линии метро занимает минут 40, а оно идет вдоль Садового кольца, то вообразите себе кольцо метро, проходящее, скажем, на уровне МКАД с его длиной более ста километров. Мало того, что поездка по нему занимала бы слишком много времени, но и чисто эксплуатационно это стало бы очень дорогим техническим мероприятием. Тем не менее проблемы соединения остаются ключевыми, и город их не решает, к сожалению. У нас есть только одно реальное пересечение, и то в начале радиуса, за Таганкой.

Увы, одна и та же форма, но разный масштаб, порождают два разных явления. Тут нет подобия. Пока у вас существует пешая доступность, то транспортных проблем нет вообще. А как только это растягивается на час пути в одну сторону, то возникает масса проблем, те же пробки. Это общая драма городов с центробежной или центростремительной конструкцией. В этом мы не одиноки.

– Может быть, стоит разгрузить центр города, в частности от жилья, тогда было бы меньше пробок?

– Это разные вещи. По площади исторический центр города занимает два процента его территории. Очень хорошо, что в центре тоже живут. И надо заметить, что всем мире в центре предпочитают жить обычно особые категории людей. Художники, например. Здесь любят жить все те, для кого общение и плотность перемещения в пространстве оказывается просто частью жизни. Сегодня это называется малопривлекательным словом «тусовка». Но оно, в общем, довольно-таки точно выражает смысл. Это, как правило, и есть население центра.

Вторую часть центрального массива составляют квартиры людей, живущих за городом. Они покупают небольшие квартиры в городе, чтобы в каких-то случаях остаться в ней и не мучиться, возвращаясь за город. Это тоже является очень существенной частью жилого блока центра. Ну и есть экзотические люди, которые ненавидят все, кроме города. Есть такая вполне реальная часть людей, которая просто обожает жить в самой гуще, создавая себе очень дорогие убежища, пусть даже и на 35 этаже.

Но все-таки основную часть жителей центра составляют те, кто стремится к общению, к коммуникации между людьми, к разным центрам притяжения, будь то театры, кинотеатры. Сегодня, кстати, они равны театрам и по цене, и по остальным показателям. Музеи. А концентрация музеев в центре очень упрощает жизнь, особенно для приезжих.

– Может, стоило разбить этот огромный город на часть маленьких городов со своими центрами, театрами, музеями. Кинотеатры, кстати, уже давно есть во всех районах Москвы.

– Это возможно. Но механически такие вещи произвести трудно. Попытки создать альтернативные центры в мире предпринимались давно. Париж построил Дефанс – район небоскребов в 12 километрах от центра. Но все равно он воспринимается каким-то высылками, хотя там довольно активный бизнес, множество офисов, туда уехали несколько галерей. Но все равно психологически он оказывается объектом специального путешествия.

Центр воспринимается, когда все находится рядом, когда вы перемещаетесь короткими перебежками, заодно заглядывая в разнообразные ресторанчики, кафе, бистро, пабы. В этом случае ваш комфорт и отдача центра просто в экономическом смысле довольно существенно возрастают.

Новый центр попытался сделать Лондон в районе старых доков. И сейчас это тоже довольно сильный и крупный очаг офисного и отчасти жилого пространства, который находится от центра всего в 15 минутах езды на метро, но и там он, тем не менее, психологически сопрягается со словом «доки». И люди считают, что туда надо специально ехать. Психология передается по наследству, что очень действенно. И в этом отношении небольшое плотное ядро центра всегда окрашивалось как бы в особый цвет и имело особую ценность.

– Я сейчас, допустим, живу в Марьино, а работаю в центре. И трачу на поездку на работу не 15 минут, а больше часа. При этом я начинаю чувствовать себя жителем Марьино, хотя был, есть и, надеюсь, останусь москвичом, тем более, что все мое детство прошло в центре.

– Для мегалополисов собственные жители в отношении центра имеют минимальное значение. Основной оборот дают приезжие. И не считаться с этим невозможно. А с точки зрения приезжего, с точки зрения туриста, который за каждый час пребывания выкладывает довольно солидную сумму, важен центр, где сосредоточены все исторические и культурные ценности. Скажем, Лондон с его 20 миллионами приезжих в год не может этого не учитывать. И если мы стремимся быть мировым городом, то не можем эту сторону игнорировать.

Два процента территории, в этом отношении, это, на самом деле, очень много, если не для жилья, а для всевозможных культурных и деловых функций. Вот то, что многим министерствам совершенно нечего делать в центре города, – это другой вопрос. Тут срабатывает наш старый стереотип, когда власть стремилась существовать где-то поблизости от Кремля. А этого сегодняшние мегалополисы во всем мире стараются избегать, потому что любое министерство создает дополнительную транспортную проблему и массу других неудобств.

В Вашингтоне, например, несмотря на то что это совсем небольшой город с населением 750 тысяч человек, и то все новые государственные офисные комплексы выносятся ближе к дороге, ближе к мегамагазинам. В историческом его треугольнике остаются только те, которые там существовали раньше.

Город в этом отношении выворачивается наизнанку. Если раньше главная торговля была в центре, то сегодня крупный город и торговлю выбрасывает из центра. По любому мегалополису это видно, уже и по Москве, вслед за чем идет, в общем-то, деградация и той торговли, которая в центре остается. Очень дорогие бутики, бог знает, на что они живут, это дело не мое, но это не самое эффективное использование пространства.

Естественно, в центре невозможно поставить новый супермаркет. Нет места для него самого, нет места для парковки, нет места для тысячи других вещей. Поэтому везде центры от торговли освобождаются. В том же Вашингтоне за три года между моими визитами из пяти классических крупных универсамов остался один. Остальные просто не смогли выжить. Тем более, что и жилье и работа сместились на внешний контур. И поэтому ваше Марьино с точки зрения торгового обслуживания в ближайшее время окажется, если уже не оказалось, в более выгодном положении, чем центр.

– Но в Марьино для меня нет работы, если бы моя редакция находилась там, то я не ездил бы в центр и не загружал транспорт.

– Вы прекрасно понимаете, что это невозможно. Потому что если город – круг, то, естественно, наиболее доступной его точкой оказывается центр. Поэтому ваш коллега по профессиональному цеху, живущий у Лосиногостровского Острова, от одной мысли, что ему

надо ехать на работу в Марьино, повесился бы на галстук. На самом деле, естественно, что как раз редакции, издательства, так же, как и театры, тяготеют к центру. Это правильно, это хорошо.

– Хорошо. Не будем брать частный случай, возьмем другой пример. Когда строили АЗЛК, то рядом возводили целые кварталы, где жили рабочие завода. В итоге они добирались на работу пешком. Может быть, именно в таком подходе кроется решение проблемы?

– Это иллюзия. Пока это строилось как ведомственное или заводское жилье, все было понятно. Но даже тогда это не было решением проблемы. Ну хорошо, родители работали на этом заводе, а кто сказал, что их дети, как крепостные, должны работать там же.

Эта схема не срабатывает, тем более что промышленности в мегаполисе, в общем-то, делать нечего. Она из него выдавливается и будет выдавлена окончательно. Так произошло всюду, так произойдет и в Москве. Не выгодно это. Дорого, неэффективно. Земля будет дорожать.

Научно-производственные комплексы в мегаполисе могут жить. Может работать все, что малотоннажно, все, что требует больших интеллектуальных затрат и малых объемов сырья, где в небольшом объеме сосредоточена высокая стоимость товара.

А АЗЛК просто уже не имеет права на существование ни в каком виде.

– Найдется новый богатый хозяин и на этих площадях будет делать новые автомобили.

– Нет, не найдется. Проще построить новый завод в другом месте, что и делается. «Тойота» всегда отдаст предпочтение другому месту. В Москве никто не поставит крупный завод. Это просто нецелесообразно. Так не делается. Повторяю, промышленности здесь нечего делать, если это не производство, может быть, микрочипов или хрусталиков для глаз. А крупнотоннажное производство для мегаполиса – это реликт, который долго удерживать невозможно.

– Можно создать какие-то иные центры в таком огромном городе, кроме Кремля, где бы также концентрировалась жизнь?

– Такого рода линейные, если так можно выразиться, центры в общем-то, существуют. Возьмите Ленинский проспект или проспект Вернадского. На них расположено немало НИИ и офисных контор, множество магазинов, и нельзя сказать, что они не являются местами приложения труда. Ленинградский проспект тоже был и остается такого рода стержнем. Такое вот, пучковое развитие, конечно, происходит.

Когда поставили Университет на Ленинских горах, это, кстати, было еще в плане 1935 года развития Москвы в этом Юго-Западном направлении, то в то время даже были планы переносить туда и правительственные офисные здания. А потом эти планы сошли на нет, может быть, к большому сожалению, потому что на Вернадского, кроме корпусов ФСБ, никаких властных институций нет. А они, конечно, могли бы быть в этой зоне. Но не состоялась. Одна Академия Генштаба оказалась на этом направлении у МКАД. Хотя, смотрите, как обросла Юго-Западная, так, что образовалась чрезвычайная транспортная перегрузка, и появились другие проблемы.

Но Юго-Западная сегодня перетянула РАО «ЕЭС», там есть крупные учебные институты, там Академия народного хозяйства, комплекс МГИМО и Дипломатической академии, там же у этого узла возникли крупные магазинные комплексы. В какой-то степени это почти натуральный процесс. Выгодная зона, достаточно прямая связь, и вот вам – фактически возник довольно мощный центр. Да, там нет заводов. Ну так и что?

Просто места приложения труда стали концентрироваться там, где им удобно. И это немножко похоже на жидкость. Можно смотреть, куда вода стекает, и там ставить плотины, а можно пытаться оформить уже сложившийся водоем.

– Вы говорили, что были планы создать центр и в районе Каширки, но его там нет.

– Ну, Юго-Восточный округ – это отравленный промышленностью район, поэтому никто туда и не собирался. В принципе, это было ясно и тогда по розе ветров и многим другим признакам. Сделали ставку на Западное, Юго-Западное направление. Это нормально. А ненормально другое. Такой центр предполагает большее многообразие мелкой ячеистости. Вот что может делать управление, так это создавать льготные или, наоборот, запретительные режимы для того, чтобы в этой зоне театру было выгодно, а магазину нет. Но это предполагает очень сильную волю и прозрачность.

– Но ведь в отдаленных районах и местах с плохой экологией и земля стоит дешевле, что должно стимулировать строительство в этих районах.

– 50 лет назад эта логика бы срабатывала, а сегодня, когда экологические обстоятельства весят очень много, дешевизна земли не перетягивает, поскольку одновременно происходит снижение статуса и привлекательности места. Думаю, что эта тенденция будет только развиваться. Уж если вам нужна дешевая земля, то ее проще приобрести в тридцати километрах, что тоже начинает происходить.

– В 30 километрах можно поставить какой-то склад, устроить перевалочную базу, а магазину тоже не помешала бы дешевая земля, но ему нечего делать в 30 километрах.

– Магазин идет к потребителю, что естественно. Если здесь живут люди, значит будут и магазины.

– Так надо сразу планировать магазины там, где живут люди.

– Ну, наверное. Но это уже сама логика крупномасштабной застройки огромными строительными компаниями, что упрощает процедуры. Это уже московская особенность. Так, конечно, не строит никто и нигде. Всегда строят гораздо более мозаично, прилепляя кусочек к кусочку, потому что антимонопольное законодательство препятствует тому, чтобы такую территорию застраивал один застройщик. В Лондоне или в Париже вы это сделать не можете.

– Значит, государство влияет на конструкцию города.

– Очень даже может влиять. Но, повторяю, лучше всего оно влияет, когда подхватывает течение и подправляет его, чем когда оно пытается ему противостоять. Заметьте, законы, указы об ограничении численности населения Москвы, начиная с Елизаветы Петровны, принимались регулярно. И все советское время тоже. Однако держать напор по разным причинам оказывается невозможно. Сегодня как раз это произошло, потому что по факту значительная часть москвичей живет за городской чертой Москвы.

– Вы имеете в виду – за пределами МКАД?

– Нет, ну почему. Как раньше Лианозово было за пределами Москвы, так теперь за ее чертой находится Красногорск. Но на самом деле это уже часть Москвы, пусть не юридически, но физически.

– Может быть, для развития новых центров внутри Москвы имеет смысл раздробить саму систему управления? Тогда бы каждый район развивал свои центры.

– На самом деле нужно два эшелона. Один уровень должен составлять общегородской бюджет для обслуживания общей инфраструктуры: дорожной сети, системы водоснабжения, энергетики. А второй уровень должны составлять муниципальные бюджеты. На чем я и мои коллеги настаивали еще 6 лет назад. Поскольку шанс на повышение комфорта жизни лежит реально на уровне муниципального управления. В Москве нет муниципального уровня. Он объединен с общегородским, то есть с губернским, с Московской, и поэтому вопрос починки проезда у меня во дворе определяется через все тот же единый центр. И решения этого вопроса в итоге мне приходится ждать три года.

Хозяйства, конечно, управляются гораздо лучше, когда есть бюджет, максимально придвинутый к самим жителям. Сколько таких муниципальных образований должно быть, вопрос дискуссионный, потому что ряд наших муниципальных районов на самом деле уже тоже слишком велики для эффективного управления в повседневной жизни.

– И каким по числу жителей должен быть муниципалитет в Москве?

– Это зависит от экономики города, от общества и экономики граждан. В Голландии достаточно 10 тысяч для того, чтобы иметь полноценный муниципалитет, решающий массу вещей самостоятельно, даже в экономическом плане. Мы от этого далековаты.

Но ясно, что где-то за пределами 60-70 тысяч жителей чрезвычайно, скачком нарастает сложность управления и его дороговизна. Это известно просто по городам России. От города до 50 тысяч к городу в 100 тысяч жителей цена вопроса возрастает не по плавной кривой, а резким скачком. Но, в принципе, два горизонта управления и бюджетов оптимальны. Есть горизонт технического управления ЖКХ, условно говоря, находящийся на уровне 10-12 тысяч жителей. Это его естественные горизонты. До этого он малоэффективен экономически. Сверх этого он не эффективен функционально.

– То есть, это и должно стать муниципалитетом?

– Нет, этого недостаточно. Объединение вот таких ячеек и должно составить второй горизонт. Это и есть эффективный метод управления.

– Может быть, в таком случае префектуры и должны стать реальными муниципалитетами?
 – Не берусь сказать, это требует внимательного штудирования по физической карте, потому что иногда расчлененность какой-нибудь магистрали такова, что режется за пределами разумного. Но уж, по крайней мере, например, Бибирево должно быть муниципалитетом. Достаточно сильным, с собственным бюджетом, с собственными выборами муниципальных властей, при том являясь частью целого. Как область является частью страны.

И сегодняшняя центростремительная конструкция, когда на местах есть только отделения центральных префектур, фактически снимает обратную связь, она почти иллюзорна. При этом очень трудно проследить за тем, чтобы все лампы на дорогах светили, чтобы вовремя столбы менялись.

Вот недавно сюжет был по ТВ о замене столбов. Она централизована на весь город. Это смешно, потому что проблема вполне решается в масштабе Бибирево.

– Гораздо проще централизованно закупить столбы.

– Вы не можете проследить на такой гигантской территории состояние каждого столба.

– С нижнего уровня доложат о каждом столбе.

– Число тех, кто должен за этим следить, и число тех, кто должен следить за этими следящими, приведет к знаменитому закону бухгалтерии. Когда бухгалтерия очень крупного банка или крупного предприятия отказывает кому-то в заключении, казалось бы, выгодного контракта, это происходит потому, что цена проводки у них такова, что им не выгодно иметь дело с малыми контрактами. А экономические законы универсальны. Город в этом отношении – корпорация.

– У нас в стране два таких субъекта Федерации, и, наверное, сталкиваются они с одинаковыми проблемами?

– Они живут очень по-разному. Питер представляет собой совершенно другую конструкцию. Там не только у районов свои бюджеты, а даже у депутатов городского собрания свои персональные бюджеты в рамках их ответственности, которые они могут тратить по своему усмотрению. Я не говорю, хорошо это или плохо. Я просто констатирую факт, что в рамках одной страны два мегаполиса живут в разной модальности. У каждой системы есть свои плюсы и минусы.

Но ведь к этому уровню приближается и любой миллионник – Воронеж, Нижний Новгород, Казань. У них проблемы уже те же.

Сегодня им придется разбираться с законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Довольно тяжелый закон, и с ним будет много мучений. И сегодня там идет очень интенсивная мозговая работа, анализ и перетряхивание сложившейся традиционной конструкции. Эта работа полезна сама по себе.

– А в Москве она идет?

– Нет. Москва выделена отдельной статьёй. Москва – по-прежнему губерния, и пока никто на это не покушается. Я думаю, что следующее поколение руководителей не сможет воспроизводить этот ресурс. Так просто не бывает. Это не наследуется, поэтому придется перестраиваться.

– Может быть, это связано с тем, что у Москвы столичный статус?

– Нет, никакой связи. Исторический статус Москвы очень тонко исполняется, и со стороны федеральных властей полно недовольства. Например, в Москве нужно иметь тысяч триста мест в комфортных гостиницах не выше 3 звезд. Нормальные три звезды по западному стандарту, что не шикарно, но просто комфортно. Вот их в Москве совсем нет, а то, что есть, не дотягивает до современного стандарта.

И этот вопрос, в принципе, должен был бы решаться двусторонне, потому что в этом заинтересован не только город, но и страна. Но даже механизма согласования не существует, идут постоянные стычки.

Во всем мире главный город конфликтует со страной. Но конфликтовать можно, вырабатывая общее или все время отходя на прежние позиции. Я не утверждаю, что Федерация всегда права, но это требует договорных процедур, достаточно деликатных и не простых на самом деле. Скажем, транспортная схема Москвы – это вопрос только города или это и федеральный вопрос? Как бы и федеральный, поскольку через Москву проходят ключевые федеральные трассы, но согласования по этому поводу нет. И план Москвы не согласован по сей день.

– А он вообще-то существует?

– Он более или менее существует, принят Москвой на ближайшие 5-7 лет с теоретической доработкой. Но он так и не согласован, и, с юридической точки зрения, его нет.

– А он должен быть согласован с федеральными властями?

– Да. Таково требование законодательства.

Города и горожане

Текст
Надежда Красина

Клич «Спасай города!» сам по себе может показаться странным, абсурдным, потому как уже десятки лет не самые худшие умы Отечества вопиют о необходимости спасать деревни, спасать провинцию. И спасать прежде всего от городов, которые, точно кровожадные вампиры, высасывают людей. В то время как деревни обезлюдели, города разрослись и разбухли. Так что впору бросать клич «Спасайся от городов!».

Что такое город? Если посмотреть на карту – городов у нас тысячи, людей в них – миллионы. Но город – это не только этажи. Город – это прежде всего люди.

Вопрос лишь в том, что это за города и что это за люди.

Вот об этом наш разговор с доктором архитектуры Леонидом Коганом.

– Леонид Борисович, если наши города не совсем города, то что же они такое на самом деле?

– У нас нет не только ясной градостроительной, но и городской политики. Прежде всего нужно осознать роль городов как культурных, инновационных центров. Многие проблемы последних лет имеют не градостроительные, а именно городские корни. Можно бесконечно рассуждать о гражданском обществе, о том, что оно необходимо и что без него никакие реформы не состоятся. Но ведь гражданское общество – это общество городское, общество горожан, причем не обязательно даже по месту проживания, а по психологии, по привычкам, по общности восприятия окружающего мира. Войти в городское сообщество посложнее, чем «нарастить ВВП». Номинально городов у нас значительно больше, чем горожан в них. Наши

города занимаются чем угодно: варят сталь, делают из этой стали станки, сами строятся высь и вишьрь. При этом они ничтожно мало формировали горожан, хотя жителей прибывало.

Чтобы город имел право называться Городом, недостаточно упорядоченного скопища многоэтажных зданий, станков и машин, мало индустриализации в том виде, в каком она проводилась в годы первых пятилеток и позже. Необходима урбанизация сознания – оно должно эволюционировать от деревенского к городскому.

– То есть наши города – это какие-то «неправильные» города.

– Можно сказать и так. В развитых странах развитие шло от городов к государствам, у нас, напротив, – от государства к городам. Это сказалось на культуре населения и его гражданском самосознании. Поэтому там многие государственные проблемы – деловые, правовые, нравственные – изначально решались на городском уровне. То есть механизм их решения был сконструирован, а затем и тщательно отработан, испытан, усовершенствован на локальном пространстве городов. И только потом уже внедрен на более масштабном уровне. Так постепенно складывались установления, формировавшие облик государства.

– Неужели никто не пытался этому противиться, не стремился доказать неэффективность этого «механизма»?

– А не надо было ничего доказывать – ведь в основе лежал закон. В городском сознании незлыблем авторитет Закона, и горожанин вырастал с этим сознанием. Потом уже города объединялись в государства, и вот теперь – в союзы государств. Глобализация! Для Запада сопротивление городов реформам

невозможно, потому что сами города как сущности вышли из реформ. Нам же еще предстоит в нашем историческом прошлом выявить ту роль, которую деревенско-общинные, почвенные, а затем и поселковые традиции сыграли не только собственно в процессе торможения и блокировки прогресса, но и в политическом давлении на городской интеллект.

– Но ведь и у нас были когда-то вольные, европейские города – Псков и Новгород, не пощажённые азиатской Русью. Этот вольный дух ошутим там и поныне, это отмечают даже экскурсанты.

– Псков и Новгород – это лишь «отблески» настоящих европейских городов. Территориальная близость к Европе, тесные деловые связи, совместные предприятия, множество командированных – купцов и ремесленников – все это сыграло свою положительную, просветительскую роль, но этого оказалось недостаточно, чтобы противостоять натиску «степи».

– Нельзя не спросить – а как же Москва?

– Москва за время реформ потеряла намного больше в сравнении со всеми прочими городами. Именно как город. Потеряла в культуре, в качестве формирования москвичей. Еще десять лет назад почти половина участников наших социологических опросов отмечала, что Москва стремительно теряет свою «столичность», что это город, «сдающий свои позиции». И еще большее число респондентов выражали тревогу, что Москва становится городом, где забота о жителях отошла на второй план. Люди отмечали как особенно острые проблемы безопасности и экологические. Уже тогда их тревожил наплыв мигрантов, деформирующий привычный облик московской среды.

К сожалению, эти данные оставались в научных отчетах и публикациях для узкого круга специалистов, не находя выхода в городскую политику. Да и политики такой практически не существовало. Не существует ее и сейчас. Поэтому неизвестно, что приобрело московское городское сообщество в результате крупных градостроительных акций, а что потеряло, какова будет социальная картина города, в каком направлении она меняется. А то, как у нас относятся к городскому пространству, Запад просто понять не может, имея совершенно другую историю. И если администрация столицы не соблюдает законов городского сообщества, то что говорить о других городах? Администрация Москвы, похоже, не осознает, что она должна возглавить процесс урбанизации российского сообщества. Мы говорим: вот Лужков что-то делает не так. Но дело ведь не в Лужкове. И даже не в сохранении памятников, архитектурного наследия. Надо понять, какой политический, городской проигрыш мы имеем каждый день, то есть что Москва теряет как город, как полис, – понять, что мы не учитываем атмосферы городского сообщества.

– Однако что ни день, то новости: построили там, благоустроили тут... Нам внушают, что такая лакировка способна многое улучшить в нашей жизни. Но ведь мало посеять и подмести газоны и огородить их, чтобы по ним не ходили, и поставить урны. Надо еще приучиться плевать и мусор бросать в эти урны, а не мимо.

– Да, этот запрет должен сидеть в сознании, и чтобы он там закрепился, человеку надо понять: он живет не просто в стране – он живет в городе.

– Мы все твердим: хотим в ВТО, да и в «восьмерке» надо бы нас уважать поболее...

– И забываем, что в основе-то – городское, гражданское сознание! Поэтому, чтобы войти в эту «компанию» полноправным членом, мало быть экспертами, знатоками – надо прежде всего стать горожанами, гражданами. Вот чего не могут понять наши так называемые олигархи – они строят бизнес на сырье.

– Этот экстенсивный, потребительский способ мы уже проходили – вспомним учебник истории, первобытнообщинный строй: люди вырубали-выжигали лес, худо-бедно пахали поле, оно истощалось – и они шли дальше в лес – рубить и выжигать.

– Наша беда, что в России не было бюргерства, в буквальном переводе – горожан. Были дворяне, были купцы, разночинцы, наконец, мещане.

Мы в последние годы пытаемся реабилитировать мещанство, убрать эту (отчасти постнэповскую) отрицательную коннотацию слова «мещанство», приравнять понятие «мещанин» к понятию «средний класс». Но ведь мещане – это не граждане. Мы не понимаем, что это не просто другое слово, другой корень,

– тут уровень сознания другой. Не городской, не гражданский. Местечковый. Не случайно у них горожане – это одновременно граждане. Ведь по-латыни слово *civitas* означает одновременно и «граждане», и «горожане». А еще оно означает цивилизованных людей. У нас же эти понятия разделены.

– Да ведь и слово «цивилизация» того же корня. Мы же цивилизацию зачастую понимаем просто как набор удобств, вплоть до сантехнических.

– Цивилизация – это прежде всего главенство закона и ответственность каждого. Возникая, европейские города становились одновременно и деловыми центрами, и центрами цивилизации. На Западе становятся бизнесменами и одновременно гражданами с присущей им гражданской ответственностью, которая не допускает действий во вред городу и его жителям. А у нас сформировалась целая генерация бизнесменов-неграждан – деловых, хватких людей, стремящихся наловить быстрых и легких денег, при этом начисто лишенных гражданской ответственности. И нашим бизнесменам еще предстоит стать гражданами городов, именно городов, а не государства, стать горожанами.

– Но, представляете, какое возмущение вызовут ваши суждения, скажем, у антиглобалистов, у всех тех, кто считает, что негоже нам оборачиваться на Запад, что у России свой, особенный путь. Вас могут упрекнуть в идеализации Запада.

– Я не идеализирую Запад, а излагаю то, что есть. На Западе вся система бизнеса устроена по-иному. Там бюджет крупнейших городов в значительной степени (на 70–80 процентов) формируется за счет малого и среднего бизнеса. Государство может не иметь ни нефти, ни газа, ни алмазных копий. Но там есть люди, население. И вся экономика западных городов держится на сервисе, на сфере услуг, там граждане работают для граждан – для ближнего, дальнего и для себя. Там человек, гражданин – главный ориентир.

– У нас людям десятилетиями внушали, что это все паразитизм. Причем не только сфера услуг и оборота финансов – условно говоря, обменный пункт, но и химчистка, и парикмахерская, и пекарня, и магазин, и мастерская игрушек, и мебельная фабрика. Работники этих заведений и предприятий хоть и прилагают определенные усилия, физические и умственные, но они не добывают свою продукцию в шахте и не выращивают в поле, они пользуются чужим трудом. Отсюда это уродливое разделение товарного производства на группы А и Б: во главу угла ставилось «производство для производства», а для людей – по остаточному принципу. Сейчас дефицита на прилавках нет, однако в основе экономики все то же – сырье!

– То, чем занимаются наши бизнесмены, крупные и не очень, это не бизнес как таковой, не дело – это ловля быстрых денег. Печальнее всего то, что этот бизнес обслуживают чиновники. А это уже коррупция. Но они не понимают, что коррумпированный бизнес в городе – удар по самому бизнесу: вы рубите сук, на котором сидите, господа! На Западе бизнес никогда не владел городом. Наоборот, он там обслуживал и обслуживает городское сообщество, действуя в интересах граждан городов. У нас система отношений «город – бизнес» перевернута с ног на голову.

– Однако вряд ли кто станет оспаривать тот факт, что у города, как и у дома, должен быть хозяин – не какое-то конкретное физическое лицо: мэр, городской голова или его уродливая первобытная замена, а радель, попечитель.

– Городом в идеале должно владеть – и в развитых странах оно действительно владеет! – городское сообщество, интересы которого выражает городская администрация. Интересы сообщества лежат в основе городской политики и городской стратегии, и цели этой стратегии обслуживает бизнес. Повторим: бизнесмены обслуживают город, а не город их. Поэтому бизнес чрезвычайно зависим от анализа того, что происходит в городе, ориентирован на потребности горожан – он живет этим.

– Мы кричали «все во имя человека, все для блага человека», а получилось, не «мы», а «они» не на словах, а на деле осуществили этот принцип!

– Получается, – так. Но особенно тревожит тот факт, что у нас все идет при полном отсутствии аналитики – я это знаю по собственному опыту. Такая ситуация воспринимается как

абсолютно стандартная. Это криминал в чистом виде, более того – криминал, помноженный на дремучую провинциальность.

– Сказано резко, но справедливо. Готовьтесь услышать еще одно обвинение – в снобизме. Но разве кто-то будет возражать, что нашествие на города, случившееся в период индустриализации, имело весьма негативную оборотную сторону?

– Это все началось задолго до первых пятилеток. Было и после отмены крепостного права, и после революции, когда на города – из провинции, из низов и окраин – хлынула волна, простите, простонародья.

– Михаил Булгаков ее описал в красках: нашествие Шариковых и Швондеров, «подселения» и «уплотнения»...

– ... которые не только изрядно подпортили городскую атмосферу, во-первых, на бытовом уровне. Автор «Собачьего сердца» писал о их неумении пользоваться унитазами. При этом он подчеркнул: разруха не в клозетах, а в головах. Главная трагедия состояла в том, что это нашествие «негорожан» привнесло в город свои узкие, не городские и не гражданские, а местечковые, поселковые интересы – не в национальном, конечно, плане, а опять же в плане сознания. То же самое стало происходить и в городах, возникших на базе «градообразующих» предприятий. Ведь все эти директивно созданные рабочие поселки, поселения, городки основаны не на культуре, которая неисчерпаема, а на добыче ископаемых, которые рано или поздно закончатся – уже сейчас добыча и обработка сырья обходятся дороже, чем само сырье. Сегодня недооценивается маргинально-агрессивная среда населенных пунктов, построенных не на культуре, а на недрах. Эта среда представляет собой террор большого бескультурья, разъедающий цивилизацию.

– И все идет по нарастающей, как при ускорении свободного падения: «девять и восемь десятых на секунду в квадрате». Так вот мы и падаем. Но неужели нет тормозов?

– Это «падение с ускорением» было неизбежно, потому что девочки и мальчики, пришедшие в новый город из окрестных деревень и поселков, попросту не могли сразу приспособиться к заводской технологии, потому что эта технология была создана горожанами и для горожан. Так было и в период индустриализации, когда эту технологию создавали старые кадры, судьба которых сложилась трагично, и зарубежные специалисты. Так было и позже, когда мы внедряли, например, технологию производства автомобилей: вторые серии этих машин можно было смело катить на помойку. То, что эти люди были малограмотны, невежественны в техническом плане, конечно, сыграло определенную негативную роль. Но сознание-то оставалось не городским, негражданским! И если умениям закручивать гайки и разбираться в чертежах можно

выучиться довольно быстро, то поднять уровень сознания невозможно одним волевым решением. Этого нет ни в каких учебниках. Гражданское сознание можно только вырастить. А лучше с ним родиться.

– То есть реформы – так сказать, «блиц-методы» – тут не помогут?

– У нас реформы всегда шли не естественным путем, а нагнетались сверху – от Петра Алексеевича, Екатерины... А «низы», периферия, всегда сопротивлялись! Отсюда эта знаменитая формула Салтыкова-Щедрина из «Истории одного города»: там градоначальник мечтал издать закон о нестеснении градоначальника законами. В 1991 году в журнале «Столица» вышла моя статья под названием «Демократия без городов». Там речь шла о том, что реформы будут опускаться вниз, и чем дальше они будут переходить на уровень городов, тем очевиднее станет потребность прояснить, как именно работают законы глобализации. Пока же никто этого не знает. Как можно говорить о каких-то там миллиардах прироста, когда основной нерв – город – не работает! Без этого реформы – вообще ни для чего, это как «соболья шуба – да на голое тело». Но все-таки реформа необходима – реформа городских сообществ как сообществ граждан городов. На Западе это поняли уже несколько веков назад. Есть средневековая формула: «Воздух города делает свободным».

– Стало быть, и нам необходимо вернуться в Средневековье?

– Да, но не в привычном понимании – с инквизицией, алхимией и т. д., а в том смысле, чтобы осознать права городов, существующих городов. Ощутить себя гражданами – именно гражданами городов, ввести в сознание общества понятие «город» в его истинном значении – как сообщество горожан, граждан. Но традиции тоталитарного мышления сразу не исчезают. Город – это эволюционирующий организм, урбанизация – эволюционный процесс. Потенциал должен накапливаться. На Западе это происходило в течение столетий. мой отец, врач, не раз вспоминал старую врачебную шутку: «Лечили от желтухи, а оказался китаец».

– Если понимать эту шутку буквально, должен поменяться генотип нации?

– Должно поменяться сознание. Необходимо осознание городского сообщества не как просто множества жителей, а как сообщества граждан города, вовсе не обязательно знакомых друг с другом, но со всеми обязанностями и отношениями, общим чувством ответственности за тех, кого ты не знаешь.

– Надеяться на это, мечтать, уповать – разве не идеализм?

– Нет. Я убежден: Россия XXI века должна стать городской по самосознанию, а не по количеству джипов, банков, казино и апартаментов «люкс».

Общественные пространства Москвы: отвечает ли московская градостроительная политика интересам москвичей?

текст
Ольга Вендина
Институт географии
Российской Академии наук

Если мысленно вместо Москвы поставить Иркутск, то, за исключением столичных особенностей, многое и для нас не менее актуально.

Ключевой проблемой преобразования городской среды постсоветской Москвы является трудноразрешимое противоречие между ценностью городской территории как недвижимостью (частной собственности) и как общего достояния. Несмотря на долгую традицию городского планирования, градостроительные нормы и правила, наличие Генерального плана развития Москвы и довольно жесткое зонирование территории, общественные пространства города воспринимаются как «свободные» территории, унаследованные от советского времени и не имеющие конкретного собственника. Захват, приватизация и присвоение общественных пространств происходят на всех уровнях общества, включая власть, бизнес и рядовых граждан, и не встречают противодействия ни со стороны муниципальной администрации, ни со стороны жителей.

Возникает естественный вопрос: если происходящие процессы спокойно воспринимаются населением, то почему «сжеживание» общественных пространств Москвы должно рассматриваться как проблема? Почти очевидно, что современное сегрегированное городское сообщество, опирающееся на ценности индивидуализма, и не должно быть особенно обеспокоено естественным исчезновением закрепленных в пространстве рудиментов прежнего социального порядка и коммунальной жизни. Разные социальные слои, живущие в параллельных городских мирах, лишь косвенно соприкасаются в городе и нередко стремятся минимизировать контакты. В идеале общинности и советского коллективизма никто больше не верит. Понятно, что исторически сложившиеся общественные пространства, которые определяют лицо города и обладают значительной культурной и архитектурной ценностью, должны находиться под охраной. Но стоит ли в рядовых случаях сохранять или воспроизводить устаревшие пространственные формы, которые больше не соответствуют

практике повседневной жизни? Не лучше ли влить «новое вино в старые мехи» и более рационально использовать городскую территорию, повышая ее экономическую отдачу? В конечном итоге, деньги, выжимаемые из городской земли в результате приватизации, могут быть использованы и на социальные цели. Примерно такова логика многочисленных проектов, реализуемых сегодня в Москве и превращающих бывшие публичные пространства в пространства, недоступные для публики.

А нужны ли общественные пространства?

Вопрос кажется нелепым, если учесть социальную природу города и невозможность его существования без общественного транспорта, улиц, бульваров, дворов, парков, школ, поликлиник, торговых центров и всего остального, без чего не может обойтись современный горожанин. Однако, что остается за рамками функциональной необходимости и первичных жизненных потребностей? Насколько город осознается не только как место проживания, но и как продукт социальной жизни, воспроизводство которого необходимо для устойчивого городского развития? Какова роль в этом процессе общественных пространств? В чем заключается их специфическое назначение?

Несмотря на очевидность существования общественных пространств и даже их закрепленность в кадастровых планах городов, определение понятия «публичное пространство» затруднено, поскольку оно соотносится не только с конкретной городской территорией, но и с изменчивой социальной практикой, превращающей территорию в среду жизни. Многомерность публичных пространств объясняет недостаточность их определений, даваемых как с позиции урбанистов и архитекторов, отталкивающихся от значимости места, так и социологов, апеллирующих к какой-либо из сторон жизни общества – бытовой, социальной, политической. Выбор одного из измерений, логичного с точки зрения решаемых задач, и его акцентирование в ущерб другим делает исследователей публичного пространства легкой добычей для критики, иногда неоправданно жесткой и дезавуирующей гипотезы и выводы авторов (Kimball, 1991).

С двойственностью природы публичного пространства связаны и периодические совмещения понятий «публичности» и «пространства». Так, заголовок знаменитой книги Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (*Strukturwandel der Öffentlichkeit*, 1962) был переведен на французский язык как «Публичное пространство. Археология публичности как определяющей черты буржуазного (урбанистического) общества» (*L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise*, 1978), хотя Юрген Хабермас если и употреблял понятие «публичное пространство», то лишь в метафорическом смысле. Франсуа Тома объясняет такую подмену смыслов ситуацией конца 70-х годов: озабоченностью французских интеллектуалов кризисом городских сообществ, зримой деградацией публичных пространств и желанием противодействовать негативно оцениваемым тенденциям (Tomas, 2001). Впрочем, это не случайная неточность перевода, вызванная специфическими обстоятельствами. Спустя 20 лет Мануэль Кастелл напишет, что пространство в значительной мере и является обществом (Castells, 1984:237), поскольку не пространственные формы определяют социальные отношения, а скорее напротив – социальная активность и конфликты производят территориальные сообщества, культуры и пространства (Castells, 2003:66). Обоснованность такого подхода подтверждают и примеры, взятые из советского времени, когда публичной аренной противостояния власти и общества стали кухни в квартирах интеллигенции, утратившие эту роль с наступлением эпохи гласности. Исчезла практика – исчезло и социальное перевоплощение пространства частной жизни. Однако вряд ли данную точку зрения можно считать исчерпывающей, поскольку далеко не все публичные пространства, возникнув однажды как следствие социальных процессов, исчезают вместе с изменением социальной практики. Они остаются и продолжают влиять на уже изменившуюся практику.

Попытки найти сущностное определение общественных пространств не слишком успешны не только в силу невозможности преодолеть двойственность их природы, но и в силу многомерности социальной практики, варьирующей в очень широких пределах – от банального до сакрального и от реального до виртуального. Это заставляет непомерно раздвигать рамки понятия, наделяя публичные пространства «спонтанностью» и сравнивая их с «незаконченным проектом» (Willson, 2006). Как замечает Шэрон Зукин, публичные пространства являются социальным

конструктом. ...Вопрос о том, кто может распоряжаться общественным пространством и, следовательно, определять образ города, является открытым (Zukin, 1996: 10). Рациональное зерно данного подхода и его несомненная привлекательность состоят в возможности объяснять многочисленные девиации публичных пространств и их изменчивость, однако любой исследователь города знает, насколько устойчивы и инерционны социально-пространственные структуры. Поэтому безразмерность и размытость неопределенных определений затрудняет анализ и неизбежно требует уточнения связываемых с ними смыслов.

В зависимости от угла зрения и целей анализа публичные пространства рассматриваются чаще всего через призму отношений частного и общественного, индивидуального и социального, доступного (открытого) и недоступного (закрытого), личного (интимного) и общего (публичного).

Общественное vs. Частное. В случае сопоставления частного и общественного наиболее существенными, по мнению Жака Леви и Мишеля Люзо, являются юридические и институциональные критерии (Dictionnaire, 2003). Важнейшим институтом, легитимирующим разграничение частных и общественных пространств, является право владения и частная собственность, но не только. Другим важным основанием является статус места, предписывающий границы дозволенного поведения. То, что возможно дома, недопустимо в общественных местах, приемлемое на пляже не годится в магазине и т.д. Правила устанавливаются каждым обществом в зависимости от присущих ему этических норм и политической системы.

Институционализация статуса позволяет объяснить существование публичных пространств в советское время при отсутствии частной собственности. Через статус советские публичные пространства обрели легитимность, превращаясь в формальные, официальные и легальные. Правила поведения в «местах общественного пользования» или в «общественных местах» были регламентированы государством и сводились к запрету нарушать общественный порядок: не курить, не сорить, не шуметь, не собираться и т.д. Нарушение установленного порядка было наказуемо, меры наказания были разными – от общественного порицания до привода в милицию, в зависимости от жесткости требований уважать имеющийся статус. Обратной стороной официальной статусности публичных пространств стала потеря ими значительной части своей публичности. Пустыньность московских площадей и улиц в советское время, особенно в центральной, наиболее привлекательной части города и особенно по вечерам, поражала всех сторонних наблюдателей. Официоз общественной жизни компенсировался многочисленными нарушениями установленных режимов, что приводило к возникновению латентных публичных пространств – неформальных и не совсем легальных. Эскапизм как социальное движение требовал своего пространственного выражения, формируя андеграунд и тягу к слиянию с природой, превращающую лесные поляны в форумы инакомыслия.

Потеря связи между социальной жизнью и официальными публичными пространствами позволяет также объяснить, почему в советское время пространства с неопределенным или слабо выраженным общественным статусом стали рассматриваться как «свободные» или «ничейные» территории. Обладание статусом стало эквивалентно обладанию собственностью, которая расслоилась на государственную – «чужую» и охраняемую властью, общественную – собственно публичную, никем не охраняемую и, следовательно, «ничью», и личную, хотя и не частную, но все-таки «свою».

В постсоветское время публичность места по-прежнему в большей мере определяется характером его использования, чем формой собственности. Наделение места публичным статусом позволяет легитимировать не только разделение, но и объединение частного и общественного. Примеров великое множество: выделение выставочных, рекреационных или торговых зон, открытых для широкой публики в бизнес-центрах, характеризующихся закрытостью. Церковь или спортивный комплекс так же имеют собственников, но их функционирование осмысленно только при свободном доступе людей. Напротив, коммерциализация, использование маркетинговых подходов к управлению городским хозяйством, участие муниципальных властей в операциях с недвижимостью ограничивают свободу доступа и сокращают площади общественных пространств. Существует и целая категория общественных пространств, которые в силу их особого статуса являются недоступными или ограниченно доступными – правительственные здания, заповедники, хранилища музеев и библиотек.

Частное (Индивидуальное) vs. Социальное. Совершенно иные идеи связываются с публичными пространствами, когда они расширяются как арена реализации социальных и политических интересов людей. Публичное пространство – это пространство, где проявляется гражданское самосознание и идентичность, где человек действует как член сообщества. Согласно Ричарду Сеннету – общественное пространство является форумом, где общественная жизнь находит свое наиболее яркое выражение (Sennett, 1992 [1977]). Такая трактовка опирается на идеи Ханы Арендт и Юргена Хабермаса о роли публичной сферы в жизни общества и развитии демократии участия (Arendt, 1958 [1998], Habermas, 1962 [1989]). Оба исследователя были обеспокоены эрозией гражданского общества, ростом конюмеризма, превращением людей из активных участников социальных процессов в пассивных потребителей товаров, услуг и информации. Об эрозии гражданского общества писал и Жан Бодрийяр, но он связывал это с мимикрией государства, присвоением им основных дискурсов гражданского общества, обесмысливанием сопротивления общества нарастающему влиянию государства и обесцениванием демократии участия (Beaudrillard, 1977 [2000], 1990 [2005]). Следствием деградации институтов гражданского общества неизбежно становится деградация общественных пространств (Sennett, 1995).

Озабоченность судьбой общественных пространств инициировала дебаты, выявившие три группы проблем и неоднозначность отношения к их решению. Во-первых, это проблема приватизации и коммерциализации общественных пространств. Объяснение и оправдание данной практики, получившей широкое распространение во всем мире, чаще всего связаны с констатацией факта недостаточности городских бюджетов для полноценного обслуживания территории и невозможностью повышать налоговое бремя на население.

Приводимая мотивация затушевывает перемену в восприятии социальной активности, которая утратила характер особой деятельности, связанной с идеей «служения обществу», и превратилась в один из атрибутов повседневной жизни, своего рода бесплатную социальную услугу. Результатом смыслового сдвига стала имитация общественных пространств, искусственность формирующейся городской среды, превращение ее в сцену, где разыгрывается спектакль по сценарию власти и бизнеса, контролирующим социальные процессы и манипулирующим обществом. Новые публичные пространства – псевдопубличные, это эрзац, позволяющий выхолощать суть социальной жизни, что в конечном итоге препятствует демократизации и ведет к углублению сегрегации (Smith, 1996, Mitchell, Staeheli, 2004). Сильной стороной исследований, акцентирующих внимание на негативных последствиях имитации публичной жизни и публичных пространств, стал не только их обличительный пафос, мобилирующий гражданское общество, но и попытки найти способы противостояния сегрегационным процессам. Почти во всех работах предлагаются новые и весьма продуктивные идеи организации городского пространства, способствующие контактам разных социальных, этнических и демографических групп населения (Gehl, Gemzoe, 1999, Kohn, 2003, 2004, Barber, 2001).

Вторая группа проблем связана с многомерностью социальной жизни и, следовательно, несводимостью публичных пространств не только к публичной сфере политической жизни общества, но и к морфологии города. Кризис традиционных форм публичных пространств не означает их кризиса в целом. Франсуа Тома подчеркивал, что никогда публичные пространства не были так тесно связаны с обществом... Что касается мест, где люди пересекаются и встречаются, их число несколько не сократилось, и они вовсе не стали покинутыми и заброшенными, скорее, они преумножились, стали более разнообразными, и многие из них являются объектами внимания и заботливого благоустройства. (Tomas, 2001:78).

В данном контексте эволюция общественных пространств рассматривается как естественное следствие эволюции общества. Тенденции приватизации и коммерциализации отвечают потребностям общества потребления. Как выразился Рэм Кулхаас, вполне возможно, что шопинг является последней остающейся нам формой социальной активности. (The Harvard Design School., 2002:5). Культурно-развлекательные торговые комплексы выполняют те же функции, что и торговые кварталы города, с той лишь разницей, что предлагают больший комфорт, безопасность и независимость от погодных условий (Misik, 2006). Развитие средств и возможностей социальной коммуникации соответствует запросам информационного общества и компенсирует потери традиционных публичных пространств их виртуальными эквивалентами (Kellner,

2005, Castells, 1983,1996). А включение городов в процессы глобализации заставляет внимательнее относиться к обустройству городской среды, обслуживающей потоки «кочевников» глобализации – бизнесменов, туристов, мигрантов (Gaventa, 2006).

Крайним выражением данной точки зрения является переключение внимания с общественных пространств на пространства частной жизни, страдающей от растущего вмешательства общества и государства. Стирание моральных барьеров, распространение насилия, неспособность государства и общества защитить человека перед многочисленными угрозами способствуют формированию «общества страха» и актуализируют противостояние индивидуального и социального. Возникающий конфликт разрешается либо в пользу большего индивидуализма и приватизма, либо усиления контроля над традиционно публичными институтами, которые в силу своей открытости могут быть использованы против общества.

Третью группу проблем выявила критика концепции «демократии участия», которая зашаталась под давлением глобализации и массовых миграций, демонизации ислама, роста популярности новых социальных движений, прежде всего, феминизма, кризиса социального и секулярного государства. Центром дискуссии стал тезис о неравенстве возможностей доступа к свободному выражению мнений и действий, о наличии в демократическом обществе дискриминируемых групп – неимущих, женщин, инородцев, бездомных и о необходимости соотносить идеи гражданского участия со всем разнообразием существующих социальных практик и идентичностей (Ryan, 2003, Phillips, 1991, Lister, 1998, Assy, 2003, Salvatore, 2005, Asad, 2003). Это не могло не отразиться на публичных пространствах, поскольку, по мнению Дона Митчела, именно борьба за права человека «производит» публичные пространства (Mitchell, 2003). Под влиянием этих идей возникло определение публичных пространств как пространств, где каждый человек имеет право находиться, не опасаясь быть изгнанным по социальным или экономическим причинам (Wikipedia, 2006).

Максимализм данного подхода был уравновешен исследованиями, подчеркивающими необходимость установления баланса между гражданскими «правами» и «обязанностями», указывающими на ответственность членов общества как его граждан. Амитай Этциони подчеркивает, что естественные в условиях демократического общества требования соблюдения прав дискриминированных ранее или вновь образующихся социальных групп способны вырождаться в борьбу за групповые привилегии. Современный «трайбализм» акцентирует различия, существующие в обществе, размывая основы социальной солидарности, приводя к внутренним трениям, противостояниям и фобиям. Учитывая, что именно общество как целое обеспечивает соблюдение прав каждого, поддержание его устойчивого развития требует сосредоточения не столько на правах, сколько на соблюдении взаимных обязательств, поддержании общих ценностей, социальных институтов и политики в интересах всех (Etzioni, 1995).

Данный тезис очень важен для ответа на вопрос о необходимости существования общественных пространств, причем в их традиционной материальной форме со всем грузом предшествующих событий и исторической памяти. Общественные пространства относятся к категории общих ценностей. Они не могут быть полностью ассимилированы с меняющейся социальной практикой, являясь ее отражением, они выступают не только в роли «ведомого», но и «ведущего», оказывая значительное влияние на поведение людей. Без общественных пространств невозможно представить себе полноценной социализации личности, формирования локальной идентичности, знакомой каждому любви к месту, выступающей в роли важнейшей солидаризирующей фактора. Не стоит забывать, что львиную долю гражданской активности составляют разного рода экологические движения, ставящие своей целью не только охрану природы, но и защиту среды жизни человека в широком смысле, исторического наследия, его подлинности и преемственности.

Таким образом, публичные пространства являются цементом, связывающим город и его население, это скрепляющее звено вереницы сменяющихся поколений, они держат город не только как функциональное, но и как социальное целое, не позволяя городской мозаике рассыпаться на множество кусочков. Утрата этой связи превращает город в скопище людей и источник конфликтов, порождаемых давкой, взаимонепониманием, неприязнью и подозрительностью. Чтобы оценить реальность такой угрозы для Москвы, обратимся к конкретной градостроительной практике последнего десятилетия.

Кривое зеркало Остоженки

Остоженка – один из исторических кварталов центра Москвы, по стечению обстоятельств благополучно переживший эпоху советской реконструкции города. Довольно обширный и сильно деградировавший район был почти не затронут сносами и сохранил свой исторический облик вплоть до 1990-х годов. Поскольку уголков старой, еще досоветской Москвы было довольно мало, то Остоженка служила образцом московской среды, подтверждением ее уникальности. Здесь было не так много ценных с архитектурной точки зрения строений, но зато сохранялась атмосфера московской жизни. Подлинность городской среды, связанность переулков Остоженки со многими известными именами и событиями рассматривалась как главная ценность обветшавшего квартала, осязаемое подтверждение связи времен и особой московской идентичности.

На перестроенной волне в конце 1989 г. было создано архитектурное бюро «Остоженка», инициировавшее реконструкцию квартала. Проект «Остоженка» стал знаковым явлением начала нового периода в московском градостроительстве, отказа от индустриальных методов застройки города и бездушного униформизма 1970-80-х годов, уделявших мало внимания среде жизни человека. Проект базировался на следующих принципах.

1) Привлекательная и разнообразная городская среда обладает не меньшей ценностью, чем архитектурные памятники или исторические монументы, поэтому она также должна подлежать охране. Если нет возможности сохранить материальные компоненты городской среды в силу их обветшалости, то необходимо сберечь «душу места».

2) Новые здания, замещающие сносимые малоценные постройки, должны органично вписываться в городскую среду, поддерживая ее морфологические основы. Они должны деликатно отступать на второй план, становясь незаметными в сохраняемом средовом контексте.

3) Район должен стать культурным перекрестком и местом общения. Умиравшую ткань исторического города необходимо оживить, вдохнув в стареющий квартал новую жизнь, открыв для широкой публики оставшиеся от дореволюционного времени дворы, сады и палисадники.

4) Необходимо сохранить коренное население района, «носителей памяти места», кардинально улучшив качество их жизни.

Разработчики проекта оставляли архитекторам свободу творчества, а инвесторам – свободу выбора архитектурных решений. Главное было соблюдать заявленные принципы. В остальном – было разрешено все, что не запрещено.

Спустя 25 лет после начала реконструкции можно констатировать – результат оказался противоположен намерениям. Остоженка была почти полностью снесена под предлогом сохранения «души», а не «плоти» квартала, а ее историческая среда – утрачена. Сегодняшняя Остоженка отрицает прежнюю. Это один из самых дорогих районов Москвы, пустынный и чуждый суматохе московской жизни. Прежних обитателей еще можно встретить в переулках, но они стараются быть незаметными под подозрительными взглядами охранников и многочисленных камер слежения. От московского архитектурного стиля не осталось и следа. По словам Григория Ревзина – известного московского историка архитектуры, дома, выстроенные на Остоженке, «кажутся стоящими не здесь, а иногда во Франции, иногда в Швейцарии, чаще – в Финляндии. ... Это не московское качество жизни, это какой-то очень престижный, очень буржуазный квартал топ-менеджеров в старой европейской столице» (Ревзин, 2003). De jure этот кусочек центра Москвы не является приватизированным, но de facto он присвоен очень небольшой группой очень богатых людей.

Наиболее очевидный ответ на вопрос о вытеснении гуманистической сути проекта реконструкции Остоженки идеей сегрегации, причем в ее крайней форме, сводится к признанию невозможности сопротивляться жесткой логике функционирования рынка недвижимости. Во всем виноваты деньги. Слишком большой оказалась разница между стоимостью земли на Остоженке и низким качеством старой застройки, которую инвесторам было невыгодно приспособлять к новым стандартам.

Безусловно, это веский аргумент, но явно недостаточный. Происходящие процессы имеют не только экономическую, но и социальную природу. Чтобы объяснить, почему развитие идет по тому или иному сценарию, необходимо анализировать не только рынок недвижимости, но и представления, распространенные в обществе и влияющие на отношения «горожанин – городское пространство». С моей точки зрения ни цена земли, ни функция

места, ни представление о формах собственности не являются ключевыми факторами, определяющими данные отношения в Москве. Главная роль принадлежит «системе понятий», сформированной предшествующей советской эпохой.

«Коммунизм – это право каждого на чужое»

При въезде в Москву по Киевскому шоссе на одном из зданий под сохранившимся бронзовым барельефом Маркса-Энгельса-Ленина висит впечатляющий плакат: «Коммунизм – это право каждого на чужое». Яркое свидетельство постсоветской деформации представлений о коммунизме, который перестал ассоциироваться с идеальным устройством общества на принципах равенства, взаимного признания и добровольной ответственности, обещающих свободу и счастье. Из понятия «коммунизм» было вынута его центральное смысловое звено, связанное с представлением об «общем благе». Мир был разделен на «свое» и «чужое», для «общего» места не осталось, и если раньше речь шла об обобществлении и национализации, то сегодня, о присвоении и приватизации. Третьего, как оказалось, не дано. Этот переворот сознания легитимировал наступление на общественные пространства. Если место было визуально «свободно» и не было физических (забор, охрана...) или психологических (статус, страх наказания...) барьеров, то оно с высокой степенью вероятности присваивалось.

Наглядное проявление данной логики – поведение публики в театре, когда зрители, купившие дешевые билеты на неудобные места, стремятся занять пустующие дорогие кресла в первых рядах партера. Такая же логика действует и в многочисленных случаях присвоения общественных пространств города. Типичная сцена – группа подвыпивших молодых людей расположилась на детской площадке, и тут же, возле песочницы, припаркованы автомобили. Или небольшая фирма, поселившись на первом этаже жилого здания, аннексирует для парковки часть дворового пространства и огораживает его. Водители повсеместно оставляют свои авто на городских тротуарах, вынуждая пешеходов выходить на проезжую часть улицы. Перекрытыми оказались многие внутриквартальные проходы и проезды. Металлические гаражи-ракушки заполнили московские дворы и газоны, уродуя город и создавая значительные трудности для внутриквартальных перемещений. Городские маргиналы оккупируют наиболее доступные метро и вокзалы. Застраиваются площади вокруг общественно значимых зданий. Так исчезли площади Курского, Киевского и Павелецкого вокзалов, подчеркивавшие их архитектурные достоинства, а сами вокзалы оказались «задавлены» массивами новых торговых центров. Резко уплотнилась застройка, новые многоэтажные дома встраиваются в тесные московские дворы.

Подобная практика распоряжения городским пространством заставляет задуматься, а почему, собственно, места, не защищенные недвусмысленными знаками присутствия хозяина и являющиеся публичными, рассматриваются как «свободные территории», потенциально пригодные для приватизации? Можно предположить, что это восприятие обусловлено укоренившимися представлениями, во-первых, об открытости и доступности публичных пространств, во-вторых, о бесплатности социальных благ и возможности их использования каждым в зависимости от персональных надобностей, и в-третьих, о правах человека и личной свободе, специфически интерпретируемых в постсоветской реальности. Если какое-либо место принадлежит всем, то и каждый имеет право на обладание им. Иначе говоря, ключевым является не представление о совместной ответственности за общее достояние, а право на личную долю в общественной собственности. А поскольку никто не знает, какова эта доля, то она и определяется по личному разумению. Именно обыденная трактовка понятий прав человека и личной свободы непосредственно влияет на восприятие значимости публичных пространств, их использование и градостроительную политику.

Если свобода, то без ограничений, если собственность, то – личная

В 2004 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) было проведено социологическое исследование «Свобода и свободный человек», которое показало, что только 6% россиян ассоциируют понятие личной свободы с нормами жизни демократического общества. Наиболее распространенным оказалось традиционное представление о несовместимости социальности и свободы. Общество не является гарантом соблюдения прав человека, более того, оно посягает на эти права. Человек может быть свободным только вне общества.

Использованная литература.
Arendt, Hannah. The Human Condition. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1998 [1958]: 380 pages.
Asad, Talal. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford: Stanford University Press. 2003: 280 pages.
Castells, Manuel. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. Berkeley: University of California Press. 1985: 450 pages.
Castells, Manuel. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996: 480 pages.
Etzioni, Amitai. The Community of Communities: A Communitarian Position Paper, 1995. <http://www.gwu.edu/~ccps/Comofcom.html>

Gaventa, Sarah. *New Public Spaces*. The Danish Architectural Press, 1999. 208 стр.

Gehl, Jan and Lars Gemzoe. *Public Spaces Public Life*. Copenhagen. The Danish Architectural Press, 1999. 1999 pp 78-83.

Habermas, Jurgen *A Theory of Communicative Action*. 2 vols. Vol. I. Boston: Beacon Press, 1984.

Habermas, Jurgen *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, *Studies in Contemporary German Social Thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.

Habermas, Jurgen. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, *Studies in Contemporary German Social Thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996.

Kellner, Douglas. 2005. *Habermas, the Public Sphere, and Democracy: A Critical Intervention*. <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/papers/habermas.htm>.

Kohn, Margaret. 2003. *Radical Space: Building the House of the People*. Ithaca: Cornell University Press. 203 c.

Kohn, Margaret. 2004. *Brave New Neighborhoods. The Privatization of Public Space*. New York: Routledge. 227 c.

Lees, Lorete. (2001). *Towards a critical geography of architecture: The case of an ersatz Colosseum*. *Ecumene*, n.1, v. 8, January 2001: 51-86.

Lister, Ruth. *Citizenship: Feminist Perspectives*. New York University Press, 1998, 300 pages

Misik, Robert. *Simulated cities, sedated living. The shopping mall as paradigmatic site of lifestyle capitalism*. *Eurozine review*, 2006, <http://eurozine.com/pdf/2006-12-15-misik-en.pdf>

Mitchell, Don and Lynn Staeheli. *Turning Social Relations into Space: Property, Law, and the Plaza of Santa Fe*, New Mexico. *Landscape Research*. n. 3, vol. 30, July 2005, pp. 361-378.

Mitchell, Don. 2003. *The Right to the City. Social justice and the fight for public space*. New York: Guildford Press. 270 c.

Smith, Neil. *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York: Routledge, 1996. 262 pages.

Phillips, Anne. *Engendering Democracy*. PSU Press, 1991, 190 pages.

«Я считаю, что нет свободных людей вообще. Мы все от чего-то зависим». «В обществе люди вообще не могут быть свободными». «Свободный человек – на кладбище». «Абсолютно свободным человеком был только один в истории – Робинзон Крузо, который, в принципе, ни от кого не зависел» (Свобода..., 2004).

Иначе говоря, устанавливаемые обществом правила остаются для людей неизбежным внешним ограничением, а не внутренней нормой. Следование установленным в обществе правилам и законам понимается респондентами как зависимость и ограничение личной свободы. Помимо правил и законов, свободу человека ограничивают его обязательства по отношению к другим людям, необходимость соотносить собственное поведение, поступки с пожеланиями и ожиданиями остальных участников социальной жизни: 27% опрошенных россиян понимают «свободу» как ничем не ограниченную свободу действий. В позитивном смысле это трактуется как свобода выбора, независимость, самодостаточность, в негативном – как произвол. Стать свободным значит освободить себя от обязательств, наиболее высокая степень свободы – это свобода от контроля со стороны общества (Вовк, 2005).

Если спроецировать данные представления на публичные пространства, то станет понятно, что они воспринимаются не как место реализации прав человека и общественного блага, не как «продукт борьбы за права человека» (Mitchell, 2003) и не как «форум» (Sennett, 1992), а как зона ограничения личной свободы.

В значительной степени преувеличение роли личной независимости и неподконтрольности является компенсаторной реакцией на ущемление частной инициативы, существовавшее при советской власти. Советскому человеку приходилось с трудом завоевывать пространство частной жизни и охранять его от посягательств, как государства, так и общества в лице различных общественных организаций и трудовых коллективов. Заявленный на заре построения социализма принцип приоритета общественного над личным никогда не был реализован. На протяжении всех 70-ти лет советской власти ценность частной жизни, частного владения, частного пространства постоянно росла, а всего общественного – падала. В конце советской эпохи представления об общественном деградировали до такой степени, что стали отождествляться с бесполезным и формальным. Любая общественная деятельность рассматривалась как неприятная обязанность, исполнение которой отнимало время и приносило сомнительное удовлетворение.

Эрозия общественной жизни привела к обесцениванию публичных пространств, казавшихся столь же бесполезными, как и общественная работа. Большинство публичных пространств получило определение «бесхозных», малые публичные пространства, включенные в повседневную жизнь людей, такие как дворы и подъезды жилых домов, пришкольные участки, скверы и парки, пришли в запустение, являясь «не “публичной сферой” в европейском смысле слова, а ничьей территорией, за которую не отвечал никто» (Бойм, 2002).

В постсоветской культуре освобождение от страха перед прямым внешним принуждением и обретение ощущения «хозяина собственной жизни» сыграло двойственную роль. С одной стороны, дарованная свобода действий, по меньшей мере, экономическая, была интерпретирована как прямое право на общественное достояние. Люди просто взяли то, на что никто не претендовал. Для большинства населения было очевидно, что общество не в состоянии столь же эффективно поддерживать и обустроить городскую территорию, полученную в наследство от советской эпохи, как частный собственник. Приватизация общественных пространств стала платой за благоустройство. С другой стороны, гипертрофированное представление о том, что человек живет своей жизнью, в своей семье, и никто к нему не должен лезть со своими советами и со всеми подробностями, привело к росту безразличия к происходящему вокруг личных владений.

Однако видимое благоустройство Москвы, ее улиц и парков, появление стриженных газонов и цветочных клумб, кажется опровергает данную логику. Следовательно, существуют разнонаправленные факторы, препятствующие «одичанию» городской среды. С моей точки зрения, они связаны с существующими в обществе механизмами реализации права на «личную свободу». Во-первых, это социальный эскапизм, уход в свой внутренний мир и минимизация внешних контактов. Данный путь тесно связан с ощущением чуждости правил жизни в современном обществе. Обретение внутренней, а не внешней свободы связывается

не только с отказом от современных благ и комфорта, суетной городской жизни, с обретением религиозного очищения, но и с полным безразличием к общественной жизни.

Во-вторых, это временное освобождение от обязанностей, налагаемых рутинной повседневной жизни. Такую возможность дают любые формы отдыха. Поэтому свобода нередко ассоциируется с ничем-не-деланием, с бездельем, с отпуском. Пространство отдыха становится «зоной личной свободы», ценимой как отдельным индивидом, так и обществом в целом. Причем отношение это закреплено и легитимировано многовековой традицией.

В-третьих, приобретение собственности. Ощущение внутренней свободы прямо связывается с материальным благосостоянием. По данным опроса Института социально-политических исследований Российской Академии наук (ИСПИ РАН) «Собственность в жизни россиян», среди всех прав и свобод особенно важным для людей является право владеть собственностью (30%). Оно более значимо, чем право на свободу слова (24%), свободу перемещений (13%) или право избирать и быть избранным (14%). Деньги рассматриваются как ресурс, обеспечивающий права человека и возможность поступать согласно собственным установкам (Горшков и др., 2005). Поскольку деньги у бывших советских людей и нынешних россиян появились сравнительно недавно, то их роль в жизни общества сильно преувеличена, так же как и важность обладания собственностью.

В современном российском обществе до сих пор отсутствует ясное понимание того, что собственность неотделима от ответственности и предполагает развитие сложнейшей системы экономических, социальных и правовых отношений, возникающих в связи с владением и распоряжением ею. Для большинства населения (75%) характерно узкое понимание частной собственности, практически тождественное советскому представлению о личном имуществе и сводящееся к обладанию недвижимостью – квартирой, дачей, земельным участком, машиной, а также предметами личного потребления (Зоркая, 2005). За годы, прошедшие с начала рыночных реформ в стране, в этом вопросе ничего не изменилось. Аналогичный опрос, проведенный ВЦИОМ в 1990 г., показал, что и тогда 70% респондентов связывали понятие частной собственности с обладанием квартирой, домом, дачей, автомобилем и денежными накоплениями. Таким образом, обретение права на частную собственность понималось и понимается людьми очень традиционно, оно ассоциируется с привычкой «нести все в дом» и «прибирать к рукам то, что плохо лежит».

Чрезвычайно важным является и вопрос о способах приобретения собственности – «волшебной палочки», открывающей путь к личной независимости. Характерно, что наиболее образованная и модернизированная часть респондентов (31%), реально обладающих собственностью и считающихся наиболее современными людьми в России, демонстрирует не максимум, а минимум социальной ответственности. Почти четверть среди них считают оправданными любые способы получения доходов и приобретения собственности. Расточительное потребление и приобретение недвижимости для личного пользования являются приоритетными сферами вложения капитала, что рассматривается как путь обретения личной свободы и независимости (Горшков и др., 2005)

Таким образом, если на дилемму – городская территория как «общественное достояние» и как «недвижимое имущество» – взглянуть через призму сложившихся в обществе представлений, то ответ очевиден. Моральные барьеры, не позволяющие посягать на общественное достояние в силу его социальной значимости, являются очень низкими и не препятствуют приватизации публичных пространств. В такой ситуации общественные пространства Москвы неизбежно должны были быть принесены в жертву. Причем процесс этот развивался бы независимо от количества денег и числа инвесторов. Экономические факторы определили лишь масштаб и амбициозность реализуемых проектов: от скромных «сарайчиков» и гаражей-ракушек до роскошных жилых и офисных комплексов. Шанс уцелеть под напором приватизации оставался лишь у пространств, предназначенных для отдыха, да и те, в силу платности сферы развлечений, неизбежно должны были коммерциализироваться.

Заключение: общественные пространства в новой градостроительной политике

Кроме общества и бизнеса существует и третья сила, заявляющая о своем праве на публичные пространства. Это – муниципалитеты.

ципальная власть, в сферу ответственности которой входит выработка городской политики. В 2005 г. был принят новый Генплан Москвы, рассчитанный до 2020 г. Его главными задачами являются увеличение объема и качества жилищного фонда города, улучшение экологических показателей и удельной площади парковых зон, расширение охраняемых ареалов исторической застройки, развитие транспортной сети, сокращение территорий промышленных зон. По словам главного архитектора Москвы А. Кузьмина, новый Генплан принципиально отличается от советских аналогов: «Все предыдущие генпланы не были реализованы, потому что в них конкретно указывалось, что и в каком месте нужно построить. Мы же предлагаем стратегию развития города. Генплан устанавливает общие рамки градостроительных преобразований. Эти условия обязательны для любых участников градостроительной деятельности. А все, что не запрещено – разрешено» (Москва примет Генплан, 2005).

Таким образом, новая городская политика строится на тех же гуманистических и либеральных принципах, что и рассмотренный в начале проект реконструкции Остоженки. Хотя главный архитектор города говорит о Генплане как о единой стратегии, он, скорее, представляет собой документ, объединяющий под единой обложкой три разных стратегии городского развития без их достаточного согласования. Это: 1) город для горожан, 2) город – мотор экономического роста и 3) город – столица государства, репрезентирующая его мощь, современность и участие в глобальных процессах. Каждая из этих стратегий требует реализации собственной пространственной идеологии и выделения публичных пространств. Если вторая и третья стратегии вполне совместимы, несмотря на жесткую конкуренцию между муниципальными и федеральными властями за право распоряжаться дефицитным городским пространством в центральной части Москвы, то первая – оказывается подчиненной, а зоны ее реализации вытесненными либо на периферию городского пространства, либо во внутренние жилые кварталы.

В таком соотношении стратегий развития крупнейшего мегаполиса нет ничего специфически московского. Отличие Москвы возникает, когда мы рассматриваем конкретную градостроительную практику, которая складывается под влиянием, во-первых, стремления людей к обретению независимости от общества, обесценивающего публичные пространства. Во-вторых, галопирующих цен на рынке недвижимости Москвы, превращающих городскую землю в «горячий» товар. В-третьих, градостроительной политики, декларирующей приоритетность социальных целей, но ориентированной на интересы бизнеса как главной движущей силы экономического роста и власти, озбоченной поддержанием национальной гордости.

Противоречивое сочетание данных факторов и столкновение разных групп интересов приводят к тому, что общественные пространства Москвы трансформируются в результате реализации трех крупных проектов.

Первый проект можно назвать «символическим», включающий в себя десакрализацию бывших советских официальных публичных пространств, формирование новых символических пространств, подчеркивающих, с одной стороны, преемственность досоветских и постсоветских традиций, а с другой – статус Москвы как мирового города.

Красная площадь Москвы, служившая пантеоном советской власти, вновь превратилась в место народных гуляний и концертов. Сносятся и реконструируются знаковые здания советской эпохи, памятники революционерам были убраны с улиц и площадей. В непосредственной близости от одного из наиболее сакральных мест советской Москвы – Могилы Неизвестного Солдата, построен крупный подземный торговый центр, ставший крайне популярным и выплескивающий свою деятельность на улицу, что резко снижает пафос места. В кратчайшие сроки был реконструирован снесенный в 30-х годах Храм Христа Спасителя. На благоустроенной вокруг него площади сооружены монументы двум российским царям – Петру I и Александру II, которые вошли в историю как государственники и реформаторы. Архитектурными средствами подчеркивается значение России как государства-победителя во Второй мировой войне (Парк Победы, станции метро). Реализуется амбициозный проект Московского Сити, репрезентирующий успешность капитализма в России. Создана символическая точка «нулевого километра», от которого отсчитываются все расстояния. Над торговым центром «Охотный ряд» сооружен впечатляющий купол в виде глобуса, увенчанного фигурой Георгия Победоносца – геральдический символ Москвы, обозначает глобальную значимость российской столицы.

Второй проект связан с коммерциализацией и приватизацией публичных пространств. В сфере приватизации оказались почти все удобно расположенные площади, которые в транзитные годы были востребованы неконтролируемым потоком социальной жизни, места митингов и сборов, зоны стихийной торговли и деятельности. «Бойкие места» протестной активности превратились в «бойкие места» потребления и развлечений, контролируемые службами охраны и милицией. Одновременно произошло расширение функций традиционных коммерческих пространств, решающих задачу расширения числа потенциальных клиентов за счет сервиса развлечений. Современные торговые центры Москвы превратились в мультиплексы, способные поглотить все свободное время человека.

Однако наибольшее впечатление производит не стремительный рост числа торгово-развлекательных комплексов, а формирование закрытых привилегированных жилых зон на территориях, традиционно считавшихся ценными для города и выделяемых как особо охраняемые зоны. Пример «Новой Остоженки» – не единственный, можно назвать «Покровское-Глебово» и «Покровские холмы» в лесопарке вокруг усадьбы Покровское-Стрешнево на месте бывшего детского спортивного клуба, «Острова Фантазий» в природном резерве Татарская пойма в Крылатском, «Золотые ключи» – на берегу р. Сетуни, «Алые паруса» – на берегу р. Сходни и т.д. Это наиболее демонстративные примеры конвертации публичных пространств в пространства, недоступные для публики.

Третий проект репрезентирует Москву как город, удобный для жизни, располагающий большим числом пространств для отдыха. Чистые улицы, стриженные газоны и цветочные клумбы, приведенные в порядок парки и обустроенные дворы составляют раму городской жизни. Население Москвы, равнодушно относящееся ко многим фактам приватизации публичных пространств, особенно чувствительно к сохранению своих привычных мест отдыха, да и московские власти видят в этом свою обязанность. Особого внимания заслуживают московские дворы, ставшие аренной передель территории владений и зоной конфликтов. С одной стороны, они оборудуются детскими площадками и скамеечками для пожилых людей, а с другой – захватываются строительными компаниями для возведения новых жилых домов в уже обжитых кварталах. Пожалуй, страсти по московским дворам стали единственной сферой реального участия людей в защите публичных пространств от приватизации, да и то лишь потому, что они рассматриваются как «свои», а не «общественные» в точном смысле слова.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос о соответствии новой градостроительной политики интересам москвичей, трудно дать однозначный ответ. Процесс сокращения и одновременного обустройства публичных пространств развивается в полном соответствии с представлениями, закрепленными в массовом сознании. Общественное мнение легитимирует асоциальность городской политики и произвол в распоряжении общим достоянием при условии сохранения мест отдыха и развлечений.

С другой стороны, если спроецировать происходящее сегодня в будущее, то очевидно, что устанавливающийся городской порядок препятствует процессам демократизации общества, сужая сферу социальных контактов и форм социального самовыражения. Москвичи предстают как совокупность потребителей, «привязанных» к предпочтительным зонам потребления. Это работает на дезинтеграцию московского сообщества, стирает московскую идентичность и ослабляет внутреннюю солидарность. Одновременно возрастает уровень отчуждения и подозрительности в обществе. Сегрегация как способ избежать конфликта разных социальных или этнических групп получает широкое распространение, а спокойное отношение к приватизации публичных пространств открывает для нее широкие возможности. Возникающий в результате эффект социального квазиравновесия, поскольку минимизируется общение с представителями негативно воспринимаемых социальных групп, проявляется в очень ограниченных пределах. Размежевание неизбежно провоцирует социальное напряжение, хотя и оттягивает момент его открытого проявления. Однако отложенные латентные конфликты способны вызывать разрушительные последствия, а сегрегированное общество не в состоянии им противостоять. Поэтому современная политика трансформации общественных пространств Москвы, в конечном итоге, противоречит интересам москвичей.

Rapoport, A. Human Aspects of Urban Form: Toward a Man-Environment Approach to Urban Form and Design. New York: Pergamon, 1976.

Ryan, Mary. The Public and the Private Good: Across the Great Divide in Women's History. *Journal of Women's History*. N.2, vol.15, summer 2003, pp. 10-27.

Sennett, R. Community Becomes Uncivilized in Philip Kasinitz (ed.) *Metropolis. Center and Symbol of Our Times*. Macmillan, London, 1995, pp. 226-249

Sennett, Richard. *The Fall of Public Man*, New York, Norton & Company, 1992, 408 pages.

Soja, Edward. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2000, 464 pages.

Tomas, François. *L'espace public: un concept moribond ou en expansion?* : Geocarrefour. *Revue de Géographie de Lyon*, n.1, vol.76, 2001: 75-81.

Zukin, S. *The cultures of cities*. Cambridge, MA: Blackwell, 1996, 336 pages

Бойм, Светлана. *Общие места: мифология повседневной жизни*. : М., Неприкосновенный запас, 2002: С. 260.

Вовк Елена. *Свобода, свободы и свободные люди в России: взгляд «человека с улицы»*. База данных ФОМ, 2005, <http://bd.fom.ru/report/map/articles/vovk/gur050307>

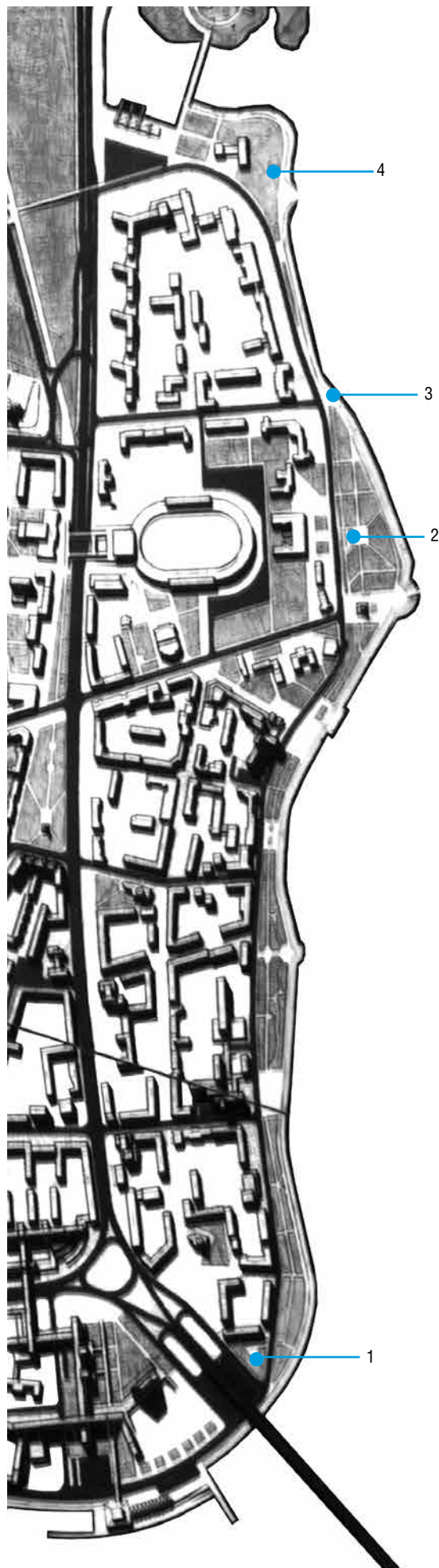
Горшков М.К. и Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев, С.В. Горюнова. *Собственность в жизни россиян: реальность и домыслы*. Социологические исследования. №11, 2005: 3-18.

Зоркая, Наталья. *Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990-2000-х годах*. Отечественные записки. №1 (22), 2005. <http://www.strana-oz.ru/?numid=22&article=1009>

Москва примет Генплан. : Радиостанция «Говорит Москва», март, 2005 http://www.urbanecommix.ru/publications.php?folder_id=105&mat_id=576

Ревзин Григорий. *Остоженка в русской архитектуре*. Проект классика. 2003. http://www.projectclassica.ru/m_classik/06_2003/06_classik_01b.htm

Свобода и свободный человек. ФОМ: опрос общественного мнения. База данных, 2004 http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2004/domt0426/domt0426/domt0426_2/d042609

Теряем набережную

Преобразование набережной Ангары, ныне бульвара Гагарина из зоны хозяйственного назначения в рекреационную зону общего пользования произошло в середине прошлого века, и в 70-ые годы проект детальной планировки центра установил градостроительный регламент этой территории: учитывая дефицит зеленых насаждений в центре Иркутска, бульвар Гагарина трактуется исключительно как зеленая прогулочная зона. Учреждения обслуживания этой зоны планировалось создать в прилегающих к бульвару кварталах за счет их реконструкции.

К сожалению, частнособственнический интерес взял верх над общественным интересом горожан, и ныне зеленая зона активно сокращается за счет строительства в ней (на свободных, без сноса площадках) различного рода развлекательных, питательных и других подобных заведений малого бизнеса. Как говорится «нашли топор под лавкой».

1. Участок зеленой зоны с общедоступной спортивной площадкой в нарушение градостроительного регламента отведен под строительство и огорожен
2. Строительство в саду Парижской Коммуны
3. Построенный за красными линиями развлекательный центр «Акула» нарушил непрерывность променада вдоль реки
4. Строительство возле спорткомплекса «Динамо» – еще одно вторжение в зеленую ткань бульвара

< Иркутск. Проект детальной планировки центральной части города. Эскиз застройки. ЦНИИП Градостроительства, 1973 год

Агония культурного центра

Владимир Бух

Иркутский «ренессанс» (как и нижегородский, предполагаю) случился вдруг, как с неба свалился – благоприятное стечение обстоятельств. И закончился вдруг. Поторопились феномен окрестить «иркутской школой». Без учеников школы не бывает. (Под надзором В. Павлова «ученики» работали в школе. Получив самостоятельность, работают так, как будто в «школе» не учились.)

«Ренессанс» как явление был замечен и отмечен извне. Интровертивно, городским сознанием он не воспринимался. Столь энергичный рывок из самодовольной провинциальной самодостаточности был встречен враждебно. Неужели провинция столь дремлет, что не может и глаз приоткрыть? А ведь на дворе интернет, глобализация. Конечно, снос «дома на ногах» вычеркнет Иркутск из «культурных» городов на долгие годы, если не навсегда. Но возьмем другой случай.

В титуле новостроек города в семидесятые годы прошлого века появился Музыкальный театр. Где его разместить? По обыкновению – в ряду других объектов культуры, Драматического театра, Театра юного зрителя, Музыкальной комедии, филармонии, исторического и художественного музеев, рассредоточенных по центральной части города. Архитектор Вячеслав Воронежский предложил свой вариант. Город к тому времени имел артикулированные административный и торговый центры, и новый Музыкальный театр, самый вместительный из культурных объектов, провоцировал мысль, а не создать ли в городе третий центр – культурный, по крайней мере, выраженное ядро такого центра. Параллельно с Музыкальным театром актуальными в городе фигурировали и другие потенциальные объекты культурного профиля: областная библиотека, Дворец гражданских обрядов, Центр научно-технической информации – новая типология того времени.

И В. Воронежский предложил проект такого третьего культурного центра, расположив его на исходе предложенного им же магистрального направления на Байкал – Байкальского Луча. Этот луч становится генеральной планировочной идеей города, его квинтэссенцией, его символом.

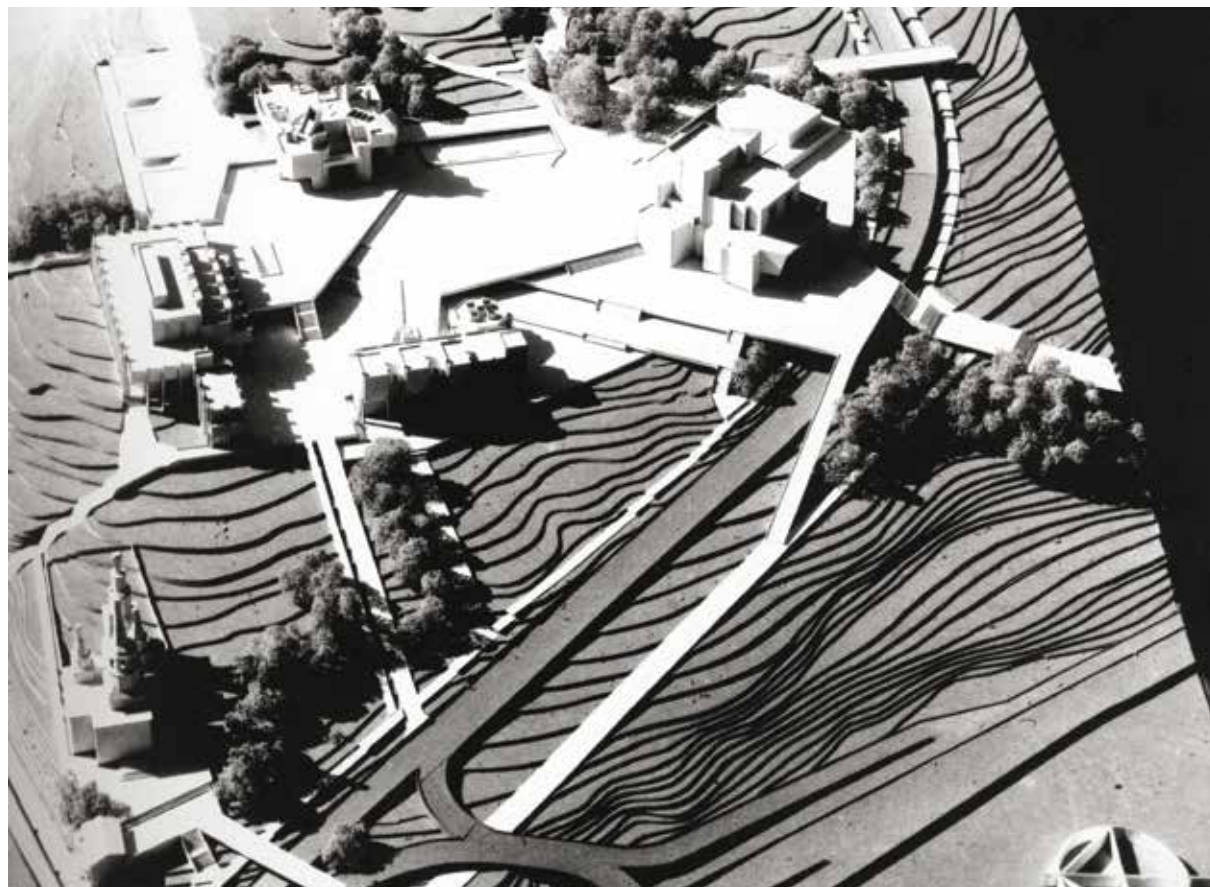
Властным и профессиональным институциям предложение Воронежского показалось настолько ярким и убедительным, что

проект получил полную поддержку на всех, в том числе и московских, уровнях и благополучно вступил в стадию реализации. Музыкальный театр и центр Научно-технической информации построили, Дворец гражданских обрядов заложили и возвели каркас, библиотеку запроектировали. Если принять во внимание, что страна в то время вступила в стадию экономического неблагодария, то, согласитесь, сделано было не так уж мало.

Пришло новое время. Интересы городского развития доминировали во все времена. На этом держится цивилизация. А что же у нас? Байкальский Луч ожил, по крайней мере на выходе из города, благодаря тому, что попал под влияние областной администрации. А вот с культурным центром беда. Ансамбль культурного центра – самая крупномасштабная на современном этапе градостроительная акция города. Казалось бы, появившиеся материальные ресурсы следует сосредоточить на завершении ансамбля. Мировой опыт полон примеров такого волеизъявления муниципальных властей. Это настолько очевидно, что разрушение иркутского культурного центра приводит в замешательство. Дворец гражданских обрядов вместо того, чтобы быть достроенным, функционально выхолащивается до ЗАГСа и вытаскивается из культурного центра вовсе под предлогом того, что его территорию целесообразней использовать для продажи и обслуживания автомобилей с сооружением построек типичного промышленного захламления. По «красной линии» ул. Седова между Музыкальным театром и ЦНТИ с ликвидацией площади культурного центра прорабатывается посадка то жилого дома, то концертного зала уровня архитектурных подготовительных классов – и этот «проект» выносится на областной градостроительный совет. Библиотеку выбрасывают в случайное место на периферию. Чего тут больше: полного безразличия к городу, слепой корысти, профессиональной беспомощности или тотальной безответственности? Можно спросить – зачем об этом писать в архитектурном журнале? Он же рассчитан на профессионалов. Но все, о чем здесь идет речь, делается руками архитекторов, считающих себя профессионалами. Вот для них и пишется, чтобы они хоть на миг усомнились в этом.

Культурный центр

архитекторы
С. Воронежский
В. Павлов
В. Колпиков
В. Суханов
Б. Халдеев
И. Дагданова
Д. Лорье
Н. Стужин
А. Кудрявцев
В. Бух

Проект зон охраны объектов культурного наследия Иркутска

«Проект охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта г. Иркутска» разработан в 2006 г. Научно-исследовательской проектно-реставрационной мастерской ОАО «Иркутскгражданпроект» по заказу администрации города в составе проекта «Корректировка генерального плана г. Иркутска».

Город Иркутск совместным Постановлением Министерства культуры РСФСР и Госстроя РСФСР (№36 от 31.07.1970) и решением Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников (№12(162) от 16.02.1990) внесен первый раз, в 1970 году, в Список исторических городов России. В 1989 исторический центр Иркутска вошел в Предварительный Список Всемирного Наследия.

Столь высокая оценка различными экспертами историко-культурного наследия города была дана благодаря уникальности фактора столичного города, обладающего:

- объектами археологического наследия, известными во всем научном мире, свидетельствующими о расселении человечества, начиная с тридцатитысячелетней давности;
- материальными носителями, отражающими исторические периоды города как военного форпоста, коммерческого, миссионерского, социокультурной и административной колонизации коренных народов;
- прекрасным природным ландшафтом;
- сформированной на протяжении трехсот лет устойчивой планировочной структурой исторического городского ядра;
- значительным количеством объектов культурного наследия, разнообразных по функционально-типологической принадлежности, стилистике, материалу, а также памятниками деревянного зодчества, сохранившимися в подлиннике и в массе.

Учитывая произошедшие изменения – временные, геополитические, правовые, социальные, освоение городских

территорий, изученность и техническое состояние объектов культурного наследия, требования законодательства, – администрацией города, выполняя требования Градостроительного кодекса и Закона об объектах культурного наследия РФ, было принято решение о разработке проекта зон охраны объектов культурного наследия в составе Генерального плана города Иркутска.

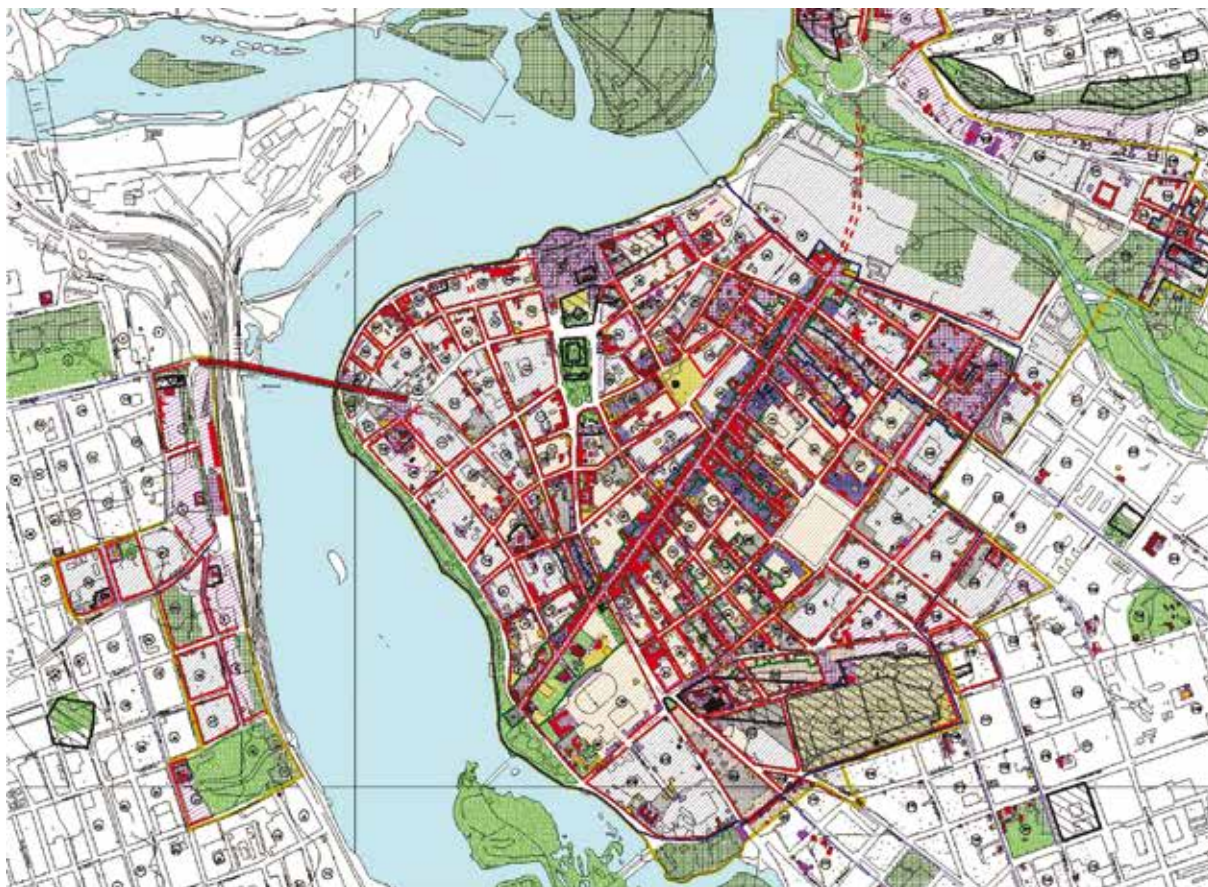
Основной целью разработки «Проекта охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта г. Иркутска» (далее – ПЗО, или Проект) является обеспечение Генерального плана качественной современной историко-архитектурной подосновой и системно-организованным комплексом градорегулирующих регламентаций, имеющими целью сохранение центра Иркутска как исторического, притягательного центра туризма. А это значит – сохранение ценных в научном, историческом и художественном отношении территорий, объектов и структурных взаимосвязей, с одной стороны, и обеспечение развития современного города и межгородской агломерации, повышение качества жизни и формирование комфортной городской среды, с другой.

В составе Проекта выполнены:

- ландшафтно-композиционный анализ, на основе которого определены природный каркас, культурный ландшафт, ценные участки градообразующей зелени;
- историко-архитектурный опорный план (ИАОП), разработке которого предшествовали подробные научные, архивные и библиографические исследования, натурные работы с полным объемом фотофиксации и оценкой по историко-культурной значимости объектов культурного наследия, составление информационных карт на 1790 историко-архитектурных объектов и аннотированного каталога объектов культурного наследия. Графический чертеж ИАОП содержит дифферен-

текст

Надежда Красная,
начальник НИПРМ ОАО
«Иркутскгражданпроект»,
руководитель проекта

Проект охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта г. Иркутска. Достопримечательное место «Исторический центр»

цированную информацию об объектах культурного наследия, планировочной структуре и исторических красных линиях застройки, исторических зеленых насаждениях, утраченных исторических объектах – кладбищах, погостов, общественно-значимых постройках (например, Кафедральный Казанский собор, Московские Ворота, рекомендуемые проектом к восстановлению) и т. д.;

– историко-градостроительный опорный план (ИГОП) позволяет перейти от «штучной» охраны объектов культурного наследия к комплексному градостроительному видению – определением типов исторической городской среды, формированием градостроительных комплексов, таких как: историко-мемориальный «Декабристы в Иркутске», «Трапезни-ковский» («Желябовский»), «Подгородно-Иерусалимский», «Сукачевский», «Казанский», «Князе-Владимирский», «Знаменский», «Поселок ГЭС», «Соборная площадь»;

и градостроительных ансамблей улиц: Большая (К. Маркса), Пестеревская (Урицкого), Луговая (Марата), 3-я Солдатская (Грязнова) и 5-я Солдатская (Б. Хмельницкого), Саломатовская (К. Либкнехта), Ланинская (Декабрьских Событий), Зверевская (Бабушкина).

Большая концентрация объектов культурного наследия в центральной части города позволила выделить «Исторический центр» Иркутска, определив его статус как «достопримечательное место» в следующих границах: бульвар Гагарина, улицы Цесовская и Нижняя набережные, Франк-Каменецкого, Октябрьской Революции, Ф. Энгельса, К. Либкнехта, Горная, Байкальская, Советская, Кожова.

Безусловный интерес и градостроительную ценность представляет фрагмент застройки советского периода в Ленинском районе – городок Авиастроителей в границах улиц Новаторов, Авиастроителей, Жукова, Сибирских Партизан, также определенный как «достопримечательное место».

Концепция ПЗО основана на сохранении историко-культурного наследия в увязке с Генеральным планом города, созданием единой системы охраняемых и регулируемых в части застройки территорий.

Принципиальной установкой Проекта является формирование целостного облика города, органически сочетающего историческую и современную застройки, основываясь на определении зон охраны таким образом, чтобы сохранить целостность и характер планировки исторической части города с выделением сохранившихся исторических ансамблей в их гармоничном окружении.

С этой целью определена граница территории единой системы регулирования застройки, включающая как достопримечательное место – «Исторический центр», так и ценные фрагменты природного ландшафта, создающие «буферный» режим, обеспечивающий визуальные связи с предместьями (Нагорное, Глазково, Рабоче-Знаменское).

ПЗО г. Иркутска. Фрагмент. Достопримечательное место «Городок Авиастроителей»

Охранные зоны

Применяются к объектам культурного наследия для обеспечения их сохранности при эксплуатации, благоприятных условий зрительного восприятия в исторической среде, а также для регенерации территорий историко-градостроительной среды комплексов и ансамблей. Охранные зоны устанавливаются для отдельных памятников как на территории единой системы регулирования в пределах достопримечательного места, так и за его пределами, а также объединенные (групповые) охранные зоны нескольких объектов культурного наследия в границах градостроительных комплексов и ансамблей.

Основные требования, заложенные в режимах охранной зоны: сохранение и регенерация историко-градостроительной среды; ограничение хозяйственной деятельности; запрещение нового строительства, за исключением специальных мер, направленных на сохранение объекта культурного наследия и регенерацию его историко-градостроительной или ландшафтной среды; сохранение и поддержание исторических красных линий застройки; санация территории со сносом малоценных строений; восполнение историко-градостроительной среды переносимыми памятниками; модернизация или снос диссонирующих объектов капитальной недвижимости; регулирование установки рекламных щитов, баннеров, растяжек, вывесок и иных форм рекламы (в части размеров, пропорций, форм, цветового решения, материала исполнения и т.п.); регулирование ремонта дорожного и тротуарного полотна уличной сети (в части отметок, покрытий, форм уличного освещения, зеленых насаждений и иных малых архитектурных форм).

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности

Дифференцируются на зоны строгого и частичного регулирования, соответственно делятся на несколько типов подзон. Зона строгого регулирования застройки и хозяйственной деятельности (ЗСР) подразделяется на четыре типа подзон, каждая из которых ориентирована на присущую ей типологию исторической среды.

Так, например, ЗСР 1-го типа применяется для территорий высокоплотной, разноэтажной каменной застройки, участков целостной и частично нарушенной исторической среды, сохранивших исторический облик, с целью регенерации ограниченного преобразования и активного использования внутриквартальных пространств. К ним относятся улицы К. Маркса, Урицкого, фрагменты улиц Пролетарской, Сухэ-Батора, Дзержинского. Основные требования для этой зоны: сохранение фасадного фронта уличной застройки; сохранение и поддержание исторических красных линий застройки объектами нового строительства; санация внутриквартальной застройки. Здесь предусмотрено компенсационное новое строительство, которое регулируется параметрами (пропорции, строительный материал, цветовое решение, благоустройство, малые архитектурные формы), композиционно и масштабно, и должно подчиняться исторической опорной застройке.

ЗСР 2-го типа применяется для объектов культурного наследия и территорий с плотной и разреженной деревянной усадебной застройкой, с целостной и частично нарушенной исторической средой, сохранивших исторический облик, с целью регенерации и ограниченного преобразования (улицы Грязнова, Б. Хмельницкого, Киевская, Бабушкина, К. Либкнехта, Декабрьских Событий, Марата, Подгорная, Коммунаров, Седова, Третьего Июля, Кожова). Режим этой зоны предусматривает: сохранение и регенерацию историко-градостроительной среды; восстановление утрат по историческим красным линиям застройки преимущественно переносимыми памятниками; сохранение и поддержание исторической красной линии застройки (восстановление или воссоздание по аналогам ограждений, заплотов, ворот, калиток). Ограничение компенсационного нового строительства здесь регулируются параметрами (пропорции, строительный материал, цветовое решение, благоустройство, малые архитектурные формы), композиционно и масштабно; модернизация или снос диссонирующих объектов капитального строительства, обязательно подчиненные исторической опорной застройке.

Данная зона установлена также с целью поддержания исторической застройкой уникального культового памятника – Крестовоздвиженской церкви. Кварталы №130, 131, 133, находящиеся рядом и сохранившие большой процент ценной

деревянной застройки, – это, по сути, планируемые территории регенерации, в том числе путем переноса сюда объектов культурного наследия с участков, входящих в расширение улично-дорожной сети центра города, предусмотренных транспортной схемой Генплана, а также единичных уникальных объектов вне исторической застройки.

Зоны частичного регулирования застройки и хозяйственной деятельности (ЗЧР) разработаны 3-х типов, применяются в границах территории единой системы зон регулирования застройки для тех ее участков, в которых значительно или полностью утрачена историческая среда, но сохранились отдельные объекты культурного наследия. Здесь предусматривается активное преобразование застройки (новое строительство) с регулированием габаритов зданий, отношения к красным линиям застройки, планировочному масштабу. Дифференциация регулируемых параметров обусловлена положением участков – в удалении или вблизи ценных фрагментов исторической застройки, ансамблей.

Зоны охраны и регулирования ландшафта

Распространяются на территории с сохранившейся ценной градоформирующей зеленью (в том числе на исторические ландшафтные элементы и комплексы), предусматривая поддержание существующего состояния, и на территории частично и значительно нарушенных ландшафтов, требующих выполнения мероприятий по их регенерации (например, восстановление «Интендантского сада» на левом берегу Ушаковки и др.).

На территориях бывших кладбищ, погостов, утраченных и градостроительно важных объектов, частично находящихся под временной и капитальной застройкой, сохранивших исторический культурный слой, вводятся также Зоны специального регулирования застройки, которые предусматривают специальные охранные мероприятия, в т.ч. проведение предварительного археологического обследования.

Проектный баланс территории

В соответствии с технико-экономическими показателями генерального плана города, общая площадь земель в границах городского округа (черты?) составляет 27 693,7 га (территории жилых, общественно-деловых зон, зон инженерной и транспортной инфраструктуры, рекреационных, сельскохозяйственного использования и специального назначения).

Проектный баланс зон охраны города и достопримечательных мест. Зоны охраны всего в процентном соотношении ко всей городской территории составляют 6,99%. В том числе: непосредственно Охранные зоны – 0,72%; Зоны строго регулирования застройки и хозяйственной деятельности – 0,36%; Зоны частичного регулирования – 1,53%; Зоны охраняемого ландшафта – 3,08%; Зона регулирования ландшафта – 1,3%. Достопримечательное место «Исторический центр», в том числе по отношению к территории исторического центра (468,8 га) составляет 1,7%. Достопримечательное место «Городок Авиастроителей» – 0,24%.

На основании приведенных показателей, можно констатировать, что процент городских земель подлежащих обременениям, ограничениям режимов и регламентов зон охраны составляет чуть меньше 7%. Однако, при этом, процент охраняемого и регулируемого ландшафта составляет 5,1. Данные территории входят в состав рекреационных зон (50,3%), предусмотренных генеральным планом и составляют ничтожно малую часть.

Охранные зоны, с режимом запрещения нового строительства, составляют всего на всего 0,72%, в которых основной объем определяют территории градостроительных ансамблей и комплексов (0,28%). Зоны строго регулирования застройки и хозяйственной деятельности составляют также незначительную часть – 0,36% и не противоречат регламенту по этажности застройки генерального плана. Зоны частичного регулирования застройки и хозяйственной деятельности составляют 1,53%, что фактически не может препятствовать развитию города. Суммарный процент зон регулирования застройки и хозяйственной деятельности составляет меньше 2%, что является важным, «не сдерживающим» показателем для дальнейшей реализации концепции развития города.

Ориентировочные стоимостные показатели восстановления объектов культурного наследия

На основании проведенного укрупненного расчета предлагаются следующие этапы работ по регенерации города и реставрации объектов культурного наследия на расчетный срок генерального плана Иркутска. На реставрацию, реконструкцию градостроительных ансамблей и исторических комплексов центра Проектом заложена сумма 5181,0 миллионов рублей, срок реализации – 2008-2012 годы. Из них: на деревянное архитектурное наследие (577 объектов) – 3981,0 млн. руб. (за исключением переносимых); каменной архитектуры (48 объектов) – 1200,0 млн. руб. Кроме того, на перспективный срок реализации – 2013-2020 гг. – планируется потратить на каменные здания-памятники еще 7700,0 млн. руб.

Таким образом, ориентировочная сумма ежегодного освоения на период 2008-2012 гг. составит 1036,2 млн. руб.; в 2012-2020 годы – 962,5 млн. руб.

Учитывая социально-экономическую направленность на приватизацию недвижимого имущества, в том числе и объектов культурного наследия, а также предусмотренное Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» финансирование сохранения (реставрации) объектов культурного наследия за счет средств собственников, в дальнейшем необходимо разрабатывать дополнительно самостоятельные целевые программы по разным источникам финансирования мероприятий по реставрации, реабилитации культурного наследия города.

Статистические данные по дифференцированному количеству объектов культурного наследия (ОКН) г. Иркутска

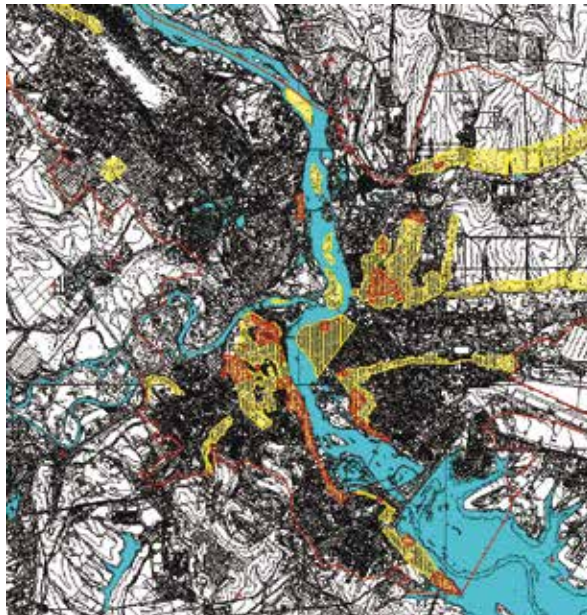
Всего на территории города Иркутска расположено 1045 различных объектов культурного наследия (постройки), стоящих на государственной охране и рекомендованных для постановки под государственную охрану.

Из них федерального значения – 103 (т.е. 10%), остальные регионального (областного значения), среди которых объекты деревянного зодчества преобладают – 80 единиц. Другие: объекты каменного зодчества – 20, отдельные захоронения – 2, произведения монументального искусства – 1. На региональной охране состоит 541 объект, из них: деревянного зодчества – 262 объекта, каменного зодчества – 309, захоронений – 15, произведений монументального искусства – 2.

Рекомендуется повысить статус государственной охраны до федерального уровня двум объектам (один деревянный). Придать охранный статус регионального значения рекомендуется 370 объектам культурного наследия, из которых 219 являются деревянными, а 150 каменными. При этом рекомендовано понизить охранный статус (с федерального на региональный) для 7 объектов. Проектом также предлагается поставить на муниципальную охрану 22 постройки, среди которых 14

Проект зон охраны г. Иркутска. Фрагмент Центральной исторической части

Корректировка Проекта
зон охраны объектов
археологического наследия

деревянных. Еще 477 объектов недвижимости отнесены к ценным историческим опорным (сохраняемым) элементам, в том числе деревянного зодчества – 173, каменного зодчества – 72. Советский период представлен 232 ценными в архитектурном отношении объектами. К рядовым историческим опорным постройкам отнесено 480 объектов, в том числе деревянного зодчества – 184, каменного – 296. И 47 зданий рекомендованы к исключению из Государственного реестра объектов культурного наследия.

В итоге работы над ПЗО специалистами были обследованы и даны рекомендации по историко-культурной значимости 2002 объектам. С целью сохранения исторического облика города рекомендуется к сохранению с проведением ремонтно-реставрационных работ 1045 объектов, представляющих историко-культурную ценность, различных периодов строительства, в том числе и советского. Из них 28 демонтированы для восстановления в дальнейшем либо находятся в процессе реставрации. ПЗО определено 62 объекта деревянного зодчества, рекомендованные к перемещению на территории регенерации в процессе развития города.

Объекты культурного наследия, отнесенные к ценным историческим опорным постройкам, требуют дополнительного дальнейшего изучения с целью придания им охранного статуса. Объекты культурного наследия, находящиеся на территориях градостроительных ансамблей и комплексов, являются опорными элементами и подлежат сохранению и восстановлению как предмет охраны данного ансамбля или комплекса, определенного режимом и регламентом их зон охраны. Объекты, отнесенные к рядовым историческим постройкам, за исключением входящих в градостроительные ансамбли и комплексы, при освоении территорий после дополнительного изучения могут быть рекомендованы к сносу.

Рекомендации к последующему принятию нормативных документов и программных мероприятий

С целью реализации Генерального плана и Проекта зон охраны города Иркутска, к 350-летию юбилею города необходимо предусмотреть:

1. Разработку и представление в Правительство Российской Федерации (возможно, в рамках национального проекта) Федеральной целевой программы на 2008-2012 гг. «Деревянное зодчество Иркутска исторического как культурного туристического центра Восточной Сибири» (название условное).

2. Принятие законодательных областных и муниципальных нормативных актов: а) о компенсациях и льготах собственникам и пользователям объектов культурного наследия; б) о дополнительных источниках по формированию средств на обеспечение сохранности объектов культурного наследия; в) о передаче объектов культурного наследия регионального значения из муниципальной собственности в областную.

Также к 350-летию Иркутска проектом рекомендуется разработать:

3. Областную целевую Программу «Сохранение культурного многонационального наследия Иркутска». Эта комплексная Программа должна аккумулировать источники финансирования, определять доли областного и муниципального бюджетов по объектам областной и муниципальной собственности, а также включать внебюджетные источники финансирования по объектам частной собственности.

4. Новые Правила застройки Иркутска.

5. Проекты планировки административных округов города.

6. Комплексные проекты застройки, регенерации и реконструкции в зонах охраны ансамблей, комплексов, объектов культурного наследия.

7. Муниципальную целевую Программу на 2008-2012 гг. «Мероприятия по сохранению культурного наследия Иркутска», включающую как самостоятельные подпрограммы по: инженерному обеспечению застройки (теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение, канализация), отселению жильцов, аукционы по продаже и передаче в долгосрочную аренду инвесторам объектов культурного наследия, организации Школы реставраторов.

8. Проведение инвестиционного аукциона по «Воссозданию Московских ворот», являющихся символом столицы Восточной Сибири.

Составной частью ПЗО является также выполненная на субподряде Центром по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области «Корректировка проекта зон охраны объектов археологического наследия г. Иркутска». Своевременность осуществления корректуры этого проекта обусловлена значительно возросшим объемом информации, полученной за последние два десятилетия в ходе археологических экспертиз участков нового строительства, существенно увеличилось число выявленных объектов археологического наследия.

Целью работы являлось создание условий обеспечения сохранности объектов археологического наследия и оперативное решение предоставления земельных участков под различные виды хозяйственной деятельности, освоение. Проектом определены территории 46 объектов археологического наследия – памятников и ансамблей – и выделены территории 12 достопримечательных мест с режимами зон регулирования застройки и хозяйственной деятельности.

На часть территории уникального памятника «Глазковский некрополь» устанавливается регламент, запрещающий все виды хозяйственной деятельности, кроме мер, направленных на его сохранение, – музеефикацию как для объекта экскурсионного показа.

На иных участках, испрашиваемых под хозяйственное использование в границах объектов археологического наследия, устанавливается режим, запрещающий строительство и хозяйственную деятельность до выполнения спасательных археологических работ. После выполнения охранных мероприятий определяется допустимость и ограничения хозяйственного освоения.

В границах территорий достопримечательных мест как объектов археологического наследия установлена особая Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности. Режим и регламент этой зоны, запрещающий строительство и хозяйственную деятельность, допускает освоение территории с условием предварительного археологического обследования.

Общая площадь территорий объектов археологии составляет 10,91% от площади города. Из них 1,54% занимают территории в границах памятников и ансамблей, освоение которых возможно с условием выполнения спасательных археологических работ, 9,37% – территории зон регулирования застройки и хозяйственной деятельности, освоение которых возможно с условием предварительного археологического обследования. Предложенный проект – это не жесткая схема с навсегда установленными границами территорий археологических объектов. По мере обследования и изученности, границы будут постепенно корректироваться, в большей части – сокращаться.

Парадоксы «реализации» проекта зон охраны объектов культурного наследия Иркутска

Парадокс 1

Городской Думой в 2007 году решением № 004-20-390583/7 от 28 июня утвержден Генеральный план города Иркутска. В комплекте с ним был разработан и этим же решением Думы утвержден Проект зон охраны объектов культурного наследия (ПЗО) исторического Иркутска. Одновременно продолжаются заседания рабочей группы, созданной мэром для рассмотрения вопросов (дословно) «сохранения, использования, популяризации, оптимизации качественного и количественного состава объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности и расположенных на территории г. Иркутска».

Для рассмотрения на этой рабочей группе очередного вопроса по поручению мэрии административными округами подготовлен так называемый «Перечень сносимых домов – памятников истории и культуры». Этот документ разработан в «глубокоудмных недрах» городской администрации в том же 2007 г., то есть в то время, когда был уже выполнен по заказу той же городской администрации и утвержден городской Думой Проект зон охраны Иркутска, где все эти памятники, естественно, подлежат сохранению. «Перечнем» же предлагается буквально тотальный снос объектов культурного наследия – не менее 90%.

Особенно ярким примером служит Правобережный округ. В «Перечне» в алфавитном порядке поименованы все спичечные объекты культурного наследия – как стоящие на

государственной охране федерального либо регионального значения, так и выявленные объекты, рекомендованные на государственную охрану. Целые исторические ансамбли и градостроительные комплексы – улицами и кварталами – рекомендуются к сносу, не щадя даже каменных построек. Например, отреставрированное каменное здание по ул. Пятой Армии, 2, где размещается региональный орган охраны объектов культурного наследия, кстати, находящийся, в областной (не муниципальной) собственности, также рекомендуется к сносу!

Если следовать этому «Перечню», то концепция ПЗО о создании достопримечательного места – «Исторический центр» города полностью меняется, так как уничтожаются не только отдельные памятники, фрагменты, а целиком исторически ценная застройка улиц, стоящих на государственной охране – Грязнова, Б. Хмельницкого, как и историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Не говоря уже о рекомендуемых на государственную охрану градостроительных ансамблях деревянной застройки улиц Бабушкина, К. Либкнехта, Декабрьских Событий, Марата и т.д.

Администрация Свердловского округа, видимо, и не знакомилась с ПЗО, раз предложила деревянный дом по ул. Профсоюзной, 35 к сносу, тогда как этот уникальный памятник архитектуры рекомендован разработчиками ПЗО, учитывая его стилистические особенности, деревенский характер, к

текст
Алексей Чертилов

Один из объектов в комплексе «Красных казарм», предполагаемый под снос

Дом в усадьбе иркутского
врача А.А. Рассушина
по ул. Володарского, 3

переносу в загородный Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

И еще. Чем же помешали многострадальные каменные постройки Вознесенского монастыря (малая часть когда-то большого культового комплекса) по ул. Полярной, 78-86? Они также предложены администрацией Ленинского округа к сносу.

Воистину, одна рука (окружная) не знает, что творит другая (городская). А голова на что? Не менее интересно сочетание слов в названии этого эпохального для «развития» города «Перечня» – «сносимых памятников». Как будто не существовали никогда и не существуют в России Конституция, федеральное и региональное законодательство, где уже давно закреплена международная норма, которую знают все (получается, не все?) граждане страны, чиновники в первую очередь, – объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) сносу не подлежат. Интересно – что скажут (или ничего не скажут?) органы прокурорского надзора, когда ознакомятся с этим «новаторским» для всей нашей необъятной родины документом?

Парадокс 2

Государственный региональный орган Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области, согласовав ПЗО без замечаний, выводит в настоящее время из числа памятников выявленные объекты культурного наследия – как ценные исторические опорные объекты, так и рекомендованные на государственную охрану. В то время как в составе ПЗО выполнены подробные списки объектов культурного наследия, подлежащих сохранению.

Так, под регистрационным № 650 в «Списке памятников истории и культуры г. Иркутска» (2000 г.) на учете госорганов охраны культурного наследия находится известный многим комплексный памятник (в первую очередь – истории, потом – архитектуры) – «Комплекс построек Военного ведомства, т.н. «Красные казармы», всего четыре здания постройки 1910-х годов. На Научно-методическом совете при Службе дважды, по «особому» настоянию заинтересованного лица-владельца, ставится вопрос о выводе из числа памятников одной из четырех казарм, выкупленной им в частную собственность, успешно разрушающейся, мешающей новому собственнику реализовать план высотного строительства на этом месте – как на казарменном плацу, так и на территории самой казармы. Четыре абсолютно равнозначных казармы, образующие каре с внутренним плацем, составляют единый неделимый комплекс, согласно ПЗО здесь установлена «охранная зона» со строгим регламентом реставрации-реконструкции. И вдруг одна из казарм становится не памятником истории!

В последние несколько лет Список объектов культурного наследия областным органом охраны культурного наследия по настоянию заинтересованных лиц (застройщиков участков и собственников недвижимости), естественно, с искренним «попечением о расцвете» столицы Восточной Сибири, решая насущную проблему жилищного, в том числе, строительства, последовательно и неумолимо сокращается. В недавнее время выведены из Списка ряд ценных в историческом и архитектурном отношении, бесспорных домов-памятников, расположенных по улицам: П. Осипенко, 10; С. Перовской, 9 и 44; Свердлова, 36 (часть здания); по пер. Пионерский, 9; другие. Дважды делалась попытка провести через тот же совет Службы, с той же «заботой о развитии» (читай – застройки) центра города деревянный дом по ул. Грязнова, 2. И так далее, и т.д.

Парадокс 3

Уникальная усадьба известного иркутского врача А.А. Рассушина по ул. Володарского, 3 в составе: дом жилой, флигель, ограда, ворота, сад. Выстроена в 1914 году по проекту замечательного иркутского архитектора, брата врача – В.А. Рассушина. В 1990-м была взята под региональную государственную охрану решением Иркутского облисполкома № 73. Вопреки действующему законодательству об охране объектов культурного наследия, регламентирующего процедуру исключения объектов, взятых на госохрану только посредством принятия Решения Правительства РФ, данный памятник снимается с государственной охраны Распоряжением администрации области. И с подачи – кого бы вы думали? Ни много ни мало – тех, кто должен отслеживать исполнение того самого законодательства – областной прокуратуры. Причина тому – необходимость освобождения площадки для расширения здания прокуратуры, расположенного смежно с усадьбой А.А. Рассушина. А областной государственный орган охраны наследия, подыгрывая действиям прокуратуры (попробуй быть против!), принимает «компромиссное» решение о «временном складировании» здания-памятника (опять же, не имея на то полномочий), находящегося, кстати, в хорошем техническом состоянии как внешне, так и конструктивно, на территории АЭМ «Тальцы»... Об этом курьезном деле см. отдельный материал в этом же номере.

Глядя на всю эту вакханалию с историческим наследием Иркутска (вчера памятник, сегодня – не памятник), угодническую позицию областного органа охраны памятников, по нашему мнению, впору, как это ни парадоксально и прискорбно, ставить вопрос о переименовании этой до недавнего времени охранной организации в «Службу по уничтожению объектов культурного наследия».

Подписи городов

«В процессе глобализации и как следствие созревания города приобрели больше своеобразных черт, нежели общих.»

Жак Герцог

Возможно, Вы помните, как, будучи студентом или даже молодым взрослым человеком, Вы начинали усердно придумывать (изобретать, создавать) свою подпись. Вы выводили свое имя снова и снова, придавая буквам то закругления, то прямоту, больший или меньший наклон – выпонная согласованные действия в попытке создать подпись, которая говорила бы за Вас – была бы Вами. И эта подпись развивалась и менялась со временем ее использования, пока не достигла того, что она стала именно Вашей, а не чьей-либо другой. И хотя она продолжает изменяться со временем Вашего созревания, по существу она является Вашей подписью уже много лет, и теперь она выступает в качестве Вашего представителя, до такой степени, что является законным заверением Ваших договоров и действий. И ничего не стоит тот факт, что эта признанная достоверность, знак, который определяет Вашу подпись, возникает из креативного акта самосознания, создающего подпись.

Города имеют свои подписи. Они вырастают в собственное бытие, каковое мы и воспринимаем. Или, в противовес утверждению Гертруды Штайн, «здесь подобие того, что есть там», во многом походя на индивидуумов, подписи городов непредопределены. Скорее они придуманы (изобретены, созданы) намеренным действием человека. Любопытен и неопределен тот факт, что в какой-то момент своей жизни город кажется удобно устроившимся на своем месте, в своей подписи. Действительно ли Вы помните тот день, тот момент, когда Ваша подпись была именно ВАМИ? Знаем ли мы тот момент, когда город является самим собою?

Здесь мы не имеем в виду официальные прокламации или декларации. Такие действия происходят раньше, во время основания городов. Вместо этого мы ищем момент, когда город становится уникальным воплощением индивидуальности, местом на земле, не похожим ни на какое другое. В некотором смысле, действительно глупо заявлять, что все города, расположенные на земле, в местах с особым климатическим, географическим и политическим влиянием, резко отличаются друг от друга и являются уникальными. Несмотря на безрассудство нашего поиска, тот момент, который мы пытаемся вспомнить (или вообразить), – это тот самый момент, когда город демонстрирует свою подпись, что относит его к индивидуальному пространству и городской конструкции.

Чтобы дальше продолжить свое расследование, мы возвращаемся к Жаку Герцогу: «... они (города) немного похожи на людей. Чем старше, тем больше Вы становитесь «собой», «Вас» больше в Вашей манере двигаться, говорить и смотреть, в Вашей одержимости, неудачах и успехе. Ваша жизнь создает Вас, и, наоборот, Вы создаете свою жизнь». Таким образом, описывая город, Герцог ясно видит город как нечто большее, чем просто исторически совершившийся факт, где зрелость основана на времени (или возрасте), и когда она есть, она действительно ЕСТЬ. Однако, сравнение города с человеком добавляет еще один слой к той сложности, которая помогает задать вопрос, как, когда и где город становится городом, и почему этот город не похож на другой город.

Формирование индивидуальности для индивидуума кажется само собой разумеющимся. Нас легко убедить, что к определенному возрасту человека становится понятно, кто он есть и как он выглядит. Его индивидуальность закреплена и легко узнаваема, так что мы вполне можем понять, когда он «сам не свой». Накопленный опыт создает центр, вокруг которого формируется характер. Это формирование играет роль притягательной силы, соединяющей вместе элементы, действия, детали и привычки, которые кажутся наиболее примечательными для любого индивидуума. Формирование также достигается путем отталкивания – отбрасывания тех несоответствий, тех «нехарактерных» моментов, которые сделали бы индивидуальность слишком неопределенной или слишком открытой, чтобы ее можно было верно идентифицировать.

Но такое чувство закрытости, законченности индивидуальности индивидуума (намного меньше это чувство касается индивидуальности города) является вымыслом, основанным только на том, что уже в прошлом. До конца, до самой смерти индивидуальность, даже индивидуальность индивидуума, всегда еще только предстоит определить. Всегда есть шанс, что еще одно действие,

еще одно утверждение изменит все наши ощущения того, каким, как мы полагали, является этот человек. Дело не в том, что это происходит часто, чаще всего этого не происходит – мы создаем впечатление о ком-либо, и оно остается до конца.

И все же по опыту мы знаем, что люди меняются; города развиваются и перестраиваются. На какой стадии своей жизни Рональд Рейган был настоящим: когда был просто второстепенным актером; или актером, который стал губернатором Калифорнии; или актером-губернатором, который стал Президентом США? Или когда стал человеком, который победил коммунизм в Европе? Наша уверенность в характере и индивидуальности индивидуумов всегда чувствительна к шоку и трепету перед жизнью, которую меняют люди, выступающие в роли «не самих себя».

Это чувство уверенности в подписи и индивидуальности индивидуума и города очень важно, так как оно сильно влияет на наше восприятие города – как объект или как процесс. Воспринимать город как объект (возьмем в качестве нашего примера город Мельбурн) – значит относиться к нему как к «немного похожему на людей», как к воплощению личности, с его личными свойствами и характеристиками, и как к индивидуальности, которая имеет только ей свойственную подпись. В зрелом возрасте эта подпись кажется все более закрепившейся, более определенной, а поэтому более Самой собой.

В отличие от индивидуумов, у которых есть свободная воля, в связи с чем они способны оказывать значительное влияние на путь своего развития, города являются следствием многих преднамеренных и непреднамеренных сил. Вместо того чтобы воспринимать города в качестве объектов, нам лучше рассмотреть их в качестве процессов – не только потому, что это кажется более точным определением их реальной природы, но также потому, что это поможет нам удержаться от приписывания черт уже сложившейся, завершенной личности.

Так может показаться, что представить себе город – это настоящая опасность. Стремиться сохранить имидж или индивидуальность для Мельбурна, который сосредоточен на ограниченных (если ими восхищаются) характеристиках, – значит стараться удержать город в рамках мертвой личности. Видеть время, историю или эпоху, заставляющие город быть все больше и больше самим собой, – значит заставить город быть только тем, чем он уже был. Этот фатализм делает неясным процесс постоянной трансформации, в котором не личность, а качества определяют каждый момент жизни города.

Сегодняшняя трудность с историей представляет собой степень, до которой доходит предположение, что особые моменты в жизни города Мельбурн и есть этот город, что это время существует, а то – нет. Дебаты в Мельбурне на тему моментов истинных против поддельных предполагают, что подпись города уже была поставлена, и что мы уже хорошо знаем индивидуальность, которая поставила эту подпись, что это предзнаменование, написанное на стене.

Мы не верим, что это правда. Мы не верим, что город, то есть Мельбурн, уже подписан, скреплен печатью и доставлен. Мы убеждены в том, что такой город, как Мельбурн, будет продолжать развиваться и изменяться, а также, что еще далеко до его закрепления в устойчивую неизменную индивидуальность. Благодаря всей своей глубокой специфичности, Мельбурн все еще находится на пути становления. Он, как и все города, живущие на планете Земля, вовлечен в дело преобразовывающегося урбанизма.

Для защиты процессов, противопоставляя их образу, нужно взглянуть на сети, связи, невидимые отношения, которые формируют мир как имиджа, так и существования. В процессе строительства города мы больше строим отношения, нежели объекты. Преимуществом для нас является то, что Мельбурн, кроме многих других городских конструкций, полностью полагается на жизненный опыт для обоснования городских условий, нежели на наблюдение со стороны. Это способствует урбанизму в необходимой ему деятельности и всех сопутствующих мероприятиях, будь то фестивали, клубы, живая музыка, еда или выпивка или просто прогулки по улицам. Риск в деле процессов против устойчивой индивидуальности – это риск в деле трансформации против консолидации, риск «пока нет» против «уже да».

Кто хочет подписаться?

текст
Архитектурная студия ЛАБ
LAB_DONALD BATES AND
PETER DAVIDSON

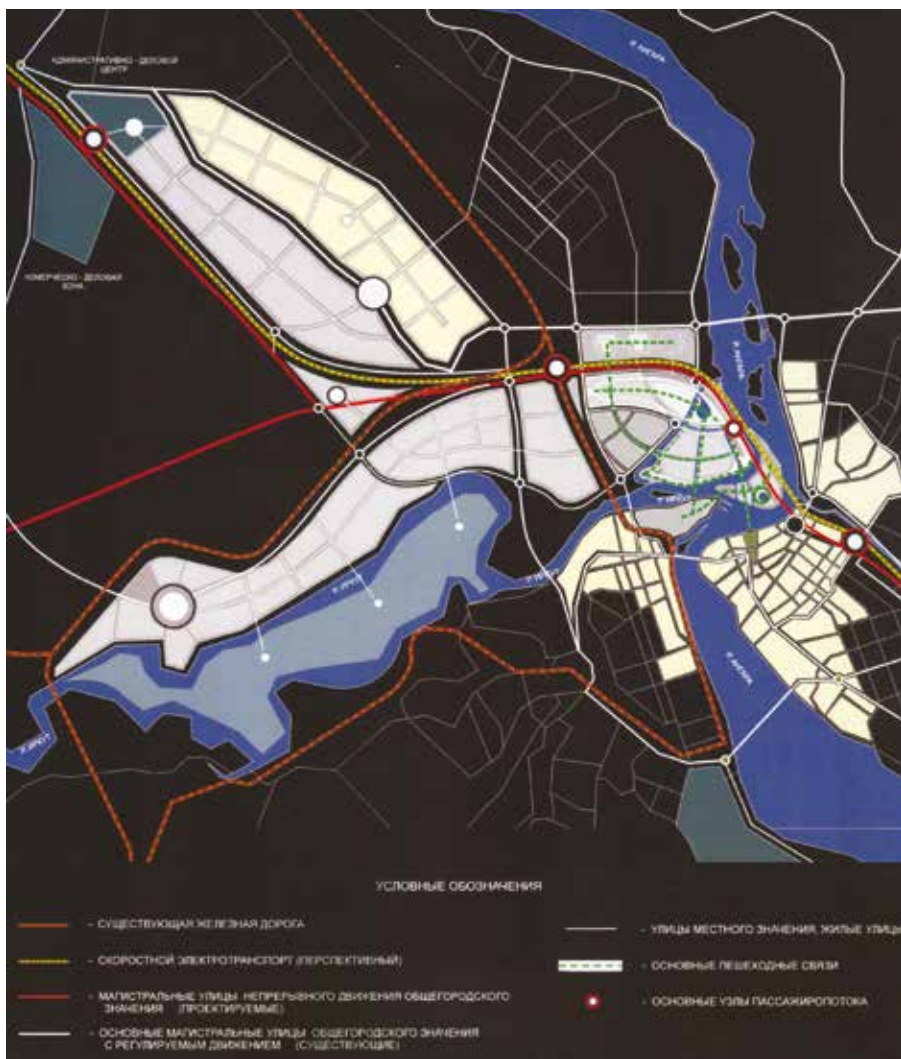

Новый центр

Вниманию членов Градостроительного совета при Губернаторе Иркутской области 24 июля была представлена концепция застройки полуострова, прилегающего к поселку Кирова в Ленинском районе Иркутска.

В основе идеологии концепции, изложенной председателем совета директоров ООО «Перспектив» А.А. Зотовым, лежит создание на этой территории новой административно-деловой части города, а также крупного пассажирско-транспортного узла.

Градостроительный совет принял предложенную компанией «Перспектив» концепцию и не возражает против предоставления данной территории под строительство общественно-делового центра.

Дипломный проект «Открытая агломерация»

Автор: Третьяков А.Д.
Руководитель: Большаков А.Г.

Дипломный проект – попытка восстановить статус области в сознании граждан и напомнить иркутянам, что значила Иркутская область и сам город Иркутск в дореволюционные годы. Идея-максимум – придать Иркутску статус мирового города, который имеет международные связи, минуя столицу или другие города страны. Город, открытый миру. Он должен стать базовой точкой в освоении Сибири на новом уровне – перейти от экстенсивного развития к интенсивному. Избавить местное население от комплекса «крепостных», которые вынуждены работать на центральный регион.

Особенности. Кафедральный Казанский Собор – символ, являвшийся в конце XIX века по ряду показателей третьим по России. Перевалочная база торговли с Китаем. Торговля с американским континентом через тоннель под Беринговым проливом. Связь Иркутска с севером области – Иркутск – Усть-Кут, которая целесообразна с точки зрения повышения уровня развитости инфраструктуры. Энергетическая мощь региона.

Транспорт. Три железнодорожных вокзала в городе: северный (новый), западный – на базе станции Иркутск-Сортировочный, юго-восточный – на базе станции Кая. Все вокзалы – тупиковые, для транзитного движения создается объездная железная дорога за пределами города. От нового вокзала проложена

ветка для скоростного трамвая в особую экономическую зону туристского типа. Транспортно-пешеходная схема названа автором простой – основные направления прямые, одно овальное, за счет которого достигается эффект природного окружения, где нет прямых линий.

Градостроительство. Создание нового центра Иркутской агломерации в междуречье Ангары и Иркутка с административными функциями, часть которых будет оттянута из исторического центра. Кроме того, возможность провести масштабную реконструкцию района, находящегося в запущенном состоянии. Идея агломерации усмотрена автором на Генплане города. Четыре узловых центра и диагональная общественная связь, «выстреливающая» в направлении Байкала. Иркутск должен оставить за собой статус ядра агломерации.

Красивая идея завершается красивой точкой – восстановлением Казанского Собора на Тихвинской площади, который, по замыслу автора, мог бы стать символом обновленного Иркутска.

Теплякова Ирина

Проект застройки п. Листвянка с разработкой международного экологического центра

Авторы: Андреев В.А., Сучкова А.В.
Руководители: Большаков А.Г.,
Дагданова И.Б.

Проект – гимн экологии, в котором преобладают откровенные отсылки к природному естеству. Образ – скальная порода и вмерз-

ший в нее лед. Фонарь, прорезающий кровлю, – горный ручей, впадающий в Байкал. Сад из кустарников в просторном вестибюле – Дерево Жизни, цепляющееся корнями за камни. Ставка на то, что задуманный образ будет прочтен под любым углом, – чистая символика. Здесь и неоднозначность икон-образов – лед, хрупкий и тающий (символ

экологической уязвимости), в то же время прочный, чистый и прозрачный (подобно деятельности расположенного в здании экологического центра).

Объем состоит из двух массивов, разделенных фонарем-«ручьем». Расположение на возвышении, в небезызвестном иркутянам месте – распадке реки Крестовки, спо-

собствует доминированию над окружающей застройкой.

Идея развития в Листвянке и на прибрежной территории экологических центров не нова, но актуальности своей не утратила хотя бы потому, что «воз и ныне там».

Теплякова Ирина

Загородный Дом

Архитекторы: Евгений Золотухин, Иван Пашкевич, Валерий Рсмагин, Анастасия Хворостына

У каждого места есть свой образ – единое целое, которое можно разложить на составляющие. В рамках конкурса «Арх-опушка» был создан проект поселка «Олушкино», и этот загородный дом – одно из его «лиц».

Живописный объем, повторяющий рельеф, сформирован несколькими блоками. Доминантой среди них является объем каминного зала – ядро планировочной структуры, от которого раскручивается композиция дома: пространство перетекает в гостиную, столовую, бильярдную и раскрывается в сад.

Как в колодезь, в каминный зал льется свет – и это пространство напоминает сцену. Зрители могут занять места в бельэтаже – на обходной галерее, соединяющей все помещения дома.

Легкий динамичный фасад – платформы, плавающие вертикальные и горизонтальные плоскости, где-то словно резная ширма – прозрачные, где-то глухие, как стены в средневековой крепости, – начинают казаться театральной декорацией, готовой трансформироваться в любой момент в новую структуру. Причем эта декорация, выполненная из дерева, органично впишется в зеленый ландшафт.

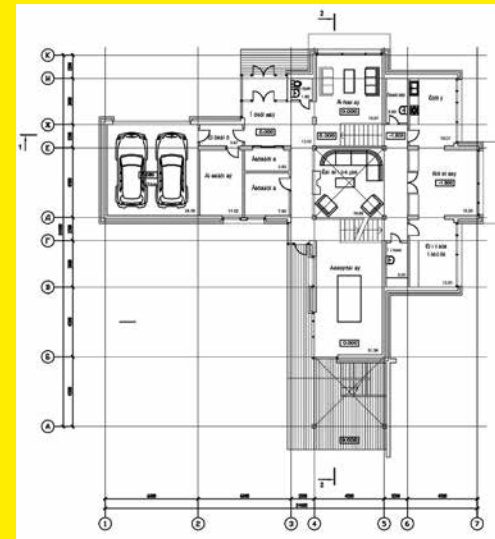
Но главным действующим лицом в этом архитектурно-театральном представлении является тот, для кого этот дом создавался. Авторы вполне четко определили человека, для которого создали проект дома. «Это – востребованный и успешный специалист, энергичный и уверенный в себе человек, с хорошим

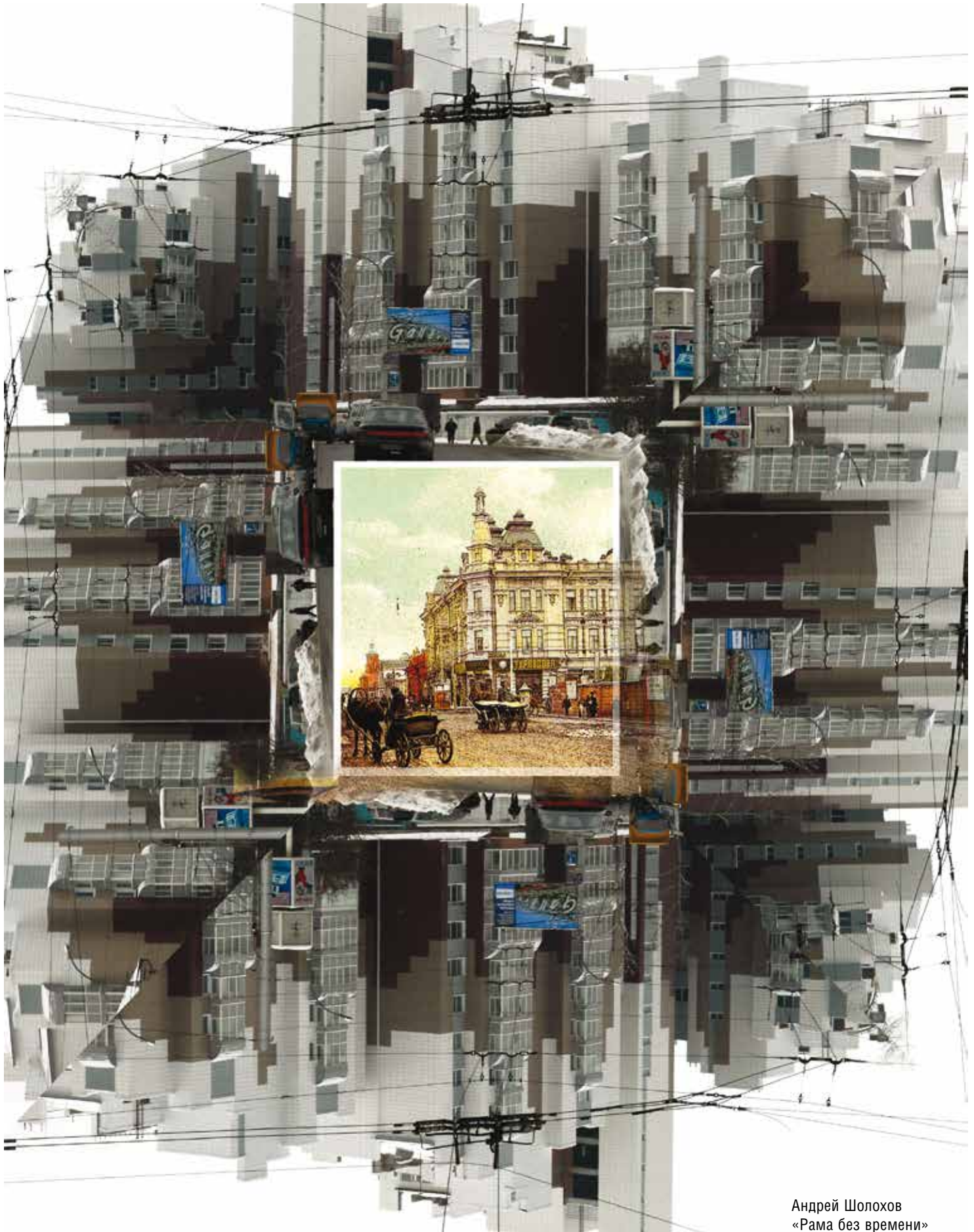

доходом и высоким уровнем притязаний, но в то же время рациональный и практичный. Ему больше 30, у него семья, дети и большое чувство ответственности перед близкими».

Дом похож на своего абстрактного хозяина. Ведь, несмотря на театральность, это рациональный, логично выстроенный объем, сочетающий в себе практичность и стиль.

Елена Черняк

Андрей Шолохов
«Рама без времени»

**ПРОЕКТ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ИЗУМРУД»
В г. ИРКУТСКЕ**

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
ФЕСТИВАЛЯ «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ – 2007»

Раздел ПОСТРОЙКИ
Номинация РЕКОНСТРУКЦИЯ
И РЕСТАВРАЦИЯ
Номинация ИНТЕРЬЕРЫ
Строительство 2007 ООО РПФ «АНИТ»

Заказчик проекта:
ИргУПС

Автор проекта:
Т.Б. Домазетович –
архитектор-дизайнер

Архитекторы:
А.Г. Красильников, М.А. Щукина
О.С. Медведева

Реконструируемый Дворец спорта «Изумруд» располагается в Свердловском административном округе г. Иркутска, ул. Чернышевского, 12.

Существующий комплекс зданий состоит из четырех блоков различной этажности, разделенных деформационными швами:

- одноэтажное здание плавательного бассейна со сборным железобетонным каркасом, размером 18х30 м с высотой до низа несущих конструкций — 10,45 м.;
- одноэтажное здание спортзала размером 12х24 м с высотой до низа несущих конструкций 7,100 м.;
- однопролетное одноэтажное здание вестибюля размером в плане 6х24 м с высотой 3,45 м.;
- пристроенный заглубленный тир (бомбоубежище).

В рамках реконструкции запроектировано проведение работ:

- по очистке арматуры колонн от ржавчины и защите антикоррозионным покрытием «Мастерсил 300»;
- восстановлению защитного слоя бетона с использованием быстротвердеющей бетонной смеси EMACO SFR, сварных швов крепления железобетонных плит покрытия к балкам, узлов опоры ж/б консолей перекрытия;

– усилению узлов опоры железобетонных балок на колонны, поврежденных плит покрытия;

– выполнению металлических связей по балкам покрытия, металлических обвязочных балок для крепления парапета, монолитных железобетонных фундаментных балок под наружными стенами;

– установке по углам металлических стоек факхверка и закреплению существующих железобетонных стоек факхверка к балкам покрытия;

– выполнению продольных наружных и торцевых кирпичных стен с подвижными узлами крепления к колоннам, вертикальным армированием железобетонными сердечниками и с антисейсмическим поясом поверху.

Запроектировано покрытие слоем цинка толщиной 120 мкм ванном способом небетонируемых закладных деталей и соединительных элементов крепления стен. Окраска 3 слоями эмали ЭП-773 (ГОСТ 23143-83) по слою шпатлевки ЭП-0010 (ГОСТ 10277-90) общей толщиной 110 мкм или другими эмалями III группы по ГОСТ 2,03.11-85 остальных закладных деталей и металлических изделий. Окраска горячим битумом в 2 слоя боковых поверхностей подземных конструкций, соприкасающихся с грунтом.

В результате восстановлены конструкции здания. Устойчивость каркаса в продольном и поперечном направлении обеспечивается жесткими узлами крепления колонн к фундаментам, поверху — жестким диском покрытия, продольными распорками и вертикальными связями по балкам.

Плавательная чаша бассейна выполнена из монолитного железобетона на собственных стойках и фундаментах и отделена деформационными швами от основного каркаса здания. Днище чаши выполнено в виде монолитной ребристой плиты.

Оконное заполнение в здании плавательного бассейна состоит из 100-миллиметровых стеклоблоков. Оконное заполнение спортзала — металлический витраж, вестибюля — ленточное, металлический витраж.

Фундаменты столбчатые на естественном основании, которым являются макропористые суглинки. Каркас сборный железобетонный — колонны железобетонные.

Наружные стены навесные двухслойные: 120 мм — кирпич, 250 мм — пенобетон. Торцевые стены кирпичные, самонесущие, закреплены к каркасу здания через стойки факхверка.

ПРОЕКТ ГРУППЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ ПО УЛ. РЖАНОВА В МИКРОРАЙОНЕ СОЛНЕЧНЫЙ г. ИРКУТСКА

В 2004 году на основании задания на проектирование МУП «Управление капитального строительства г. Иркутска» Институт «Иркутскжелдорпроект» приступил к проектно-исследовательским работам в рамках проектирования группы жилых домов по ул. Ржанова в микрорайоне Солнечный г. Иркутска.

Группа жилых домов состоит из трех блок-секций — 9, 10 и 5 этажей — со встроенным детским клубом, офисными помещениями и подземной автостоянкой.

Жилые блок-секции — это здания комплексной конструкции из монолитного железобетонного каркаса и стенами из керамического кирпича, перекрытия из сборных железобетонных панелей. Окна пластиковые с двухкамерными стеклопакетами. Витражи балконов алюминиевые с одинарным остеклением. В

целях пожарной безопасности предусмотрена установка автономных опτικο-электронных дымовых пожарных извещателей ИП 212-43 «ДИП-43» на каждые 30 м².

В наружной отделке используются два вида фасадных систем:

- первые два этажа — слоистая кладка с наружной верстой из керамического лицевого кирпича,
- выше — вентилируемый фасад с использованием в качестве наружной отделки плит «Минерит».

Детский клуб площадью 250 м² расположен на первом этаже 9-этажной блок-секции. Подземная стоянка на 50 автомобилей запроектирована в монолитных конструкциях и располагается под спортивными и хозяйственными площадками.

Раздел **ПРОЕКТЫ**
Номинация **ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ**
Строительство
ОАО «ВОСТСИБСТРОЙ»

Заказчик проекта:
МУП «Управление капитального строительства г. Иркутска»

Архитекторы:
И.Е. Сивушкова
Е.А. Ашихмина
Ю.В. Краковцева

Проектом предусмотрен полный комплекс работ по благоустройству прилегающей территории, который включает посадку деревьев и кустарников, устройство газонов, тротуаров, проездов, парковочных и спортивных площадок, площадок для игр, отдыха и хозяйственных нужд.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЕКТ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В г. БРАТСКЕ

На архитектурном конкурсе, проведенном администрацией г. Братска, данному проекту присуждено первое место.

Основная задача, которую ставил перед собой авторский коллектив, — использование в строительстве материалов местного производства: кирпич, пеноблоки (стеновой материал); бетон (перекрытия и фундаменты).

Разработанная блок-секция имеет унифицированные размеры. Площадь застройки одной блок-секции составляет 411 м². В 3-этажном блоке 12 квартир.

Каждая квартира имеет застекленную лоджию. Для квартир 1-го этажа возможно устройство двориков 30-36 м² или размещение помещений для коммерческого использования.

При незначительном изменении осевых размеров можно получить торцевую блок-секцию с увеличенной площадью застройки 437,78 м². Причем конфигурация и конструктивная схема дома остается без изменений.

Использование рядовой и торцевой блок-секций в различных вариантах блокировки дает неограниченные возможности для градостроительного решения при застройке — как при реконструкции, так и на новых площадках.

Авторы проекта на основе жилого района Падун проверили возможность применения запроектированных домов. На существующую сетку улиц наложили новую планировочную структуру, сориентировали жилые улицы на воду, разместили различные типы жилой застройки:

- рядовые и торцевые блок-секции,
- блокированные жилые дома,
- дома усадебного типа с использованием конструктива и планировочной структуры тех же блок-секций.

Кроме этого пробили бульвары, организовали скверы, разместили детские сады и школы, а также объекты социальности. Одним словом, отработали полностью самодостаточный жилой район с развитой инфраструктурой.

Проверив таким образом возможность применения разработанных жилых блок-секций в городском районе, выделили фрагмент застройки и на него разработали объемно-планировочное решение.

Фрагмент представляет собой группу жилых домов, состоящую из рядовых и торцевых блок-секций с различными вариантами планировок. Торцевые блок-секции, составляющие узловые моменты в городской среде, выполнены переменной этажности — 3-4 этажа. Воз-

можность такой трансформации проверена планами. Без изменения несущих конструкций надстраивается частично 4-й этаж. Количество квартир увеличивается до 14. Рядовую блок-секцию тоже можно увеличить по этажности (количество квартир — 14) путем частичной достройки четвертого этажа.

Все эти возможности трансформации собраны во «фрагменте», чтобы показать богатую пластичность объемно-планировочного и силуэтного решения.

Фасады выполнены из облицовочного кирпича 2-х цветов. Витражи — алюминиевые, окна и балконные двери — пластик, кровля — металлочерепица (профлист), вертикальные элементы кровли — алюкобонд.

Раздел **ПРОЕКТЫ**
Номинация **ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ**

Заказчик проекта:
Администрация г. Братска

Архитекторы:
А.Г. Красильников
М.С. Григорьев
С.Н. Беляков
А.Г. Нечаев

В 2003 году руководство предприятия «Фортуна» приняло решение о создании на базе предприятия «Архитектурно-проектного Центра», задачей которого было изменение внешнего образа торговых центров предприятия, упорядочение их планировочной структуры и создание качественно новых объектов для обслуживания потребительского рынка г. Иркутска и Иркутской области.

С первых дней работы коллективом АПЦ была разработана транспортная схема центральной территории предприятия «Фортуна» в границах улиц Карла Маркса, Франк Каменецкого, Рабочая. В составе этой схемы предусмотрена общественно-пешеходная зона, которая является одной из планировочных осей объемно-пространственной композиции всего комплекса. Она связывает уже существующие торговые центры «Фортуна», «Электрон» и «Автоград», расширение и реконструкция которых представлены на выставке «Зодчество-2007». На пересечение пешеходной улицы и ул. Карла Маркса, второй планировочной осью градостроительного комплекса, сейчас проектируется крупнейший в Восточной Сибири торгово-развлекательный центр «Фортуна Сити Молл» (85000 м²). Он завершает градостроительный комплекс и является его доминантой, фиксируя основные направления развития территории города.

Благоустроенные общественно-пешеходная зона и набережная реки Ушаковки, крупные торговые объекты, связанные между собой в единые ансамбли, удобные наземные и подземные и многоуровневые парковки вокруг них – все это комплексные градостроительные решения на территории «Фортуны». Они гармонично вписываются в планировочную структуру города, удовлетворяют самым высоким современным требованиям городского развития, соответствуют лучшим европейским образцам.

г. Иркутск
ул. Окт. Революции, 1
Тел.: (3952) 566-927
E-mail: apc.irk@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕШЕХОДНАЯ ЗОНА ТОРГОВОГО ЦЕНТРА «ФОРТУНА»

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

ФЕСТИВАЛЯ «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ – 2007»

Раздел **ПОСТРОЙКИ**
Номинация **ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**
Проектирование **2005**
Строительство **2005-2007**

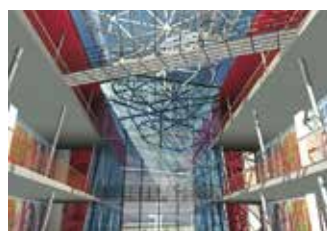
Архитекторы:
В.Б. Стегайло
О.Б. Бадула
К.В. Зимица
М.Ю. Миронов

Компьютерное сопровождение:
Ю.Л. Петрук

Фотофиксация:
А.В. Михайлик

**ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
«ФОРТУНА СИТИ МОЛЛ»,
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗДАНИЙ «ЭЛЕКТРОН» и «АВТОГРАД»**

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
ФЕСТИВАЛЯ «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ - 2007»

Раздел **ПРОЕКТЫ**
Номинация **ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО**

Архитекторы:
В.Б. Стегайло
О.Б. Бадула
Ю.П. Петрук
Н.А. Манакова

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
ФЕСТИВАЛЯ «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ - 2007»

Раздел **ПРОЕКТЫ**
Номинация **ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО**
Проектирование **2006**
Строительство **2007**

Заказчик:
Предприятие «Фортуна»

Архитекторы:
В.Б. Стегайло
О.Б. Бадула
М.Ю. Миронов
А.В. Михайлик

Summary

Page
Drive in at the bakery's – reconstruction of a cafe with drive in, Unterpleichfeld near Würzburg
The trend of more mobility in all situations of life even involves our bakeries. Götz Brot KG Ltd. build one more drive in at one of Würzburg's suburb. In future everyone buys his rolls inside his car like at fastfood restaurants.

The building opens to the incoming visitor with a generous post-bolt-glass-facade. Back part is mouldered by closed pieces of view-concrete and brick elements.

The divisions of cafe, sale and drive in are ordered side by side in separate areas without objecting mutually.

Dipl. Ing. Klaus Laudenbacher

Page
Reconstruction of primary and junior high school with gymnasium. Georg-Ledebour-Schule, Nürnberg-Langwasser
The old Georg-Ledebour-School had to be torn off because of too high chemical PCB disease. An architectural competition started. The basic form of new school moulds a big X. The two-level high glass constructed auditorium is the centre and meeting-point of the four fingers. Open stairways in the auditorium help not to lose bearings in the building.

Two schoolyards, bordered und defined by two fingers of the x-form, warrant opening outside. Over 7.600 square metres effective area is available for 700 students. The gymnasium that can be split in two rooms was placed into earth half to intend reducing the volume of construction. One side of the gymnasium opens to a lower yard with a generously designed ramp. This cre-

ated area outside can be used as an open air theatre or a forum for all the students. Planning and constructions only lasted barely two years. Builder is the city of Nürnberg.

Dipl. Ing. Ralph Müller, Darmstadt

Dipl. Ing. Klaus Laudenbacher

Page
Chronicle of the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia – 2007"

On the 6th of June the VII International Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" started in Irkutsk. Within 7 years it has been unifying the architectural life of a huge territory from Altai to the Chita region. This year, except those from traditional regions and towns, architects from Omsk, Barnaul and Moscow took an active part in the Festival competitions. Two master-classes by Marc a Campo, a Dutch architect, and his participation in all the Festival events imparted international status to "Zodchestvo of Eastern Siberia-2007".

The exhibition of competition works was traditionally hosted by the Irkutsk Museum of Fine Arts. At the opening ceremony the representatives of regional administration – Vadim Shakherov, the Head of the Protection Service of Cultural Heritage, and Alexey Buinov, the Chief Architect of the Irkutsk region, welcomed the participants and guests of the Festival.

This year the official guests of the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia-2007" were Dmitry Fesenko, editor-in-chief of Moscow magazine "Architecturny Vestnik", and Andrey Ivanov, his deputy; well-known town-planners from Moscow: Leonid Kogan, Doctor of Architecture (TsNIIEP-grado), and Emma Vainberg, Candidate of Geographical Science, principal specialist (GIPROgor), Olga Vendina, candidate of geographical science, leading research officer of the Geography Institute of Russian Academy of Science, and both as a guest and a host – Alexander Kolesnikov, candidate of architecture, a newly-made director of TsNIIEP-grado.

FIELD SUPERVISION Excursion round newly-erected buildings in Irkutsk organized by Vladimir Stegailo, honored architect of Russia and chief architect of OAO Archcenter, and Vladimir Rasputin, chief architect of OAO Irkutskgrazhdanproject, was of great interest to architects and journalists. Architects Andrey Krasilnikov (reconstruction) and Tatyana Domazetovich (interior), the authors of recently finished sports complex Isumrud, guided the guests around the building. Igor Kozak commented on the so-called "Swedish village" on Ulan-Batorskaya street near Universitetsky microdistrict.

PRESS CLUB Siberian architects concentrated their attention on recently finished exhibition ArchMoskva. On June 6 "Architecturny Vestnik" in the person of Dmitry Fesenko, editor-in-chief, commented on the newly made movie.

DEBATING CLUB Representatives of youth clubs of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of Russia and the Union of Moscow Architects assembled at the round table. The youth of Irkutsk picks up speed: installation in the patio of the Museum of Fine Arts, where the exposition called "Youth and Student Creative Work" stood downpour and gale. The student composition in the courtyard of the Architects' House devoted to AGGLOMERATION (Irkutsk – energy, Angarsk – fire and Shelekhov – metal) was damaged a little, but soon the authors pulled it up. The young people decided to participate in Byelorussian competition "Leonardo".

DEBATING CLUB – 2 Children's architectural and art studios gathered to discuss the problems of preuniversity training, principal courses of studios' work and scope of contracts. They decided to devote the next competition to bioarchitecture.

SPORTS CLUB On the 7th of June darts and bowling competitions were conducted for the second time in the frameworks of the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia". The winner in bowling was Anastasia Khairutdinova (a 5-year student of architectural faculty of the Irkutsk State Technical University), the first place in darts was taken by Artemy Mikhailik (Archcenter), the second – by Oleg Badula (Archcenter), the third – Sergey Ananyev (Vostsibstroy). They got valuable prizes.

PRESS CLUB – 2 The round table discussion in the Architects' House gathered editors-in-chief and members of editorial boards

of “Project Baikal” and “Architecturny Vestnik” for an off-schedule meeting. They discussed the history and technology of editing special-purpose magazines.

SOS The architectural society of Irkutsk continued the run of actions in defense for “the house on feet” and started collecting signatures against its illegal demolition. The exposition containing the information on the unfinished project was placed on the main surface of the exhibition hall. Our foreign guest wrote an appeal concerning the house. It is published in the present issue of Project Baikal. After the Festival the action will be continued in the Architects’ House after the Festival.

WORKSHOP In the evening, June 7 Marc a Campo from Amsterdam gave a lecture. The Irkutsk Architects’ House is registered in the list of federal monuments under the name of “Dutch House”. Dutchmen visit it quite regularly. In 1997 John Kurt, a political counselor of Holland Embassy in Russia, was the first to visit the House. Then followed the ambassador with an assistant; Bart Goldhoorn, the editor-in-chief of the magazine Project Russia, was the forth. The lecture by the Dutchman “№5” on the works of his architectural bureau satisfied all expectations.

TOWN PLANNING COUNCIL On the 8th of June the Festival round table gathered Irkutsk and Moscow architects, representatives of the Regional Development Fund, regional administration officials and sociologists discussed the subject called “Agglomeration – Downtown”. The article on this event stating journalist’s position is published in this issue of “Project Baikal”. The full material on the round table discussion is also published here.

FINAL RESULTS On the 9th of June the review of the competition was finished and the winners in each section got their prizes. The general sponsor, partners and supporters of the Festival “Zodchestvo of Eastern Siberia-2007” received a gratifying award.

WORKSHOP – 2 Adherence to functionalism evoked a keen response among the audience of the second master-class given by Marc a Campo. As it turned out, cooperation between Dutch and Russian architects and urbanists has an old tradition.

TOWN PLANNING COUNCIL – 2 The town planning council “Problems of Architectural Development of the Pribaikalye Tourist Area” took place on Saturday morning in the conference hall of the Mayak Hotel in Listvyanka settlement. At the opening the Program “Architecture and Tourism” of the II region of the International Union of Architects was presented by its co-director Andrey Ivanov (Moscow).

A representative of the Listvyanka settlement administration showed the project Baikal-City, which heated up the discussion. Doesn’t the name itself contain contradiction? “City” is and antipode of “recreational territory”. Should the new urbanized formation be placed on the overcrowded territory of Krestovaya fold or should it be transferred to Nikola, the Bolshaya River, closer to Irkutsk on the trajectory of Baikalsky Beam? Specialists have no doubts that the multiple growth (from 1.5 to 40-100 thousand people) of population causes irreversible damage to the landscape and Lake Baikal.

PLEIN AIR The Festival week ended with the boat trip to Bolshie Koty village. Sunshine, cold purity of the Lake, omul, grayling and damsons, ecological path, small museum, bath house and natural beach made a good background for kindly communication between people whose interests are close and who had come from distant places of the continent. Courageous leaders of Architecturny Vastnik, Dmitry Fesenko and Andrey Ivanov made three swimming races after taking some “dope” – such is a tradition. Marina Tkacheva (Project Baikal) represented local people in these races.

The bus got stuck between Listvyanka and Irkutsk and aroused demonstration of a real Siberian spirit of the passengers. They sang starting from severe revolutionary songs and Pakhmutova-Dobronravov’s heroic and fraternal lyrics and ending with native folk song “Pchelochka Zlataya”. This repertoire will remain in the memory of the “prisoners of the 37th km” for a long time.

The Festival “Zodchestvo of Eastern Siveria – 2007” finished on the night of June 10. Viva summer! We shall meet in the Shaman City.

Page

With and Without a Core

Power ambitions and search for national self-consciousness and national dignity lead to revival of a leader and to growing attractiveness of ideas of “static centering” of city structures. Problems appear when bent for leaderism has an unconscious and implicit nature. Then city structure centering turns into chaotic gathering of all functions to a limited space of the city center. One can hardly find such a modern Russian town without negative aspects of overloading its downtown with many functions mutually exclusive. Architects express their anxiety and indignation, but they cannot do anything. Development control of the city and its structure has practically fully passed into the hands of administrations. Alternative to the center dying of multiple thrombosis is multicentricity. Polycentric principle separates functions, while making several equivalent and interactive city centers. Historical center is wooden, it preserves porous structure of courtyards and lanes full of greenery. Administrative center has a spacious square, grand administrative buildings and official monuments. Trading center is dynamic, pierced with roads, loud and many-colored. This separation already exists, one can notice it, it occurs by itself, like butter separates from water. If only our city-scale leaders did not counteract but helped these processes, maybe Irkutsk would rank on a par with the cities “devoid of architectural core” – New York, London, Paris...

Konstantin Lidin

Page

City Center or Agglomeration Center?

De facto one might say that Irkutsk agglomeration is already formed, but... it is poorly geographically structured and practically has no infrastructure of joint use. Regardless of active migration flows, each city of agglomeration is still guided by its own center and preserves its own identity expressed by its opposition to Irkutsk. It makes functional binding of “friable” agglomeration space very important. To realize agglomeration purposes it is necessary to get its own center that allows transferring conglomeration of close settlements into fundamentally new status.

There are two possible variants of creating a new agglomeration center: either in Irkutsk downtown, considering that it is not difficult to demolish the wooden town and it is easy to find arguments for pulling down the dilapidated houses; or outside Irkutsk historical downtown or even outside the city borders. Let's conventionally call these two variants the "Moscow" and "Istanbul" ones, not only because they are realized in those agglomerations, but rather because of their fundamental difference in models of their forming and functioning. It allows better understanding of each variant's advantages and disadvantages.

Moscow scenario. City center assumes functions of agglomeration center. It is a classic monocentric model, advantages and disadvantages of which are well known.

Benefits are in concentration of investments, priority of new building, which "clears away" urban heaps of dilapidated houses and broken service lines, and in quick transformation of city environment. Downtown becomes "beautiful". Lands are capitalized fast. Private and mainly financial interests start playing first fiddle when solving the problems of downtown reconstruction. The principal argument of power for expansion of private interests is the opportunity to reduce budget expenditures for territory improvements and maintenance and to get additional funding sources for solving social problems.

Losses have economical, social and political components. The potential of economic boom in the downtown soon becomes exhausted, because growing concentration of functions entails growth of the number of working places, focusing of traffic and people streams and causes transport collapse. Accordingly, saving of budget costs when reconstructing historical downtown with the help of private investors leads to high expenditures for reconstruction of road and street network and changes in city morphology. As a result comes a problem of forming a duplicate business activity center.

Social losses are related to acceleration in the rates of social cleavage. Lower social stratas are forced out of the center, the population decreases, there is a danger of so-called "depopulation" of downtown, mutual dislike and jealousy between different social layers grow, and the "center-periphery" contrast becomes deeper.

Political losses are related to infringing identity of citizens in smaller towns included in agglomeration. Social stability becomes dependent on how successful suppression of local "political" displeasure is. Informal local identity formulated as opposition to officially asserted one systematically leads to splits in the society and decrease in solidarity. Every time it becomes apparent at local election campaigns, making decision on big projects etc.

Istanbul scenario. Istanbul is known as a city of contrasts. Firstly Istanbul is a wooden city, that Moscow used to be and Irkutsk remains today. It allows us to say that the wooden development in the downtown and the big multimillion strong agglomeration, which is the main trading and economic focus of the country, are compatible. Secondly Istanbul agglomeration is polycentric. It has never had a common city center, the location centrality has been determined not by geographical coordinates but by its function. As a result in Istanbul agglomeration there is a complex system of different centers geared to different activities. Thus, the today's business activity center has grown at the city periphery in Levent, but the trading, expositional and logistic zone is near the airport.

Advantages of this scenario are quite clear: there is no competition of functions, and there is no surplus pressure of real estate market on the development of a city district. Istanbul remains a "cheap" city attractive for investments. Regardless of actual dilapidated houses in many blocks of Istanbul, the city is not stigmatized by poverty and decadence, since there are growing points for every place.

One of the losses of polycentricity is a transport problem again. The developed system of centers demands a developed transport network. In Istanbul, like in many European cities, network development is based on express tramways.

Another serious problem is preservation of historical heritage, whenever a new function will move to a new place. It is important to find an investor to breathe new life into old districts. The wooden Istanbul recovers and changes at the expense of small and middle investors, development of services for tourists and dwelling functions. The rates of this recovery are of course

slower than at monocentric development, but it is this authentic environment that attracts people to Istanbul.

What should Irkutsk choose? The answer depends on the problems to be solved by the Irkutsk agglomeration center. Firstly it is a problem of territory integration and population consolidation. Combining Irkutsk center and agglomeration center works against this goal. Both Shelekhov and Angarsk want to be partners of Irkutsk (no agglomeration is possible without them, Irkutsk cannot absorb them), but not a subordinated periphery of the regional capital. Secondly the agglomeration center should improve the spatial organization of the territory, solve transport problems and promote ramification of transport network. Irkutsk downtown does not have enough capabilities for this. Thirdly large-scale building in Irkutsk downtown deprives it of its most important tourism expansion resources. The point is not only that guests will never see the old Russian city through Decembrists' eyes, that is salt of Irkutsk, but also in narrowing the field of activity of small and middle business as the principal source for forming individual strategies of Irkutsk citizens' personal success.

Olga Vendina

About Nature and Potentialities of Agglomeration Process

Agglomeration nature in the process of urbanization appears at a certain maturity stage of big cities. At this stage the "centrality" in the city body, its historical core, reaches a certain degree of consistence and effect on surrounding settlements. "Center" and "periphery" interact so strongly that get the right to agglomeration.

By the example of agglomeration as phenomenon one can speak about the effect of mechanism of urban processes and naturalness of their demonstration. In this regard agglomeration process is not a simple derivative of placing development objects, urban settlements and transportation links. Agglomeration is a result of inner development of surrounding big urban settlements and their interaction.

It is ridiculous to run ahead of the progress, as Ilf and Petrov said. But to run ahead of the process is dangerous. First it is necessary to investigate the agglomeration process itself in this very place.

It is important to analyze the behavior and the status of agglomeration process components, the correlation of industrial and cultural functions in the interface process of Irkutsk, Angarsk and Shelekhov; to determine to what extent citizens of these towns are ready to cooperate and to make mutual compromises in this connection. In particular it also presupposes tolerance to mutual pressure and overcoming of respective inconvenience.

It is necessary to conduct research. We should remember that it is an objective process. Agglomeration is not a desire of administration, specialists or inhabitants. It is not investors' demand, because investors often do not understand that at the same time they should be citizens. The recent lessons of Parisian district, conflicts in the suburbs of Paris evidence the danger of underestimating loosening of city environment at the periphery of big agglomerations under pressure of unurban ethnoses.

We need civilized attractiveness of cities, first of all strengthening of civilization, attractiveness of Irkutsk. For agglomeration is a monocentric formation.

Leonid Kogan, Doctor of Architecture